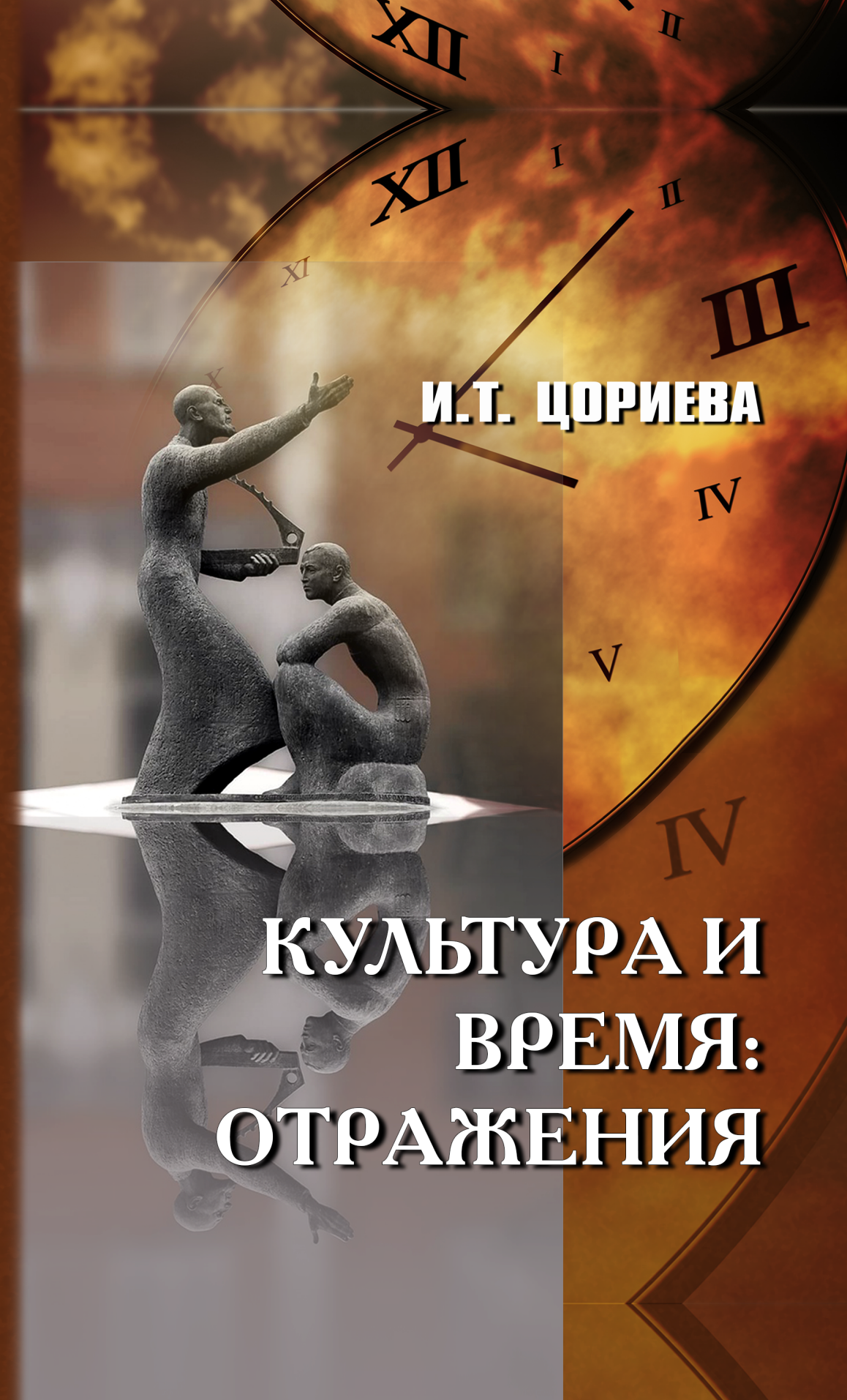

Цориева Инга Тотразовна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук. Автор более 180 публикаций, в том числе монографий «Культура и власть в Северной Осетии (середина 40-х – середина 60-х гг. XX в.)» (2008), «Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII–XIX вв.» (2010), «Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.)» (2012), «Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг.» (2014).

И.Т. ЦОРИЕВА

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ: ОТРАЖЕНИЯ

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА – ФИЛИАЛ ФГБУН ФЕДЕРАЛЬНОГО
НАУЧНОГО ЦЕНТРА «ВЛАДИКАВКАЗСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

И.Т. ЦОРИЕВА

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ: ОТРАЖЕНИЯ

**Из истории науки, образования, литературы
и искусства в Северной Осетии
(1920–1980-е годы)**

Владикавказ 2024

ББК 63.3(2Рос.Сев)-7

Ц 81

Утверждено к печати Ученым советом СОИГСИ ВНЦ РАН

Ц 81 Цориева И.Т. Культура и время: отражения. Из истории науки, образования, литературы и искусства в Северной Осетии (1920-1980-е годы): монография / И.Т. Цориева; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН». – Владикавказ : СОИГСИ ВНЦ РАН, 2024. – 488 с.

ISBN 978-5-91480-336-7

Рецензенты: докт. ист. наук **З.В. Канукова**
(СОИГСИ ВНЦ РАН)

докт. ист. наук **Е.И. Кобахидзе**
(СОИГСИ ВНЦ РАН)

В монографии рассматриваются тенденции культурного развития Северной Осетии в условиях общественно-политических трансформаций 1920-1980-х гг. Анализируются региональные особенности советской государственной политики в сфере образования, науки, художественной культуры, формы и методы использования интеллектуального и творческого потенциала многонационального населения республики в ходе решения задач революционного переустройства страны. В контексте отмеченных направлений предлагается авторская исследовательская трактовка исторического опыта взаимоотношений власти и интеллигенции за годы советского национально-культурного строительства. В отдельных очерках представлены страницы жизни и творчества видных деятелей культуры, внесших значительный вклад в развитие Северной Осетии в XX в. Работа выполнена с привлечением большого массива документальных источников, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Книга рассчитана на историков, этнологов, культурологов, политологов и широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой Осетии.

ББК 63.3(2Рос.Сев)-7

*В оформлении обложки использована скульптура Н. Ходова
«Памятник писателю А. Кубалову».*

ISBN 978-5-91480-336-7

© Цориева И. Т., 2024

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Раздел 1. ШКОЛА И НАУКА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-1980-х гг.	13
1. Становление и развитие осетинской национальной школы: проблемы, этапы и перспективы	14
2. Политехническая реформа общеобразовательной школы в Северной Осетии: от замысла до паллиативной реализации	40
3. Система профессионально-технического образования в Северной Осетии в контексте государственной образовательной политики 1940–1980-х гг.	58
4. Становление региональной науки и научных учреждений в 1920-е – начале 1930-х гг.	78
5. Подготовка специалистов высшей квалификации из представителей коренных национальностей Северного Кавказа во второй половине 1940-х–1950-е гг.	122
6. Восстановление и развитие кадрового потенциала науки в Северной Осетии во второй половине 1940-х –1950-е гг.	134
7. Идеология и гуманитарные науки в Северной Осетии в середине 1940–1950-х гг.	146
8. Развитие естественно-технических отраслей вузовской науки в Северной Осетии в середине 1950-х –1960-е гг.	156
Раздел 2. КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ	170
1. Осетинское литературное сообщество в «послевоенное ненастье»: 1945 – середина 1950-х гг.	170
2. Культурная политика и литературно-художественная жизнь в Северной Осетии в период «оттепели»	183
3. Литература и искусство в Северной Осетии во второй половине 1960-х – 1970-е гг.: между идеологическим контролем и культурным патернализмом	196

4. Историко-политические аспекты развития литературного процесса в середине 1960–1980-х гг.....	209
5. Историко-политический ретроспективизм в изобразительном искусстве второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг.	230
6. Отражение Российской революции и Гражданской войны в осетинском профессиональном искусстве 1920–1980-х гг.....	240
7. Отражая время в объективе кинокамеры: северокавказский кинематограф в 1940–1980-е гг.....	268
Раздел 3. НАУКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ОСЕТИИ В ЛИЦАХ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	312
1. Между логикой времени и внутренним нравственным законом. Георгий Александрович Кокиев	312
2. Идти вперед, открывая миры прошлого. Василий Иванович Абаев	326
3. Верный слуга на ниве науки и просвещения. Борис Васильевич Скитский	347
4. Деятельная сдержанность подвижника. Михаил Сосланбекович Тотоев.....	365
5. «Одной жизни не хватило...» Езетхан Алимарзаевна Уруймагова	382
6. «Мой долг ... еще далеко не оплачен». Аза Асламураева Хадарцева	402
7. «Преданный рыцарь искусства...» Махарбек Сафарович Туганов	416
8. Непреклонность вдохновения. Азанбек Васильевич Джанаев	434
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	457
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	458
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	473
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	487

Предисловие

Культура и время – неразрывные элементы в жизни человеческого сообщества, отдельных народов со всеми специфическими сторонами бытия. Их взаимосвязь создает ту канву истории, которая характеризует, в частности, национальное наследие, обозначает сложные процессы становления, развития, расцвета и упадка того или иного социума. Для исторической науки, использующей в настоящее время богатый арсенал наработанных методов исследований, важнейшим принципом, как и прежде, остается объективность в воссоздании событий прошлого. В определенном смысле этот подход можно обозначить как стремление к **отражению** картин прошлого в создаваемом авторском зеркале с его индивидуальными достоинствами и, возможно, спорными особенностями.

При этом в длинной череде исторических событий, характеризующих рассматриваемое нами время революционных трансформаций, вполне правомерным представляется стремление акцентировать внимание на наиболее ярких этапах и фактах многопланового советского национально-культурного строительства в регионах Северного Кавказа. Предлагаемая вниманию читателя книга, анализирующая различные аспекты взаимовлияния культуры и времени в советский период истории в национальном регионе, опирается именно на этот принцип. При этом, строя свою работу в основном на материалах Северной Осетии, мы руководствовались выбором проблем в моменты истории, которые, на наш взгляд, наиболее важны сегодня для понимания сущности происходивших на протяжении XX в. культурных процессов. Они, как нам представляется, дают ключ к пониманию характера политико-идеологических факторов времени, во многом опреде-

лявших содержание советской культурной политики, позволяют проследить эволюцию форм и методов государственного управления культурными процессами, оценить степень и последствия их воздействия на духовную, культурную жизнь многонационального региона.

Объектом пристального внимания со стороны государства в советский период истории выступали школа и наука как определяющие факторы общественного развития. Рассмотрению вопросов строительства и функционирования научно-образовательной сферы в Северной Осетии в условиях общественно-политических трансформаций 1920-1980-х гг. посвящен первый раздел книги. Особый интерес вызывает история советской общеобразовательной школы, создававшейся как принципиально новый тип учебного заведения, нацеленный на решение двуединой задачи обучения и воспитания. Важнейшей социально-политической целью сформулированных задач являлось придание отдельного статуса национальной школе. На начальном этапе советского государственного строительства с определением роли стратегии коренизации в кадровой политике она стала инструментом мобилизации интеллектуального и творческого потенциала национальных регионов страны. Дальнейшая эволюция национальной школы отражает изменение политико-идеологического запроса советской власти. Проведенная в 1950-1960-е гг. языковая реформа свидетельствовала об отказе от идеи национализации школьного образования. В результате в середине 1960-х гг. данная реформа завершила в Северной Осетии перевод национальной школы на русский язык обучения. Неоднозначность последствий языковой реформы с точки зрения национально-культурного строительства и формирования национальной идентичности сегодня является предметом пристального внимания и острых обсуждений в осетинском обществе.

Наряду с национальной проблематикой советская система образования с начала своего становления была четко ориентирована на реализацию идеи политехнизации школы на основе декретов ВЦИК «Положение о единой трудовой школе» (30 сентября 1918 г.) и «Основные принципы единой трудовой школы» (16 октября

1918 г.). В 1920-е – начала 1930-х гг. пройден этап активного экспериментирования в школе с целью сочетания обучения, трудовой деятельности и общественной работы. Следует подчеркнуть, что, несмотря на возврат во второй половине 1930-х гг. к классической модели преподавания в школе, до середины 1950-х гг. результаты экспериментов вырабатывали материал для новой стратегии в сфере образования. Во второй половине 1950-х – 1960-е гг. политехнизация школы в сложном, но аргументированном сочетании с базовыми задачами воспитания советского гражданина стала инструментом распространения знаний и навыков, востребованных в условиях научно-технической революции. Данный процесс в общеобразовательных школах Северной Осетии сопровождался введением в учебные программы преподавания машиноведения, электротехники и т.д. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют, что, несмотря на выявленные к началу 1970-х гг. недостатки модели политехнического образования, практический опыт ее использования позволил приступить к созданию качественно новой системы подготовки квалифицированных рабочих через сеть профессионально-технических учебных заведений. К середине 1980-х гг. в республике сложилась достаточно сбалансированная система профессионально-технического образования по подготовке квалифицированных кадров рабочих для различных отраслей народного хозяйства страны.

Другим важным фактором общественного развития, как отмечено выше, являлась наука, которая в советский период истории приобрела качественно новые социально-политические характеристики в стране, своеобразно преломлявшиеся на национальной периферии. В Северной Осетии ее основой, при практическом отсутствии научной инфраструктуры в до-революционный период, стали краеведческие организации и общественные, просветительские инициативы энтузиастов в науке. В 1920-1930-е гг. органы власти и управления в сфере науки решали кадровые вопросы образования государственных научно-исследовательских институтов, получивших стабильное бюджетное финансирование, юридический статус и возможно-

сти перспективного планирования научной работы. Накопленный материал дает представление о качественных изменениях в организации научных исследований по отраслям научного знания, классификации научных исследований по значительно более четким тематическим признакам. Благодаря этому к 1940-1950-м гг. в республике, как и на Северном Кавказе в целом, была сформирована научно-техническая и кадровая база подготовки квалифицированных специалистов из представителей коренных национальностей. Социально-политическим итогом этой политики стало создание в регионе интеллектуального, профессионального слоя общества.

При исследовании вопроса восстановления и развития кадрового потенциала науки в Северной Осетии во второй половине 1940-х–1950-е гг. особенно значимы вышеуказанные итоги государственной политики в сфере науки предшествующих лет. Созданные в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны научные ресурсы стали стартовой позицией для преодоления тех вызовов «холодной войны» и научно-технической революции, к которым было причастно научное сообщество Северной Осетии. Вместе с тем, анализ итогов рассматриваемого периода и нереализованного потенциала ученых республики из-за репрессий, идеологических ограничений, изъятий в финансировании научных приоритетов дает практический материал для выводов в современных условиях. Они неизбежно обращают исследовательское внимание на так называемую гуманитарную среду и политические обстоятельства, при которых складывалась жизнь научного сообщества.

Идеология и гуманитарные науки в Северной Осетии во второй половине 1940-х–1950-е гг. развивались в условиях «холодной войны» СССР с капиталистическим миром. Безусловно, данное обстоятельство наложило свой глубокий отпечаток практически на все научные планы исследований и текущую работу деятелей науки. Документальные источники несут информацию об ужесточении идеологического контроля над учеными и кадрового учета, введенного в октябре 1948 г. Обязательная цензура

Главлита, надзор над зарубежными связями и другие ограничения в научно-исследовательской деятельности сопровождались абсолютизацией роли государства в качестве заказчика научной продукции. Тем не менее, следует отметить, что анализируемый период объективно способствовал консолидации научного потенциала в регионе, развитию сложившихся школ и направлений в различных областях гуманитарного знания.

Очевидно, что, развитие естественно-технических отраслей науки в Северной Осетии в 1950-1960-е гг. также оказалось под влиянием негативных знаков времени. Однако их особая востребованность в условиях противоборства двух политических систем на мировой арене на фоне очевидных факторов научно-технической революции, вторгавшихся и в жизнь советского общества, имела определенные смягчающие обстоятельства. Приоритеты в бюджетной поддержке, помощь в подготовке кадров, разработка государством перспективных планов естественно-технических отраслей науки способствовали развитию в Северной Осетии горнодобывающей промышленности, цветной металлургии, новых технологий в аграрном секторе, в медицине и др. В перспективном плане они заложили прочную основу для дальнейшего индустриального развития республики.

Раздел, посвященный культурной политике советской власти и художественному творчеству Северной Осетии, включает разноплановые, но тематически объединенные сюжеты о различных сферах профессиональной деятельности в области литературы и искусства в республике. Их соединение позволяет проследить динамику государственной культурной политики в условиях трансформаций отношения власти к функциям деятелей культуры на разных этапах развития страны.

Осетинское литературное сообщество в послевоенное десятилетие при этих обстоятельствах в целом выполняло роль исполнителя социального заказа власти, требовавшей формирования новой политической архитектуры отношений и связей на фоне противостояния созданной международной системы социализма и Запада в «холодной войне».

В обстановке «оттепели» литературно-художественная жизнь в Северной Осетии переживала те же волны демократизации общественной жизни, смягчение цензуры, творческие поиски новых путей осмысления действительности, что и советская культура в целом. Вопреки устоявшимся стереотипам провинциального консерватизма годы «оттепели» в республике стали временем выражения молодыми новаторами своего видения других горизонтов национальной культуры, обогащавшего различные жанры и стили художественного творчества. Произошедшие изменения в видении новых перспектив наиболее отчетливо проявились в литературе и искусстве Северной Осетии во второй половине 1960-х – 1970-е гг. Имеющийся документальный материал подводит к заключению о том, что при незыблемости принципов социалистического реализма здесь в рассматриваемые годы в отношениях власти и творческой интеллигенции формировалось диалоговое сотрудничество, основы которого были заложены в период «оттепели». Наблюдалась тенденция возрастания роли местной партийно-советской элиты в проведении культурной политики. Итоги такого организационного смещения компетенций позволяют, на наш взгляд, определить отмеченный процесс как политику культурного патернализма. Она придала новые краски развитию национальной культуры, ускорила модернизацию ее материально-технической базы.

Сложные трансформации, происходившие в вышеуказанные десятилетия в культурном ландшафте республики привели к необходимости анализа историко-политических аспектов, в частности, в литературном процессе и в изобразительном искусстве с середины 1960-х гг. до вхождения страны в период реформ под лозунгами «перестройки». Массив привлеченных по этому периоду документальных источников, непосредственной иллюстративной частью которых являются сами произведения искусства, объективно указывает на то, что приоритетными темами тех лет стали – революция, война и современность. Такой «отбор» был результатом укрепления идеологических «бастионов» консервативных сил, ставивших во главу угла «воспитание прошлым» при сохранении диктата в отношении творческой интеллигенции. В сложившейся

обстановке прогрессивно мыслящая часть интеллигенции республики стремилась избежать схематизма и однообразия творческих приемов при осмыслении и отображении отмеченных тем, продолжала поиски новых форм и жанров, языковых и стилистических новаций. Благодаря этому «рекомендованный» ретроспективный подход сохранил преемственность в национальной литературе и искусстве, сформировал новые кадры творческих работников.

Созданный потенциал находит наглядное подтверждение в отдельном параграфе раздела, посвященном осмыслению революции и Гражданской войны в осетинском профессиональном искусстве 1920-1980-х гг. В целом же обобщенный анализ сформулированных в годы советской власти и осмыслявшихся в осетинском профессиональном искусстве приоритетных тем дает возможность отметить, что созданная системная управленческая практика в области художественного творчества на региональном уровне с жесткой идеологической доминантой обеспечила проведение конституционно-закрепленной стратегии национально-культурного строительства. Существовавшие в числе прочего тематические ограничения создали специфический образ осетинского советского профессионального искусства. Однако оно получило право на существование и на наполнение новым содержанием.

Элементом нового содержания, по мнению большинства представителей национальной интеллигенции, с начала 1960-х гг. стал региональный кинематограф. Созданный на базе Северо-Осетинской студии телевидения усилиями энтузиастов как плод культурного патернализма республиканских органов власти и специалистов, кинематограф в Северной Осетии за прошедшие десятилетия обрел заслуженный статус важной части национальной художественной культуры.

В ходе создания картины живой истории культурного строительства в рассматриваемый период мы сочли необходимым обратиться, в том числе, к биографиям выдающихся представителей национальной интеллигенции, чьи жизни и судьбы также отражали подчас драматические события, свидетельствовали о сложнейших процессах утверждения классовых ценностей культуры. Этой теме

посвящен третий раздел книги. Избранные портреты включают имена выдающихся деятелей осетинской культуры советского периода, ученых, педагогов, представителей творческой интеллигенции, которые прошли общий путь испытаний и успехов с представителями интеллигенции других народов Северного Кавказа. Они по праву считаются знаковыми величинами национальной культуры, а их отношения с властью стали символом времени. Обращение к личной и творческой биографии представителей национальной интеллигенции придает ту объемность создаваемой картине общественной жизни Северной Осетии, которая востребована при решении современных проблем воспроизводства истинных ценностей культуры, подготовки кадров специалистов, совершенствования гражданских принципов их существования.

Раздел 1

ШКОЛА И НАУКА В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 1920-1980-х гг.

В научных исследованиях, посвященных общественно-политическим событиям в России начала XX века, включая период советизации страны, до сих пор существует огромный диапазон мнений, оценок причин, сущности и последствий произошедших революционных трансформаций¹. Однако безусловно признается тот факт, что эти события обозначили начало эпохи великих перемен в судьбе многонациональной страны. Их итогом стала социалистическая революция, которая кардинально изменила пространство политической, социально-экономической и культурной жизни государства.

Октябрьская революция 1917 г. изменила социальные приоритеты, институционально преобразовала систему управления, актуализировала определенные общественные практики или создала новые. Эти перемены стали отправной точкой для качественно нового периода в развитии многонациональной российской культуры. Планы социалистического строительства откры-

¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия М., 2010; Тихонов В.В. Историки и советская власть в 1920-е – 1940-е гг.: патроны и клиенты // Вестник РГГУ. Сер.: История России. 2014. № 19. С. 200-204; Булдаков В.П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию. Россия, 1914-1918. М., 2015; Филиппова Т. Братание идеи со штыком. Политико-культурные смыслы Великой российской революции // Российская история. 2017. № 2. С. 78-92; Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного бума» // 2018. № 6. С. 3-26; Плагенбург Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 7. и др.

ли широкие возможности для освоения богатого культурного наследия многочисленных народов страны, создали условия для привлечения их интеллектуального и творческого потенциала в ходе кардинального социального переустройства общества. Их осуществление посредством модернизации культуры (культурной революции) создали уникальную в истории базу для формирования в национальных регионах профессиональных кадров, создания системы научно-образовательных учреждений, научных школ, профессиональных видов искусства, творческих организаций и пр. На создаваемой базе решались прежде всего задачи обеспечения всеобщей грамотности, снятия для подавляющего большинства населения социальных, национальных и имущественных барьеров в осуществлении права на образование. При этом особое значение имела обязательность распространения модернизационных практик в сфере культуры на национальные периферии России.

1. Становление и развитие осетинской национальной школы: проблемы, этапы и перспективы

Создание новой советской школы. Через шесть дней после взятия большевиками власти в России, 31 октября 1917 г. народный комиссар просвещения А.В. Луначарский в обращении к гражданам России «О народном просвещении» заявил: «Всякая истинно-демократическая власть в области просвещения, где царит безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака... Но на простой грамотности, на всеобщем первоначальном обучении не может остановиться ни одна истинная демократия. Она должна стремиться к организации *единой для всех граждан абсолютной светской школы...*»²

Создание новой трудовой, общедоступной школы, независимо от материальной обеспеченности и сословно-классовых привилегий, определялось в качестве стратегической цели культурной модернизации 1920-1930-х гг. и расценивалось как реша-

² Культурное строительство в СССР. 1917-1927. Документы и материалы. М., 1989. С. 13-14.

ющий фактор сохранения и укрепления единого советского государства, ибо страна, по замечанию наркома просвещения Терской республики Я.Л. Маркуса, «в которой царит безграмотность и невежество, не может быть надежной опорой власти трудового народа...»³

Одним из основных направлений программы национально-государственного строительства советской власти в сфере образования стала реализация идеи создания национальной школы (коренизация школы). Национальное содержание школьного образования обеспечивало решение первичных задач выравнивания уровней социально-экономического и культурного развития национальных окраин страны. Именно на родных языках преодолевалась всеобщая неграмотность в национальных регионах, осуществлялось обучение азам наук. Последующими задачами органы власти в национальных областях и республиках считали приспособление программы подготовки национальных советских и хозяйственных кадров к текущим потребностям коренного населения и привлечения его к активному социалистическому строительству. Такой подход удовлетворял политический запрос прогрессивных слоев национальной интеллигенции, в поддержке которой нуждалась советская власть на местах. Поэтому родной язык каждого народа рассматривался властью в тот период в качестве основы его образования во всех типах общеобразовательной школы. Главным руководящим принципом политического курса стала рекомендация, сформулированная в апреле 1918 г. Народным комиссаром по делам национальностей РСФСР И. Сталиным в связи с подготовкой Конституции РСФСР: «Никакого обязательного “государственного языка” – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют составу населения данной области, причём соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинств во всех общественных и политических установлениях»⁴. В ходе реализуемой

³ Народная власть. 1918. 16 июля.

⁴ Сталин И.В. Организация Российской федеративной республики. Беседа с сотрудниками газеты «Правда» // Сталин И. Сочинения, М., 1947. Т. 4. С. 70.

программы коренизации в рамках национально-государственного строительства в 1920-1930-е гг. она стала весьма популярной и находила большую поддержку в обществе.

Работа по созданию новой советской школы, прерванная занятием Добровольческой армией в январе 1919 г. Терской республики, продолжилась практически сразу после восстановления советской власти в Северной Осетии в конце марта 1920 г. Руководство школьным строительством возглавил Отдел народного образования, созданный решением Северо-Осетинского училищного совета от 4 апреля 1920 г. при Осетинском окружном ревкоме⁵.

Проблемы народного образования, которые советская власть связывала со строительством новой единой трудовой школы, были рассмотрены на IV съезде учителей Осетинского округа, проходившем в мае 1920 г. во Владикавказе. Ближайшие задачи школьного строительства в Северной Осетии были определены на съезде заведующих отделами народного образования Терской области, который состоялся 22–26 июня 1920 г. При этом наряду с обсуждением общих проблем рассматривался вопрос о создании национальных школ. Директивной основой для открытия таких школ явилось постановление «О школах национальных меньшинств» Наркомпроса РСФСР от 31 октября 1918 г., которое закрепляло право всех национальностей, населяющих РСФСР, организовывать обучение на родном языке⁶. На съездах обсуждались вопросы управления и инструктирования национальных школ, включая осетинскую школу. Первостепенное внимание уделялось выработке принципов подготовки программы по осетиноведению для школ первой и второй ступени⁷.

В становлении национальной системы образования значимую роль сыграло Осетинское историко-филологическое общество. Его деятельное участие положило начало стратегическому

⁵ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 49. Оп. 1. Д. 164. Л. 9.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 1101-1102.

⁷ История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 124.

курсу на строительство осетинской школы, о необходимости создания которой было заявлено еще на Первом Всеосетинском учительском съезде в июле 1917 г.⁸ В ходе совместных обсуждений в 1920–1921 гг. с представителями Южной Осетии члены Общества пришли к заключению, что национализация необходима «по соображениям политическим, педагогическим и национально-культурным». Однако в связи с отсутствием учебно-технической, методической базы и дефицита кадров специалистов, «способных национализировать школу, постановлено национализацию проводить постепенно путем усиления преподавания осетиноведения». Относительно языка преподавания было решено: «первый год обучения вести на родном языке и параллельно практиковать лексические уроки на русском языке». Намечалось также создать терминологическую комиссию «для выработки научно-литературных терминов для облегчения преподавания на родном языке»⁹.

В соответствии с избранным курсом началась разработка учебных программ преподавания осетиноведения и составление учебных планов, в том числе для Горского института народного образования; был проведен конкурс на лучшие учебные пособия для школ. Члены ОИФО совместно с Окружным отделом народного образования работали над созданием осетинской грамматики, букваря, обсуждали принципы разработки терминологии, дискутировали по вопросам совершенствования осетинской графики¹⁰.

Следует отметить, что практическая реализация намеченных планов по созданию национальной школы, как и новой школы в целом, проходила в условиях тяжелейшего экономического и финансового кризиса, в котором страна оказалась к концу Гражданской войны. Резкое ограничение в 1922 г. отпуска средств из

⁸ Кобахидзе Е.И. Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы // Известия СОИГСИ. 2018. № 30 (69). С. 153.

⁹ Хроника. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества за время его существования (28 апр. 1919 – 1 мар. 1925 г.) // Известия СОИГСИ. 2007. Вып. 1 (40). С. 152–153.

¹⁰ Там же. С. 166, 172–175.

центра в связи с разрухой в народном хозяйстве, усугубившейся засухой и неурожаем 1921 г., которая повлекла приток огромного количества беженцев из центральных районов России, перевод всех школ 1-й ступени на местное финансирование и другие причины привели к значительному сокращению численности школ. По отчетным данным Совнаркома Горской республики с 1921 по 1922 г. число школ в Осетинском округе сократилось со 115 до 56, в городе Владикавказ – с 27 до 19¹¹.

Существенно сократилась численность учительских кадров. Почти все члены правящей партии большевиков были привлечены к работе в партийно-советских, хозяйственных органах Северной Осетии и Горской республики. Оставшиеся учителя находились в крайне незавидном положении. В связи с перебоями в выплате зарплаты, неустойчивостью курса рубля и другими трудностями, часть учителей покинула школу, другие работали без особого энтузиазма. Были и те, кто не принял нововведений в советской школе. Некоторые, в отчаянии, подстрекаемые активизировавшимися контрреволюционными силами, пытались провести акции протеста¹². Учитывая протестный потенциал этой категории работников школ, повсеместно в системе образования формировалась практика «чистки учительского состава»¹³.

«Решительный поворот» к созданию осетинской школы. Стабилизация экономической ситуации, наметившаяся с 1923 г., положила начало проведению планомерной и систематической работы в области народного образования. Вместе с ростом школьной сети началось внедрение учебных планов и программ Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса РСФСР, были сделаны первые шаги в создании национальной школы на нацио-

¹¹ Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. С. 34.

¹² Кулов Б.С. К высотам культуры. Орджоникидзе, 1979. С. 22-26.

¹³ Рубаева Э.М., Гобети З.Б. Взаимодействие институтов власти и образования в Северной Осетии в 1920-1930-х гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2021. Т. 21. №. 4 С.37–43; Стрекалова Е.Н. Интеллигенция Ставрополя в 1920 г.: принимая новую социальную реальность // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции. Ставрополь, 2012. С.242-252.

нальной периферии России. В осуществление задач организации обучения на родных языках развернулась работа по подготовке учебной литературы. В 1925–1927 гг. было издано 15 тыс. экземпляров букварей на языках кавказских народов¹⁴. В январе 1925 г. в осетинские школы направили 4 тыс. экземпляров букваря Г. Гуриева на иронском диалекте и 2 тыс. экземпляров букваря М. Гарданова на дигорском диалекте. Количество, как отмечалось в документе, «весьма незначительное, не позволяющее развернуть работу по обучению грамоте во всех первых группах на родном языке»¹⁵. Одновременно с начала 1920-х гг. в Горском институте народного образования и Горском педагогическом техникуме велась подготовка учителей для национальных школ¹⁶.

В историческом осетиноведении «решительный поворот к созданию осетинской школы с родным языком обучения» расценивается как главное достижение начала 1920-х гг. в реализации программы строительства новой советской школы. Такая оценка опирается на материалы местных партийных конференций и съездов Советов, в которых осуждалось «насаждение» в Осетии русской школы¹⁷. Более того, в основу перспективной концепции развития народного образования была положена идея создания «трудовой национальной школы» с преподаванием на родном языке. На проходивших в феврале 1926 г. Окружных съездах Советов Северо-Осетинской автономной области основной задачей для Окружных исполкомов определялось скорейшее проведение национализации осетинской школы с приданием ей профессионального уклона, наиболее отвечающего «хозяйственно-экономическому и культурному развитию осетинского народа»¹⁸. Эти

¹⁴ Гобети З.Б. Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе (20-е годы XX века) // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. Т. 6. № 4. С. 17.

¹⁵ НА СОИГСИ. Ф. История. Д. 40. Л. 22.

¹⁶ Культурное строительство в Северной Осетии (1917-1941). Орджоникидзе, 1974. Том 1. С. 178, 186.

¹⁷ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 48.

¹⁸ Окружные съезды советов Северо-Осетинской автономной области (резолюции по народному образованию) // Известия Осетинского научно-исследовательского института. 1926. Вып. 2. С. 588-594.

решения принимались в соответствии с итогами инспекторской проверки Наркомпроса РСФСР, проводившейся в рамках проверки состояния системы просвещения в северокавказских автономиях. По ее результатам 13 мая 1925 г. было принято постановление «по докладу инспектора НКП т. Чаплиева В.П. о положении народного образования в Северо-Осетинской автономной области». Постановление подчеркнуло необходимость усилить работу по осетинизации школ¹⁹.

Для выполнения задания Наркомпроса РСФСР в Северной Осетии была разработана протокольная форма «Договора о социалистическом соревновании», которая включала пункт с требованием ускорить проведение национализации школ. Договор подразумевал закрепление тезиса о том, что «ребенка необходимо обучать на родном языке, на котором он лучше воспринимает окружающие его явления как в общественной жизни, так и в природе»²⁰.

Опытная апробация в системе образования проходила достаточно успешно. Поэтому Методическое бюро и Коллегия Северо-Осетинского отдела народного образования (ОНО) постановлением от 5 ноября 1925 г. утвердили осетинский язык в осетинской школе в качестве языка преподавания. Однако руководство ОНО учитывало неготовность осетинской школы к введению преподавания на родном языке во всех ее группах. Требовалась серьезная работа по подготовке учителей, повышению квалификации имевшихся кадров, по изданию учебников, учебных и наглядных пособий на осетинском языке. Исходя из этого, Коллегия Северо-Осетинского ОНО постановила провести перевод всего преподавания на родном языке в осетинской школе поэтапно. Было намечено с 1925/26 учебного года «безусловно и безоговорочно всю учебную работу проводить на родном языке учащихся» в 1-й и 2-й группах школ I ступени. В течение трех последующих лет на родной язык преподавания предстояло перевести следующие группы школы I ступени. Перевод 1-ой группы школы II ступени предполагалось осуще-

¹⁹ НА СОИГСИ. Ф.1. История. Оп. 1. Д. 40. Л. 2-3.

²⁰ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 124. Оп. 1. Д. 144. Л. 4; Д. 193. Л. 1-4.

ствить в 1929/1930 учебном году²¹. Между тем, по итогам планового обследования массовой школы Северо-Осетинской АО от 28 апреля 1927 г. было установлено, что фактически перевод на родной язык осуществлен только в 1-й группе и отчасти во 2-й группе школы I ступени²².

Причин крайне медленного выполнения планов национализации школы было немало. На стадии обсуждения был вопрос о едином осетинском литературном языке. Возникли трудности, созданные переводом осетинской письменности с кириллицы на латинскую графику. Ограниченными были бюджетные источники финансирования оплаты труда учителей. По-прежнему, незначительными были объемы издания учебников на родном языке. Так на 1930/31 г. планировалось издание 3 тыс. экземпляров учебника Б. Кочиева для 2-го года обучения I-ступени, и столько же экземпляров учебника Бекоева, Туаевой для 3-го года обучения. Еще меньше – 2 тыс. экземпляров учебника Гадиева и Галазова для 4-го года обучения и 1,6 тыс. – для 5-го года обучения²³. Решения требовали и вопросы подготовки новых кадров учителей, разработки методических пособий по изучению родного языка в школе.

Тем не менее, разработанные планы были вполне осуществлены, поскольку они входили в общегосударственные программы политики коренизации, которые поддерживались на этом этапе подавляющей частью национальной интеллигенции. Однако, следует отметить, что они не учитывали общего психологического настроения населения на ускоренную реализацию возможностей, которые предоставляла советская власть благодаря образовательным лифтам, созданным русскоязычной школой. В итоге, оказалось, что часть в основном сельского населения неблагоприятно относится к политике коренизации. Осетинизация школы вызывала настойчивые возражения многих родителей и некоторой части учителей. Они утверждали, что преподавание на родном языке лишает детей возможности овладения русским языком, знание которого до революции было привилегией состоятельных

²¹ Там же. Д. 829. Л. 2.

²² Там же. Д. 29. Л. 72.

²³ Там же. Д. 254. Л. 158.

слоев общества. Были случаи, когда крестьяне-родители приходили в школу и требовали: «учите моего ребенка по-русски, осетинскому языку он сам научится»²⁴.

Объяснение этому факту организаторы национальной школы видели в «оторванности этой группы от трудовой массы», в нежелании и недооценке ими принципа национализации «как отвечающего идее советской трудовой школы и запросам массы»²⁵. Заметим, что такое объяснение вполне соответствовало стремлению национальной интеллигенции посредством национализации школы сформировать прочную языковую основу для освоения богатств осетинской культуры. Сужая социальную базу возражавших до уровня «группы», сторонники национализации школы игнорировали явно проявившийся конфликт между социальными запросами и культурными интересами разных слоев общества. Их позицию оправдывали директивные методы проведения «национализации школы» как образовательного «почина», подкрепляемые решениями органов власти²⁶.

Как отмечал руководитель Северо-Осетинского ОблОНО Г. Дзагуров на заседании Методбюро 10 июня 1925 г., «в силу национальной политики советской власти нам необходимо быстрыми темпами провести национализацию нашей школы, а это можем сделать только при помощи знатоков родного языка. До сих пор же этот вопрос нами еще не разрешен, почему центральным НКП указано нам на это, как на крупный дефект в нашей общей культурной и политико-просветительной работе»²⁷.

Обращение к помощи «знатоков родного языка» на заседании Методбюро вслед за прозвучавшими пожеланиями изучать осетинский язык посредством самообразования примечательно. Оно выявило критически низкий уровень квалификации преподавателей осетинского языка и недоверие родителей к националь-

²⁴ Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. С. 41.

²⁵ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 124. Оп. 1. Д. 29. Л. 72-73.

²⁶ Цориева И.Т. Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920-1930-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12. Вып. 3. С. 487.

²⁷ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 124. Оп. 1. Д. 6. Л. 5.

ной школе. Для разрешения вопроса и повышения авторитета родного языка предлагалось наметить «особую группу знатоков осетинского языка» и поручить им преподавание языка во всех школах, «имеющих областной характер, а также школах семилетках, на рабфаке и педтехникуме». С целью привлечения на работу учителей осетинского языка Методбюро постановило «поставить их в лучшие условия против других учителей, путем повышения зарплаты на 100%»²⁸.

Принятые меры дали во второй половине 1920-х гг. реальные результаты. Они повысили среди национальной интеллигенции привлекательность преподавания на осетинском языке. К началу 1930-х гг. сложился требуемый костяк учителей-осетиноведов. Это позволило органам власти Северной Осетии пересмотреть кадровую политику в отношении работавших учителями бывших офицеров царской армии, священнослужителей, лишенных избирательных прав. О практике освобождения от «социально чуждых элементов» в школе газета «Власть труда», орган Владикавказского и Сунженского Окружкомов ВКП(б), Окрисполкомов и Советов профсоюзов помещала заметки под громкими заголовками: «Лишенец учительствует», «Не пора ли убрать бывшего», «Защищая чужого», «Белогвардеец в рясах учителя». Зачастую публикации служили сигналом для чиновников системы образования «учесть желание народа» и удалить неблагонадежных из советской школы²⁹.

К этому времени в области закончилось в основном формирование разветвленной сети народного образования. На 1 января 1928 г. в ней работало 460 учителей. Из них с высшим образованием 50 человек, 55 – с незаконченным высшим, 294 – с средним, остальные – с незаконченным средним и низшим образованием. Доступность образования обеспечила к 1930 г. повышение общего уровня грамотности населения Осетинской автономной области по сравнению с 1923 г. почти в два раза. Она составила 27,5%. Среди осетин уровень грамотности вырос с 14,6 до 23,7%³⁰.

²⁸ Там же.

²⁹ Та же. Д. 254. Л. 7, 21, 28, 72.

³⁰ Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. С. 35, 44, 45, 52.

Национальная школа в условиях реформы 1930-х гг. Достигнутые в образовательной сфере к концу 1920-х гг. результаты создали возможности для выполнения в течение последующего десятилетия двуединой задачи развития программы подготовки национальных советских и хозяйственных кадров в соответствии с потребностями социалистического строительства и активного вовлечения коренного населения в реализацию планов советской модернизации. Помимо образовательных, утилитарно-хозяйственных и кадровых задач, такой подход удовлетворял социально-политический запрос прогрессивных слоев национальной интеллигенции, в поддержке которой нуждалась советская власть на местах³¹. Система образования была нацелена на профессионализацию средней школы по сельскохозяйственному, промышленному, педагогическому, кооперативно-колхозному и другим профилям. В школах Северной Осетии, в частности, в соответствии с программой создания трудовой школы, рекомендовалось «по возможности» содействовать открытию пришкольных участков, школ шелководства, пчеловодства, столярных, ткацких и других мастерских. К налаживанию политехнического обучения, подготовке учителей труда привлекали специалистов из отраслей народного хозяйства³².

Важным организационным стимулом дальнейшего развития системы школьного образования в Северной Осетии в 1930-е гг. был закон о всеобщем обязательном начальном образовании. Закон на новой правовой основе кардинально расширил общий массив образовательных учреждений, поскольку почти четверть детей школьного возраста в области пока оставалась вне школы. Успех реализации новой школьной реформы во многом зависел от численности и методической подготовленности учительских кадров, наличия достаточного количества школьных помещений. Особое внимание уделялось строительству школ-интернатов в горной полосе, без которых осуществление всеобщего признавалось невозможным. В 1927 г. руководство ОблОНО с целью под-

³¹ Цориева И.Т. Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920-1930-х годов. С. 488.

³² ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 124. Оп. 1. Д. 189. Л. 26, 29.

нения «на должную высоту дела народного образования в нагорной Осетии» наметило организовать интернаты на 100 человек каждый: по Дзауджикаускому округу в сел. Кобан для Даргавского и Санибанского ущелий и в сел. Дзуарикау для Куртатинского ущелья; по Алагиро-Ардонскому округу в сел. Нар для Туалетии и сел. Садон для Алагирского ущелья и по Дигорскому округу в сел. Фаснал для всей горной Дигории³³.

В школьной реформе приняли активное участие ученые и педагоги области, получившие задание на разработку новых эффективных программ обучения неграмотных и малограмотных. В рамках постановлений ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (5 сентября 1931 г.), «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25 августа 1932 г.), «Об учебниках для начальной и средней школы» (12 апреля 1933 г.) и постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О структуре начальной и средней школы в СССР» была создана научно-методическая база развития национальной осетинской школы. К 1934 г. в области уже функционировали 164 школы с более чем 45 тыс. учащихся³⁴. Успешное завершение этапа включило издание полного комплекта учебников для осетинской школы, что создало предпосылки для перехода к следующему этапу – к всеобщему семилетнему образованию. Более того, грамотная методическая подготовка реформы позволила параллельно с осетинскими школами перевести на родной язык грузинскую и армянскую школы в Орджоникидзе (Владикавказе). Таким образом, национализация школы в Северной Осетии шла с учетом многонационального состава населения, что имело в дальнейшем большое политическое значение в контексте общесоюзной тенденции к унификации общеобразовательной практики.

В этой связи, на наш взгляд, необходимо отметить наличие в современной науке оценочной версии по реформе системы образования Северной Осетии 1920-1930-х гг., согласно которой национализация школы, системы образования в целом «подразумевала лишь облечение в национально-языковые формы еди-

³³ Культурное строительство в Северной Осетии. 1917-1941. С. 95-96.

³⁴ Черджиев. Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. С. 54-55.

ной унифицированной структуры образования». Анализируя последствия принятия постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 16 мая 1934 г., сторонники данной версии считают, что введение единого образа в советской школе совпало с заменой «национализации» на «коренизацию» и привело к вытеснению из осетинской школы дисциплин осетиноведения (родиноведение, история, география Осетии). Их общий вывод состоит в утверждении, что первая половина 1930-х гг. ознаменовалась принципиально важным поражением – отказом от изучения в школе истории своего народа и природы своей родины³⁵.

Однако анализ темы позволяет с меньшим политическим пристрастием указать на крайне важные общественно-политические задачи, которые встали перед советским государством в условиях нарастания внешней угрозы безопасности. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» от 13 марта 1938 г. свидетельствовало об отходе от политики национализации. На основе решения высших органов власти директивно вводилась единая централизованная система преподавания русского языка с 1 сентября во всех нерусских начальных и средних школах, увеличивалось количество часов преподавания, расширялась подготовка учителей, активизировалось издание учебной и методической литературы. Изменения в полной мере отвечали запросам обороны страны, были обусловлены необходимостью укрепления, в частности, многонациональной Красной Армии. Идеологическим прикрытием корректировки языковой и образовательной политики стала стратегическая цель приобщения всех народов СССР к социалистической культуре и сплочения их в новой «зональной» (впоследствии названной «новой исторической») общности людей³⁶.

Фактическим обоснованием данного тезиса является событийный ряд в сфере образования, который свидетельствует о том,

³⁵ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы. С. 57.

³⁶ Вдовин А.И. Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этнополитической истории России. М., 2019. С. 219-221.

что отход от национализации школы не снизил, а повысил требования к качеству образования, улучшив условия их выполнения. В августе 1931 г. на базе Осетинского отделения Горского педагогического института был организован самостоятельный Осетинский институт, который стал главным центром подготовки учителей для осетинской школы. За 1930-1936 гг. число учителей в Северной Осетии выросло более чем в 2 раза и составило 2118 человек. Среди них 90% были уже выпускниками советских вузов и техникумов. Две трети общего числа педагогов общеобразовательной школы составляли осетины³⁷.

Научным подспорьем качественного развития школы можно признать и объединенную конференцию Северной и Южной Осетии по вопросам языкового строительства, которая состоялась 15 мая 1934 г. Конференция предложила проводить последующую работу по «коренизации» школы на едином литературном языке, в качестве которого был принят иронский диалект осетинского языка. Приверженцы пристрастных политических оценок, исходя из абсолютизации «страшного десятилетия культа личности», склонны видеть в утвержденных на бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) 8 июля 1934 г. решениях отмеченной конференции отправную точку для наступления на диалекты как на этап в государственной языковой политике³⁸. Однако и в данном случае невозможно игнорировать материалы, свидетельствующие, например, о сохранении преподавания в начальных школах на дигорском диалекте, печатание районной газеты «Сурх Дигора», возможности молодым литераторам публиковаться на своем диалекте (хотя справедливости ради следует признать, что их призывали скорее овладевать литературным языком). Причем по всем вопросам языкового строительства и издательской работы предписывалось осуществлять широкие контакты с Южной Осетией³⁹.

³⁷ Черджиев Х.С. Решающие успехи культурной революции в Северной Осетии (1933-1941) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1960. Т. 22. Вып. 4. С. 110.

³⁸ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы. С. 57-58.

³⁹ Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX века: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 295-296.

Доказательством служит и «согласованная» рекомендация указанной объединенной конференции 1934 г. о продолжении курса на завершение коренизации неполной средней школы в 1937/38 учебном году и всей осетинской средней школы к 1940/41 учебному году. В целом, как бы то ни было, фактом остается коренизация 1930-х гг. как реализованный курс на национализацию образования и ликвидацию неграмотности на национальной территории.

При этом мы не можем игнорировать свидетельства, указывающие на нарастание с середины 1930-х гг. «рекомендательных» форм осуществления нового курса в образовательной и языковой политике. К примеру, на Межобластной конференции по языковому строительству 1936 г. прозвучало предложение об увеличении сроков изучения русского языка, расширении объема часов по учебным планам «для наилучшего усвоения русского языка». В этой связи неслучайными оказались приведенные факты преподавания в отдельных местах предметов «на каком-то смешанном русско-осетинском языке-жаргоне»⁴⁰. Как организационные издержки языковой составляющей политики коренизации они отчасти послужили переводу в 1938 г. осетинской письменности с латиницы на русскую графику. Участники образовательного процесса положительно отреагировали на этот перевод, поскольку русская графика облегчила параллельное обучение детей на двух языках. В то же время, в осетиноведении зафиксирован «перерыв в традиции», который замедлил распространение грамотности на родном языке. Кроме того, реформа графики приобрела в Южной Осетии национально-политический окрас из-за перевода осетинской письменности на грузинскую графику, отдалив две части Осетии в перспективах культурной самоидентификации.

Тем не менее, курс на коренизацию школы сохранялся. В декабре 1940 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) и СНК СОАССР было принято решение, согласно которому с 1941/42 учебного года намечалось ввести преподавание на осетинском языке в 5-7 классах. Одновременно Наркомпросу республики поручалось начать подготовительную работу к переводу на родной язык пре-

⁴⁰ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы. С. 58.

подавания с 1944/45 учебного года 8-10 классов⁴¹. Начавшаяся Великая Отечественная война отодвинула на второй план многие реформаторские проекты, к которым вернулись уже в первые послевоенные годы.

На новом этапе развития школы среди части местной интеллигенции идея коренизации была столь популярной, что в некоторых сельских школ предприняли конкретные шаги по ее реализации. К тому же был пример соседней Кабардинской АССР, где после войны в национальной школе ввели обучение на родном языке до седьмого класса включительно⁴².

От коренизации к денационализации школьного образования. Однако идея реализовать план создания осетинской семилетки иссякла к началу 1950-х гг., так как энтузиасты якобы «исчерпали себя». Между тем, интрига вокруг «неудачной» попытки создания семилетней школы объяснялась не отсутствием, как могло показаться, тщательно разработанной по ней государственной программы, финансовой, научно-методической базы. Ситуация изначально складывалась не в пользу сторонников перевода обучения в семилетней школе на родной язык, не столько по некоторым местным обстоятельствам, сколько по важнейшим общегосударственным причинам.

Как уже отмечалось, осетинское общество, в частности, национальная интеллигенция никогда не были едины в оценке целесообразности и перспектив создания национальной школы. К тому же отсутствовали условия к ее реализации. Не удалось решить проблему подготовленных кадров учителей, способных на профессиональном уровне преподавать учебные дисциплины на осетинском языке. Ощущался острый недостаток в учебной литературе, особенно по предметам естественного цикла: физике, химии, биологии и другим. Практически отсутствовала методика преподавания предметов на родном языке.

⁴¹ Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. С. 60-61.

⁴² Мирзаканова Е.А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка (на примере кабардинского языка) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 129.

И все же, отказ от плана коренизации семилетней школы в начале 1950-х гг. объяснялся не только отсутствием достаточных материально-технических, учебно-методических оснований и не противодействием со стороны общества или иными факторами. Он был обусловлен изменением политических акцентов национальной политики в СССР и формированием новых подходов к решению национальных вопросов. Страна, недавно вышедшая из тяжелейшей войны, переживала бурные интеграционные процессы в экономике, интенсивную миграцию населения. Изменилось и представление о месте Советского государства на политической карте мира. Оно превращалось в символ мировой системы социализма, ее объединяющий центр.

В новых политических реалиях приоритетным направлением государственной политики в области национальных отношений стала пропаганда идей дружбы и интернационализма в межнациональном общении, усиление роли русского языка как языка межнационального общения. В изменившихся условиях «узко национальные», культурные достижения отдельных народов отходили на второй план. Разработка советскими обществоведами теории формирования единой социальной и интернациональной общности – советского народа – делала неактуальными проблемы создания национальной школы, развития национального языка. Напротив, внимание государства сосредоточивалось на задачах сближения национальных культур, интернационализации общественной жизни, совершенствования преподавания русского языка в национальных регионах. В конце жизни один из лидеров Советского государства В.М. Молотов писал: Сталин «считал, что, когда победит мировая коммунистическая система, а он все дела к этому вел, – главным языком на земном шаре, языком межнационального общения, станет язык Пушкина и Ленина»⁴³. В достижении этой стратегической цели советской школе отводилась особая роль.

Между тем, постановка преподавания русского языка в национальной школе уже не соответствовала новым идеологическим

⁴³ Цит. по: Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур, 2007. С. 205.

и политическим запросам времени. Сложившаяся методика обучения русскому языку в национальной школе не позволяла овладеть необходимым запасом слов и научить грамотно излагать свои мысли на русском языке. Плохое знание русского языка препятствовало социальной мобильности. Для осетинской молодежи, решившей после окончания школы продолжить учебу в вузе или техникуме, оно превращалось в серьезное, порой непреодолимое препятствие. В конечном итоге, слабое владение русским языком отрицательно сказывалось на квалификационной подготовке будущих специалистов, на последующем трудоустройстве и на общем уровне культуры.

По мере того, как русский язык играл все более значимую роль в общественном развитии страны, менялся взгляд на проблему развития национальной школы, что получило отражение в решениях региональных органов власти. Вопрос о преподавании русского языка в осетинской школе был вынесен на рассмотрение бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) 30 мая 1946 г. По итогам заседания бюро обкома было принято постановление, которое обязывало Министерство просвещения СОАССР, руководство Северо-Осетинского педагогического института и Осетинского педагогического училища разработать комплекс мер, нацеленных на совершенствование методики преподавания русского языка в осетинской школе, улучшение подготовки кадров преподавателей русского языка. В качестве одного из основных направлений работы определялись разработка и издание словарей, методической, учебной литературы, сборников упражнений по грамматике русского языка, сборников картин и таблиц по развитию русской речи⁴⁴. Для прохождения педагогической практики выделялись две базовые школы №5 и №13 города Дзауджикау.

В феврале 1951 г. был издан приказ по Министерству просвещения РСФСР «О новом учебном плане для осетинских школ Северо-Осетинской АССР». В учебном плане предусматривалось увеличение количества часов в неделю для преподавания русского языка по сравнению с родным языком (71 по русскому против

⁴⁴ Культурное строительство в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1983. Т. 2. С. 47-48.

55 часов по осетинскому языку). Намечали также подготовку и издание новых программ по осетинскому и русскому языку и литературе для национальных школ⁴⁵. Наконец, было принято решение о введении с 1950/51 учебного года преподавания русского языка в национальных школах с подготовительного класса (прежде обучение начиналось со второго класса).

Следующим шагом в данном направлении явилось постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) и Совет Министров Северо-Осетинской АССР «О мерах по упорядочению коренизации в осетинских школах республики» от 9 мая 1952 г. В нем обосновывалась необходимость перевода преподавания в 5-7 классах осетинской школы на русский язык с 1952/1953 учебного года, сохранив родной язык в этих классах как предмет изучения. Постановление обязывало Отдел школ и вузов обкома ВКП(б) и Министерство просвещения республики «обеспечить коренное улучшение преподавания русского языка в осетинских школах, добиться выполнения требований государственных программ». Но на этом этапе намечавшиеся изменения мыслились пока как временные: «впредь до подготовки необходимых условий для успешного проведения коренизации семилетней осетинской школы»⁴⁶.

Реформирование национальной школы, по мнению его инициаторов, помимо всего прочего должно было содействовать решению проблемы неуспеваемости и второгодничества – наиболее трудно решаемых проблем в учебно-воспитательном процессе педагогических коллективов школ.

Результаты работы общеобразовательных школ республики в этом направлении вызывали заслуженные нарекания контролирующих органов. В 1959/60 учебном году из 62 227 учащихся начальных, семилетних и средних школ республики не успевало 12,2%. Из всех предметов особенно неблагоприятно обстояло дело с усвоением учебной программы по русскому языку и арифметике (соответственно 63,8 и 40,0% среди неуспевающих учеников имели неудовлетворительные оценки по этим предме-

⁴⁵ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 369. Л. 7, 9.

⁴⁶ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 55, 56.

там). Эта тенденция оставалась практически неизменной на протяжении 1950-х – начала 1960-х гг. В первом полугодии 1965/66 учебного года из 92 414 учащихся 10,7% не успевали по нескольким предметам. Из них имели отрицательные оценки по русскому языку 61,3%, по арифметике – 31,7%⁴⁷. Серьезное беспокойство органов народного образования вызывал уровень подготовленности детей и по другим предметам – алгебре, геометрии, физике, естествознанию, иностранным языкам и др.

Многие недостатки в работе общеобразовательных школ по-прежнему объяснялись старыми причинами: недостатками в организации учебно-воспитательного процесса, неэффективностью методики преподавания предметов («книжно-меловой метод преподавания»), низкой квалификацией части преподавательских кадров, материальной необеспеченностью детей, отвлечением их на работу в колхозах, на промышленных предприятиях, в домашнем хозяйстве. Однако с середины 1950-х гг. причины неуспеваемости и второгодничества все чаще связывали с плохим знанием русского языка.

Дискуссия о языке обучения в национальной школе. К этому времени вопрос о переводе обучения в национальных школах на русский язык еще более актуализировался. Теперь речь шла о переводе на русский язык обучения уже начальной школы. В осетинском обществе, особенно в научно-педагогических кругах постановка этой проблемы вызвала неоднозначную реакцию и породила горячие споры. Дискуссии разворачивались на страницах республиканских газет и журналов, выносились на обсуждение участников научно-практических конференций и совещаний по вопросам организации образовательного и воспитательного процесса в республике.

Уже к середине 1950-х г. среди участников дискуссии четко обозначились два противоположных взгляда и оформились две группы: сторонников и противников введения преподавания в начальных классах осетинской школы на русском языке. Сторонники реформы видели в ней решение проблемы неуспеваемости

⁴⁷ Рассчитано по: ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 3. Д. 14. Л. 11; Д. 18. Л. 35; Д. 34. Л. 3.

и порождаемых ею второгодничества и отсева детей из школ – главных «врагов» на пути к всеобщему обязательному образованию. Примечательно, что среди них было немало представителей сельской интеллигенции, которые надеялись, что благодаря реализации «языковой» реформы их детям будет облегчен доступ к высшему образованию. Противники изменения традиционной формы преподавания русского языка в школах полагали, что дети еще не подготовлены к изменению статуса русского языка в начальной школе. «...ничего стыдного нет в том, что ... в подготовительных классах не знают русского языка, наш долг научить их этому...», – замечала М.Г. Кулумбекова, заведующая отделом школ и вузов Северо-Осетинского обкома КПСС, выступая в марте 1956 г. на научно-практической конференции, посвященной проблемам школы. – «Политика нашей партии не говорит о том, чтобы все народности нашей страны обучались только на русском языке. Наоборот, дается право каждой нации развивать свой язык, свою культуру...»⁴⁸.

В упрек сторонникам обучения детей на русском языке с первого класса ставилось высказываемое ими мнение, что «осетинский язык совершенно никакой помощи не оказывает в изучении русского языка» и вообще «нужен только до Эльхотово». По мнению оппонентов, такая позиция значительно снижала интерес к изучению родного языка. А Северо-Осетинский пединститут, тем временем, из года в год не мог набрать хорошо подготовленных абитуриентов на отделение осетинского языка. Поступившие в институт без должной подготовки с трудом справлялись с требованиями учебного процесса. За годы обучения многим не удавалось приобрести должной педагогической квалификации. По окончании института, придя в школу, они слабо владели методикой преподавания осетинского языка. А низкое качество преподавания отражалось на плохом усвоении предмета детьми. В итоге, получался замкнутый круг. Выход из положения виделся в повышении требовательности к учителям и совершенствовании методики преподавания осетинского языка.

Итак, на начальном этапе дискуссии о месте и роли русского

⁴⁸ ЦГА РСО-А. Ф.786. Оп. 1. Д. 668. Л. 16.

языка в национальной школе превалировала позиция сторонников традиционной формы обучения в ней. Объяснялось это тем, что официальная точка зрения по данному вопросу окончательно не сформировалась: «На этот вопрос нужно смотреть более реально, и там, где есть возможность его осуществить, мы за это и чем скорее осуществим, тем лучше, но где этой возможности нет, не надо этого делать и надо вести работу так, как подсказывает ЦК партии и Минпрос РСФСР»⁴⁹. Таково было мнение представителей власти. Но это была временная «заминка» перед новым наступлением. А поскольку проблема сохранялась, то возвращение к ней было неизбежным.

Так, 5 февраля 1959 г. бюро обкома КПСС и Совета Министров Северо-Осетинской АССР приняли постановление «О перестройке системы народного образования в республике». Документ фиксировал положение, по которому в начальной школе преподавание осуществлялось на осетинском языке, а с пятого класса – на русском языке. На первом этапе обучения намечалось увеличить продолжительность преподавания русского языка на один год за счет подготовительного класса. Министерству просвещения, Северо-Осетинскому НИИ и педагогическому институту было поручено разработать и представить на утверждение в обком партии проекты программ по осетинскому и русскому языкам. Основное требование к учебникам состояло в том, чтобы весь теоретический материал в них был подчинен целям практического овладения этими языками⁵⁰.

Языковая реформа в школе. Очередной шаг в реформировании национальной школы был предпринят в июне 1961 г., когда Северо-Осетинский обком КПСС утвердил решение «О переводе преподавания арифметики на русский язык в четвертых классах нерусских школ республики». Принятию документа предшествовало обсуждение вопроса с преподавателями, научными работниками, родителями школьников. В ходе проверки и консультаций было установлено, что учащиеся осетинских школ испытывали затруднения в процессе усвоения материала по арифметике в

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 76.

пятом классе, поскольку, овладев в третьем-четвертом классах математической терминологией на родном языке, в следующем году вместо развития навыков самостоятельного решения задач, они занимались отработкой арифметической терминологии уже на русском языке. Отсутствие языковой преемственности резко снижало уровень успеваемости по арифметике в пятом классе. Именно этот вывод был принят в качестве обоснования необходимости принятия решения о переводе преподавания арифметики на русский язык с четвертого класса осетинской школы⁵¹.

Завершающим этапом на пути перевода преподавания в национальной школе на русский язык стал 1962/63 учебный год. С этого времени все классы осетинской восьмилетней школы перешли на новые учебные планы и программы. Подготовительные классы ликвидировались. По основам наук, в том числе и по русскому языку, в учебные планы осетинской школы было заложено одинаковое с русскими школами количество часов. К 1963/64 учебному году на русский язык обучения перешли все учащиеся 5-11 классов и около 10% учащихся начальных классов⁵².

Точку в реформе национальной школы поставила Всероссийская научно-практическая конференция, состоявшаяся в мае 1964 г. в г. Орджоникидзе. Она вынесла на обсуждение вопрос о переводе начальных классов национальных школ на русский язык обучения. Участники конференции подчеркивали, что преподавание на русском языке в начальной школе заметно облегчало усвоение учебного материала учащимися пятых-шестых классов. Принятые рекомендации нацеливали на дальнейшую реализацию «этого важного государственного мероприятия»⁵³.

Конференция подвела «общую черту» под дискуссией между сторонниками русификации преподавания в осетинских школах и не согласными с этой политикой (открытых противников уже не было). Она подтвердила курс на перевод преподавания в 1-4 классах осетинской школы на русский язык. «Основной вывод, который вытекает из непосредственной практики школ Се-

⁵¹ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989. С. 17.

⁵² Бзаров Р. С. Очерки истории осетинской школы. С. 65-66.

⁵³ Текиев В. Д. К сияющим вершинам. С. 19.

верной Осетии и с которой единодушно согласны и родители, и руководство школ, и педагогические коллективы, – отмечал министр просвещения СО АССР А.Х. Галазов, – заключается в том, что перевод начальных классов осетинских школ на русский язык обучения был осуществлен своевременно и правильно»⁵⁴.

Языковая реформа 1950–1960-х гг. свидетельствовала об окончательном отказе от идеи национализации школьного образования. Но она не являлась «осетинским изобретением» и не предпринималась по инициативе местных органов власти. В Северной Осетии реформа завершала один из этапов общесоюзной программы перехода к языку межнационального общения. Этот процесс происходил во всех национальных республиках и областях Северного Кавказа, а также в других национальных регионах СССР, где проживали малочисленные народы. Программа перевода национальной школы на русский язык обучения являлась составным элементом государственной политики в сфере школьного образования, нацеленной на унификацию всей системы образования Российской Федерации. Реформа закладывала образовательную базу стратегического социального проекта создания новой единой интернациональной общности – советский народ.

Однако однозначная оценка итогов языковой реформы достаточно спорна с точки зрения национально-регионального строительства. В условиях интенсивно развивающейся интеграции в народном хозяйстве Советского Союза русский язык выполнял все более социально значимые функции во всех сферах общественной жизни (в делопроизводстве, в обучении в вузах и техникумах, в работе и общении на предприятиях и в учреждениях и т. п.). Слабое владение русским языком являлось серьезным препятствием для успешного обучения детей в общеобразовательных школах, для поступления в вузы и техникумы. Неудовлетворительное знание русского языка препятствовало профессиональной подготовке квалифицированных кадров. С переводом национальной школы на русский язык обучения представители коренной национальности получали больше шансов реализовать

⁵⁴ Галазов А.Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1977. С. 70.

ся в социально-бытовом, профессиональном плане – поступить в вуз, найти интересную работу, приобщиться к достижениям мировой культуры и т.д. Таким образом, необходимость освоения русского языка представляла в качестве важнейшего элемента социализации личности в огромном многонациональном государстве, гарантом доступности преимуществ советского образа жизни.

Вместе с тем, изменение баланса в двуязычии (билингвизме) в целом серьезно повлияло на общие перспективы развития национальной культуры. Из-за снижения рейтинга родного языка в ходе реформы, осуществлявшейся радикальными методами, произошло резкое сужение пространства функционирования осетинского языка. Угасание языковой традиции привело к сокращению числа носителей осетинского языка, необыкновенно ускорившемуся в 1970–1980-е гг. Во многих семьях, не говоря уже об общественной сфере, родной язык перестал быть языком общения. Макароническая речевая смесь вскоре вышла из бытовой сферы и звучала уже в учебных аудиториях, прорывалась на радио и телевидение. К 1990-м гг. осетинский язык по международной классификации вошел в список угасающих языков.

Начало социально-политических трансформаций в российском обществе после распада СССР актуализировало всю проблематику национальной идентичности и, прежде всего, вопрос о состоянии национальных языков и национального образования. Вопрос состояния родного языка стал предметом пристального внимания и острых дискуссий политиков, деятелей культуры и науки. Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. в национальных регионах были разработаны проекты Государственных программ развития языков коренных народов и Законов о языках (в некоторых субъектах федерации, к примеру, в Кабардино-Балкарии, они были приняты и введены в действие). В сентябре 2004 г. начался экспериментальный этап реализации Концепции осетинского национального образования⁵⁵.

Тем не менее, следует отметить пассивную реакцию северо-осетинского общества в тот момент на предпринимаемые новой

⁵⁵ Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы. С. 30.

национально-политической элитой шаги в отмеченном направлении. В значительной мере, ситуация объяснялась тяжелым экономическим положением населения, этническими конфликтами, частью которых стали и языковые проблемы. Наличие в Северной Осетии диалектов национального языка, которые якобы вносят раскол в общество, также служило в определенных кругах предметом инсинуаций. Все это и многие другие внешние обстоятельства тормозили возможности осуществления последовательной государственной политики в области национального образования. Большой массив неопределенности в сфере федеральной национальной политики также отражался на непоследовательности местной властной элиты в отношении вопросов языкового строительства. Новой политической, да и культурной элите еще только предстояло самоопределиться, в полной мере осознать проблемы языка и образования как базовых элементов национальной культуры. В ходе дискуссий в научных, правительственных кругах, в законодательных органах необходимо было найти пути предотвращения потери языковой традиции, способы сохранения и воспроизводства этнического сообщества в постоянно изменяющемся мире.

В этих поисках на сегодняшний день стало очевидным, что законодательное закрепление статуса родного языка не является гарантией его сохранения. Для восстановления места и роли осетинского языка в национальной жизни необходимо поэтапное, скрупулезное восстановление среды его применения. Язык должен быть одним из базовых элементов формирования личности с момента ее социализации. Осознание этого – явление не одномоментное, особенно в контексте не только восстановления, но и развития среды применения. Успех в значительной степени зависит от социально-культурного «взросления» каждого носителя языка, благодаря которому возникает качественно новая ситуация. На наш взгляд, она постепенно формируется. В ней уже наблюдаются признаки обнадеживающего положения, когда реальное сохранение и развитие родного языка меняет в лучшую сторону культурную среду обитания личности, развивает ее самосознание до понимания миссии языка в целом как посредника в общении

с соотечественниками и в мире других языковых практик. Такая интерпретация функций осетинского языка в контексте текущих задач национальной культуры, на наш взгляд, должна быть реальным отражением запроса, которое фокусирует внимание реформаторов на предметных направлениях работы.

2. Политехническая реформа общеобразовательной школы в Северной Осетии: от замысла до паллиативной реализации

Опыт вхождения России в современное цивилизационное пространство за 1990–2020-е гг. вскрыл самый сложный комплекс проблем в общественной жизни страны. Постсоветский кризис обусловил не только поиск выхода из него, но и определение стратегии развития, защиты интересов государства в условиях борьбы за многополярный мир. Эскалация по сути санкционной блокады страны по политическим, экономическим, социально-культурным вопросам в настоящее время особо актуализирует проблему самодостаточности потенциала выживания. Ситуация только подтверждает обоснованность национальных проектов модернизации, цифровизации, перехода на новый уклад хозяйствования. Совокупность этих требований времени логично ставит в повестку дня проблему кардинальной реформы действующей системы образования.

Историческим аргументом для такой постановки вопроса является, на наш взгляд, практика советской поэтапной модернизации школы, которая рассматривалась в XX веке в качестве базового условия успешного решения планов форсированной советской реконструкции, послевоенного восстановления, обеспечения научно-технического прогресса.

Между тем, с середины 1980-х гг. российская школа переживает состояние практически не прекращающегося эксперимента: внедряются различные программы и методики обучения, взятые из западных моделей образования. Сложилась разнородная по содержанию, во многом потерявшая социально-культурную ориентацию, сеть школ. Знание опыта других государств полезно.

Однако, как показал новейший российский опыт, игнорирование достижений советской школы, потери в традиционной педагогике сопряжены с утратой национально-культурной идентичности, преемственности поколений. Поэтому необходимо критическое переосмысление накопленного, отбор всего полезного из прошлого и разумное заимствование инноваций, доказавших свою эффективность. Следует найти разумный баланс, который, например, сегодня демонстрируют организаторы Всероссийского чемпионатного движения по профессиональному мастерству, сменившего World skills в России. Целью Чемпионата является создание условий и системы мотивации, способствующих повышению значимости и престижа рабочих профессий, профессиональному росту молодежи. В нем участвуют студенты средних профессиональных учебных заведений, школьники, а также молодые специалисты, работающие в определенной сфере, смежных направлениях почти 250 компетенций. Это десятки тысяч молодых ребят в возрасте от 14 до 35 лет.

В связи с остротой постановки вопроса повышения популярности рабочих профессий, поднятия стандартов профессиональной квалификационной подготовки мастеров в области массовых и востребованных профессий вполне закономерным представляется научный и практический интерес к историческому опыту развития российской системы школьного образования, как в целом, так и к отдельным ее аспектам. В частности, отдельного внимания заслуживает государственная программа политехнической реформы, которая во второй половине XX в. существенно изменила содержание образовательной и воспитательной работы в советской школе. Эта программа по своему содержанию и целям имела общие с современными проектами задачи профессиональной ориентации образования, профильной подготовки кадров, ориентированных на общенациональную стратегию развития.

Северная Осетия как национально-автономная республика в составе РСФСР отразила все этапы политехнизации советской школы от зарождения и разработки идеи до ее реализации на практике в союзной республике. Более того она была одним из тех регионов, где особенно активно внедрялись эксперименталь-

ные формы работы. Анализ этих факторов позволяет не только составить достаточно полное представление о ходе реализации программы политехнического образования, выяснить его отрицательные и положительные стороны, проанализировать и оценить результаты, но и существенно дополнить картину реформирования советской школы с привлечением своеобразного местного материала.

Создание единой трудовой школы. В истории советской школы опыт практического внедрения идеи политехнизации был впервые применен в 1920-е гг. В соответствии с декретами ВЦИК «Положение о единой трудовой школе» (30 сентября 1918 г.) и «Основные принципы единой трудовой школы» (16 октября 1918 г.), школа должна была стать местом организации образования в соответствии с запросами общественного развития, а труд являлся основой школьной жизни, средством обучения и воспитания⁵⁶. При этом, как подчеркивал один из организаторов новой школы А.В. Луначарский, «цель трудовой школы отнюдь не дрессировка для того или другого ремесла, а политехническое образование, дающее детям на практике знакомство с методами всех важнейших форм труда, частью в учебной мастерской или на школьной ферме, частью на фабриках, заводах и т.п.»⁵⁷

Строительство единой трудовой школы в советской России, в том числе на национальной периферии, происходило в сложнейших условиях послереволюционной разрухи и Гражданской войны. Огромный урон был нанесен существовавшей школьной сети Северной Осетии. К 1922 г. во Владикавказе и Осетинском округе количество школ значительно сократилось по отношению и без того к невысокому дореволюционному показателю и составило примерно 70%, т.е. 75 школ. Обучением было охвачено менее четверти детей школьного возраста⁵⁸. Тем не менее вопросы

⁵⁶ Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964. С.374 -379.

⁵⁷ Луначарский А.В. Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г // Народное образование. 1999. № 10. С. 42.

⁵⁸ Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. С. 34.

политехнизации школы, внедрения различных уклонов (сельскохозяйственного, индустриального) активно обсуждались среди организаторов осетинской школы. Одни утверждали, что школа должна иметь только сельскохозяйственный уклон, потому что большинство населения занято в сельском хозяйстве. Другие, исходя из убеждения о возможности изменения аграрного характера экономики региона, настаивали на необходимости внедрения и промышленного уклона. Однако в реальности политехническая реформа в первые послереволюционные годы в условиях хозяйственной разрухой, крайне слабого финансирования сферы образования (несмотря на то, что расходы на организацию системы образования в 1923 г. составили 24% бюджета Горской республики⁵⁹, выделенные средства ни в коей мере не покрывали нужды школы) носила скорее формальный характер. К примеру, земельные участки, выделяемые школам для опытной работы, как правило, использовались в качестве источника пополнения продуктовых запасов учителей, испытывавших большие материальные затруднения в связи с высоким уровнем инфляции, перебоями в выплате заработной платы и пр.⁶⁰

С 1923 г. на фоне постепенной стабилизации экономической ситуации, роста ассигнований на народное образование началось постепенное восстановление и дальнейшее развитие разрушенной школьной сети, налаживание процесса обучения. В 1921-1923 гг. большинство школ уже работали по учебным планам и программам Наркомпроса Горской республики, подготовленным в соответствии с планами и программами ГУСа Наркомпроса РСФСР. Впрочем, некоторые школы, например в с. Гизели, занимались по собственным учебным планам и программам.

Советская школа активно экспериментировала в соединении обучения с трудовой деятельностью и общественной работой, в политехнизации. В 1924 г. школам было предложено перейти на новые учебные планы и комплексные программы, разработанные Государственным ученым советом Наркомпроса РСФСР. Вместо традиционного для отечественной школы предметного принци-

⁵⁹ Там же. С. 37.

⁶⁰ Там же. С. 35, 41.

па изложения учебного материала вводилась новая форма обучения, обеспечивавшая, по мнению реформаторов, складывание у школьников материалистического мировоззрения на основе тематического изучения окружающего мира. Учебные дисциплины отныне должны были изучаться не на соответствующих уроках, а по темам: «Трудовая деятельность людей», «Природа как объект трудовой деятельности людей» и др. Одновременно пропагандировались лабораторные методы, коллективные формы занятий, самостоятельная работа, при которой учитель исполнял функции консультанта. При этом следует подчеркнуть, что предлагаемые программы Наркомпроса носили не обязательный, а рекомендательный характер. Поэтому многие учителя считавшие, что внедрение новых методов обучения не обеспечивает систематических знаний, продолжали придерживаться старых приемов обучения⁶¹. Правомерность подобного мнения подтверждалась на практике.

Однако к концу 1920-х гг. для руководства страны стало очевидным, что новая советская школа как одно из ключевых звеньев образовательного процесса не выполняет функций подготовки подрастающих поколений к «общественно полезному труду»; не дает объема знаний, достаточного для продолжения учебы в профессиональной школе. Между тем, ускоренная модернизация страны в годы первых пятилеток, необходимость технического и технологического освоения вводимых в строй производственных мощностей предъявляли растущий спрос на грамотные квалифицированные кадры специалистов. Постановления ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» (25 июля 1930 г.), «О начальной и средней школе» (25 августа 1931 г.) и «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (25 августа 1932 г.) положили начало масштабному реформированию школы в соответствии с социально-экономическими запросами времени. При этом на данном этапе отказа школы от политехнизации как востребованной формы обучения и воспитания не произошло. Политехническое обучение продолжало рассматри-

⁶¹ Вдовин А.И. СССР. История великой державы. (1922-1991 гг.). М., 2023. С. 111.

ваться «составной частью коммунистического воспитания». В соответствии с постановлениями ЦК оно должно было знакомить учащихся «в теории и на практике со всеми главными отраслями производства», проводить «тесную связь обучения с производительным трудом». Исходя из этих положений, наркоматам союзных республик на протяжении 1931 г. рекомендовалось «широко развернуть сеть мастерских и рабочих комнат при школах, сочетая эту работу с прикреплением школ к предприятиям, совхозам, МТС и колхозам на основе договоров»⁶².

В Северной Осетии, прежде всего во Владикавказе, следуя указаниям органов образования по вопросам политехнизации, приступили к организации мастерских и рабочих комнат, куда по возможности направляли учителей труда, получивших специальную подготовку. Для педагогов с целью «повышения политехнической грамотности» организовывали специальные курсы подготовки и переподготовки. Местные власти обязывали промышленные предприятия оказывать школам помощь в организации мастерских, рабочих комнат и в повышении политехнической подготовки. Ведущие предприятия Северной Осетии – завод «Электроцинк», Бесланский маисовый комбинат, Вагоноремонтный завод, Садонское рудоуправление, «ГизельдонГЭС», лесозавод «Красное знамя» были связаны со школами договорными обязательствами. Они помогали в налаживании политехнического обучения в школах, передавали школам списанное оборудование, инструменты, отходы сырья⁶³.

Однако, несмотря на видимость предпринимаемых шагов в осуществлении идеи политехнизации, положительные факты были скорее исключением, чем общим правилом школьной жизни. В основном сохранялся формальный подход к реализации идеи политехнического обучения. Политехнизация была плохо поставлена в ее учебной части, осуществлялась в отрыве от прочного усвоения необходимых знаний, особенно по физике, химии, математике. Не решала и воспитательных задач. Труд учащихся

⁶² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Москва, 1985. Т. 5. С. 356.

⁶³ Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. С. 54-55.

обычно использовали на операциях, не требовавших какой-либо квалификации, как правило, в ходе выполнения предприятиями хозяйственных планов, но без педагогической «оснастки», без внимания к овладению школьниками техническими знаниями и практическими навыками⁶⁴.

В конечном итоге, низкая результативность общеобразовательной подготовки учащихся, проистекавшая из непродуманности учебных программ и обучающих методик, широкое применение «бригадно-лабораторного метода», обезличивавшего учебную работу, игнорировавшего роль педагога и снижавшего ответственность учеников за индивидуальные успехи в учебе, отсутствие должной дисциплины, материальная необеспеченность организации учебного процесса стали побудительными мотивами, заставившими отказаться от многих экспериментов 1920-х гг. в системе образования.

Уже к середине 1930-х гг. общеобразовательная школа фактически вернулась к традиционной модели преподавания. Урок с установленной группой учащихся со строго определенным расписанием занятий и школьным режимом снова стал основной формой организации учебной работы. Вводились обязательные государственные программы обучения, стабильные учебники, строгий порядок учебного процесса. Жесткие требования предъявлялись к оценке знаний. С 1933 г. вместо двухбалльной была введена четырехбалльная, а с 1935 г. – пятибалльная система оценок успеваемости. Одновременно из школьной практики уходило политехническое обучение. С 1936 г. повсеместно отменено преподавание труда как самостоятельной дисциплины. «Политехнический кругозор» школьников теперь формировался лишь с помощью редких производственных экскурсий, приобретал умозрительный характер⁶⁵.

Однако идея политехнического обучения не была предана забвению. Она стала вновь актуальной в послевоенный период. В теоретическом плане суть предпринятой в середине 1950-х гг.

⁶⁴ Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941. М., 1988. С. 110, 112.

⁶⁵ Там же. С. 110-113.

реформы сводилась к «укреплению связи школы с жизнью». На практике она должна была помочь восполнить растущие потребности развивающегося народного хозяйства в квалифицированных рабочих кадрах. Реформа, вместе с тем, была призвана преодолеть сформировавшиеся ранее в обществе психологические стереотипы отношения к физическому труду.

Политехнизация школы в 1950-1960-е гг. Давая общую сравнительную оценку политехнизации школы в послевоенный период на основе, в частности, Закона 1958 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования», и школьной реформы 1920-х гг., следует отметить коренное, качественное отличие практических целей. Реформа 1920-х гг., как уже было отмечено, преимущественно была направлена на формирование материалистического мировоззрения на основе тематического изучения окружающего мира. Идеологи политехнического образования 1920-х гг. видели в нем фундамент для профессионализации, основу для воспитания «сознательной социально активной личности», нового советского человека. Политехнизация советской школы в 1950-1960-е гг. также нацеливалась на воспитание гражданина своей страны, но уже обладающего практическими знаниями и навыками, востребованными в условиях научно-технической революции.

В целом сравнительный анализ реформ 1920-х и второй половины 1950-х – 1960-х гг. в системе школьного образования СССР указывает не на сущностные отличия задач, а на качественно иные, более сложные сочетания в их содержании. При сохранении базовых задач воспитания идейно-политических установок социалистического общества возникла необходимость обучения советского человека передовым практическим методам строительства материально-технической основы социализма. Именно на этот аспект проблемы применительно к конкретным условиям Северной Осетии указывали участники республиканской конференции по вопросам воспитательной работы среди учащихся в г. Орджоникидзе в 1956 г., призывавшие воспитывать у молодежи «правильное отношение к труду»⁶⁶.

⁶⁶ ЦГА РСФСР-А. Ф. 786. Оп.1. Д. 668. Л. 20.

Одновременно с теоретическим обоснованием началась разработка конкретных мер по осуществлению задач политехнического обучения. В 1954/55 учебном году в порядке эксперимента в отдельных школах страны перешли на новые учебные планы и программы. В школах вновь создавались мастерские, росла численность специализированных кабинетов по предметам естественного цикла и увеличивалась доля этих предметов за счет гуманитарных часов в сетке учебных планов. В начальную школу вернули уроки труда⁶⁷.

В Северной Осетии реорганизация учебно-воспитательной работы на принципах политехнизации началась с 1955/56 гг. В старших классах городских и сельских школ вводилось преподавание машиноведения, электротехники и основ сельскохозяйственного производства. В 1957/58 учебном году по новому учебному плану занимались 16 из 99 средних школ⁶⁸.

Однако реализация идеи политехнического обучения с самого начала столкнулась с множеством препятствий. Политехническая реформа была хорошо отработана в декларативной части, но гораздо хуже обеспечена в материальном и организационном плане. Средства, выделяемые на оборудование мастерских, не обеспечивали нужд школ. Восполнить имевшуюся нехватку в средствах обязали промышленные предприятия, МТС, колхозы и совхозы республики. Однако в школы, как правило, передавались оборудование и инструментарий, отработавшие свой срок и непригодные для обучения детей. Лишь некоторые городские школы располагали станочным оборудованием. Недоставало подручного материала. Всегда в дефиците были доски, жест, электрооборудование и т.д.⁶⁹

Мастерские создавались спешно, размещались в непригодных для этого помещениях, не удовлетворявших требованиям безопасности труда и санитарии. Отсутствовали и педагогические кадры, способные на профессиональном уровне проводить уроки труда, практикумы и практические занятия по машинове-

⁶⁷ Там же. Л. 13-14.

⁶⁸ Там же. Д. 724. Л. 22-23.

⁶⁹ Там же. Д. 683. Л. 16.

дению, электротехнике, растениеводству. Усилий Республиканского института усовершенствования учителей, предпринимаемых в этом направлении, было явно недостаточно⁷⁰.

Трудности по осуществлению программы политехнического обучения усугублялись проблемами морально-психологического порядка. Руководством школ, промышленных предприятий и других организаций, на которых возлагались обязанности по обеспечению исполнения этой программы, она часто воспринималась как отвлечение от основной деятельности и трата «вхолостую» времени и материальных сил, т.е. как очередная «обязаловка». В комплексе мероприятий по политехнизации школ их обязанности, как правило, не конкретизировались, хотя формулировки типа «обязать», «привлечь» и прочие использовались широко.

Устойчивость связей между шефами и их подопечными во многом зависела от финансовых и технических возможностей предприятий. Поэтому здесь наибольшую помощь школам могли оказать ведущие предприятия Северной Осетии: заводы «Электротрактор», «Электроцинк», «Победит», Вагоноремонтный завод, Бесланский маисовый комбинат. Они помогали в организации и оборудовании учебно-производственных мастерских, создании кабинетов естественного цикла, предоставляли базу для прохождения производственной практики⁷¹. Эффективность трудовой практики на базе отмеченных предприятий, по мнению обучавшихся и обучавших, оставляла желать лучшего (как правило, обучение профессии сводилось к овладению простейшими рабочими операциями). Тем не менее, складывавшиеся между ними отношения были своего рода «оазисами благополучия» на общем фоне пассивного сопротивления проводимой политике реформирования школы, увязавшей в формально проводившихся мероприятиях.

Составной частью трудового воспитания школьников являлась организация пришкольных участков и учебно-опытных станций. В 1956/57 учебном году в 186 школах имелись опытные участки. Учащиеся специализировались на выращивании

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л.15; Д.719. Л. 15-17.

фруктовых деревьев, плодово-ягодных кустарников, овощей. Наибольшее распространение пришкольные участки получили в сельской местности⁷². Удачным был опыт работы на пришкольных участках и ряда городских школ. В 1962 г. группа юннатов школы № 21 г. Орджоникидзе, а также лучшие опытнические участки ряда сельских школ побывали на Выставке достижений народного хозяйства в Москве⁷³.

Особую популярность приобрели ученические бригады, признанные наиболее эффективной формой в решении задач политехнического обучения школьников. Несмотря на то, что руководство колхозов и совхозов с большой настороженностью относилось к новым производственным структурам (ученическим бригадам выделялись худшие участки земли, их не обеспечивали необходимым инвентарем, машинами, не оказывали квалифицированной помощи), популярность их, поддерживаемая партийными решениями, росла с каждым годом⁷⁴.

В 1959 г. 70 ученических бригад, объединявших 6 тыс. школьников, были заняты обработкой около 5 тыс. га земли. Учащиеся осуществляли весь комплекс сельскохозяйственных работ от посева до уборки урожая. По данным Министерства просвещения Северо-Осетинской АССР, в этих бригадах были подготовлены 1357 специалистов по сельскохозяйственным специальностям, в том числе 170 трактористов, 260 шоферов, 108 животноводов, 80 полеводов⁷⁵.

Большую известность получила в те годы ученическая бригада средней школы с. Кадгарон. В 1959 г. она вырастила урожай кукурузы на площади 149 гектаров по 170 центнеров в початках с каждого гектара⁷⁶. На фоне всеобщей кукурузной эйфории несомненный успех не остался незамеченным. Кадгаронских школьников поздравил сам Н.С. Хрущев. В ноябре 1959 г. принято постановление Северо-Осетинского обкома КПСС «Об опыте работы ученической производственной бригады Кадгаронской

⁷² Там же. Д. 683. Л. 165; Д. 719. Л. 7.

⁷³ Социалистическая Осетия. 1962. 3 августа.

⁷⁴ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 822. Л. 69.

⁷⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 719. Л. 15; Д. 724. Л. 76.

⁷⁶ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 81.

средней школы». Школам республики рекомендовалось популяризировать методы работы кадгаронцев. Определялись также льготы членам ученической бригады при поступлении в высшие учебные заведения⁷⁷.

В сельской местности ученические бригады фактически стали «пробным камнем», а затем основанием для радикальной реформы школьной системы конца 1950-х – начала 1960-х гг. Кульминационным документом реформы явился закон «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР», принятый 24 декабря 1958 г. сессией Верховного Совета СССР.

В Северной Осетии закон о реформе школьного образования предусматривал введение всеобщего обязательного восьмилетнего образования для детей и подростков с 1961/62 учебного года. Перевод школ с семилетнего на восьмилетнее обязательное обучение начался с 1959/60 учебного года. С 1 сентября на новый учебный план перешла двадцать одна школа. В этих школах, наряду с изучением основ наук, учащиеся 9-х классов должны были проходить производственное обучение на базе промышленных предприятий, колхозов и совхозов. Выбор специальностей осуществлялся по распоряжению Совета Министров республики в соответствии с потребностями организаторов производственной практики. По возможности рекомендовалось учитывать и желание учащихся. Однако оговоримся сразу, такой возможности практически никогда не было⁷⁸.

В 1964/65 учебном году в Северной Осетии работало около ста одиннадцатилетних школ с производственным обучением, составлявших почти половину общеобразовательных школ республики. В них насчитывалось более 9 тыс. учащихся 9-11 классов. В этом году был произведен выпуск из 11-х классов 2100 человек, специализировавшихся по различным сельскохозяйственным и рабочим профессиям. По производственным специальностям в 43 городских школах обучались 4846 человек, в 54 сельских школах 3810 человек⁷⁹.

⁷⁷ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18. Л. 93-94.

⁷⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 1. Д. 724. Л. 70-71.

⁷⁹ Там же. Оп. 2. Д. 46. Л. 1-2.

Реализация Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования СССР» шла с большим трудом. Это обуславливалось многими причинами: необеспеченностью материально-технической и финансовой базы реформы, отсутствием профессионально подготовленных мастеров производственного обучения. Большое значение имело психологическое неприятие обществом преобразований, усложнявших учебными занятиями повседневную производственную деятельность и вызывавших пассивное сопротивление. Тем не менее, в 1964 г. для производственного обучения на предприятиях Северной Осетии были созданы 16 участков, 5 учебных цехов на 310 рабочих мест с пропускной способностью в 740 человек. В свою очередь межшкольные производственные мастерские обслуживали в течение дня 620 учащихся. В целом всего этого было недостаточно для осуществления политехнизации всей школьной сети. Поэтому остальные учащиеся размещались в общих цехах на местах рабочих, что существенно затрудняло последовательное, систематическое прохождение программного материала и организацию производственного обучения⁸⁰.

Программу политехнизации школ, требовавшую капитальных и профессиональных вложений, промышленные предприятия все более воспринимали как обузу, как отвлечение от основной производственной деятельности. По мере возможности, они игнорировали обязанности, возлагавшиеся на них советскими и партийными органами. К примеру, не было выполнено постановление органов Северо-Кавказского экономического района о дополнительном выделении в 1964/65 г. 195 рабочих мест на предприятиях республики. Из-за отсутствия необходимой производственной базы 60–70% учащихся вынуждены были наблюдать трудовые операции со стороны и за три года обучения в политехнической школе фактически не получали специальности⁸¹.

⁸⁰ Там же. Л. 2.

⁸¹ Текиев В.Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989. С. 41; ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 47. Д. 10. Л. 36.

Осознание тщетности моральных, материальных, временных затрат на производственное обучение не прибавляло популярности идее политехнизации школы. По приобретенной в школе специальности работало незначительное количество выпускников. Подавляющее большинство их избрало работу и учебу в сферах, совершенно не имевших отношения к полученной рабочей или сельскохозяйственной профессии⁸². Таким образом, главная цель политехнического обучения в школе – создание квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства – не достигалась.

Все эти факторы проявлялись на фоне критического отношения всех слоев общества к дальнейшей реализации программы политехнического обучения. Поступление в вуз теперь полностью зависело от производственного стажа и общественно-производственной характеристики, а не от успехов в овладении основами наук в средней школе. Помимо этого, вузы должны были оставлять все большее число мест учащимся, прошедшим производство, и строить сложную систему звеньев-посредников между предприятиями и учебными заведениями.

Уже промежуточные итоги реформы вызывали недовольство. Интеллигенция возражала против реформы потому, что она лишала детей решающих преимуществ в получении высшего образования. Представители других слоев общества возмущались тем, что успехи их детей в школе, которые они полагали достаточными для дальнейшего продвижения по социальной лестнице, были дискредитированы неуместным «орабочиванием» и восхвалением производства, которое было вовсе нежеланно для них. Руководители предприятий также были встревожены перспективой наплыва «транзитных» на пути в вуз рабочих, вносящих беспорядок и дезорганизацию в производство⁸³. Пассивное сопротивление всех этих социальных категорий негативно отражалось на общественном рейтинге реформы, которая и без того пробуксовывала по техническим причинам.

Ко всему прочему, чрезмерное расширение количества часов на производственное обучение в школе, несмотря на лишний год

⁸² Социалистическая Осетия. 1965. 20 сентября.

⁸³ Верг.Н. История советского государства. М., 1994. С. 411.

обучения, привело к резкому ухудшению качества изучения основных наук. Данное обстоятельство в значительной мере объяснялось тем, что старшеклассники теряли мотивацию к учебе. Известный российский социолог М.Н. Руткевич отмечал: «Они ежедневно задумывались над вопросами такого рода: к чему изучать бином Ньютона, если я получаю специальность токаря или швеи, для овладения которой его знание не требуется?»⁸⁴.

Снижение показателей успеваемости и по сельским, и по городским школам было настолько очевидным, что уже в 1960 г. органы народного образования забили тревогу. Снижалось не только качество знаний учащихся старших классов, но и наметился отток их из школ. Старшеклассники, которые хотели получить рабочую профессию, предпочитали покинуть школу, рассуждая примерно так: для получения рабочей специальности целесообразнее поступить на год-два в училище, чем учиться в школе еще три года. Те из них, кто готовил себя к вузу, уходили после 8-го класса на производство и одновременно поступали в школу рабочей молодежи (ШРМ). Они выигрывали сразу по двум каналам: учились в ШРМ всего два года (вместо трех в «детской школе») и «зарабатывали» двухлетний производственный стаж⁸⁵.

Таким образом, реформа вызвала недовольство всех слоев общества. Ее итоги были неутешительны. Она ухудшала общий уровень подготовки школьников и не давала профессиональной квалификации. Государство, вынужденное считаться с отмеченными обстоятельствами, пыталось вносить коррективы в программу политехнизации школьного образования. Под видом организационной настройки программы политехнизации в августе 1964 г. срок производственного обучения после восьмого класса был сокращен с трех до двух лет. Тем самым школа вновь превратилась в десятилетнюю.

В школах Северной Осетии с этого времени сокращается число учебных мастерских. Под видом создания комбинированных мастерских в одном помещении сосредоточивались слесарное,

⁸⁴ Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965-2002). М., 2002. С. 29.

⁸⁵ Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи. С.30.

столярное оборудование и деревообрабатывающие станки, одновременно сокращались рабочие места для проведения уроков труда⁸⁶. По сути, происходившие процессы означали свертывание программы политехнического обучения в школе.

В марте 1966 г. Президиум Верховного Совета СССР принял поправку к Закону 1958 г., установив, что школа дает учащимся профессиональную подготовку лишь там, где для этого имеются необходимые условия. Эта поправка, формально подразумевающая оптимизацию реформы, только ускорила ее свертывание. В Северной Осетии одними из первых на поправку отреагировали промышленные предприятия, лишив многие школы производственной базы. Последние осознали «потерю», но не стали оборудовать школьные кабинеты и лаборатории для проведения практикумов с учащимися старших классов. Более того уменьшилось количество специализированных кабинетов, например, по электротехнике. Во многих школах читался лишь теоретический курс по данному предмету.

Снижение интереса органов народного образования к проблемам политехнизации было подвергнуто критике местными органами власти со ссылкой на указание ЦК КПСС и Совета Министров СССР о том, что советская школа и впредь будет развиваться как общеобразовательная, трудовая и политехническая⁸⁷.

Однако эта декларация была не более чем попыткой сохранения репутации власти в глазах общества. Возврат к политехнизации в прежней форме был уже невозможен. То, насколько быстро школы и промышленные предприятия, в наибольшей мере ответственные за практическое претворение в жизнь программы политехнического обучения школьников, отказались от ее реализации, свидетельствовало лишь о том, что эта идея в представленной форме исчерпала себя.

Анализ хода политехнической реформы показал, что ее не удалось встроить в сложившуюся образовательно-производственную, социальную систему формирования нового человека. Жизнь подвела итоги проекта создания трудовой школы, осуществлявшегося на протяжении второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг.

⁸⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 786. Оп. 2. Д.46. Л. 12.

⁸⁷ Там же. Л. 12-14.

Считать ли эту попытку неудавшейся? На первый взгляд, с подобным мнением можно согласиться. Однако, подводя итоги реформы с учетом текущих интересов оптимизации действующей системы образования для решения проблем подготовки специалистов цифровой экономики, опыт следует оценить как весьма полезный.

Реформа отвечала запросам времени. Она была обусловлена потребностью в квалифицированных рабочих кадрах в условиях внедрения новых технологий в промышленное производство страны, развития атомной, энергетической промышленности, точного приборостроения, оптики, машиностроения и т.д. В Северной Осетии именно в 1960-1970-е гг. были введены в эксплуатацию заводы оборонной промышленности. Они способствовали росту престижа технического знания, вызвали расцвет Северо-Кавказского горно-металлургического института и бум производственно-технических училищ.

Несмотря на объективную потребность в реформе, приходится признать, что общеобразовательная школа в 1950-1960-е гг. не справилась с объемом задач, которые не соответствовали ее возможностям. Поэтому советское государство, оперативно проанализировав результаты политехнизации и признав их неудовлетворительными, сосредоточило интеллектуальные усилия на поиске более эффективной модели политехнического образования. Учтя многие ошибки политехнической реформы школы и ее положительный опыт, оно приступило к созданию качественно новой системы подготовки квалифицированных рабочих через сеть профессионально-технических учебных заведений.

Суть перестройки системы профессионально-технического образования в 1960-1970-е гг. заключалась в преобразовании школ ФЗО, ремесленных, железнодорожных, горнопромышленных, строительных училищ, училищ механизации и других подобных учебных заведений разноразовного подчинения в городские (со сроком обучения от 1-го до 3-х лет) и сельские (со сроком обучения от 1-го до 2-х лет) профтехучилища с дневной и вечерней формами обучения. Координацией их деятельности занимался Государственный комитет по профессионально-техническому

образованию, созданный на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 11 июля 1959 г. «Об улучшении руководства профессионально-техническим образованием в СССР» взамен Главного управления трудовых резервов при Совете Министров СССР⁸⁸.

Средняя общеобразовательная школа, освободившись от производственных практик, только выиграла. Она вернулась к классической модели обучения, получив вновь возможность выполнять важнейшую функцию – давать прочные и глубокие знания учащимся по предметам гуманитарного и естественного цикла. Опираясь на закон о всеобщем обязательном восьмилетнем образовании, она обеспечивала надежную базу для профильной ориентации в сфере образования. Новый этап реформы снял социальные точки напряжения, возникавшие из-за упомянутого выше «орабочивания» претендентов на поступление в вузы, обеспечил другим выпускникам школ свободу выбора рабочих специальностей.

В заключение, рассматривая задачи реформирования современной школы, которые должны решаться в условиях очередного острого дефицита в квалифицированных рабочих кадрах, следует крайне серьезно отнестись к опыту всех этапов политехнизации советской школы. На наш взгляд, он является ценным материалом аналитического поиска и определения целевых диапазонов новой системы профессиональной ориентации школьников и подготовки молодых рабочих кадров.

Конечно, в условиях хронического дефицита финансирования современной системы школьного образования, прежде всего, следует обратить внимание на последствия реформы политехнизации 1950-1960-х гг. со слабой материальной оснащенностью. Они поучительны. Их социальные итоги также должны соизмеряться с ответственностью исполнителей. В настоящее время уже нет места для безответственных экспериментов, авантюрных забеганий вперед, также как недопустимы проволочки и прожектерство.

⁸⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. за 50 лет. В 5 тт. М., 1968. Т. 4. С. 603-606.

Современные информационные технологии создали революционные условия для овладения сотнями профессий на производстве, где компьютер управляет сложнейшими станками. Элементы политехнизации, привнесенные в школьный предмет «информатика», их развитие и дальнейшее профилирование, например, с привязкой к конкретным производствам и профессиям в корне меняют отношение учащихся в учебных заведениях к компьютеру. Для них навыки владения компьютерными технологиями реально становятся средством получения профессии и, следовательно, обеспечения жизненных перспектив. Опираясь на эту тенденцию в сфере образования, дальнейшее развитие политехнизации позволяет грамотно решать задачи модернизации конкретных отраслей экономики региона. В культурно-воспитательном плане она ускорит инновационные процессы в системе образования, избавит процесс воспитания от существенной доли инфантилизма и сделает более осмысленной программу обучения будущих кадров.

3. Система профессионально-технического образования в Северной Осетии в контексте государственной образовательной политики 1940–1980-х гг.

В настоящее время российское общество переживает сложный период развития, сопровождаемый объективными процессами, происходящими в мировой геополитике, экономике и социально-демографической сфере. Мир проходит этап разрушения глобалистской и однополярной модели, в ходе которого Россия предстает как авангард инновационного строительства. Эта претензия вызвала острейшую конфронтационную реакцию Запада, выраженную в тотальном санкционном давлении, в сдерживании на уровне бойкота и экономической блокады. В результате существенному пересмотру подвергнуты заявленные ранее национальные проекты и программы общей модернизации страны.

В сложившихся условиях актуализировались вопросы импортозамещения в экономике, поиска внутренних резервов для проведения социальных структурных реформ. Эти задачи объек-

тивно упираются в ключевую для российского общества проблему подготовки квалифицированных кадров, способных соответствовать вызовам времени. Одним из базовых направлений здесь является формирование слоя образованных квалифицированных рабочих кадров. На фоне санкций и целей импортозамещения они должны быть способны осваивать в производстве современные технологические новации, иметь квалификационный потенциал применения достижений цифровой экономики на уровне перспективного экономического уклада.

Данная государственная постановка проблемы подготовки квалифицированных рабочих кадров обращает исследователей, равно как и разработчиков перспективных планов, к опыту прошлого, соотносимого по содержанию со сложившейся ситуацией. Таковым, на наш взгляд, является послевоенный период развития советской системы подготовки квалифицированных рабочих кадров. Использование опыта этого времени представляет большой научный и практический интерес, поскольку демонстрирует системный, комплексный подход к формированию и функционированию начального профессионального образования. Отдельное практическое значение имеет региональный сегмент темы, прежде всего, при разработке новой концепции развития локальной системы профессионально-технического образования, адаптированной, в частности, к современным запросам структурной перестройки экономики Северной Осетии.

В качестве предыстории отметим, что начало советской системе профессионально-технического образования было положено 20 июня 1919 г. декретом СНК РСФСР «О мерах к распространению профессионально-технических знаний»⁸⁹. В 1921 г. было утверждено положение о школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). В конце 1920-х гг. с целью укрепления материально-технической базы профессиональной школы учебные заведения этого профиля были переданы из ведения Главного комитета профессионально-технического образования (Главпроф), с последующей его ликвидацией, в юрисдикцию

⁸⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 438.

отраслевых наркоматов. Сосредоточение этих учебных заведений при хозяйственных организациях на тот момент произвело положительный эффект, поскольку оно давало возможность готовить кадры с учетом специфики различных отраслей производства. К 1940 г. школы ФЗУ страны подготовили 2,8 млн. квалифицированных рабочих⁹⁰. Но у наркоматов и ведомств не было единого подхода к постановке профессионального обучения, отсутствовало перспективное планирование. Между тем, в преддверии войны милитаризованная экономика испытывала большую потребность в квалифицированных рабочих и требовала совершенствования системы профессионально-технического образования.

Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» от 2 октября 1940 г. был направлен на решение этой задачи. Предусматривалось создание централизованной системы производственно-технической подготовки квалифицированных рабочих в масштабах всей страны. В соответствии с указом создавались три типа училищ и школ, заменявших школы ФЗУ: двухгодичные ремесленные и железнодорожные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО) с шестимесячным сроком обучения. Вся эта система подчинялась единому государственному органу – Главному управлению трудовых резервов при СНК СССР⁹¹. Одновременно создавались региональные управления, которые контролировали деятельность учебных заведений этого профиля на местах.

12 октября 1940 г. на основе постановления СНК Северо-Осетинской АССР было создано республиканское Управление трудовых резервов, что стало серьезным шагом к качественно новому подходу в системе подготовки рабочих кадров. Этот подход опирался на уже созданную сеть учебных структур: ремесленное училище, а также различные школы и курсы. В соответствии с

⁹⁰ Воронец С.Н. Военно-промышленный комплекс СССР и Ленинграда накануне Великой Отечественной войны: создание системы государственных трудовых резервов// Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 55. С. 56.

⁹¹ История советского рабочего класса. В 6-ти тт. М., 1984. Т. 3. С. 118.

этим постановлением дополнительно в г. Орджоникидзе были организованы второе ремесленное училище и школа фабрично-заводского обучения (ФЗО). Еще одна школа ФЗО открылась в рабочем поселке Садон⁹². Действовавшие и вновь созданные учебные заведения готовили рабочих разных специальностей: металлургов, шахтеров, токарей, слесарей, каменщиков, жестянщиков, телеграфистов и т.д.

Созданная в предвоенный год сеть учреждений профтехобразования во главе с Управлением трудовых резервов сумела обеспечить рабочими кадрами важнейшие производства в ходе войны и в восстановительный период. Несмотря на объявленную Советскому Союзу «холодную войну» и опустившийся «железный занавес», качество подготовки трудовых резервов в целом, в том числе рабочих кадров для производства, обеспечило не только восстановление экономики, но и решило жизненно важные проблемы обороноспособности страны.

Благодаря расширению сети профессионально-технических учреждений к 1950 г. в Северо-Осетинской АССР работали уже четыре училища и две школы ФЗО, в том числе специальное ремесленное училище для детей-сирот, родители которых погибли на фронтах Великой Отечественной войны. За прошедшие десять лет в системе Управления трудовых резервов было подготовлено около 12 тыс. квалифицированных рабочих для предприятий промышленности, строительства и железнодорожного транспорта республики⁹³.

Дальнейшее развитие сети профтехучилищ и частичное перепрофилирование диктовались новыми потребностями растущего общественного производства. В 1952 г. на базе школ механизации селений Кобань, Гизель и станицы Черноморская было открыто сельское профтехучилище № 1 (Черменская школа механизации). Училище готовило трактористов-машинистов и механиков-комбайнеров.

⁹² Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 1. С. 215.

⁹³ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 122; Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. С. 63-64.

В 1954 г. старейшему в Северной Осетии ремесленному училищу № 1 был придан полиграфический профиль. Училище стало одним из крупнейших учебных заведений, поставлявших кадры для типографий РСФСР. Многие выпускники училища, продолжив образование, впоследствии стали руководителями крупных типографий, квалифицированными мастерами. В республике хорошо было известно имя одного из выпускников училища, Героя социалистического труда, новатора производства, наставника молодежи Ф.Д. Ногаева⁹⁴.

Со второй половины 1950-х гг. развертывание научно-технической революции еще больше повысило спрос на квалифицированные рабочие кадры, вызвало необходимость совершенствования системы образования в СССР. Оно стимулировало рост числа учебных заведений, укрепление их материально-технической и учебной базы в стране, в том числе в национальных регионах. Так, высокие темпы жилищного строительства во второй половине 1950-х – 1960-е гг. явились важным фактором создания учебных заведений, готовивших квалифицированные кадры строителей. В 1956 г. на базе Завода железобетонных конструкций г. Беслан было создано профтехучилище № 8. Через два года в г. Орджоникидзе открыты строительное училище № 2 и строительная школа № 1, затем преобразованная в строительное училище № 1. Они готовили каменщиков, электромонтажников, электрогазосварщиков, штукатуров-маляров. Продолжалась практика перепрофилирования и на селе. В 1959 г. на базе упраздненной Виноградненской МТС было создано еще одно сельское училище в поселке Мирный Моздокского района.

Наряду с подготовкой рабочих кадров для отраслей тяжелой промышленности, строительства и сельского хозяйства больше внимания стало уделяться формированию кадров для сферы бытового обслуживания и легкой промышленности. В 1959 г. на базе «Севосетинпромсовета» было открыто училище, готовившее мастеров по пошиву верхней мужской одежды и женского легкого платья, а также обувщиков. Специалистов массово-

⁹⁴ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. Владикавказ, 1999. С. 98-100.

го пошива для швейного производства готовило ремесленное училище, созданное на базе ФЗУ Швейной фабрики имени С.М. Кирова. Через год они вошли в систему профессионально-технического образования республики. В 1964 г. учебно-курсовой комбинат, готовивший поваров, кондитеров, продавцов, был преобразован в профессионально-техническое училище Министерства торговли⁹⁵.

В конце 1950-х гг. в системе Северо-Осетинского республиканского управления профессионально-технического образования функционировали 14 училищ с контингентом учащихся в них 3394 человека. Достигнутый уровень преподавания, качество подготовки выпускников позволили Управлению трудовых резервов республики получить компетенции на создание училищ на территории соседней Кабардино-Балкарии. Из функционировавших 14 училищ четыре училища работали в восстановленной после реабилитации балкарцев Кабардино-Балкарской АССР. В них готовили квалифицированных рабочих по 30 профессиям, в том числе: слесари по ремонту пассажирских и грузовых вагонов, слесари-инструментальщики, лекальщики по промышленному оборудованию, токари-универсалы, формовщики-литейщики, печатники на плоскочечатных машинах, каменщики, штукатуры-маляры, арматурщики-бетонщики, технологи сахарного производства, механизаторы-комбайнеры, трактористы широкого профиля и др.

Как видим, за прошедшие два послевоенных десятилетия была создана разветвленная, гибкая, отвечающая на постоянно меняющиеся потребности народного хозяйства, республиканская сеть учреждений по подготовке рабочих кадров. С 1940 по 1959 г. училищами и школами Республиканского управления трудовых резервов было подготовлено 27 тыс. молодых квалифицированных рабочих. Большинство выпускников учебных заведений направлялись на промышленные и сельскохозяйственные предприятия, транспорт, стройки, колхозы и совхозы Северной Осетии и Кабардино-Балкарии в строгом соответствии с государственным планом распределения квалифицированных рабочих. К примеру,

⁹⁵ Там же. С. 101.

за три года, с 1957 по 1959 г. в системе Управления было подготовлено 5452 квалифицированных рабочих. Из них на предприятиях, стройках и в сельском хозяйстве Северной Осетии остались 2501 человек, Кабардино-Балкарии – 2008 человек. Остальные были направлены за пределы этих республик в Магадан, Омск, Красноярск, Бийск и Казахстан⁹⁶.

Новые государственные запросы в сфере подготовки квалифицированных рабочих кадров возникли согласно требованиям освоения целины, нефтяных и газовых промыслов Сибири, Урала, Дальнего Востока. В результате 11 июля 1959 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении руководства профессионально-техническим образованием в СССР». На его основе было аннулировано разделение училищ на: ремесленные, строительные и механизации сельского хозяйства и утвержден один тип – профессионально-техническое училище. Однако вскоре профильные задачи развития сельского хозяйства в условиях реформ, перехода к совнархозам, качественного изменения потребностей промышленного производства на фоне начавшейся научно-технической революции обусловили структурную реформу системы профтехобразования.

На основании приказа Главного управления профессионально-технического образования при Совете Министров РСФСР от 8 августа 1962 г. учебные заведения этой системы были преобразованы в единый тип городских и сельских профессионально-технических училищ. На местах были внесены изменения и в управленческие структуры. В Северной Осетии Управление трудовых резервов было реорганизовано в Управление профтехобразования при Совете Министров СО АССР, объединившее под своим началом профессионально-технические учебные заведения Северо-Осетинской и Кабардино-Балкарской АССР.

В 1963 г. в составе этого Управления находились 25 городских и сельских профессионально-технических учебных заведений. В них обучались более 6 тыс. человек. К примеру, в городских профтехучилищах обучение проводилось на базе 60 учебных мастерских, 68 учебных кабинетов и лабораторий. В течение не-

⁹⁶ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 134.

скольких лет в них было поставлено 116 единиц различного оборудования⁹⁷. Такой темп материально-технического развития училищ нуждался в постоянном росте финансовых затрат и кадровой поддержки. Для решения этих вопросов выход был найден в привлечении профильных предприятий. При их непосредственном участии строились учебные корпуса, общежития, оборудовались учебные мастерские.

Новой, более современной техникой и учебным оборудованием пополнялись сельские профтехучилища. При соучастии районных сельскохозяйственных управлений под учебные хозяйства выделялись дополнительные земельные площади; создавались агрохимические лаборатории; расширялись кабинеты агротехники. Учебные планы предусматривалось строить с учетом новейшего опыта возделывания сельскохозяйственных культур⁹⁸.

В целом к началу 1960-х гг. сложилась довольно разветвленная сеть профессиональных училищ и школ, готовивших рабочих разных специальностей для отраслей народного хозяйства. Интерес к подготовке кадров, вызывавшийся потребностями, значительно расширил ее масштабы. Отдельные заинтересованные министерства и ведомства создавали свои учебные заведения, другие оставались в ведении Управления профтехобразования. Ситуация значительно затруднила координацию и планирование деятельности учебных заведений. Разнородность программ подготовки в них требовала оперативного вмешательства с целью унификации и адаптации к потребностям народнохозяйственного комплекса.

Поэтому 9 июня 1969 г. для решения проблем координации было принято Постановлением Совета Министров СССР о создании единого центра управления системой подготовки квалифицированных кадров и утверждено Положение о Государственном комитете Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию. Новый орган управления был призван осу-

⁹⁷ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 134, 140; От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 102.

⁹⁸ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 140-141.

ществлять единое руководство этой сферой и нести ответственность за состояние и качество подготовки квалифицированных рабочих «с учетом требований современного производства, улучшение коммунистического воспитания учащихся, их нравственного, эстетического и физического развития»⁹⁹.

В связи с проблемами качества подготовки рабочих кадров несколько ранее, а именно 2 апреля 1969 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Оно закрепило положение о постепенном преобразовании профессионально-технических учебных заведений в «профессионально-технические училища по подготовке квалифицированных рабочих с 3-4-летним сроком обучения из числа молодежи, окончившей восьмилетние общеобразовательные школы, по наиболее сложным профессиям, требующим общего среднего образования...»¹⁰⁰.

По сути, реорганизуемые профессионально-технические учебные заведения создавались как учебно-производственные учреждения, призванные реализовать идею, которую не удалось осуществить в рамках общеобразовательной школы (политехническая реформа 1950-х – 1960-х гг.), то есть соединить общее и начальное профессиональное образование. Несомненно, опыт функционирования средней общеобразовательной школы на принципах политехнизации был учтен при разработке новой концепции государственной политики в области подготовки квалифицированных кадров рабочих посредством создания единой системы профессионально-технического образования. Профессионально-технические училища (ПТУ) должны были решить двудединую задачу: готовить квалифицированные кадры рабочих и давать всеобщее среднее образование. При этом снимались издержки ведомственного параллелизма. Единая целевая реформа удовлетворяла потребности научно-технического прогресса, содействовала укреплению обороноспособно-

⁹⁹ Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. М., 1987. С. 162.

¹⁰⁰ Там же. С. 168.

сти страны. В области организации системы обучения и воспитания в сфере профессионально-технического образования ПТУ стали важными звеньями реализации государственной политики.

В начале 1970-х гг. в соответствии с новейшими достижениями науки и техники Академия педагогических наук СССР по решению Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию разработала новые программы подготовки квалифицированных рабочих. Программы предусматривали качественные и количественные изменения профтехобразования на новом этапе научно-технической революции. Под их влиянием в Северной Осетии развитие системы производственно-технического обучения (ПТО) в 1970-е – 1980-е гг. происходило с учетом растущих запросов развивающейся экономики и социальной сферы.

Сеть профтехучилищ республики заметно расширилась и усовершенствовалась. Училища получили дополнительные материально-технические ресурсы. При непосредственном участии предприятий-шефов в них организовывались мастерские, учебные кабинеты и лаборатории, оснащенные современными техническими средствами обучения. В 1984 г. в с. Эльхотово на базе сельского ПТУ ст. Змейской был создан новый учебно-производственный комплекс по подготовке трактористов, мастеров по переработке плодов и ягод, садоводов, овощеводов и др. Училище располагало большим машинно-тракторным парком, который включал тракторы, экскаваторы, бульдозеры, грузовые автомобили и комбайны.

Значительные перемены происходили в подготовке кадров строительной отрасли. Еще в 1966 г. решением органов управления по профтехобразованию РСФСР в Моздоке было организовано городское профтехучилище, готовившее рабочих строительных профессий для треста «Севосетинсельстрой». Впоследствии, за 1970-1980-е гг. ПТУ подготовило из своих выпускников практически весь кадровый состав строительных организаций Моздокского района. Училище по дополнительной разрядке

подготовило также специалистов-вязальщиц для Моздокской гардинной фабрики¹⁰¹.

Наличие в республике предприятий оборонного комплекса – заводов «Рубин», «Бином» и «Гран» – предъявляло большой спрос на рабочих высокой квалификации, в частности специалистов электротехнического профиля. С 1972 г. подготовку высококвалифицированных рабочих по специальностям: монтажник-вакуумщик, испытатель ЭВМ, наладчик ЭВМ, радиомеханик по обслуживанию и ремонту радио- и телеаппаратуры и других специальностей для этих предприятий осуществляло Техническое училище (ТУ) № 1. Училище располагало кабинетами ЭВМ, лабораториями и мастерскими, оборудованными в соответствии с современными требованиями. В конце 1970-х гг. это учебное заведение считалось одним из лучших в системе производственно-технического образования¹⁰².

С каждым годом росло количество выпускников профтехучилищ. Если в 1950 г. в системе учебных заведений Управления профтехобразования Северо-Осетинской АССР было подготовлено немногим более 1 тыс., то в 1965 г. – 3,1 тыс. человек, в 1970 г. – более 5 тыс. человек. За 1981-1985 гг. для отраслей народного хозяйства в 18 профтехучилищах республики было подготовлено 38 тыс. квалифицированных рабочих, в том числе 20 тыс. человек получили документ о среднем образовании¹⁰³.

Существенное влияние на развитие сферы профтехобразования страны, в том числе на его региональные компоненты, оказала реформа общеобразовательной и профессиональной школы 1984 г. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 апреля 1984 г. существовавшие профессионально-технические

¹⁰¹ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 104, 105.

¹⁰² Там же. С. 105.

¹⁰³ ГАНИ. Ф. 1. Оп. 28. Д. 669. Л. 2; Северная Осетия в восьмой пятилетке. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1972. С. 130; Северная Осетия за годы одиннадцатой пятилетки. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1986. С. 90.

учебные заведения реорганизовывались в единый тип – среднее профессионально-техническое училище. Таким образом, была сформирована система профтехобразования, которая рассматривалась как основная форма планомерной подготовки квалифицированных рабочих кадров. Она располагала соответствующими отделениями по профессиям со сроками обучения в зависимости от уровня образования поступающих. В перспективных планах предусматривалось осуществление в ней перехода к всеобщему профессиональному обучению¹⁰⁴.

Профтехучилища Северной Осетии вели начальную профессиональную подготовку по широкому спектру рабочих строительных и сельскохозяйственных специальностей. Среди выпускников ПТУ были слесари по ремонту пассажирских и грузовых вагонов, фрезеровщики, лекальщики по промышленному оборудованию, по сборке швейных машин, жестянщики, электромонтеры, печатники на плоскочастотных машинах, токари, формовщики-литейщики, столяры-мебельщики, работники связи и др. Всего в городских профтехучилищах можно было пройти подготовку по двадцати рабочим и строительным специальностям. Сельские профтехучилища готовили работников по одиннадцати специальностям: комбайнеров, трактористов, полеводов и др.¹⁰⁵

Большое значение для привлечения и закрепления молодых людей в профессионально-технических училищах имели социальные льготы, возможности бесплатного проживания, питания. Государство обращало серьезное внимание на организацию внеклассной, культурно-воспитательной работы в сфере профтехобразования. В образовательной политике оно рассматривало организацию культурного досуга учащейся молодежи через широкую сеть кружковой работы как один из способов воспитания их в духе уважения к рабочей профессии, профилактики девиантного поведения среди учащейся молодежи.

В 1964 г. в структуре Управления профтехобразования Северной Осетии помимо учебных заведений насчитывалось

¹⁰⁴ Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. С. 174.

¹⁰⁵ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 134, 140.

10 клубов, 19 библиотек с читальными залами, 15 красных уголков. При клубах действовали 23 танцевальных коллектива, 15 хоровых, 8 драматических коллективов, 8 духовых оркестров, а также кружки художественного слова, вокального пения, струнных инструментов, рукоделия и др. В 1978 г. на базе кинотеатра «Заря» был создан Дом культуры профтехобразования, объединивший художественные коллективы, кружки по интересам. Кружковой работой была охвачена примерно одна треть учащихся производственно-технических училищ. Некоторые из них, пройдя школу художественной самодеятельности, обрели затем свое истинное призвание в профессиональном искусстве. К примеру, солисты Государственного ансамбля танца «Алан» заслуженные артисты РСФСР К. Дзбоев, З. Козаев, Т. Булацев, заслуженные артисты СОАССР З. Калоева, А. Хасиев и другие начинали свой путь на профессиональную сцену с ансамбля Республиканского управления профтехобразования «Терек»¹⁰⁶.

Развитие спортивно-массовой работы являлось еще одним направлением деятельности учебных заведений профтехобразования. Учащиеся профтехучилищ не раз побеждали в различных спортивных состязаниях. К примеру, на IV Всероссийской спартакиаде, совпавшей с празднованием 40-летия автономии Северной Осетии, команда борцов профессионально-технических училищ Северной Осетии заняла первое место и была включена в сборную команду РСФСР на Всесоюзные соревнования 1964 г. Пять борцов, учащихся профтехучилищ республики завоевали на этих соревнованиях звание чемпионов РСФСР по вольной борьбе.

В то же время, наряду с несомненными позитивными процессами в деятельности системы профтехобразования в рассматриваемый период отмечались и недостатки, проблемы, сопряженные с особенностями развития советского общества. Система профтехобразования отразила последствия волюнтаризма, перегибов в ходе проведения реформ 1950–1960-х гг., последующих десятилетий, сопровождавшихся застоем. В ней постепенно

¹⁰⁶ От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. С. 101; Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 141.

утверждался формализм, росла апатия у определенной категории учащихся, увеличивалось число уходивших из профессии. К 1980-м гг. в обществе отчетливо наблюдалось падение престижа ПТУ, подпитываемое политикой общеобразовательной средней школы, «отсеивавшей» в ПТУ учащихся с низкой успеваемостью. Для рядового обывателя слово «пэтэушник» стало звучать откровенно уничижительно. А для «трудного подростка», «плохо успевающего» ученика профтехучилище превращалось в пугающее нечто, куда его грозили отправить после восьмого класса, если «не возьмется за ум». Очень редко учеба в ПТУ, выбор рабочей специальности были результатом самостоятельного, осознанного, мотивированного решения молодого человека. Чаще всего молодежь оказывалась в стенах ПТУ по причинам иного прядка: в силу материальной необеспеченности семьи или низкого уровня знаний, служившего препятствием при поступлении в вуз¹⁰⁷.

Однако негативные явления не стали определяющими в истории развития системы начального профессионального образования. В целом, к середине 1980-х гг. в Северной Осетии сложилась разветвленная сеть средних профтехучилищ, которая ежегодно выпускала тысячи квалифицированных рабочих. Профессионально-технические училища работали во всех городах и многих селах Северной Осетии. С 1970 по 1980 г. численность учащихся в профессионально-технических учебных заведениях выросла с 7876 до 10 070 человек. Всего в 1985 г. в 18 городских и сельских профессионально-технических училищах обучались более 11 тыс. человек¹⁰⁸. ПТУ достаточно успешно решали задачу обеспечения квалифицированными рабочими кадрами предприятий промышленности, строительной, жилищно-бытовой, торговой и многих других отраслей народного хозяйства не только своей республики, но и других регионов Советского Союза.

Динамичное развитие системы начального профессионального образования на протяжении 1970-х – начала 1980-х гг. обе-

¹⁰⁷ Цориева И.Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Владикавказ, 2012. С. 160.

¹⁰⁸ Северная Осетия за годы одиннадцатой пятилетки. С. 90.

спечивалось, как мы уже отметили, благодаря политике целенаправленной и планомерной поддержки со стороны партийно-государственных органов власти. Устойчивое финансирование организации учебно-производственного процесса, материальное и моральное стимулирование субъектов этого процесса (как учащихся, так и педагогов и мастеров), организация культурного досуга учащейся молодежи создавали благоприятные условия для подготовки квалифицированных кадров рабочих. Немаловажное значение для выпускников профтехучилищ, приобретавших рабочую квалификацию с гарантированным трудоустройством и получавших определенные социальные льготы, имело наличие аттестата о полном среднем образовании, дававшего право при желании продолжить учебу в вузе.

Таким образом, в середине 1980-х гг. в Северной Осетии сложилась сбалансированная система профессионально-технического образования по подготовке квалифицированных кадров рабочих. Она была ориентирована на выполнение государственных пятилетних планов социально-экономического развития республики и страны в целом. Многие выпускники профтехучилищ, освоившие рабочие специальности, добивались впечатляющих успехов в трудовой деятельности на ударных стройках пятилеток, становились профессионалами своего дела, удостоивались общественного признания и высших государственных наград. Школу профтехобразования прошли Герои Социалистического труда Т. Алагов, Е. Битиева, К. Кесаева, Ф. Ногаев, кавалеры Ордена Трудового Красного Знамени В. Кабоев, С. Габеев, кавалер Орденов Октябрьской революции и Знак почета Н. Лехтеров и др.

*Нарком просвещения
Терской республики
Яков Львович Маркус*

На пути к всеобучу

*Участники межобластной конференции по языковому
строительству 8 июля 1936 г. в г. Орджоникидзе*

*Учащиеся Кадгаронской школы с учительницей С.Х. Муцовой.
1935 г.*

5. На занятиях в слесарной мастерской

*Старшеклассники Орджоникидзевской школы №3
на пришкольном участке. 1958 г.*

На занятиях в столярной мастерской

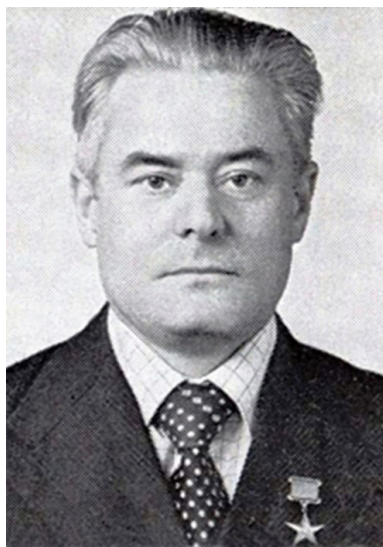
Урок машиноведения в политехнической школе

На занятиях в ремесленном училище

*Герой социалистического труда
Темирби Харитонович Алагов*

*Герой социалистического труда
Федор Дзабоевич Ногаев*

4. Становление региональной науки и научных учреждений в 1920-е – начале 1930-х гг.

Развитие краеведения на Северном Кавказе. Среди важнейших приоритетов модернизации культуры (культурной революции) в первые десятилетия советской власти науке отводилось ключевое место. 1920-1930-е гг. стали временем значительного по сравнению с дореволюционным периодом расширения сети научно-исследовательских учреждений, в том числе в национальных регионах, диктуемого потребностями и практикой хозяйственно-экономического и культурного строительства.

Отличительной особенностью развития отечественной науки, в том числе в национальных регионах, на начальном этапе советской истории была ее тесная взаимосвязь с краеведением как особой формой организации совместной деятельности научных учреждений и населения с целью получения и использования научных знаний о конкретной территории по административным, социально-политическим, хозяйственным и культурным признакам.

Краеведческое движение получило распространение в России еще в дореволюционный период. Но особый размах оно приобрело в 1920-е гг. на волне революционного подъема творческих сил народов. За десять послереволюционных лет, называемых «золотым веком» отечественного краеведения, численность краеведческих организаций (кружков, обществ, музеев) в стране увеличилась со 155 до 1688¹⁰⁹. Инициативная деятельность ученых и краеведов-любителей по изучению родного края, сохранению памятников истории и культуры получила поддержку советского государства. Новая власть оценила созидательный потенциал движения и возможность использовать научное краеведение в деле хозяйственно-экономического и национально-культурного строительства. Краеведение превратилось в важный фактор общественной жизни, в средство организации научно-исследовательской, учебной и культурно-просветительной работы.

¹⁰⁹ Соболев В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000, т.70, № 6, с.535-541. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/sob00vr.htm>.

В полной мере потенциал развития краеведения для науки представлял руководитель Академии Истории Материальной культуры, ставший в 1922 г. членом созданного Центрального Бюро Краеведения при Российской академии наук, академик Н.Я. Марр. Успех краеведения в дальнейшем он видел в «обоюдной пользе» работы краеведов (среди которых подразумевались не только деятели культуры, но и работники различных отраслей местной общественной и хозяйственной жизни) и всего населения. Участвуя в работе Центрального бюро краеведения, он наблюдал, как это сотрудничество позволяло энтузиастам движения приобретать научные знания и научные приемы, равно навыки их практического использования с целью получения новых краеведческих знаний. Объединение усилий кавказских народов в краеведческом деле, по убеждению ученого, могло «обеспечить как прочность и долголетие северокавказских краеведческих организаций, так единственно научно плодотворную скрещенную разносторонность точек зрения и исследовательских исканий, лучшую гарантию и движения вперед и практической их состоятельности и полезности»¹¹⁰.

При этом основными условиями выполнения сложных задач краеведения Н.Я. Марр считал как развитие самостоятельности краеведов, так и «органическое общение» с другими краеведческими организациями, овладение новыми методами научного исследования. Он выделял две организационные меры, которые, по его мнению, могли повысить продуктивность работы краеведов. Во-первых, постоянное взаимодействие с центральными научно-исследовательскими учреждениями «в целях сохранения себя на уровне современных научных требований» и, во-вторых, обеспечение теснейшей связи с населением для вовлечения его в краеведческую работу и подготовки кадров краеведов¹¹¹.

Н. Марр указывал на особую сложность работы краеведов среди северокавказских народов при отсутствии у них научных знаний и методик научной работы («элементарных технических

¹¹⁰ Марр Н.Я. Краеведение. Л., 1925. С. 18.

¹¹¹ Там же.

условий европейской научной работы») и при незнании языков, «здесь исключительно трудных и наукой доселе с исключительным упорством пренебрегаемых». Но, как он отмечал в выступлении на учредительном съезде Ассоциации горских краеведческих организаций в Махачкале 5 сентября 1924 г., без такой работы «никогда не стать краеведению тем, чем ему необходимо сделаться, именно осью того громадного махового колеса науки центра, мощное движение которого должно помочь наверстать по просвещению упущенное всем остальным массовым слоям населения СССР, в числе их наиболее пострадавшим от систематического невнимания всех культурных государств, восточных и западных, к северокавказским народам...»¹¹².

Он подчеркивал также роль краеведения как фактора интеграции народов Северного Кавказа в общественно-политическое пространство советской России и предостерегал деятелей науки от непоправимого вреда, который мог быть нанесен «делу научно-культурного сближения и сплочения народов всего Союза» из-за непонимания важности краеведческой работы¹¹³.

Это требование видного ученого в полной мере разделялось в регионе партийно-государственными органами власти, о чем красноречиво свидетельствовало выступление на указанном съезде Наркома просвещения Дагестанской АССР А.А. Тахо-Годи. Он, в частности, отмечал, что краеведение «тот фундамент, на котором должны строить жизнь государственные и общественные органы страны». Нарком призывал к согласованной работе в ходе научных исследований на всей территории Северного Кавказа, рассматривая взаимодействие как «объединение не национальное, так как тут не единая нация, а территориальное, деловое, практически необходимое», как этап к общекавказскому объединению¹¹⁴.

¹¹² Там же. С. 17-18.

¹¹³ Там же. С. 17.

¹¹⁴ Цит. по: Калинченко С.Б. Из истории науки на Северном Кавказе: научно-исследовательские институты: становление и деятельность (1920-1941 гг.). Ставрополь, 2006. С. 28.

Национальная научная интеллигенция с энтузиазмом осваивала краеведческий инструментарий в исследовательской работе. В 1926 г. тогда еще начинающий исследователь, в будущем выдающийся ученый В.И. Абаев, высоко оценивая научный потенциал краеведения, писал: «До сих пор не *мы* изучали, а *нас* изучали. Мы были объектом, а не субъектом научного исследования. Этот период, период монопольного изучения горских народов заезжими учеными, период *научной интервенции* в нашу страну, надо думать кончается или близок к окончанию. На наших глазах горские народы переходят не только к общественно-политическому, но и *культурному самообслуживанию*. ...». Он подчеркивал важность этого обстоятельства, причем «не только субъективно, для самих горских народов, но и объективно, для науки, ибо принадлежность к местной среде дает такие преимущества в научной работе, отсутствие которых не раз влекло за собой у исследователей-“интервенционистов” весьма забавные и печальные в то же время ошибки». «Не будет, поэтому, слишком смелым утверждать, — отмечал ученый, — что, когда горские народы сумеют объективировать себя, как научный материал, сумеют создать науку для себя, это будет новая эра не только в их культурном развитии, но также новая эра в науке кавказоведения»¹¹⁵.

Массовость и краелюбие назывались другими не менее значимыми условиями успешной краеведческой работы. Как замечал В.И. Абаев, каждый мыслящий человек, независимо от социальной и профессиональной принадлежности, должен быть краеведом, хотя бы в масштабе родного аула, знать его историю, природу, быт, экономику; вырабатывать в себе чутье ко всему, «что в окружающей жизни представляет научный, естественно-исторический, этнографический или иной интерес». В то же время, он предостерегал от «организованной» фабрикации краеведов и краеведения, справедливо замечая, что в этой работе «больше, чем где-либо, личная склонность и энту-

¹¹⁵ Абаев В.И. Краеведение у горских народов // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1926. Вып. 2. С.17.

зиазм определяют пригодность человека к делу, и надо, поэтому, предоставить здесь больше простору личной инициативе... Подлинное краеведение может вырасти только из подлинного краелюбия»¹¹⁶.

Поэтому В. Абаев сформулировал три задачи, которые, по его мнению, должны были решать ученые-краеведы:

«1. способствовать всячески выдвижению культурных работников из местной среды;

2. широко пропагандировать идеи краеведения среди населения, для чего, не боясь уронить свой “научно-исследовательский” престиж, придавать материалам, печатающимся в органах, частично более популярный, общедоступный характер;

3. прививать массам, в особенности молодежи, любовь, вкус и навыки к краеведческой работе, будить личную инициативу и не создавать искусственных рамок в виде обязательной централизации, всевозможных планов, программ и пр.»¹¹⁷

Активная разработка учеными организационных мер развития краеведческого движения превратила краеведение с середины 1920-х гг. не только в инструмент изучения истории родного края. Благодаря вкладу видных ученых, усилиями представителей прогрессивной национальной интеллигенции, краеведов-любителей при поддержке центральных и региональных властей открывались вузы, музеи, научные учреждения, развивавшие основы систематического научного изучения края. Этот процесс активно шел в городах Северного Кавказа, которые уже имели определенный опыт и традиции научно-исследовательской работы. Ведущим среди них был Владикавказ. Здесь в 1893 г. был открыт Терский областной краеведческий («естественно-исторический») музей, имевший целью «содействовать распространению в населении познаний по истории, этнографии, естествознанию и промышленности, а равно собирать и хранить памятники старины и искусства края»¹¹⁸. Музей внес существенный вклад

¹¹⁶ Там же. С. 18-19.

¹¹⁷ Там же. С. 19.

¹¹⁸ Кобахидзе Е.И. Из истории создания Терского областного музея // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22 (61). С. 149, 155.

в сохранение и популяризацию памятников истории и культуры северокавказских народов. Он стал также базой для создания одного из первых научных учреждений в крае – Северо-Кавказского института краеведения.

В сентябре 1918 г. постановлением Комиссариата народного образования Терской республики была образована «Особая комиссия по охране культурных ценностей Терской области и г. Владикавказа». Несмотря на тяжелую обстановку революционного времени, Комиссия энергично взялась за работу. Одним из пунктов ее деятельности значилась реорганизация Терского музея и создание на его основе нового научно-просветительного учреждения – Дома науки и краеведения с целью «собирания и сохранения культурных ценностей Терского края и обеспечения возможности населения знакомиться и изучать по ним быт, нравы, природу и историю своей земли». В составе нового учреждения планировалось открытие этнографического, зоологического, ботанического, минералогического, исторического отделов¹¹⁹.

Северо-Кавказский институт краеведения. Торжественное открытие Дома, намеченное на 26 января 1919 г., не состоялось ввиду вступления во Владикавказ Добровольческой армии Деникина. После изгнания деникинцев и установления в марте 1920 г. в Терской области советской власти вернулись к идее реорганизации музея. Но вместо предполагаемого Дома науки и краеведения в соответствии с приказом Терского областного отдела народного образования от 3 июня 1920 г. был создан Северо-Кавказский институт краеведения – первое на Северном Кавказе специализированное краеведческое научное учреждение. Официальное открытие института состоялось 19 сентября 1920 г. Директором назначен профессор геологии С.А. Гатуев. Терский областной музей, получивший статус научного, перешел в ведение института краеведения.

Организация Северо-Кавказского института являлась частью государственного проекта создания региональной сети краеведческих научных учреждений для реализации практических задач со-

¹¹⁹ ЦГА РСО-А. ФР. 121. Оп. 1. Д. 35а. Л. 5.

ветского социалистического строительства. Он был открыт «для планомерного и систематического изучения Северного Кавказа и в целях приложения научных знаний и выводов к опытно-практической деятельности правительственных учреждений края (отдел народного образования, совнархоз, облземотдел)...»¹²⁰

Институт краеведения находился в подчинении Народного комиссариата просвещения Горской республики, который определял основные направления его деятельности в соответствии с хозяйственно-экономическими потребностями края. Структура научного учреждения включала геофизический, естественный, антропогеографический и промышленно-экономический отделы. В нее входили также вспомогательные подразделения: музей, библиотека, мастерские по изготовлению наглядных пособий для школ и народных университетов, биофизическая станция, ботанический и зоологические сады.

В первое время в штате Северо-Кавказского института краеведения насчитывалось около 70 сотрудников. Малочисленность научных кадров в регионе в 1920–1930-е гг. определяла высокий уровень совместительства в практике научно-образовательных учреждений. Поэтому многие сотрудники института одновременно являлись профессорами и научными сотрудниками Политехнического института, Северо-Кавказского педагогического института и членами Осетинского историко-филологического общества. Среди них были специалисты разных отраслей знания: геологи (С.А. Гатуев, А.И. Духовский, Л.Н. Пламеневский), биологи (Л.Б. Беме, В.Ф. Раздорский, Д.А. Тарноградский, М.А. Рябов), историк Г.К. Мартиросян, этнограф В.П. Пожидаев, филолог Г.Г. Бекоев, литературовед и археолог Л.П. Семенов и др.

Ограниченность финансовых средств не позволяла поддерживать должную численность сотрудников института, поэтому она неуклонно сокращалась. В конце 1921 г. было принято очередное решение о сокращении штата сотрудников на январь 1922 г. до 25 человек. Но уже через восемь месяцев в списке штатных сотрудников состояло лишь 15 человек. Среди

¹²⁰ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 1. С. 175.

них – С.А. Гатуев (директор), А.И. Духовский (зам. директора), Л.Н. Пламеневский (хранитель естественно-исторического музея), И.П. Щеблыкин (помощник хранителя), Д.М. Павлов (хранитель этнографического музея), В.П. Пожидаев (помощник хранителя), Г.К. Мартиросян (зав. музеем революции), Л.П. Семенов (зав. библиотекой), Л.Б. Беме (помощник зав. библиотекой).

Очевидно, что особенно на начальном этапе тяжелые условия послереволюционной разрухи, отсутствие должной материальной базы и слабое финансирование, обеспечиваемое только из местного бюджета, крайне осложняли работу Института краеведения. Смета на 1922 г., утвержденная в сокращенном виде, равнялась 219 500 руб. (в денежных знаках отмеченного года)¹²¹. Протоколы заседаний Правления института содержат информацию, свидетельствующую о том, что руководство научного учреждения находилось в постоянном поиске средств для обеспечения насущных потребностей института. Так, на заседании Правления от 31 декабря 1921 г. было принято решение с целью «удовлетворения неотложных хозяйственных нужд (дрова, ремонт протекающей крыши и т.п.)» продать: два зеркала от шкафов, заменив их дощатыми дверцами, а также 3,5 пуда железа, а также письма, фотографии и книги, «не имеющие художественной и исторической ценности». Еще ранее было решено продать принадлежавшую институту лошадь, а вырученные деньги «употребить на покрытие расходов» на ее содержание¹²².

Между тем, основной формой работы института были экспедиции, в ходе которых шло накопление практических знаний о природе и истории Северного Кавказа. Ученые и любители-краеведы понимали важность экспедиционной деятельности в собирании и сохранении культурного наследия северокавказских народов. Так, обсуждая вопрос о подготовке выставки картин местных художников, состоявшейся осенью 1923 г., ее организаторы и участники настаивали на необходимости проведения экспедиции

¹²¹ ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 3а. Л.19об.

¹²² Там же. Л. 2, 8 об.

по областям Горской республики «для сбора дополнительных материалов для изучения кустарных изделий, горского орнамента и т.п. Устройство экспедиций необходимо и неотложно, т.к. под влиянием городской культуры стираются и исчезают следы своеобразного древнего искусства местных народов»¹²³.

При незначительном объеме выделяемых институту финансовых средств, а также малочисленности профессиональных научных кадров добиться систематической работы по теоретическому и практическому обследованию районов Северного Кавказа было крайне затруднительно. Тем не менее, сотрудники института, опираясь на помощь энтузиастов из местных жителей, участников краеведческих кружков, обществ, продолжали экспедиционную и научно-исследовательскую работу. Они приобретали ценные предметы искусства и старины для музея института, вели археологические раскопки и пр. В 1922 г. благодаря экспедиции Л.Б. Беме в район Кизляра новыми экспонатами различных видов птиц пополнилась орнитологическая коллекция музея¹²⁴.

Оживлению научной, экспедиционной работы способствовало включение с 1 октября 1924 г. Северо-Кавказского института краеведения в список госбюджетных учреждений Главнауки, что несколько улучшило его материально-финансовое положение¹²⁵. Главной целью оставалось изучение природных ресурсов, экономики, хозяйственного быта и культуры народов Северного Кавказа. В ходе поездок по горным районам обследовались древние архитектурные сооружения, велся учет памятников древности, делались их фотоснимки и рисунки. К середине 1920-х гг. особенно большой объем коллекционного материала был накоплен по Северной Осетии. Участникам экспедиций (среди них были геолог С.А. Гатуев, энтомолог М.А. Рябов, орнитолог Л.Б. Беме, зоолог Д.А. Тарноградский, этнограф В.П. Пожидаев и др.) это давало право заявить о завершении исследований в отмеченном направлении. Вместе с

¹²³ Там же. Л. 25об-26об.

¹²⁴ Там же. Л. 11.

¹²⁵ Там же. Д. 28. Л. 4.

тем, они считали необходимым продолжать работу в Дагестане, Ингушетии, Чечне и Кабарде и рассчитывали в этом на помощь краеведческих обществ, работавших в национальных областях северокавказского края.

По итогам экспедиций в Главнауку отправлялись отчеты, а также готовились доклады и сообщения. Предварительно их заслушивали на заседаниях Северо-Кавказского института краеведения, куда обычно приглашали также представителей Осетинского историко-филологического общества, сотрудников Северо-Кавказского педагогического института и других научно-образовательных учреждений региона. Результаты научных исследований получали освещение в общекавказском научно-информационном журнале «Краеведение на Кавказе», созданном по постановлению 5-й сессии Центрального Бюро краеведения Российской Академии наук. В состав редколлегии входили: от Северо-Кавказского института краеведения Н.В. Виддинов, от Осетинского историко-филологического общества Г.Г. Бекоев; от Северо-Кавказского педагогического института В.Ф. Раздорский¹²⁶.

Первый номер журнала вышел в 1924 г. Он содержал интересные сведения о краеведческой работе в Карачае, Черкесии, Осетии, Ингушетии, Дагестане, Пятигорске, Ставрополе, на Таманском полуострове, а также некоторых районах Азербайджана, Абхазии и Грузии. В журнале кратко излагалась история возникновения и деятельности Северо-Кавказского института краеведения и Осетинского историко-филологического общества. В нем была также помещена заметка о созданном в том же году Ингушском литературном обществе. Ее автор, один из инициаторов основания этого общества, заведующий отделом народного образования Ингушской автономной области З.К. Мальсагов подчеркивал, что главной целью литературного общества является «установление тесной связи с Чечней, которая позволила бы создать единый литературный язык для обоих родственных народов, что повело бы к полному их культурному объединению». Решению этой задачи

¹²⁶ Калинин С.Б. Роль Горского института краеведения в становлении научно-образовательного пространства Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 102.

подчинялась работа национальной интеллигенции над созданием словаря ингушского языка, переводы и издание школьной и научно-популярной литературы¹²⁷. Обзор помещенных в журнале материалов позволял судить о том, что краеведческая составляющая рассматривалась определяющей при оценке деятельности научных и образовательных учреждений региона. Горский сельскохозяйственный институт характеризовался как краеведческий центр, который стремится приблизить агрономическую науку к горской деревне. Задача Горского педагогического института виделась в выпуске специалистов, «базирующих свое преподавание на широком и всестороннем изучении местного края»¹²⁸.

Изучение природы, истории, хозяйственно-экономического развития национальных областей Северного Кавказа шло в тесном взаимодействии с учеными из ведущих научных центров страны. Они в ходе экспедиционных поездок находили в лице местных научных работников заинтересованных, деятельных помощников. К примеру, в экспедиции Российской Академии наук под руководством языковеда Н.Ф. Яковлева, обнаружившей в Дагестане в 1924 г. барельефы с неизвестными надписями, активно работали сотрудники местного Общества краеведения и Музея. В следующем году в зоологическом обследовании региона, организованном Академией наук СССР и Зоологическим исследовательским институтом при 1-м Государственном Московском университете (А.Н. Кириченко, А.Н. Формозов) участвовали сотрудники Северо-Кавказского института краеведения¹²⁹.

Институт краеведения с момента основания позиционировался как координирующий центр научной деятельности. Благодаря его деятельности был приобретен ценный опыт организации научной работы, оказавшийся впоследствии весьма полезным при создании национальных научных институтов краеведения на Се-

¹²⁷ Краеведение на Кавказе // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1. С. 502.

¹²⁸ Там же. С. 502-503.

¹²⁹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61. Л. 5; Калинин С.Б. Из истории науки на Северном Кавказе. С. 30.

верном Кавказе. Большой краеведческий материал по истории, этнографии и культуре кавказских народов, флоре и фауне Кавказа, накопленный институтом, был использован при создании музейных коллекций Северо-Осетинского и Ингушского научно-исследовательских институтов.

Однако в июне 1925 г. постановлением II-й Краевой конференции по вопросам культуры и просвещения горских народов Северокавказского края было решено закрыть институт как «не-нужное учреждение, зараженное великодержавным шовинизмом, продолжающее придерживаться старых методов и мешающее развитию и укреплению краеведческих организаций среди горских народов»¹³⁰.

Объяснение такому решению видится в несоразмерности расчетов государства и полученного вклада ученых в дело строительства новой советской науки. Главным недостатком научных изысканий, как отмечалось в документе, было увлечение традициями «старой школы» («науки ради науки»), недостаточное внимание к исполнению практических задач социалистического строительства¹³¹.

По оценке органов власти результаты исследований института не отвечали задачам социально-экономической модернизации, имели слабую связь с производственно-хозяйственной деятельностью края. Участники Методического совещания Главнауки по рассмотрению отчета и производственного плана Северо-Кавказского института краеведения, состоявшегося 5 декабря 1925 г., подчеркивали, что основной задачей научного учреждения должно быть изучение естественно-производительных сил края, и требовали «усилить связь с краеведческими организациями, углубить пропаганду идей краеведения среди широких масс»¹³².

Решение о закрытии института представлялось вполне логичным в контексте перестройки существовавшей системы организации науки и формирования новой сети научных учреждений,

¹³⁰ Калинин С.Б. Из истории науки на Северном Кавказе. С. 33.

¹³¹ Там же.

¹³² ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 28. Л. 5.

деятельность которых нацеливалась на выполнение конкретных задач социально-экономического и культурного строительства в условиях разворачивавшейся форсированной социалистической реконструкции. Характерной особенностью внутренней политики второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. являлось усиление централизации, бюрократизации и политизации управления всеми сферами общественной жизни и культуры, в том числе наукой, что, безусловно, влияло на становление ее региональных подразделений, в том числе на Северном Кавказе. В данном случае имелось еще одно обстоятельство, повлекшее закрытие во Владикавказе Северо-Кавказского института краеведения. Оно было связано с возникновением краеведческих научно-исследовательских институтов и обществ в национальных автономиях Северного Кавказа, созданных после ликвидации Горской республики: в Ингушетии, Кабардино-Балкарии и др. Основание в марте 1925 г. на базе Осетинского историко-филологического общества Осетинского научно-исследовательского института краеведения также делало неактуальным существование во Владикавказе двух краеведческих институтов.

Однако потребность в центре, координирующем региональное краеведческое движение, а также возможность использовать накопленный Северо-Кавказским институтом краеведения опыт работы в этом направлении, подвели руководство Главнауки Наркомата просвещения РСФСР и Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) к осознанию целесообразности сохранения института. Исходя из интересов развития краеведческой научно-исследовательской работы в национальных автономиях края, СНК РСФСР 24 ноября 1926 г. постановил возобновить его деятельность в г. Ростов-на-Дону.

Организационное оформление Северо-Кавказского (Горского) научно-исследовательского института краеведения при Северо-Кавказском исполнительном комитете под общим наблюдением Главнауки для изучения жизни народов Северного Кавказа завершилось в марте-апреле 1927 г. С этого момента (вплоть до ликвидации в 1937 г.) проблематика исследований института раз-

рабатывалась в строгом соответствии с государственными задачами социалистического строительства в регионе¹³³.

В целях «разграничения труда» и недопущения дублирования исследований с создаваемыми научно-исследовательскими институтами в национальных автономиях определялись основные направления деятельности. Национальным НИИ краеведения предписывалось заниматься локальными «практическими проблемами». Горский институт краеведения, по замыслу организаторов, создавался как научное учреждение по разработке «общегорских проблем», занимающееся изучением «всех материалов, касающихся автономий в их прошлом и настоящем... различных сторон их народного хозяйства, экономики и вообще культуры»¹³⁴.

Исследовательская работа Горского НИИ краеведения осуществлялась на базе трех отделов: экономических исследований, естественно-производительных сил и социалистической культуры. Итогами исследований по отделу естественно-производительных сил стала обработка материалов по изучению курортов и полезных ископаемых Осетии, Ингушетии, Чечни исследователями П.М. Ерохиным, Л.И. Волковым, А.Г. Жантиевым, О.И. Щепкиным. Заметных успехов институт достиг в изучении культуры, хозяйственного быта, здравоохранения народов Кавказа. В 1927–1928 гг. было проведено девять совместных экспедиций учеными Донского (Ростовского до 2006 г., ныне Южного федерального) университета А.М. Ладыженским, К.Х. Орловым и сотрудниками Северо-Кавказского НИИ краеведения А.П. Митрофановым, А.Н. Дьячковым-Тарасовым и другими в Карачаевскую, Адыгейскую, Кабардино-Балкарскую, Северо-Осетинскую области¹³⁵.

¹³³ Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. М., 2022. С. 222.

¹³⁴ Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. СПб., 2017. С. 288.

¹³⁵ Калинин С.Б. Роль Горского института краеведения в становлении научно-образовательного пространства Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 103.

Оживление исследовательской работы на территории Северного Кавказа, создание отраслевых научно-исследовательских институтов (Грозненский нефтяной институт, Бальнеологический институт и др.), имевших не только региональное, но и все-союзное значение, требовали от Горского НИИ более активной деятельности в постановке и решении конкретных научно-практических задач хозяйственно-экономического и социально-культурного развития региона. В перечень востребованных тем входили: изучение естественных производительных сил региона и культуры местных народов; организация широкого краеведческого движения, проведение культурно-просветительной работы; подготовка кадров. Важной частью работы института являлись осуществление связи с краеведческими организациями, популяризация и пропаганда идей краеведения среди широких масс населения.

В соответствии с новыми планами перестраивалась структура института. С 1932 г. она включала три отдела: экономики, истории (с этнографией), языка и литературы, определявшие основные программные направления научной работы, существенно приближенные к идеологическим и практическим нуждам государственных органов власти и управления. Перед отделом экономики ставились задачи изучения экономических отношений горских народов, составление библиографии и сводного очерка об экономическом состоянии, анализа данных об энергетических и сырьевых ресурсах региона для выяснения перспектив дальнейшего развития и др. В задачи отдела истории входило исследование своеобразия смены общественно-экономических формаций в горских областях; вопросов классовой дифференциации горских народов и условий развития классовой борьбы на различных этапах истории; колониаторской политики царизма; революции и Гражданской войны, борьбы с религиозным мировоззрением. Отдел языка и литературы занимался унификацией горских алфавитов, подготовкой терминологических словарей общественно-политических и научно-технических терминов; изучал вопросы эволюции языка и литературы северокавказских народов, народных песен, помогал национальным институтам в

работе над составлением научных и учебных грамматик. Институт бы обязан также оказывать организационную и научно-методическую помощь научно-исследовательским институтам национальных автономий Северного Кавказа, заниматься подготовкой национальных научных кадров, организацией научных съездов, совещаний для обсуждения отдельных вопросов и т.д.¹³⁶

Следует отметить, что эффективность работы Северо-Кавказского института в значительной мере зависела от обеспеченности научными кадрами и уровня финансирования, которых по-прежнему было совершенно недостаточно для организации научных исследований. К примеру, экономический отдел вообще не был укомплектован кадрами, поэтому исследовательская работа в этом направлении не проводилась.

На результатах исследовательской работы института неблагоприятно сказывались негативные процессы, происходившие в политической жизни страны с начала 1930-х гг. Опасность подвергнуться преследованию по обвинению в великодержавном шовинизме или местном национализме приобретала весьма осязаемые формы. Так, в 1932 г. на объединенном собрании директоров Северо-Кавказского и национальных НИИ работы сотрудников института А. Дьячкова-Тарасова, Г. Мартиросяна, У. Алиева, Ашаева, С. Гатуева, А. Тахо-Годи, А. Самурского, Б. Алборова и других подверглись жесткой критике как «троцкистские, правооппортунистические с извращениями в вопросах истории, экономики, культуры»¹³⁷. Впоследствии эти политические характеристики исследовательской деятельности послужили основой для фабрикации обвинительных заключений. Многие из перечисленных выше ученых стали жертвами политических репрессий во второй половине 1930-х гг.

Тем не менее, сотрудники института стремились выполнять задачу организующего, объединяющего и координирующего центра исследовательской работы в регионе. Вынужденность работать в условиях нарастающего идеологического прессинга не

¹³⁶ Калинин С.Б. Из истории науки на Северном Кавказе. С. 41-43.

¹³⁷ Там же. С. 43.

исключала успехов, в значительной мере связанных с деятельностью лингвистического отдела. Сотрудники отдела занимались составлением грамматик и словарей для языков народов Северного Кавказа, переводами произведений общественно-политической литературы.

В то же время, по мере укрепления материально-финансовой и кадровой базы национальных НИИ краеведения, позволявшей проводить научно-исследовательскую работу на местах, Северо-Кавказский институт становился лишним звеном в структуре научных краеведческих учреждений региона. В 1935 г. он был переведен в Пятигорск – новый административный центр Северо-Кавказского края, но это не упрочило его позиций. Не нашло поддержки со стороны власти и предложение научных работников организовать на его базе Институт кавказоведения. По постановлению Президиума Орджоникидзевского крайисполкома от 5 сентября 1937 г. Северо-Осетинский (Горский) НИИ краеведения был ликвидирован¹³⁸.

Справочник Центрального бюро краеведения «Краеведные учреждения СССР. Список обществ и кружков по изучению местного края, музеев и других краеведных организаций» за 1927 г. включает пять названий краеведческих учреждений: Осетинское литературное общество, Ингуше-Осетинский научный музей, Северо-Кавказская гидробиологическая станция при Горском сельскохозяйственном институте, Осетинский научно-исследовательский институт краеведения (бывшее Осетинское историко-филологическое общество), располагавшиеся во Владикавказе, а также Краеведческий кружок при Осетинском студенческом землячестве. Они достаточно успешно осваивали краеведческий инструментарий в организации интеллектуального сообщества для изучения актуальных вопросов истории и культуры северокавказских народов.

Осетинское историко-филологическое общество. В начале 1920-х гг. исключительное место среди краеведческих учреждений занимало Осетинское историко-филологическое общество

¹³⁸ Там же. С. 46.

(ОИФО). Оно работало во Владикавказе почти в те же годы, что и Северо-Кавказский институт краеведения, но существенно отличалось по обстоятельствам возникновения, тематической направленности исследований и национальному составу кадров. Датой открытия Общества считается 25 апреля 1919 г. В этот день на заседании Педагогического совета Осетинской учительской семинарии был обсужден и принят подготовленный Б.А. Алборовым Устав Общества. Знаменательное для национальной культуры событие произошло в самый разгар революционных событий на Тереке. Регион был расколот на два непримиримых, ожесточенно противостоящих друг другу лагеря «белых» и «красных». Владикавказ находился под властью Добровольческой армии Деникина. Но, несмотря на самый сложный момент Гражданской войны, национальная интеллигенция, вдохновленная пафосом революционных изменений в обществе, ощущала себя «на заре новой эры человеческой истории»¹³⁹.

Определяющими принципами, на которых строилась работа «первого научного учреждения горских народностей»¹⁴⁰, были добровольность, массовость и демократизм. Устав Общества декларировал, что его членами могут быть «все лица без различия пола, национальности и вероисповедания»¹⁴¹. Документы не фиксируют каких-либо нарушений этого положения, но по признаку национальной принадлежности осетины абсолютно доминировали (93–95% всех членов) в составе Общества на протяжении всех лет работы¹⁴².

Возникновение ОИФО было неразрывно связано с деятельностью осетинского учительства (А.Г. Карсанова, Г.А. Дзагурова, Б.А. Алборова, А.К. Цогоева, Х.А. Дзагуровой, Т.И. Дзантиевой, А.А. Парастаевой). Создателями и активными участни-

¹³⁹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1 Д. 4. Л. 1.

¹⁴⁰ 50 лет советской исторической науки: хроника научной жизни, 1917-1967. М., 1971. С. 26.

¹⁴¹ Осетиноведение – от прошлого к будущему. Владикавказ, 2011. С. 98.

¹⁴² Хроника. Отчеты о деятельности Историко-филологического общества // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1. С. 451.

ками Общества являлись также священник Х.Д. Цомаев, врач К.С. Гарданов, писатели А.З. Кубалов, Е.Ц. Бритаев, Д.Г. Короев, А.А. Тибиллов, театральный деятель Б. Тотров, публицист Г.М. Цаголов, историк Г.А. Кокиев и др.

Следуя запросу прогрессивной части интеллигенции, учредители и члены первого Правления Общества добились у заигрывавшей с национальной интеллигенцией белогвардейской администрации утверждения статуса Общества. Решением Владикавказского Окружного суда от 25 октября 1919 г. оно было внесено в первую часть реестра «Обществ и союзов, неимеющих своей целью увеличение прибыли»¹⁴³, потому отчасти даже могло рассчитывать на финансирование, позволившее решать организационные вопросы. В Уставе Общества были сформулированы стратегические цели и задачи создаваемого научного учреждения. В качестве важнейшей цели определено – «пробуждение и развитие любви к родному прошлому и интереса к изучению памятников, отразивших это прошлое и настоящее осетинского народа»¹⁴⁴.

В соответствии с Уставом была разработана Программа исследований, имевшая по содержанию гуманитарную направленность, а именно: собирание материалов по осетинскому языку и устному народному творчеству; изучение вопросов языка и литературы; оказание помощи органам образования и др.

Для реализации намеченных планов, безусловно, требовались большие финансовые средства. Следует отметить, что Общество на протяжении всей своей шестилетней истории существования испытывало немалые трудности в этом плане. Основные источники его существования складывались за счет членских взносов, добровольных пожертвований, а также незначительных средств, выделяемых Осетинским отделом народного образования. Однако члены научного учреждения были настоящими подвижниками и энтузиастами на ниве просвещения и образования своего народа.

В 1923 г. Общество было зарегистрировано как научное учреждение, подведомственное Главнауке РСФСР и вошло в состав

¹⁴³ Осетиноведение – от прошлого к будущему. С. 100.

¹⁴⁴ Там же. С. 96.

Бюро Ассоциации Северо-Кавказских горских краеведческих организаций, располагавшегося до 1925 г. в Махач-Кале. Благодаря официальному оформлению статуса и улучшению финансирования организационные и исследовательские возможности Осетинского историко-филологического общества заметно расширились. Как отмечалось в Отчете Общества за 1924 г. – февраль 1925 г., «в 1923 г. все поступления общества составляли – 264 руб. 27 коп. золотом и 10 205 рублей совзнаками 1923 года, а в 1924 году поступления составляли – 939 руб. 86 коп. золотом. Увеличение наблюдается также и в инвентаре, и в библиотеке общества. В общем, по сравнению с 1923 годом положение Осетинского историко-филологического общества заметно улучшилось и укрепилось во всех отношениях»¹⁴⁵. В итоге поисково-исследовательская работа перешла на новый качественный уровень, подготовивший почву для реорганизации Общества в Осетинский научно-исследовательский институт краеведения.

Анализ ежегодных отчетов, протоколов заседаний Правления и общих собраний, других опубликованных и архивных источников позволяет судить о включенности в предметную сферу деятельности Общества самых разных вопросов истории и культуры осетинского народа. Среди приоритетных направлений деятельности Общества определялись: разыскание, охрана, изучение и издание «памятников осетинской старины, народной словесности, языка, обычного права, археологии», популяризация новейших педагогических течений, разработка «методов преподавания осетиноведения», составление учебников для национальных школ и подготовка научных кадров¹⁴⁶.

Большая заслуга принадлежала Обществу в собирании фольклорного и этнографического материала. В 1920-е гг. многие народы Кавказа только вступали в начальный период организа-

¹⁴⁵ Хроника. Отчеты о деятельности Историко-филологического общества. С. 451.

¹⁴⁶ Хроника. Отчеты о деятельности Историко-филологического общества. С. 400-459; НА СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Оп.1. Д. 112, 174. Пап. 41; Ф. 13. Оп. 1 Д. 1, 5; Осетиноведение – от прошлого к будущему. С. 96-97.

ционного формирования фольклористики и этнологии. Для гуманитариев же Осетии это было время большой результативной работы. Она опиралась на опыт первого поколения краеведов-энтузиастов: Дж. и Г. Шанаевых, С. Туккаева, С. Кокиева, А. Кайтмазова, эстафету у которых приняли еще в дореволюционный период Ц. Амбалов, М. Гарданов, Г. Гуриев, М. Туганов и др. Благодаря их усилиям развивались традиции собирания и изучения культурного наследия народа. Члены Общества осознавали, что носителями и хранителями памятников народного творчества большей частью являются старики, поэтому считали, что «нужны экстренные меры, чтобы записать от оставшихся в живых стариков эти памятники народного творчества и этим предохранить их от окончательной гибели и спасти их для науки»¹⁴⁷.

В результате заинтересованных обсуждений и консультаций вырабатывалась научная методика сбора полевого материала, обеспечивался прочный фундамент для последующих исследований фольклористов, языковедов, этнографов, историков, прорабатывался вопрос о необходимости издания памятников народного творчества, их перевода на русский язык. Составленная Г. Дзагуровым «Программа и способы собирания памятников осетинского народного творчества», разосланная в сельские школы республики, многие годы служила пособием для ученых и любителей-краеведов и способствовала тому, что получили «с мест не одну ученическую тетрадь, заполненную народными песнями и сказками»¹⁴⁸.

Члены Общества внесли существенный вклад в развитие научного нартоведения. Несмотря на нехватку финансов, порой работая «на одном голом энтузиазме» они выезжали в села, выявляли певцов и сказителей, записывали их репертуар. Некоторых известных сказителей, например, Гаха Сланова (с. Ногир), Иналдыко Каллагова (с. Джимара), Татаркана Туганова, Кубади Удаева (Дигорское ущелье), привозили во Владикавказ. Записи сказаний

¹⁴⁷ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 1. С. 177.

¹⁴⁸ Хамицаева Т.А. Некоторые итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ, 2005. С. 55.

нартовского эпоса от информантов занимали значительную долю в фольклорных материалах Общества. Как с некоторым сожалением констатировала нартовед, текстолог Т.А. Хамицаева, «эпос заслонил собой другие фольклорные жанры, и первые собиратели все свое внимание уделили ему»¹⁴⁹.

Между тем, на наш взгляд, методика работы членов Общества объективно была совершенно оправданной: сказители были преклонных лет, и риск безвозвратной потери источников был высок. Подтверждающим фактом служит эпизод из жизни сказителя Гаха Сланова, сопровождавшего исполнение сказаний игрой на двенадцатиструнной арфе. Вынужденный бежать из Южной Осетии от геноцида, развязанного грузинскими меньшевиками, он поселился в 1920 г. в с. Ногир. События так потрясли 85-летнего старика, что, несмотря на знание большого количества фольклорных произведений, он отказывался петь или рассказывать что-либо. «...теперь, т.е. после разгрома Южной Осетии, перенесенных тяжких испытаний, душа больше не расположена к сказыванию народных сказаний, а тем более к песням, да еще с музыкальным сопровождением на скрипке»¹⁵⁰. Лишь благодаря энтузиазму собирателя фольклора Кылци Томаева, который внушил Г. Сланову, что тот не имеет нравственного права унести народное духовное богатство с собой в могилу, удалось сломить сопротивление старика и записать от него художественные тексты большой культурной значимости¹⁵¹.

Гаха Сланов, как и многие осетинские сказители, был продолжателем многовековых традиций исполнения с музыкальным сопровождением не только сказаний, но также преданий, сказок и песен. Поэтому научно обоснованным и особенно ценным своим достижением Общество считало запись и гармонизацию осетинского музыкального наследия. Важность работы в этом направлении была отмечена приобретением (финансово довольно обре-

¹⁴⁹ Там же. С. 52.

¹⁵⁰ НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп. 1. Пап. 1. Д. 418. Л. 34.

¹⁵¹ Хамицаева Т.А. Сказители осетинского нартовского эпоса // Нарты. Осетинский героический эпос в 3-х книгах. М., 1991. Кн. 3. С. 142.

менительных для Общества) трех фонографов, которые сделали возможным техническую фиксацию мелодий и песен¹⁵².

Сбором народных музыкальных произведений с дореволюционного времени и в 1920-е гг. занимались композиторы Д. Аракчиев и Е. Колесников. Мелодии осетинских песен с напевами осетинских певцов записывал композитор П. Мамулов. Он отмечал: «Колыбель осетинской народной песни – величавый, спокойный эпос или же веселый, полный своеобразного юмора идиллический быт». Исходя из такого понимания, композитор делил все осетинские народные песни на героические и бытовые. На первое место по глубине и важности он ставил героические песни. Они «не занимают слух внешней формой, ... их суровая мелодия говорит строгим, почти религиозным языком, выявляя волю, общую для народа». Иные функции выполняли более доступные для восприятия «легкие, нередко веселые песни быта: охотничьи, свадебные, застольные, похоронные и т.п.»¹⁵³

Работая с замечательными народными сказителями и певцами (Иналдыко Каллаговым, Татарханом Тугановым и др.), композитор совершенствовал методику записи песен. От певца Татархана Туганова под аккомпанемент скрипача Хаджи-Мурзы Туганова он записал 30 дигорских песен. При этом тщательно следил за тем, чтобы не нарушить внутреннее строение музыкального произведения, сохранить его ритмику. От Хаджи-Мурзы Туганова записал 12 плясовых песен, обработанных для исполнения на скрипке с фортепиано¹⁵⁴. Композитор перерабатывал народные песни для хора и разучивал их с Хором осетинской молодежи при Отделе народного образования, которым первоначально руководил Стефановский, а затем сам П. Мамулов. Хор с неизменным успехом выступал перед осетинской публикой во Владикавказе, в селах Ольгинском, Эльхотово, Беслане.

¹⁵² Хроника. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества. С. 459.

¹⁵³ Мамулов П.Б. Осетинская народная музыка // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1. С. 365-367.

¹⁵⁴ Там же. С. 368, 370.

Члены Общества считали важным освоение опыта собирания русской песни. Как отмечал П. Константинов, надо «идти путем Пятницкого, т.е. необходим регент-осетин, получивший музыкальное образование... Дело воссоздания народной песни нужно начать со школы; учитель словесник и учитель пения должны действовать солидарно, а если возможно, то совместиться в одном лице». Он подчеркивал, что в деле сохранения и изучения должно было участвовать не только общество, но и государство и предлагал открыть специальную школу по подготовке учителей пения и организовать народный хор¹⁵⁵.

С первых дней одним из основных направлений работы Общества было изучение проблем осетинского языкознания. Тезисы докладов «Эволюция осетинских писмен и примерная осетинская графика» (Б. Алборов), «Ударение в осетинском языке» (В. Абаев), «О графике», «Буквари на осетинском языке», «Единый литературный язык для всех трех ветвей осетинского языка» (А. Тибилов), «Новая осетинская графика на латинской основе», «О 125-летию осетинской письменности» (Г. Дзагуров) и их обсуждение демонстрировали высокий уровень анализа обозначенных вопросов¹⁵⁶. Члены Общества участвовали в работе терминологических комиссий для выработки научно-литературных терминов, актуальных в связи с курсом на осуществление политики коренизации, предусматривавшей перевод делопроизводства на родные языки. Крупным вкладом в научном фонде Общества стали «Краткая грамматика осетинского языка» Б. Алборова и осетинская графика на латинской основе, созданная А. Тибиловым.

В неразрывной связи с разработкой этих вопросов находилась судьба национальной школы. Предметом особого внимания была постановка преподавания осетиноведения. Общество объявляло конкурсы на написание учебных пособий, разработку учебных программ, создание букварей осетинского языка. Оно активно добивалось открытия Горского института Народного Образования

¹⁵⁵ Хроника. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества С. 411.

¹⁵⁶ Канукова З.В. Осетинское историко-филологическое общество // Известия СОИГСИ. 2007. Вып. 1 (40). С. 144.

для подготовки квалифицированных кадров учителей-осетинцев. Предлагало открыть в Политехническом институте во Владикавказе кафедру кавказоведения и осетинovedения в институте. С таким предложением Общество обратилось в Совет профессоров института, и его хлопоты увенчались успехом¹⁵⁷.

Члены Общества, настаивая на открытии в вузах кафедр обществоведческого и гуманитарного профиля, рассчитывали также на подготовку на их базе профессиональных кадров специалистов, способных поднять на новый научный уровень исследование актуальных проблем истории Осетии и осетинского народа. О заинтересованности в решении научно-кадрового вопроса свидетельствовали темы, выносимые на обсуждение общих собраний Общества. Некоторые из них до сих пор не потеряли дискуссионной заостренности: «Яфетическая теория Н.Я. Марра и вопрос о происхождении осетин», «Роль Кундухова и Лорис-Меликова в переселении горцев в Турцию по архивным делам» Г.А. Дзагурова, «Чем вызвано переселение осетин в Турцию в 60 годах 19 века» И.А. Канукова, «Осетия и осетины» Н.З. Джигоева, «Система народного образования в Осетии» А.А. Тибилова и др.¹⁵⁸

В контексте формирования научной школы осетинovedения и становления осетинского литературovedения важной частью деятельности членов Общества являлось собирание и изучение творческого наследия осетинских писателей: Темирболата Мамсурова, Сека Гадиева, Елбыздуко Бритаева, Розы Кочисовой и др.¹⁵⁹

Огромный интерес вызывали жизнь и творчество Коста Хетагурова. К его личности в осетинском обществе относились с ве-

¹⁵⁷ Хроника. Отчеты о деятельности Историко-филологического общества. С. 408.

¹⁵⁸ Там же. С. 400-488.

¹⁵⁹ Алборов Б.А. Жизнь и творчество осетинской писательницы Розы Кочисовой // НА СОИГСИ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 19; Алборов Б.А. Первый осетинский поэт Т. Мамсуров // НА СОИГСИ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 7; Дзагуров Г.А. Материалы для биографий осетинских писателей Коста Хетагурова и Елбыздуко Бритаева // Известия Северо-Кавказского педагогического института, 1924. Т. 2. С. 73–77; Гадиев Ц. Сека Гадиев – осетинский поэт-самоучка // Известия Горского педагогического института. 1929. № 5. С. 234-247.

ликим уважением, «целя в нем гражданина и борца за народный идеал и мягкую отзывчивую душу, полную самой горячей любви ко всем людям...»¹⁶⁰. Исследования Г. Бекоева, А. Гулуева, Ц. Гадиева закладывали основы хетагуроведения в качестве специального направления в осетинской филологии¹⁶¹.

Деятельность по поиску, сохранению и популяризации биографии поэта, литературно-художественного наследия приобрела особый размах в 1921 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня его смерти (1 апреля по новому стилю – И.Ц.). К этой дате было приурочено торжественное заседание Осетинского историко-филологического общества, состоявшееся 29 мая 1921 г. в здании Городского (русского) театра. Накануне «празднования» И.М. Санакоев и Е.А. Коцоева доставили из Пятигорска ценные материалы, безвозмездно переданные дочерьми протоиерея Александра Цаликова, связанными с Коста многолетними дружескими узами. В составленной ими «Описи рукописям и картинам К. Хетагурова» от 17 мая 1921 г. значились рукописи, 46 писем (из них 17 в конвертах), четыре поздравительные открытки с автографами стихотворений Коста, картина «Клухорский перевал», иконы «Константин и Елена», «Лик Христа» и др.¹⁶². К особо ценным приобретениям относилась авторская беловая рукопись «Ирон фæндыр. Зæрдæйы сагъæстæ, зарджытæ æмæ æмбисæндтæ» (всего 50 стихотворений) «в роскошном переплете с тиснениями – коричневого цвета» с дарственной надписью Анне Цаликовой¹⁶³. Ценность ее заключалась в том, что она являлась копией

¹⁶⁰ Бекоев Г.Г. Поэт-гражданин // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1. С. 28.

¹⁶¹ Бекоев Г.Г. Поэт-гражданин. С. 28–39; Гулуев А. Творчество Хетагурова // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения, 1925. Вып. 1. С. 40–47; Гадиев Цомак. Коста Хетагуров, певец осетинской горской бедноты // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения, 1926. Вып. 2. С. 445–463.

¹⁶² Гостиева Л.К. Деятельность Осетинского историко-филологического общества по сохранению творческого наследия К.Л. Хетагурова // Осетиноведение – от прошлого к будущему. Владикавказ, 2011. С. 87–89.

¹⁶³ НА СОИГСИ. Ф. Коста Хетагурова. Оп. 1. Д. 112, 174. Пап. 41. Л. 13.

оригинала авторской рукописи, переданной в 1898 г. Гаппо Баеву как редактору первого издания сборника, а затем отправленной в Кавказский цензурный комитет (местонахождение рукописи неизвестно). Подаренная в 1921 г. Еленой и Юлианой Цаликовыми рукопись впервые была опубликована в полном объеме и в авторской редакции в 1999 г. в пятитомном издании полного собрания сочинений К. Хетагурова¹⁶⁴.

Материалы о Коста имели для Общества большое научное и научно-познавательное значение. Они давали представление о творческом методе поэта, о мировоззренческих особенностях авторского мышления, свидетельствовали о его гражданской позиции. Они содержали также весьма важную информацию по малоизвестным фактам петербургского периода жизни Коста; свидетельствовали и о взаимоотношениях с властями, причинах ссылки и обстоятельствах пребывания в Херсоне и Очакове, об истории подготовки к изданию сборника «Ирон фæндыр» и многом другом. Научный метод сбора материалов позволил вести дальнейший целенаправленный поиск артефактов. Среди них – поступившие в 1922–1923 гг. рукописи, в том числе «Осетинская лира» с авторскими иллюстрациями, «Плачущая скала (осетинская легенда)» на русском языке, личные вещи (палка Коста, подаренная музею Общества другом поэта М. Коченовым) и др.¹⁶⁵

Члены ОИФО не только вели кропотливую работу по разысканию материалов, связанных с именем К. Хетагурова, но и заботились об обеспечении их сохранности. В архиве СОИГСИ, например, имеется данная сестрам Цаликовым в 1921 г. за подписью председателя Общества Б.А. Алборова расписка: «Принося Вам благодарность за любовное, бережное отношение ко всему, что касается памяти Коста, Общество имеет смелость заверить Вас, что оно не забудет Ваших услуг и забот по увековечению

¹⁶⁴ Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в 5 тт. Владикавказ, 1999. Т. 1. С. 13-223.

¹⁶⁵ Гостиева Л.К. Деятельность Осетинского историко-филологического общества по сохранению творческого наследия К.Л. Хетагурова. С. 90-91; Хроника. Отчеты о деятельности Историко-филологического общества. С. 409, 457.

памяти Коста, и что оно сумеет должным образом охранить то, что имеете вверить его попечению»¹⁶⁶. Выполняя данное обещание, Правление Общества обратилось в местные органы власти с просьбой выделить специальный сейф («несгораемую кассу»), в который были помещены авторские рукописи поэта¹⁶⁷.

Все же с сожалением приходится констатировать, что наследие К. Хетагурова, бережно и с любовью собиравшееся и накапливавшееся членами ОИФО, в последующем не удалось сохранить в полном объеме. Так, из трех живописных работ, переданных Цаликовыми в 1921 г., достоверно известно местонахождение только картины «Клухорское ущелье». Преподнесенная художником протоиерею Александру Цаликову в день его именин с дарственной надписью на осетинском языке, она сегодня хранится в экспозиции Республиканского художественного музея им. М.С. Туганова под названием «Тебердинское ущелье». Судьба двух других работ «Константин и Елена» и «Лик Христа» неизвестна.

В 1936 г. Елена Цаликова в переписке с директором СОНИИ Еленой Бараковой тревожилась об иконе «Константин и Елена»: «Мне передают, что картина эта (она в хорошей черной раме) в чулане, говорят – «религиозный подход» – неужели это может быть?». В 1940 г. в письме директору Музея осетинской литературы им. К.Л. Хетагурова, созданного за год до этого, она вновь напоминала о ней: «Если икону не выставляют по каким-нибудь соображениям, то очень прошу вернуть ее мне, так как я ее очень люблю, она мне дорога по памяти; если же она пропала, то это непростительный факт...»¹⁶⁸. Опасения Елены Александровны, как показало время, оправдались. Следы икон затерялись в ходе антирелигиозных кампаний и идеологических «чисток» 30–40-х гг. XX в., которые трагически сказались не только на судьбах служителей церкви, деятелей культуры, но и многих произведений искусства, якобы противоречивших социально-по-

¹⁶⁶ НА СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Оп.1. Д. 112, 174. Пап. 41.

¹⁶⁷ Гостиева Л.К. Деятельность Осетинского историко-филологического общества по сохранению творческого наследия К.Л. Хетагурова. С. 90-91.

¹⁶⁸ НА СОИГСИ. Ф. К. Хетагурова. Оп. 1. Д. 112. Пап. 41.

литическим установкам времени. Существует версия, что «Лик Христа» – это один из несохранившихся вариантов иконы «Спас нерукотворный», которая была подарена в свое время Анной Поповой Юго-Осетинскому краеведческому музею. С копией этой интересной работы сегодня можно познакомиться в Доме-музее Коста Хетагурова в Владикавказе.

Следует признать, что многие идеи членов Общества, касавшиеся К. Хетагурова и горячо обсуждавшиеся на заседаниях и собраниях Осетинского историко-филологического общества, остались нереализованными из-за крайней скудости финансов и отсутствия технических возможностей. Не был осуществлен ряд проектов: сооружение памятника, выпуск сборников произведений поэта на русском и осетинском языках, открытие Дома Коста, который был задуман как хранилище всего наследия поэта и художника. По той же причине не был основан журнал «Вестник Осетинского историко-филологического общества» (первые два выпуска «Известий Осетинского научно-исследовательского института краеведения» (1925; 1926) фактически состояли из материалов, составленных членами Общества). Издание подготовленных Обществом сборников произведений устного народного творчества также было отложено на более поздний срок.

Тем не менее, освоение наследия Коста Хетагурова, его сохранение, изучение и популяризация, наряду с исследованием вопросов осетинского языкознания, национальной школы, устного народного творчества и другими темами, стали составной частью научной лаборатории Общества, ядром образовательного и просветительского центра региона. Они оказали большое влияние на формирование принципов и методов научного поиска, на создание научных школ и направлений в кавказоведении.

Еще одним немаловажным аспектом работы Общества следует считать возросший уровень организации архивного, библиотечного и музейного дела на базе идеи создания единого научно-образовательного и просветительского центра. В итоге к середине 1920-х гг. библиотека, архив и музей стали важнейшими структурными элементами научного учреждения. К началу 1925 г. в библиотеке Общества насчитывалось до 1200 названий

работ по кавказоведению и осетиноведению. Ее фонд располагал такими ценными изданиями, как «Адаты кавказских горцев» Ф.И. Леонтовича, «Материалы по археологии Кавказа» графини П.С. Уваровой, «Материалы для новой истории Кавказа» П.Г. Будкова, периодическими изданиями: «Кавказский сборник», «Горский сборник», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборник сведений о кавказских горцах», и др. Часть фонда состояла из книг на иностранных языках. Среди них исследование осетинского синтаксиса Р.Р. Штакельберга «Beitrag zur Syntax des Ossetischen», которую автор защитил в 1886 г. в качестве диссертации в Страсбургском университете. Библиотека содержала также большинство книг, изданных на осетинском языке. В ней хранилось и собрание рукописей, переданных частными лицами. Среди них неизданные тексты нартовских сказаний, поступивших от И. Канукова, рукописи К. Хетагурова и др.¹⁶⁹ Многие книги и журналы передавались в библиотеку ОИФО бесплатно частными владельцами. Благодаря содействию Московского Этнографического общества в библиотеку поступили подборки дореволюционных номеров «Журнала Министерства народного просвещения», а также номера «Этнографического обозрения».

Большую научную ценность представлял архив Общества. Он содержал по истории развития просвещения в Осетии богатейший материал, который сложился в основном благодаря передаче фондов архива бывшего Ардонского Отделения Владикавказского Епархиального Училищного Совета и архива бывшего Северо-Осетинского Училищного Совета. Архивные фонды пополнялись за счет собирания памятников устного народного творчества, материалов к биографиям, а также рукописей осетинских писателей К. Хетагурова, Б. Гуржибекова, протоиерея А. Гатуева и др.¹⁷⁰ В 1921-1924 гг. в архив передали документы архива бывшего Моздокского духовного училища. Среди приобретений были рукописи А. Токаева, Г. Шанаева, М. Туганова,

¹⁶⁹ Хроника. Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества. С. 146-192.

¹⁷⁰ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1 Д. 5. Л. 17-23.

содержавшие записи произведений народного творчества; копии рукописей произведений Т. Мамсурова. В числе рукописей собирателя народных сказаний Г. Томаева был «Дневник событий во Владикавказе с 1917 по 1919г.», написанный на осетинском языке и имевший больше значение как документ, освещавший события революции и гражданской войны в Терской области.

Пополнялись и фонды музея. Среди приобретений были такие редкие артефакты, как фандыр с изображением лабиринта Сырдона, двухструнная балалайка, старинный щит, стрелы, картины и палки Коста Хетагурова, портреты общественных и культурных деятелей Осетии и др.

С момента возникновения Осетинского историко-филологического общества его создатели понимали необходимость развития осетиноведения в широком контексте российской и кавказской истории, в тесном взаимодействии с научными центрами страны, а также «могущими возникнуть подобными же обществами Кабарды, Балкарии, Чечни и Ингушетии»¹⁷¹ и следовали в этом направлении. ОИФО тесно сотрудничало с Юго-Осетинским научным обществом, Горским научно-исследовательским институтом, Горским архивным управлением. Поддерживало связи с Этнографическим обществом и Центральным бюро краеведения в Москве. Заслуга Общества состояла в том, что своей деятельностью оно создало не только организационные основы регионального научного центра, но и положило в нем начало исследовательской традиции критического анализа в области гуманитарного знания. Для народов Северного Кавказа это сыграло большую роль в становлении и развитии научной школы кавказоведения как самостоятельного направления научной деятельности.

Между тем, с середины 1920-х гг. задачи общегосударственной форсированной социалистической перестройки народного хозяйства и развертывание «культурной революции» привели к усилению централизации управления всей сферой науки и ужесточению контроля над научно-исследовательской деятельностью. Осетинское историко-филологическое общество с декла-

¹⁷¹ Осетиноведение – от прошлого к будущему. Владикавказ, 2011. С. 97.

рируемыми демократическими традициями организации своей деятельности, относительной свободой и независимостью в формировании исследовательских направлений, равно, как и Северо-Кавказский институт краеведения, уже не соответствовали новым запросам власти.

Северо-Осетинский научно-исследовательский институт краеведения. Реорганизация Общества и создание на его базе Осетинского научно-исследовательского института краеведения (ОСНИИ краеведения) стали одним из этапов институционального и организационного реформирования научного пространства национальных областей Северного Кавказа в середине 1920-х – начале 1930-х гг. Наряду с Осетинским в отмеченное время были созданы Адыгейский, Дагестанский, Ингушский, Кабардино-Балкарский, Чеченский, Карачаево-Черкесский институты краеведения.

Открытие Осетинского НИИ краеведения (с 1930 г. – Северо-Осетинский НИИ, ныне Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований ВШЦ РАН) состоялось 1 марта 1925 г. на основании постановления Северо-Осетинского областного ревкома от 14 октября 1924 г. Как правопреемнику ему передавалось все имущество Осетинского историко-филологического общества, включая ценные коллекции библиотеки, архива и музея¹⁷².

«Положение об Осетинском научно-исследовательском институте краеведения», определявшее правовые и организационные основы деятельности института, было утверждено 7 мая 1926 г. Президиумом Северо-Осетинского областного исполкома. В качестве целей деятельности института обозначены исследования в области естественно-исторического и экономического развития Осетии и осетин, «вызываемые потребностями Северо-Осетинской Автономной области»; популяризация научных знаний; подготовка научных работников по краеведению¹⁷³.

¹⁷² Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 1. С. 189.

¹⁷³ Положение об Осетинском научно-исследовательском институте краеведения // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1926. Вып. 2. С. 567-571.

Намеченные программные задачи должны были решать три отделения Осетинского НИИ краеведения: естественно-историческое, экономическое и культурно-историческое. Они охватывали своей деятельностью широкий спектр вопросов. В повестке дня института приоритетными оставались унаследованные от Осетинского историко-филологического общества вопросы изучения народной словесности, литературы, языка, памятников искусства. В то же время растущей долей исследований становились изучение естественных богатств края, социального строя, экономики, статистики. Очень важным достижением на этапе организации института было основание собственного печатного органа. Первый выпуск «Известий Осетинского научно-исследовательского института» вышел в свет через три месяца после организации института, в июне 1925 г. Как уже было отмечено, почти весь материал для него и отчасти для второго выпуска перешел к Институту «по наследству» от Осетинского историко-филологического общества.

Большой объем накопленного материала определил историко-культурную направленность тематики публикаций первых выпусков «Известий». В статьях В.И. Абаева, Б.А. Алборова, Г.Г. Бекоева, Г.А. Дзагурова, А.З. Кубалова, П.Б. Мамулова, М.В. Рклицкого, М.С. Туганова рассматривались вопросы возникновения осетинской письменности, создания единого литературного языка, изучения литературного наследия осетинских писателей, происхождения нартовского эпоса. В дальнейших выпусках тематический перечень публикаций расширялся. Печатались статьи, посвященные анализу природно-климатических условий края, социально-экономических процессов, хозяйственной деятельности, вопросов развития научно-образовательной и культурной сферы в Осетии.

В соответствии с ориентацией на «потребности автономной области», согласно Положению, руководство института имело право открывать научно-вспомогательные учреждения (лаборатории, библиотеки, станции, опытные участки и др.). Они были рассчитаны на установление постоянных связей с производствами различных отраслей народного хозяйства автономии и повы-

шали статус института с точки зрения развития естественнонаучных аспектов краеведения. В результате, заинтересованными в работе института организациями становились по Положению «Северо-Осетинский обком ВКП (б), Осовпроф, Союз Рабпрос, Ос. ОНО, Ос. Союз, Ос. Кредсельсоюз» с правом «командировать своих представителей в Совет института на правах его членов с уведомлением об этом Главнауки». Главнаука также обладала правом окончательного утверждения штатного состава института, который должен был состоять из действительных членов, научных сотрудников и членов-корреспондентов¹⁷⁴.

При этом на деле численность постоянных сотрудников Осетинского НИИ краеведения была невелика. В мае 1925 г. в его штате, например, из-за низкого уровня финансирования состояли лишь директор, ученый секретарь, научный сотрудник, а также делопроизводитель-машинистка и сторож-рассылный¹⁷⁵. Поэтому руководство института, пользуясь записанным в Положении правом «привлекать к своей работе организации и отдельных лиц», сотрудничало на договорных условиях с профессорами вузов Северной Осетии, с бывшими членами Осетинского историко-филологического общества. Среди них – В. Абаев, Б. Алборов, Ц. Амбалов, Г. Бараков, М. Гарданов, Дз. Гатуев, А. Гулуев, И. Джанаев, Г. Дзагуров, А. Коцоев, М. Мисиков, Л. Семенов, Б. Скитский и др. Институт поддерживал рабочие связи с учеными из других научных центров страны (Г. Ахвледиани, Г. Кокиевым, Б. Куфтиным, А. Миллером, Е. Пчелиной и др.). Сотрудники ОСНИИ участвовали в ежегодно проводимых археологических, этнографических и других экспедициях в горные районы и некоторые равнинные села Осетии.

Однако при организации экспедиционной и исследовательской работы институт испытывал большие материальные затруднения. Как учреждение, находившееся в ведении Отдела народного образования Северо-Осетинской автономной области, он существовал в основном на небольшие средства, выделяемые из

¹⁷⁴ Там же. С. 568-569.

¹⁷⁵ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 19. Л. 7.

областного бюджета. Поэтому уже в конце 1925 г. дирекция института ходатайствовала о включении его в сеть научных учреждений Главнауки Народного комиссариата просвещения РСФСР. В январе 1926 г. Представительство Северо-Осетинской автономной области обратилось в Главнауку по поводу изменения статуса института. Но к тому времени его руководство еще окончательно не определилось с судьбой Северо-Кавказского института краеведения. Оно заявило о невозможности содержать «для изучения отдельных областей самостоятельные институты» и высказалось за создание при Северо-Кавказском институте секции для изучения Осетии¹⁷⁶. Однако это предложение было отвергнуто областными органами власти.

Прошло несколько лет, прежде чем Главнаука признала возможным удовлетворить ходатайство руководства Северной Осетии о принятии Северо-Осетинский НИИ в число научных учреждений, подведомственных НК просвещения РСФСР. С переходом института на госбюджетное обеспечение существенно повысилось его финансирование. В отмеченном году СОНИИ было выделено 228 800 руб. (эта сумма превышала бюджет института за 1925 г. в 19,6 раза и за 1930 г. – в 14 раз). Улучшение финансового обеспечения способствовало росту численности научных работников. Общее число сотрудников института в 1933 г. составляло 28 чел. (с учетом колхозного сектора, созданного в том же году). В июне следующего года в списке сотрудников значилось 30 человек, в том числе шесть штатных научных работников и 14 аспирантов¹⁷⁷.

Государственное плановое финансирование и увеличение численности научных кадров благотворно сказались на развитии исследовательской деятельности института. Активизировалась работа по организации и проведению археологических и фольклорно-этнографических экспедиций, в ходе которых велись раскопки, выявлялись и описывались памятники духовной и материальной культуры, проводились мероприятия по их сохране-

¹⁷⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 28. Л. 3-5.

¹⁷⁷ Там же. Д. 27а. Л. 1-2; Д. 105. Л. 5.

нию. Велась археографическая работа по выявлению, записи и подготовке к печати документов по истории дореволюционной Осетии, были написаны первые исследования по истории русско-осетинских отношений и др.

В 1920-е гг. отдельной страницей деятельности научных учреждений, ставшей в последующие десятилетия несбыточной историей, являлось установление связей с зарубежными научными организациями. В 1927 г. директор СОНИИ Д. Дзагуров писал в Берлин издателю Е. Гутнову о том, что институт желает завязать сношения с германскими учеными и учреждениями, которые интересуются Осетией и ее культурой¹⁷⁸. Немалым подспорьем в этом служила издательская, научно-просветительская деятельность Е. Гутнова. К этому времени в его издательстве вышли «Ирон фандыр» Коста Хетагурова (1922), «В ночи бессонные» Андрея Гулуева (1923), «"Вильгельм Телль"» Фр. Шиллера. Перевод с русского на осетинский Цоцко Амбалова» (1924), «Осетинские анекдоты и народные поговорки» В. Бтемирова и А. Битаева (1924), «Горские мотивы» Георгия Малиева (1924).

Возможности для установления научных контактов представляло Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Через него шла переписка с университетами, библиотеками, учеными и частными лицами в Германии, Дании, Чехословакии и других странах, от которых поступало большое количество запросов на краеведческую, научную литературу, издаваемую в Осетии¹⁷⁹. Большой интерес вызывали «Памятники народного творчества осетин», «Известия ОСНИИ». Просьбы прислать издания поступали из самых разных уголков мира: от Университетской библиотеки в Геттингене, Книжной торговли Фокка в Лейпциге, Прусской государственной библиотеки, Института истории и географии Бразилии в Рио-де-Жанейро, Нью-Йоркской публичной библиотеки и Пенсильванского университета¹⁸⁰.

¹⁷⁸ Там же. Д. 51. Л. 5.

¹⁷⁹ Тотоев Ф.В. Историческое осетиноведение и СОИГСИ // 80 лет служения отечественной науке. С. 14.

¹⁸⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 90. Л. 2-3, 28; Д. 105. Л. 6, 9, 10.

В письме от 29 марта 1930 г. Институт Восточной Европы в Бреславле просил выслать недостающие у него комплекты ПНТО – «выпуск 3 и следующие». 17 апреля 1930 г. дирекция СОНИИ извещала заведующего отделом Международного книгообмена, что выслала Институту Восточной Европы требуемый третий выпуск издания¹⁸¹.

СОНИИ откликнулся и на обращение директора этнографического отделения Моравского Земского музея в Брно-Моравия Франтишека Поспишила, просившего выслать фото танцев и игр с оружием, хрестоматию по осетинскому языку для младших классов и первый выпуск «Известий»¹⁸².

В свою очередь руководство СОНИИ просило западных адресатов выслать, «по возможности», имеющуюся у них литературу по краеведению, истории, этнографии и научные работы о Кавказе и Осетии¹⁸³.

В значительной степени связи с зарубежными коллегами в отмеченный период гарантировались полномочиями Коллегии института, которая руководила деятельностью ОСНИИ. В нее входили директор, заведующие отделами, ученый секретарь, а также представители Агитпропа Северо-Осетинского обкома ВКП (б) и Областной плановой комиссии (Осплана). Состав Коллегии утверждался исполкомом Северо-Осетинской автономной области¹⁸⁴.

Введение в руководство институтом представителей местных партийно-советских органов власти, хотя и на общественных началах, было «новацией принципиального порядка, партийно-советским прочтением понятия – гуманитарный институт». Административное сосуществование в Коллегии ученых с представителями органов власти, с одной стороны, пока позволяло поддерживать зарубежные связи сотрудников института. С другой стороны, эти же годы отмечены мерами дистанцирования от старой исторической школы через замену истории как науки до

¹⁸¹ Там же. Д. 105. Л. 7.

¹⁸² Там же. Д. 51. Л. 7.

¹⁸³ Там же. Д. 51. Л. 69; Д. 90. Л. 2-3.

¹⁸⁴ НА СООГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 19. Л. 6-7.

1931 г. обществоведением. Только в 1930-1931 гг. в отделе культуры института создается секция истории советского строительства и новый отдел изучения истории революционного движения в Осетии¹⁸⁵.

В целом уже с конца 1920-х гг. наблюдается рост негативных тенденций в практике управления культурными процессами. В научной сфере все явственнее ощущался политико-идеологический диктат власти, предписывавшей через вводимую систему социального заказа не только исполнение определенных исследовательских тем, но и характер их освещения. Такой двойственный, разрешительно-ограничительный подход, утверждавшийся в научной сфере в конце 1920-х – начале 1930-х гг., был составной частью общей государственной политики, которая отражалась и в гуманитарных отраслях региональной науки, в том числе в Осетии. На его основе в институте шло государственное финансирование, формирование профессиональных кадров, в том числе через систему аспирантуры, открытой в 1931 г. Это позволило Осетинскому НИИ краеведения сохранить и развить традиции научно-изыскательской работы, заложенные Осетинским историко-филологическим обществом. В результате с 1925 по 1929 г. институт совместно с бывшими членами ОИФО осуществил издание четырех выпусков «Памятников народного творчества осетин». Первый выпуск содержал нартовские сказания на русском языке, записанные Гацыром Шанаевым еще в 1870-е гг. Во втором выпуске опубликовано дигорское народное творчество разных жанров в записи Михаила Гарданова. В третий и четвертый выпуски вошли нартовские сказания и сказки в записи Цоцко Амбалова. Работа в этом направлении продолжилась, и в 1941 г. вышел пятый выпуск ПНТО, подготовленный Казбеком Казбековым. Он включал нартовские и даредзановские сказания на осетинском языке, выбранные из архивных и опубликованных источников.

Подлинным событием в развитии осетинской лексикографии было издание Академией наук СССР в 1927-1934 гг. трехтомно-

¹⁸⁵ Тотоев Ф.В. Историческое осетиноведение и СОИГСИ// 80 лет служения отечественной науке. С. 13.

го «Осетино-русско-немецкого словаря» В.Ф. Миллера. Вместе с редактором А.А. Фрейманом большую работу по подготовке словаря провели В.А. Абаев, Б.А. Алборов, Ц.Б. Амбалов, М.Г. Гуриев, Г.А. Дзагуров, М.А. Мисиков, И.Т. Собиев и др. Их работа, начатая еще в 1923 г., была успешно завершена.

Большую помощь ветераны Осетинского историко-филологического общества оказывали ОСНИИ и в просветительской работе с привлечением молодых кадров научно-вспомогательных учреждений (Музея материальной и духовной культуры, библиотеки и др.). Вместе они готовили этнографические вечера осетинской сольной и хоровой песни, народных танцев, выступления музыкантов и сказителей. Молодежь профессионально росла при подготовке научных докладов по темам, посвященным творчеству Коста Хетагурова, знаменитых народных сказителей слепого Бибо Дзугутова и Рамона Дзусова, результатам археологических экспедиций А. Миллера, А. Фреймана, литературному сборнику «Зиу», итогам экономического обследования нагорной полосы Северной Осетии и т.д. Она продолжила работу по сбору и записи произведений устного народного творчества, участвовала в поиске и собирании рукописей и печатных книг по кавказоведению.

Важным направлением в деятельности института было проведение мероприятий по охране и реставрации памятников истории и культуры. Ограниченное финансирование экспедиционной работы существенно влияло на возможности сотрудников института. Однако они оказывали помощь в разработке маршрутов и объектов исследований для научных экспедиций центральных научно-исследовательских учреждений. Сотрудники института принимали участие в экспедициях профессоров А. Миллера, А. Фреймана, Б. Куфтина, Е. Пчелиной, И. Тоцкого и др. Накапливаемый опыт экспедиционной работы, особенно у молодых сотрудников, выдвинул институт в 1930-е гг. в ряд ведущих профильных научных учреждений, обеспечил ему репутацию центра краеведения в регионе. Большой вклад в нее внесли сотрудники Музея материальной и духовной культуры ОСНИИ, которые содействовали организации экскурсий и экспедиций в горные и

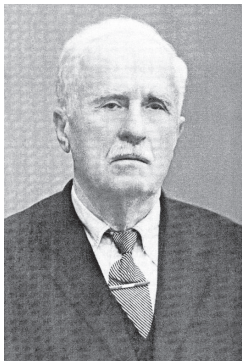
равнинные села Осетии и соседних республик, а затем вели научную обработку архивных документов, занимались комплектацией научной библиотеки и архива¹⁸⁶.

Таким образом, анализ становления и развития научного пространства Северной Осетии в 1920-е – начале 1930-х гг. позволяет отметить, что основными центрами организации научной деятельности являлись Осетинское историко-филологическое общество, на основе которого был создан в 1925 г. Осетинский научно-исследовательский институт краеведения, и Северо-Кавказский институт краеведения, располагавшийся в 1920-1926 гг. во Владикавказе. Их общим подспорьем и научной базой стало «любительское» краеведение, которое на первом этапе, объединив энтузиастов из среды национальной интеллигенции, решило кадровые вопросы образования государственных научно-исследовательских институтов, получивших стабильное бюджетное финансирование, юридический статус и возможности перспективного планирования научной работы. В последующие годы рассматриваемого периода краеведение стало важной составной частью исследовательских программ Северо-Осетинского научно-исследовательского института краеведения, способствуя вовлечению местного населения в изучение истории и культуры родного края. Оно содействовало повышению интереса центральных научных учреждений, органов власти к проблемам изучения и сохранения культурно-исторических памятников Осетии, развитию музейного дела. К началу 1930-х гг. широкий диапазон взаимодействия краеведения и науки привел к качественному изменению организации научных исследований по отраслям научного знания, классифицируя научные исследования по значительно более четким тематическим признакам, выходя за границы указанных в Положении об ОСНИИ краеведения отделений: естественно-исторического, экономического и культурно-исторического.

¹⁸⁶ Там же, с. 14-15.

*Академик Николай
Янович Марр*

*Григорий
Алексеевич Дзагуров*

*Борис Андреевич
Алборов*

*Группа представителей национальной интеллигенции.
Сидят слева направо: 1-й Б.А. Алборов, 3-й Г.М. Цаголов,
стоит 1-й справа С. Косирати*

*Составители осетино-русско-немецкого словаря Вс. Миллера.
Сидят слева направо: И. Собиев, Ц. Амбалов, А. Фрейман,
М. Гарданов, стоят: М. Мисиков, Г. Бекоев, Г. Дзагуров,
Г. Гуриев*

Канцелярия ОСНИИ. 1934 г.

*Сергей Алексеевич
Гатюев*

*Иосиф Гаврилович
Есьман*

*Александр Михайлович
Панков*

Первый совет Северо-Кавказского института цветных металлов (1933 год). Стоят (слева направо): В. В. Замулин, М. И. Агошков, В. Н. Федоров, Л. Н. Пламеневский, В. В. Горячкин, Г. Г. Запевалов, С. М. Анисимов; сидят в среднем ряду: Д. П. Новиков, А. Т. Мурзабеков, Э. А. Штебер, В. Я. Мостович, В. В. Рогожин, А. В. Запрягаев, Х. Бутаев; сидят внизу: члены совета — студенты И. Дзлиев, К. Сердюк, С. Лопатин.

Первый совет Северо-Кавказского института цветных металлов

Студенты химико-биологического отделения Северо-Осетинского пединститута. 1925 г.

Лев Борисович Беме

Леонид Петрович Семенов

5. Подготовка специалистов высшей квалификации из представителей коренных национальностей Северного Кавказа во второй половине 1940-х–1950-е гг.

Опыт двух десятилетий XXI в. в области подготовки национальных кадров специалистов в России свидетельствует о разном направленности и в существенной степени качественных изменениях в ней. На смену «комплексным» советским и продолжавшимся по инерции постсоветским планам 1990-х гг. с начала нового тысячелетия в практику подбора и обучения кадров вошли «рыночные» механизмы, которые значительно актуализировали проблемы качества подготовки и последующей востребованности специалистов. Мы являемся свидетелями предпринимаемых с 2010-х гг. попыток ориентировать в рамках федеральных национальных проектов и государственных программ двух уровней (федеральных и республиканских) подготовку специалистов в регионах, в том числе на Северном Кавказе. В настоящее время большое внимание уделяется вопросам преодоления перекосов – избыточности выпуска специалистов одних направлений и дефицита других, востребованных при диверсификации экономики в условиях цифровизации и технологического переоснащения отраслей народного хозяйства на фоне объективного изменения всего социального ландшафта многонационального российского сообщества.

Принципиальное значение в подготовке специалистов имеет также эффективность функционирования в регионах «социальных лифтов» и многократно декларированных «равных стартовых возможностей». Это напрямую определяет уровень «утечки мозгов» не только за пределы отдельного субъекта Федерации, но и из профессии, из локальных производств обновляемой модели экономики, общественной жизни, которые рассматриваются как фундаментальные для развития региона.

В создавшихся условиях может сложиться мнение, что новый опыт 2000-х гг. в деле подготовки национальных кадров высшей квалификации для автономий Северного Кавказа, особенно в части разрешения проблем, предполагает поиск выходов лишь там,

где уже преодолели эти «трудности роста». Однако российское общество уже убедилось на своей практике в неоднозначности заимствований без опоры на имеющийся исторический опыт, местные традиции и сложное социально-экономическое наследство.

Эти соображения побуждают обратиться к исследованию процесса подготовки высокопрофессиональных специалистов из коренных народов Северного Кавказа во второй половине 1940-х – 1950-е гг., прежде всего исходя из его гносеологической связи с современной проблематикой. Связь устанавливается, например, через социологически внятно обозреваемую на протяжении более 150 лет проблему занятости на Северном Кавказе. Обозначенная «сквозная», вне политических режимов тема, выразившаяся в широком распространении практики отходничества в регионе, остается и сегодня предметом серьезного внимания политиков, социологов, экономистов, демографов и конфликтологов. Но если при самодержавии отходничество воспринималось русской администрацией как средство, смягчавшее социальное напряжение в обществе, то советская система управления была нацелена на активное использование физического и интеллектуального потенциала народов в ходе социалистического строительства. Практика отходничества сохранялась, но одновременно, при всех известных издержках, осуществлялась государственная поддержка всего талантливому, способствующего подъему регионов, в том числе в форме коренизации кадров, целевой подготовки и распределения высококвалифицированных специалистов на основе государственного планирования. Актуальность представленной темы определяется необходимостью освоения советского опыта подготовки специалистов из представителей коренных малочисленных народов. Безусловно, этот опыт является частью мирового опыта, востребованного сегодня в хозяйственном и социальном строительстве российских регионов. Важно подчеркнуть, что он ценен методологией подхода. В нем прослеживается структурная взаимосвязь с общественными процессами, с комплексом научно-технических и экономических проблем рассматриваемого времени.

Мы видим задачу в анализе форм и методов работы различных уровней государственной власти и системы образования при решении вопроса подготовки профессиональных кадров высшей квалификации из представителей местных народностей Северного Кавказа в условиях послевоенного возрождения. В тематическом и хронологическом плане обозначенная проблема отчасти получила освещение в региональной советской и постсоветской историографии национально-культурного строительства на Северном Кавказе¹⁸⁷. В то же время, представляется вполне обоснованным высказываемое мнение о «фрагментарности» и неравномерности в исследовании различных аспектов истории подготовки специалистов высшей квалификации, в том числе из представителей коренных национальностей¹⁸⁸.

Между тем, проблема формирования национальных кадров специалистов заслуживает сегодня более основательной разработки. Причем интерес к теме обусловлен не только уникальными результатами восстановления и развития кадрового потенциала важнейших отраслей народного хозяйства за короткий срок в условиях тяжелой послевоенной повседневности. Важным результатом этой работы было восстановление инфраструктуры бывших оккупированных территорий региона, активное участие

¹⁸⁷ Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940). Грозный, 1974; Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И. Братская помощь русского народа и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984; Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. Москва, 1988; Герандоков М.Х., Герандокова В.З. Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность. Нальчик, 2003; Мамсиоров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2008; Цориева И.Т. О проблеме подготовки национальных кадров специалистов на Северном Кавказе во второй половине 1940-1950-х гг. // Преподаватель XXI век. 2010. Вып. 3. Ч. 1. С. 158-164; Ошроев Р.Г. Исторические тенденции развития высшего профессионального образования Кабардино-Балкарии как ключевого фактора формирования человеческого капитала // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2019. № 6(92). С. 203-213.

¹⁸⁸ Ошроев Р.Г. Исторические тенденции развития высшего профессионального образования. С. 203.

в общегосударственных проектах оборонного значения, дальнейший подъем культурного и образовательного уровня населения. В прикладном смысле освоение данного опыта в настоящее время важно в условиях, когда в кадровом строительстве на Северном Кавказе преодолевается разрушительный постсоветский кризис. Определенной ситуативной переключкой 1940–1950-х с 2020-ми гг. является решение кадровых проблем в условиях функционирования послевоенного «железного занавеса» и современной санкционной политики западных государств. Современная тактика переманивания «мозгов» из технологически передовых сфер экономики России во имя сохраняющейся идеи отбрасывания нашей страны в прошлое чрезвычайно актуализирует проблему подготовки высококвалифицированных кадров. Эти последние обстоятельства все больше выходят на передний план при выборе хронологического периода, по проблематике сравнимого с сегодняшним днем.

Точкой отсчета для анализа состояния национальных кадров специалистов Северного Кавказа является окончание Великой Отечественной войны. Статистика показала безвозвратные потери десятков тысяч квалифицированных работников, прошедших предвоенную школу индустриализации и культурной революции. Разруха, громадные проблемы перевода всей жизни на мирные рельсы с одновременным учетом внешнеполитической ситуации после применения США атомного оружия против Японии, ставшего сигналом для начала «холодной войны» против СССР, выдвинули в сфере государственной кадровой политики разнохарактерные, подчас взаимоисключающие задачи. Объем, масштабы этих задач свидетельствовали о необходимости расширения системы подготовки новых национальных кадров, причем в условиях, заметно отличавшихся от 1920–1930-х гг., когда многие зарубежные специалисты участвовали в форсированной индустриализации страны, содействовали в подготовке профессиональных кадров. В послевоенный период между вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции и СССР опустился «железный занавес», оказавшийся заслоном и в сфере подготовки квалифицированных кадров.

Руководство страны в кратчайшие сроки сумело проанализировать обстановку, возможности и потребности, ставшие основой ряда директивных решений высших органов власти¹⁸⁹. В них предусматривалось расширение, в том числе, в национальных регионах подготовки специалистов для народного хозяйства, науки и культуры из представителей коренных малочисленных народов. В соответствии с этой программой со второй половины 1940-х гг. при формировании контингента учащихся высших и средних специальных учебных заведений в автономиях Северного Кавказа предпочтение отдавали представителям местных национальностей и участникам войны.

Организационное решение намеченного курса столкнулось с объективно сложившимся к тому времени положением в региональной системе образования. Оно заключалось, в частности, в наличии существенной разности научно-педагогического и материально-технического потенциала субъектов региона. Сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. вузовская сеть определяла неравные стартовые возможности автономных республик Северного Кавказа в подготовке кадров специалистов высшей квалификации. В преимущественном положении в этом отношении находились Северо-Осетинская и Дагестанская АССР. Накануне войны и в первые послевоенные годы крупнейшим среди педагогических вузов в северокавказском регионе являлся Северо-Осетинский государственный педагогический институт (СОГПИ). В 1940 г. на пяти факультетах обучалось более 2 тыс. человек, представителей 28 национальностей, в том числе из молодежи северокавказских народов. Помимо этого, в республике действовали горно-металлургический, медицинский и сельскохозяйственный институты. В 1940/41 учебном году в вузах республики насчитывалось 3226 студентов, из них 1392 – коренной национальности¹⁹⁰. В Дагестанской АССР работали медицинский, сельскохозяйственный, педагогический и два учительских института (один из них женский). На начало 1940/41 учебного года в них обучалось 2,4 тыс.

¹⁸⁹ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 505; Т. 8. С. 147-151, 243-247.

¹⁹⁰ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 1. С. 213, 217.

студентов¹⁹¹. В Чечено-Ингушской АССР накануне войны помимо пединститута подготовкой кадров занимался Грозненский нефтяной институт, созданный в 1929 г.¹⁹² Педагогический институт работал в Кабардино-Балкарской АССР. Совершенно очевидно, что показатели профессиональной подготовки специалистов с высшим образованием, в том числе из представителей коренной национальности, и, соответственно, их доля в социальной структуре общества были выше в Дагестане и Северной Осетии, чем у их соседей.

Подобная ситуация сохранялась и в послевоенный период. Имеющиеся статистические данные позволяют проследить устойчивую динамику роста численности осетин среди учащихся высших и средних специальных заведений в Северной Осетии. За двенадцать послевоенных лет количество обучавшихся в институтах, техникумах и училищах увеличилось с 2043 до 3891 человека, в 1,9 раза. Еще более быстрыми темпами росла их численность в вузах республики. В 1957 г. в них обучались 2482 осетина, в 2 раза больше, чем в 1945 г.¹⁹³

Высоким уровнем вовлечения представителей местных национальностей характеризовались высшие учебные заведения Дагестанской АССР. В 1948 г. численность студентов из дагестанских народностей в вузах республики достигла 35%; при этом среди студентов вузов девушки-горянки составляли 13 %. Самой высокой была доля местных народностей в учебных заведениях педагогического профиля. Более 200 девушек-дагестанок обучалось в Дагестанском женском учительском институте. В Педаго-

¹⁹¹ Мирзабеков М.Я. Культурное развитие Дагестана в 1920-1930-е годы // Культура и власть в СССР 1920-1950-е годы. Материалы IX Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016 г., М., 2017. С. 197.

¹⁹² Ибрагимов М.М., Нуридова А.Х. Грозненский нефтяной институт как ведущий научный центр Северного Кавказа (1960-1980-е гг.) // Грозный: история и современность. Историко-этнографический сборник, посвященный 200-летию основания г. Грозного. Грозный, 2017. С. 211.

¹⁹³ Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Орджоникидзе, 1958. С. 120-121.

гическом институте в 1950 г. представители коренных национальностей составляли более 50% студентов. В 1957 г. Дагестанский пединститут был преобразован в университет. К этому времени вуз подготовил уже около четырех тысяч учителей из представителей местных национальностей. Две с половиной тысячи из них были представителями местных народностей¹⁹⁴.

Значительно ниже показатели подготовки национальных кадров были по учреждениям высшего специального образования в других северокавказских автономиях. Например, в 1948 г. из 599 студентов Кабардинского педагогического института только 10% были кабардинцами. На «недостатки и ошибки», которые, по мнению руководства страны, имелись в работе республиканских партийно-советских органов в области подготовки кадров, указывалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1948 г. «О работе Кабардинского обкома ВКП(б)». В ответ на постановление ЦК ВКП(б) был созван IV пленум Кабардинского обкома партии. Одним из центральных вопросов, обсуждавшихся на пленуме, было состояние системы высшего образования в республике, в том числе, подготовка, воспитание и выдвижение кадров из коренных национальностей. Одновременно реализовывалось принятое еще в 1945 г. решение обкома ВКП(б) об открытии при Кабардинском пединституте курсов по подготовке молодежи из коренной национальности для поступления в местный и другие вузы страны¹⁹⁵.

В результате принимаемых мер с 1948 по 1950 г. численность обучавшихся в пединституте кабардинцев увеличилась более чем в четыре раза. На наш взгляд, результат весьма впечатляющий, если учесть, что за это время общее число студентов выросло лишь на 35 %¹⁹⁶. В последующие годы отмеченная тенденция сохранялась. В 1955/56 учебном году в Кабардинском пединституте

¹⁹⁴ Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И. Братская помощь русского народа и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. С. 249; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Махачкала, 2005. Т. 2. С. 353-354.

¹⁹⁵ Ошроев Р.Г. Исторические тенденции развития высшего профессионального образования. С. 205-206.

¹⁹⁶ История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х тт. Москва, 1967. Т. 2. С. 314, 316.

среди 1335 студентов насчитывалось 482 кабардинца (36, 1%). В том же году институт выпустил 84 кабардинца (40,2% всех выпускников) с дипломами по разным специальностям¹⁹⁷. С получением в 1957 г. статуса университета возможности вуза в подготовке специалистов высшей квалификации из представителей титульных народов Кабардино-Балкарии заметно расширились.

Однако низкие стартовые показатели не позволяли быстро нарастить кадровый потенциал. Сравнительный анализ имеющихся данных позволяет увидеть, что еще и в середине 1950-х гг. численность дипломированных учителей, инженеров, врачей, специалистов сельскохозяйственного профиля среди кабардинцев, к примеру, была на порядок ниже, чем среди осетин¹⁹⁸.

Тем не менее, целенаправленная государственная политика по привлечению представителей коренных национальностей в вузы давала положительные результаты. Отмена платы за обучение в 1957 г., обеспечение льгот при организации приемных экзаменов, увеличение в вузах количества мест, целевым образом выделяемых для национальной молодежи, способствовали росту их численности среди студенчества. Одним из позитивных последствий увеличения темпов подготовки высшей школой национальных квалифицированных кадров являлась более высокая вероятность закрепления их в республиках и областях Северного Кавказа, в том числе в сельских районах, куда многие направлялись после окончания вуза. Поскольку приехавшие по распределению из других регионов страны молодые специалисты, не знавшие языка, обычаев и традиций местных народов, с трудом осваивались в непривычных условиях и, как правило, вскоре уезжали назад¹⁹⁹.

Во второй половине 1940-х и в 1950-е гг. важным направлением национально-государственной образовательной политики являлось восстановление сложившихся в 1920–1930-е гг., но пре-

¹⁹⁷ Ошроев Р.Г. Исторические тенденции развития высшего профессионального образования. С. 206.

¹⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 566. Оп. 16. Д. 2. Л. 46.

¹⁹⁹ Цориева И.Т. О проблеме подготовки национальных кадров специалистов на Северном Кавказе во второй половине 1940-1950-х гг. // Преподаватель XXI век. С. 161.

рванных войной, связей между республиками, областями Северного Кавказа и ведущими научными центрами и вузами страны. В первые послевоенные годы поступление национальной молодежи в вузы Москвы, Ленинграда, Ростова, Баку практически прекратилось. Это объяснялось не только материальной несостоятельностью, неспособностью платить за обучение, необеспеченностью общежитиями, но и тем, что большинство поступавших из-за низкого уровня подготовки «проваливались» на вступительных экзаменах. Подлинным испытанием для абитуриентов из всех национальных регионов страны, в том числе из Северного Кавказа, было плохое знание русского языка. Поэтому правительством было принято решение о введении практики целевого льготного приема для них.

В конце 1940-х гг. в перечне вузов для поступления абитуриентов из северокавказских республик и областей значились Московский и Ленинградский университеты, Московское высшее техническое училище им. Баумана, Московский инженерно-строительный, электромеханический, энергетический, гидро-мелиоративный, нефтяной и другие институты²⁰⁰. Для того, чтобы облегчить национальной молодежи прохождение вступительных испытаний в ведущие вузы страны, Советское правительство в 1948 г. приняло решение об организации комиссий по приему вступительных экзаменов при ряде вузов национальных автономий. Выдержавшие экзамены с оценкой не ниже «хорошо» получали право внеконкурсного зачисления.

В итоге, принятие целевой программы подготовки специалистов в 1950-е гг. открыло сотням молодых людей из республик и областей Северного Кавказа возможность поступать на внеконкурсной основе в ведущие вузы страны. Здесь они приобретали специальности, востребованные в различных отраслях народного хозяйства страны. Преимущества учебы в центральных вузах были налицо. Они обеспечивали не только высокий образовательный, профессиональный и культурный уровень специалистов. Диплом престижного учебного заведения давал опреде-

²⁰⁰ ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 6. Д. 369. Л. 84; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 241. Л. 48-49.

ленные преференции, служил важным подспорьем в карьерном росте молодого человека. Поэтому неудивительно, что негласно преимущественное право льготного поступления в вузы обычно получали дети национальной партийно-советской номенклатуры. Практика целевого, внеконкурсного приема студентов из национальных регионов СССР в ведущие вузы страны сохранялась на протяжении всего советского периода.

Вместе с тем, по мере укрепления материально-технической и учебной базы, повышения кадрового потенциала, открытия новых специализаций и увеличения планов приема, возможности и, соответственно, авторитет вузов республик Северного Кавказа росли. В них постепенно наращивались объемы подготовки специалистов по многим направлениям гуманитарного, естественно-технического и сельскохозяйственного профиля не только для предприятий, учреждений и организаций национальных автономий Северного Кавказа. Одновременно готовились кадры учителей, врачей, агрономов, инженеров горного дела, нефтяников и других специалистов для многих регионов страны. В 1950-е гг. в Дагестанском и Кабардино-Балкарском университетах, в Горском сельскохозяйственном, Северо-Кавказском горно-металлургическом, Северо-Осетинском медицинском, Грозненском нефтяном институтах обучались сотни молодых людей из других республик, краев и областей Северного Кавказа, из Закавказья, Средней Азии, Украины, Белоруссии, Казахстана. Многие выпускники северокавказских вузов по распределению направлялись в центральные регионы России, на Крайний Север, Дальний Восток²⁰¹. Этот политический курс обеспечивал более активное вовлечение интеллектуального и творческого потенциала малочисленных народов в решение задач социально-экономического и культурного развития страны, выполнял политико-идеологическую задачу формирования интернационалистского сознания в многонациональном советском социуме.

Позитивные сдвиги в развитии высшей школы в регионе к началу 1960-х гг. позволили руководству ряда республик (в част-

²⁰¹ Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И. Братская помощь русского народа и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. С. 265.

ности, Дагестанской и Северо-Осетинской АССР) снизить запрос на внеконкурсные места в ведущие вузы страны. Исключение составляли только высшие учебные заведения, готовившие высококвалифицированные кадры творческих профессий: музыкантов, художников, театральных деятелей и др.²⁰²

В целом послевоенное десятилетие отмечено существенными успехами в формировании национальных отрядов художественной интеллигенции Северного Кавказа. При ведущих театральных вузах и консерваториях страны создавались национальные студии для подготовки кадров высшей квалификации. Так, в 1946 г. при Ленинградской государственной консерватории была открыта кабардинская оперная студия. Ее выпускники, принятые в коллективы учреждений искусств республики, внесли большой вклад в развитие национального профессионального искусства. Профессиональные кадры исполнителей для будущего Северо-Осетинского музыкального театра готовили в оперной студии при Московской консерватории и осетинском балетном отделении при Ленинградском хореографическом училище. Многие известные певцы, композиторы Северного Кавказа (И. Баталбекова, Д. Билаонова, И. Габараев, Н. Дагиров, М. Кажлаев, Х. Плиев, И. Шериева и др.) окончили Московскую, Ленинградскую, Бакинскую, Тбилисскую, Ереванскую консерватории. В специализированных учебных заведениях готовились кадры профессиональных художников: живописцев, скульпторов, графиков. Среди них А. Джанаев, М. Джемал, Ю. Дзантиев, Ю. Моллаев, А. Сарыджа, С. Тавасиев и др. Школу Литературного института имени А.М. Горького прошли многие северокавказские писатели: А. Абу-Бакар, Р. Гамзатов, К. Кулиев, Р. Хубецова, М. Цагараев и др.²⁰³

Таким образом, одним из основных направлений государственной образовательной политики во второй половине 1940-х – 1950-е гг. стала ускоренная подготовка специалистов высшей квалификации из представителей коренных национальностей СССР,

²⁰² РГАСПИ. Ф. 566. Оп. 15. Д. 41. Л. 31.

²⁰³ Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И. Братская помощь русского народа и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. С. 222-223; История Северной Осетии. XX век. С. 424.

в том числе Северного Кавказа. Сложившаяся в сфере профессионального образования система льгот и поощрений для коренных малочисленных народов позволяла обеспечить потребности отраслей народного хозяйства и социально-культурной сферы страны в высококвалифицированных специалистах в послевоенные годы. В результате количественного и профессионального роста национальных кадров специалистов расширилась интеллектуальная база социально-экономического развития северокавказских автономий, произошли существенные изменения в социальной структуре общества. Практика приоритетной подготовки таких кадров ускорила также подъем общего образовательного и культурного уровня коренного населения региона. Наконец, важным социально-политическим итогом этой политики стало создание интеллектуального, профессионального слоя общества, который в своем абсолютном большинстве занимал лояльную позицию в отношении советской власти и составлял устойчивую социальную базу для проведения долговременной социально-экономической и культурной политики в национальных республиках и областях Северного Кавказа²⁰⁴.

Политико-управленческий акцент органов власти региона на расширение системы подготовки национальных кадров для всех сфер общественной жизни, качественное улучшение профильной подготовки специалистов в настоящее время также являются безусловной базой кардинального изменения социальных установок, прежде всего, подрастающих поколений, их политических и мировоззренческих ориентаций. Новации в системе подготовки профессиональных кадров специалистов, как показал советский опыт 1940–1950-х гг., обладают синергетическим эффектом. Они отодвигают горизонты стратегического планирования в социальной политике, создают условия для выполнения перспективных, ориентированных на многие годы вперед государственных программ и национальных проектов.

²⁰⁴ Цориева И.Т. О проблеме подготовки национальных кадров специалистов на Северном Кавказе во второй половине 1940-1950-х гг. // Преподаватель XXI век. С. 164.

6. Восстановление и развитие кадрового потенциала науки в Северной Осетии во второй половине 1940-х –1950-е гг.

Огромные безвозвратные потери научных кадров в ходе Великой Отечественной войны на фоне технологического прорыва в важнейших отраслях милитаризованной мировой экономики вызвали во второй половине 1940-х гг. в советской науке острейший спрос на профессиональные кадры исследователей. Освоение атомной энергии, начало эпохи реактивной авиации, открытия в области генетики, кибернетики при отсутствии паритета их развития в условиях нарастания «холодной» войны между Западом и СССР сделали жизненно необходимой задачей советского государства ускоренное наращивание кадрового потенциала на всех уровнях организации науки. Формирование мировой системы социализма также поставило перед научной мыслью в СССР новые аспекты проблем теории и практики социалистического строительства, требовавшие реформационных, конкурентоспособных решений в обществоведении, обновления кадров теоретиков, усиления профессиональной подготовки специалистов во всех отраслях научного знания.

Как и во всей стране, война нанесла огромный урон научной интеллигенции Северной Осетии. Многие научные работники, аспиранты погибли на полях сражений, другие оказались далеко за пределами своей малой родины. Стремясь хотя бы отчасти восполнить понесенные потери, руководство вузов и научных учреждений республики в первые послевоенные годы изыскивали возможности для восстановления кадрового потенциала. При активном содействии местных партийно-советских органов предпринимались конкретные шаги по возвращению в Северную Осетию оставшихся в живых научных работников, призванных во время войны в Красную Армию и продолжавших службу в различных уголках огромной страны. С этой целью в первые послевоенные годы Северо-Осетинский обком ВКП(б), правительство республики, руководители научных учреждений и высших учебных заведений вели активную переписку с разными подразделениями Министерства обороны СССР. В частности, в 1946 г.

дирекция Северо-Осетинского научно-исследовательского института несколько раз обращалась в Главное политуправление Министерства обороны СССР, Политуправления Ставропольского, Северо-Кавказского военных округов с просьбой демобилизовать М.С. Тотоева, А.Г. Кучиева (оба до войны окончили аспирантуру СОНИИ) из рядов Красной Армии «в связи с острой нуждой в национальных кадрах»²⁰⁵.

Степень востребованности в науке квалифицированных специалистов можно оценить даже при небольшом экскурсе в послевоенное прошлое: карточная система, неурожай 1946 г., тотальная разруха в регионах страны, ставших зоной боевых действий, колоссальная мобилизация ресурсов страны для выполнения атомного проекта и т.д. Все эти проблемы и задачи невозможно было решить без участия ученых. Поэтому, несмотря на огромный дефицит государственного бюджета, для закрепления имевшихся научных кадров и стимулирования научной деятельности советское правительство разработало систему материального поощрения.

С 1 апреля 1946 г. при средней заработной плате по стране 442 руб. (данные за 1945 г.)²⁰⁶ были повышены оклады научных работников. К примеру, директору научно-исследовательского института, имевшему ученую степень доктора наук или звание профессора, назначался оклад 4800 руб. в месяц, имевшему ученую степень кандидата наук – 4000 рублей. (Для сравнения: даже во время войны, в 1945 г. оклад директора Северо-Осетинского научно-исследовательского института составлял 2000 руб., а зав. отделом без степени – 1300 руб.). Доктор наук, занимавший должность старшего научного сотрудника, получал 2800 руб., кандидат наук – 2200 руб. На 50% повышались должностные оклады и младшим научным сотрудникам, не имевшим ученой степени и звания²⁰⁷. Ученые получали также гонорары за научные

²⁰⁵ ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 317. Л. 16; Д. 327. Л. 2.

²⁰⁶ Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг.» // <https://ihistorian.livejournal.com/412544.html>

²⁰⁷ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 65..Л. 24, 25; ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 361. Л. 13.

публикации. Так, за один печатный лист текста готовившейся к изданию коллективной монографии «История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней» была установлена плата в 2250 рублей²⁰⁸.

Реакцию в обществе на многократный разрыв между средней заработной платой по стране и утвержденными ставками ученых в условиях острого всеобщего дефицита первых послевоенных лет несколько приглушала действовавшая карточная система. Она ограничивала денежное обращение. Поэтому государство распространило на ученых принцип «литерного снабжения» промышленными и продовольственными товарами в зависимости от занимаемой должности, научной степени и звания. Директор Северо-Осетинского НИИ, например, снабжался по списку «в», кандидаты наук или заведующие отделами – по списку «д» и остальные научные сотрудники – по списку «е»²⁰⁹.

Широко использовались меры морального стимулирования научной деятельности. Начавшееся похолодание в отношениях с Западом значительно повысило внимание власти к деятельности региональных звеньев гуманитарных наук. В борьбе с «низкопоклонством перед западной культурой» партийные кураторы науки превентивно формировали новую шкалу приоритетов у гуманитариев. В июле 1946 г. руководство Северо-Осетинского НИИ выдвинуло кандидатуру лингвиста В.И. Абаева на соискание звания член-корреспондента АН СССР за вклад в изучение и подготовку к изданию сводного текста Нартовского эпоса и участие в написании «Истории Северо-Осетинской АССР»²¹⁰. В августе 1946 г. краевед и литературовед Л.П. Семенов Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени «За плодотворную педагогическую и научную деятельность»²¹¹.

Значительной трансформации подверглись анкетные требования, предъявляемые к начинающим научным работникам. Несмо-

²⁰⁸ ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 340. Л.20.

²⁰⁹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 65. Л. 47.

²¹⁰ ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 372. Л. 1.

²¹¹ Социалистическая Осетия. 1946. 21 августа.

тря на дефицит научных кадров, социальные лифты карьерного роста учитывали определенные биографические обстоятельства. Предпочтение отдавалось молодым людям с фронтовым опытом, с наградами, проявившим при этом склонности к исследовательской деятельности. Были созданы условия для того, чтобы поколение послевоенных студентов быстро продвигалось по социальной лестнице, занимая почти сразу после окончания институтов довольно высокие посты. Их карьерному росту также способствовали действовавшие в вузах и научных учреждениях аспирантуры. Продолжение образования и занятия наукой становились одним из самых престижных видов деятельности. Благодаря литературе, кино и политической пропаганде в общественном сознании формировался образ ученого – авторитетного и уважаемого члена общества.

Вместе с тем, наряду с позитивными процессами в научном пространстве страны в целом и в регионах усиливалась идейно-политическая регламентация научной деятельности. Все активнее использовалась управленческая практика «сдержек и противовесов». За высокий стандарт качества жизни ученый теперь был обязан отвечать активной гражданской позицией. С 1946 г. развернулась кампания по восстановлению политического контроля над интеллигенцией, все больше приобретающего со временем форму идеологических проработок. Она выражала, как показали дальнейшие события, стремление распространить новые партийные установки на всю научную интеллигенцию, вплоть до далеких от идеологии представителей точных наук²¹².

Ужесточение к концу 1940-х гг. идейно-политического курса в отношении интеллигенции нашло, в частности, выражение во введении с сентября 1948 г. персонального учета научных работников. Тем самым формировалась своеобразная база данных, дававшая представление о научных пристрастиях и научных интересах исследователя, о перемещениях по карьерной лестнице. В карточке учета фиксировались биографические данные, которые позволяли прямо или опосредованно судить о социальном проис-

²¹² Соколов А. К., Тяжельников В. С. Курс советской истории. 1941-1991. М., 1999. С. 171.

хождении, о национальной принадлежности, об общественно-политических взглядах человека и т.д. Обладая такой информацией, власть получала реальные рычаги для контроля умонастроений интеллигенции и корректировки поведения творческой личности в нужном ей направлении.

Показателем растущей регламентации общественной жизни, в том числе в научных и учебных учреждениях республики, явились решения V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б) (февраль—март 1950 г.), состоявшегося после февральского (1950 г.) постановления ЦК ВКП(б) «О недостатках в работе Северо-Осетинского обкома ВКП(б)». Пленум подверг резкой критике руководителей этих учреждений за «плохую постановку учебно-воспитательной и политической работы среди студенчества», за «допущение засоренности среди профессорско-преподавательского состава». Незадолго до этого, в 1949 г. директора Северо-Осетинского медицинского и Северо-Кавказского горно-металлургического институтов были сняты с должностей с формулировкой «за крупные ошибки и морально-бытовое разложение». В педагогическом институте якобы была «вскрыта антисоветская подпольная группа»²¹³.

Об усилении давления на научную интеллигенцию в Северной Осетии свидетельствовали материалы заседания бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б), состоявшегося 27 мая 1950 г., и принятое по итогам обсуждения постановление «О подборе, расстановке и воспитании профессорско-преподавательских кадров вузов республики». Обсуждению вопроса предшествовал анализ социального состава, политических предпочтений, фактов привлечения к ответственности за политические взгляды преподавателей вузов республики. В справке, подготовленной к заседанию бюро обкома ВКП(б), отмечалось, что из 460 человек профессорско-преподавательского состава вузов республики 25% имели сами или их родственники «серьезные компрометирующие материалы». В перечне компромата значились: происхождение из «зажиточной семьи», связь с «буржуазными националистами», нахождение в плену или на оккупированной территории, наличие

²¹³ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л. 28.

судимости по «политической статье», «нахождение родственников за границей» и т.д.²¹⁴.

Проводя социальные чистки среди научно-педагогических кадров республики, власть использовала многократно испытанный прием – «бить наиболее видных, чтобы боялись остальные». Действительно, среди тех, кому было отказано в политическом доверии, оказались многие видные представители научной интеллигенции, внесшие заметный вклад в становление высшей школы и науки в Северной Осетии. Одним из них был профессор Д.А. Тарноградский, признанный в профессиональных кругах ученый, чьи исследования по гидробиологии Северного Кавказа способствовали ликвидации малярии в данном регионе. Но его биографические данные (происхождение из семьи крупного торговца, долгое пребывание и учеба за границей) стали восприниматься не столь однозначно, как его научные достижения. Заместителю директора Горского сельскохозяйственного института И.С. Грабовскому поставили в вину факт сокрытия принадлежности в 1921–1924 гг. к «Белорусской ассоциации студентов», члены которой были осуждены по обвинению в антисоветской деятельности. В политической неблагонадежности подозревали преподавателя кафедры всеобщей истории Северо-Осетинского государственного педагогического института А.Б. Доева. Незадолго до этого он вернулся в Северную Осетию после отбытия наказания по 58-й статье (в 1937 г. по этой же статье был осужден его отец, офицер царской армии). Одним из тех, кто к рассматриваемому времени подвергся очередной обструкции, был филолог-языковед Б.А. Алборов, зав. кафедрой того же института, осужденный по обвинению в буржуазном национализме, вернувшийся из ссылки лишь в 1947 г. В 1949 г. он был восстановлен в должности. Однако через некоторое время «вновь допустил антисоветский выпад» и был вынужден спешно уехать из республики²¹⁵.

В списке неблагонадежных значились многие другие профессора и преподаватели вузов Северной Осетии. Вина заведующего кафедрой поисково-разведочного дела Северо-Кавказского горно-металлургического института И.П. Шарапова состояла в том,

²¹⁴ Там же. Д. 261. Л. 25.

²¹⁵ Там же. Л. 25-30.

что он «был связан по научной работе с осужденным по политической статье Крейтером». Под подозрением в неблагонадежности находился заведующий кафедрой энтомологии Горского сельскохозяйственного института Г.Б. Бугданов – «выходец из зажиточной семьи», который «восхвалял старую школу и высказывал антисоветские настроения». Заместитель директора Медицинского института Б.М. Брин был «непроверенный в политическом отношении»²¹⁶.

Культивирование атмосферы подозрительности, проявления «политической бдительности» в определенной степени имели следствием высокую текучесть научно-педагогических кадров. По данным отчетов высших учебных заведений республики, в течение 1948–1950 гг. на работу было принято 105 человек и уволено 72 человека. Причем причиной «увольнения» части сотрудников являлся их арест. Они были осуждены на разные сроки заключения²¹⁷.

Активно насаждаемая властью кадровая политика, базировавшаяся на принципе: «освобождение от лиц, не соответствующих своему назначению по политическим и деловым качествам», служила весьма эффективным профилактическим средством для предотвращения проявлений политической нелояльности со стороны наиболее образованных, интеллектуальных слоев общества. При этом совершенно очевидно, что предпочтение политических критериев отбора и аттестации научно-педагогических кадров в ущерб их профессиональным качествам крайне негативно сказывалось на научном, творческом потенциале вузов и действовавших на их базе научных учреждений. Сложившаяся с первых лет советской власти система предпочтительного отбора по социально-классовым и политическим признакам усугубляла проблему острой нехватки научно-педагогических кадров. Решать ее предполагалось в разные годы разными способами. В том числе, за счет привлечения в науку молодежи из представителей коренной национальности. Однако отбор для поступления в аспирантуру в послевоенные годы должен был осуществляться, как и прежде, с учетом политической благонадежности, социальной принадлеж-

²¹⁶ Там же. Л. 27, 28, 30.

²¹⁷ Там же. Л. 29, 30.

ности претендентов и лишь затем исходя из уровня их подготовленности, природных способностей и предрасположенности к занятиям научной деятельностью. Идеологические фильтры системы предваряли научно-образовательные тесты в деятельности государственных приемных комиссий.

В итоге, в 1950 г., например, на двоих из трех аспирантов Северо-Кавказского горно-металлургического института комиссия располагала «компрометирующими материалами». У аспирантки Л.М. Кузнецовой отец служил в 1919 г. в белой армии. В.И. Емеев в годы войны оказался на оккупированной немцами территории. Большие претензии имелись к ординаторам Северо-Осетинского медицинского института. Отец Н.В. Эреба был репрессирован в 1937 г. Мать А.И. Динензона являлась заведующей кафедрой этого же института, а отец находился в заключении. Из семьи репрессированных происходила А.Г. Баракова: отец – писатель Г.Ф. Бараков арестован в 1936 г. и расстрелян в 1937 г. мать – Е. Баракова арестована в 1938 г. Брат пропал без вести во время войны, сама находилась на оккупированной территории и т.д.²¹⁸.

Помимо политической составляющей было еще немало проблем учебно-организационного, профессионального характера, значительно осложнявших задачу подготовки профессиональных научных и педагогических кадров. Из-за недостатка квалифицированных научных руководителей, ограниченного круга диссертационных советов в вузах и научных учреждениях, материальных затруднений аспирантов и начинающих ученых лишь незначительной части соискателей ученых степеней удавалось вовремя защитить диссертацию. По разным вышеперечисленным причинам некоторые аспиранты вообще выбывали из аспирантуры до окончания срока обучения. За пять послевоенных лет ни один из окончивших аспирантуру педагогического и горно-металлургического институтов не защитил диссертации. В справке Северо-Осетинского научно-исследовательского института о работе аспирантуры за 1949 г. приведены данные о 19 человеках, завершивших курс обучения. Из них в срок диссертацию защитили лишь четверо. У шестерых научные работы были готовы к защи-

²¹⁸ Там же. Л. 33.

те. Сведения об остальных выпускниках аспирантуры отсутствовали. В 1948 г. аспирантура Северо-Осетинского научно-исследовательского института вообще оказалась перед угрозой закрытия. Министерство финансов РСФСР исключило из сметы института финансирование аспирантов. Сохранить аспирантуру удалось лишь благодаря ходатайству обкома ВКП(б) и Совета Министров СО АССР. Приказом министра высшего образования СССР от 11 июня 1948 г. деятельность аспирантуры Северо-Осетинского НИИ с ежегодным приемом в количестве трех человек возобновилась²¹⁹.

К началу 1950-х гг. был превзойден довоенный показатель числа аспирантов научных учреждений и вузов Северной Осетии, который в семь раз превосходил показатель 1945 г. Так, если в 1940 г. число аспирантов заочной и очной форм обучения равнялось 60-ти, в 1945 г. их насчитывалось лишь 9 человек. Но за шесть послевоенных лет, с 1945 по 1951 г. произошел существенный скачок – количество аспирантов в вузах и СОНИИ выросло до 63 человек. Из них 92% обучалось в очной аспирантуре²²⁰.

Подготовка аспирантов осуществлялась и за пределами республики. Совнаркому Северо-Осетинской АССР было дано право выбирать специальности, по которым осуществлялась подготовка научных кадров. В дополнение к аспирантуре, в научно-исследовательских учреждениях Академии наук СССР предполагалась организация научной помощи и консультаций. Воспользоваться этими возможностями удавалось редко, поскольку Академия наук не располагала общежитиями и гостиницами для командированных научных сотрудников²²¹. Тем не менее, последовательная реализация государственного курса на развитие научных кадров давала ощутимые результаты.

К 1956 г. по сравнению с 1940 г. численность научных работников выросла почти в два раза. О количественном и качествен-

²¹⁹ ЦГА РСО-А. Ф-Р. 126. Оп. 2. Д. 352. Л. 2; Д. 369. Л. 32; ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 261. Л. 32.

²²⁰ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 123; Текиев В. Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989. С. 81.

²²¹ ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 308. Л. 2.

ном росте специалистов высшей квалификации свидетельствовало изменение соотношения между числом остепененных научно-педагогических кадров и количеством обучавшихся. Если в 1940 г. на одного кандидата или доктора наук приходилось 127 студентов и учащихся, то в 1956 г. – 85 человек, т.е. в полтора раза меньше. За неполные десять лет, с 1947 по 1956 г., численность научных работников и преподавателей со степенью в научных учреждениях, высших и средних специальных учебных заведениях республики увеличилась со 122 до 187 человек, в том числе докторов наук с 17 до 23 человек²²².

Приведенные выше цифры, незначительные в масштабах страны, отражали позитивный ресурс научного развития небольшой республики, немногочисленные научные кадры которой, обескровленные в ходе политических репрессий 1930-х гг., понесли еще большие потери в Великой Отечественной войне. К тому же если учесть сложности в подготовке специалистов высшей квалификации, особые требования идейно-политического характера, которые предъявлялись к научным исследованиям, выносимым на защиту, отсутствие диссертационных советов в вузах и научных учреждениях Северной Осетии, нехватку квалифицированных научных руководителей, то положительная динамика в решении данной проблемы для республики была очевидна.

В целом обобщение приведенных фактов позволяет заключить, что проблема восстановления и развития кадрового потенциала науки Северной Осетии в послевоенное десятилетие находилась в центре внимания партийно-государственных органов. Однако в силу системных изъянов организации работы, ее жесткой плановости, идеологических ограничений научного поиска, директивных рекомендаций, запрета на определенные исследовательские направления научный потенциал части ученых остался нереализованным. Из-за недостатка финансирования социально значимых для республики исследований многие талантливые ученые не имели реальных возможностей находиться на передовых рубежах «большой» науки.

²²² Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 117; Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. С. 120-121.

*Осетинский драмкружок при рабфаке
Горского сельскохозяйственного института. 1928 г.*

Выпуск инженеров-геологов СКГМИ в 1957 г.

*Первый секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) (1944-1953 гг.)
Кубади Дмитриевич Кулов*

*Аза Георгиевна
Баракова*

*Хадзыбатыр Навиевич
Ардасенов*

7. Идеология и гуманитарные науки в Северной Осетии в середине 1940–1950-х гг.

С окончанием Великой Отечественной войны перед руководящей коммунистической партией и советской властью встали сложнейшие задачи восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития многонациональной страны. Особая роль в решении этих задач отводилась науке на всех административно-территориальных уровнях. Несмотря на крайнюю нехватку финансовых средств, изыскивались возможности для укрепления материально-технической базы научных учреждений. Возвращались в науку и готовились новые научные кадры, повышались оклады ученым, улучшались их бытовые условия, налаживалась система снабжения продовольственными и промышленными товарами²²³. Занятие наукой становилось одним из самых престижных видов деятельности.

В то же время, начало «холодной войны», нарастание противоборства с капиталистическим миром, растущее в советском обществе «брожение умов» заставляли партийное руководство ужесточить идеологический контроль над деятелями науки. В октябре 1948 г. был введен персональный учет научных кадров, позволявший проследить все перемещения ученых по научной и служебной лестнице. Практически все вопросы от планов научно-исследовательской работы до состава Ученого совета обсуждались и утверждались на заседаниях партийных организаций. Результаты научных исследований, намеченных к публикации, должны были пройти обязательную цензуру Главлита²²⁴.

Государство выступало организатором научной деятельности и основным заказчиком научной продукции. Содействуя развитию науки и научных учреждений, оно аккумулировало творческую энергию научной интеллигенции и направляло ее в наиболее важные для него направления, которые обеспечивали решение социально-политических, хозяйственно-экономических, идеологических, культурно-просветительских задач.

²²³ ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 317. Л. 5, 6.

²²⁴ ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 1. Д. 323. Л. 17; Д. 334. Л. 1. Д. 314. Л. 9.

Перед учеными, прежде всего обществоведами, ставились конкретные задачи: пропаганда социалистических идеалов, воспитание людей в духе советского патриотизма и интернационализма. В исторической науке была отвергнута концепция «школы Покровского», изображавшая Российскую империю «тюрьмой народов». Произошел объективный отход от планов строительства социализма в отдельно взятой стране. Формирование государств социалистической ориентации в Европе и Азии требовало новой идеологической платформы правящей партии. В новой трактовке дореволюционной истории страны Россия выступала центром, в котором разрабатывалась революционная стратегия, оформлялось единство, крепла дружба между русским и другими народами России. Теперь идеологические границы влияния русского народа вышли за пределы одной страны. Поэтому русский народ представлялся уже не просто первым среди равных. Возвращалось видение его как народа-просветителя и покровителя, открывающего прогрессивным народам мира революционную перспективу.

В изменившихся политических реалиях эта идеологическая доминанта пресекала любые попытки демонстрировать своеобразие исторического развития отдельного народа. Как проявление местного национализма истолковывалось стремление глубже изучить его культуру и традиции. Самыми опасными обвинениями для национальной интеллигенции на рубеже 1940-1950-х гг. становились обвинения в мелкобуржуазном национализме.

Именно в такой обстановке, в июле 1947 г. на основании постановления бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) в Северо-Осетинском НИИ возобновилась прерванная войной работа над первым фундаментальным научным исследованием по истории Северной Осетии с древнейших времен до настоящего времени. Издание планировалось осуществить в двух томах: первый должен был осветить историю досоветского периода; второй – советский период. Постановлением был определен и состав Правительственного комитета. В него вошли секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП(б) К.Д. Кулов, председатель Совета Министров Северо-Осетинской АССР А.А. Газзаев, руководитель

отдела пропаганды и агитации С.Н. Битиев (они являлись ответственными политическими редакторами готовившегося издания), а также ряд других партийных и советских работников республики²²⁵. Авторский коллектив составили ведущие ученые республики В.И. Абаев, В.С. Гальцев, А.К. Джанаев, Б.В. Скитский, М.С. Тотоев и др. Редколлегию издания поручили возглавить Г.А. Кокиеву.

Следует подчеркнуть, что обновленный идеологический формат в освещении истории Северной Осетии, изначально ставил перед исследователями сложные задачи, которые были чреваты конфликтом между политическим заказом и научным предложением. Именно это и произошло в процессе реализации исследовательского проекта.

В ходе работы над монографией были подняты актуальные проблемы: происхождение осетинского народа, формирование государственности, особенности социально-экономического развития, значение присоединения к России, характер массовых народных выступлений конца XVIII – первой трети XIX в., причины переселения горцев в Турцию и т.д. Разработка этих и других вопросов вызвала споры, и не только в среде ученых. Крайне негативной оказалась реакция республиканских партийных руководителей на характер освещения ряда научных проблем. Причина состояла в том, что некоторые оценочные суждения и выводы, к которым пришли гуманитарии в ходе исследований, вошли в явное противоречие с утверждавшимися в официальной исторической науке новыми концептуальными положениями. Поэтому в рамках нового идеологизированного толкования начался пересмотр оценок многих событий и явлений в историческом прошлом Осетии, сопровождавшийся «индивидуальной работой» с учеными.

В итоге, массовые движения конца XVIII – первой трети XIX в., считавшиеся еще недавно прогрессивными и антиколониальными, теперь расценивались как реакционно-националистические выступления. Теория о завоевании Россией Северного Кавказа, в том числе Осетии, преобладавшая в советской

²²⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 333. Л. 8-10.

историографии вплоть до конца 1940-х гг., признавалась грубой политической ошибкой и заменялась представлением о мирном присоединении. По новой версии переселение осетин в Турцию расценивалось как «антинародная деятельность кучки осетинских феодалов и турецких агентов во главе с турецким шпионом и провокатором генералом Кундуховым»²²⁶.

Переписывание истории в соответствии с политическим запросом тяжело отражалось не только на состоянии науки, но и на судьбах ученых. Некоторые из них не были готовы отказаться от своих научных взглядов и покаяться в «заблуждениях». В итоге, «дела» инакомыслящих с подачи партийных органов выносились на заседания Ученых советов, на партийные собрания вузов и научных учреждений. Против них публиковали критические статьи на страницах газет и журналов. Их подвергали общественному осуждению, лишали возможности работать, арестовывали, ссылали.

Трагически сложилась судьба Г.А. Кокиева – ученого, внесшего большой вклад в развитие науки и культуры народов Северного Кавказа. В 1949 г. он был осужден как «фальсификатор исторических событий на Северном Кавказе, буржуазный националист и враг народа». В 1954 г. он скончался в тюрьме от сердечного приступа²²⁷. Среди «осетинских буржуазных националистов» оказался и Б.В. Скитский – автор первой научной «Истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года», более четверти века проработавший в Северной Осетии и воспитавший целую плеяду осетинских ученых. Его обвинили в идеализации феодально-патриархального прошлого осетинского народа, в преувеличенной оценке нартского эпоса как исторического источника, в желании обнаружить «золотой век» в далеком прошлом осетин. Ученый болезненно переживал несправедливость подобных нападок. Он заболел и весной 1953 г. уехал из Осетии.

В середине 1950-х гг. с окончанием периода культа личности в кругах гуманитариев Северной Осетии появилась надежда на

²²⁶ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 26-28.

²²⁷ Гаппоев Т.Т., Тотоев Ф.В. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. Владикавказ, 2000. Т. 1. С. 47, 48.

возможность пересмотра некоторых спорных вопросов дореволюционной истории Осетии и возвращения имен несправедливо замалчиваемых исторических лиц. Побудительным толчком к тому, в частности, послужили совещания, состоявшиеся в 1956 г. (летом в Махачкале и осенью в Москве) и посвященные истории движения горцев под руководством Шамиля. Под впечатлением от итогов этих научных мероприятий историк М.С. Тотоев подал на имя первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС докладную записку об ошибочности в существующей научной литературе оценки восстания тагаурцев 1830 г. и песни «Хазби».

Обращение ученого было воспринято как «попытка возродить прежние политические ошибки, пересмотреть решения V пленума обкома 1952 г., вскрывшего с помощью ЦК КПСС серьезные ошибки... в идеологической работе в республике». Бюро Северо-Осетинского обкома КПСС 5 марта 1957 г. приняло постановление «О неправильном поведении доктора исторических наук, профессора Тотоева М.С.» и потребовало обсудить вопрос на расширенном заседании Ученого совета Северо-Осетинского НИИ²²⁸.

Заседание состоялось 14 марта 1957 г. По итогам обсуждения было принято постановление, в котором отмечалось, что Ученый совет СОНИИ считает необоснованным и ошибочным предложение М.С. Тотоева «оценивать движение 1830 года в Тагаурии как антиколониальное и общенародное». Далее подчеркивалось, что «ошибочные предложения профессора Тотоева М.С. ... были возможны потому, что в Научно-исследовательском институте сложилась обстановка беспринципности и семейственности и отсутствия должной критики и самокритики». Постановление было верно воспринято как предупреждение всем ученым-гуманитариям²²⁹.

Таким образом, несмотря на некоторое смягчение идеологического климата в обществе в середине 1950-х гг. пространство для научного осмысления исторических событий оставалось ограниченным рамками официальных концептуальных положений в науке.

²²⁸ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 692. Л. 35.

²²⁹ НА СОИГСИ. Ф. 13. Оп. 1. Д. 20. Л. 13-15.

Такая же ситуация складывалась в других гуманитарных науках. Развитие осетинского литературоведения, разработка актуальных вопросов литературного творчества требовали создания учебников по истории осетинской литературы для вузов и школ. Одной из попыток решения этой проблемы явились два проекта программы по осетинской литературе: программа-максимум и программа-минимум, представленные к обсуждению на заседании Ученого совета СОНИИ в мае 1948 г. профессором Б.А. Алборовым²³⁰. Однако эти проекты остались нереализованными по идейно-политическим соображениям. В программах было представлено творчество писателей дореволюционного периода Т. Мамсурова, И. Канукова, А. Токаева, которые в те годы были однозначно причислены к «буржуазным националистам». Вскоре Б.А. Алборов вынужден был спешно покинуть республику. Поводом к отъезду послужило неосторожное замечание на одном из занятий со студентами филологического факультета о том, что он не считает Сталина лучшим языковедом. Если учесть, что Борис Алборов лишь недавно вернулся из восьмилетней ссылки, в тот момент подобное замечание с его стороны было чревато тяжелыми последствиями. Возвращение ученого домой состоялось лишь в 1954 г., но понадобилось еще два года, чтобы с него сняли все политические обвинения, и он был полностью реабилитирован.

На рубеже 1940–1950-х гг. научная интеллигенция Северной Осетии оказалась вовлечена в кампанию критики «единого потока», отражавшего неразрывность культурного процесса, в том числе в лицах вне политико-идеологических характеристик. Одним из поводов к критике послужило издание хрестоматий по литературе. В марте 1950 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) принял специальное постановление с осуждением идейно-политических ошибок, якобы содержащихся в хрестоматиях по осетинской литературе. Составителям учебных пособий Х. Ардасенову, С. Бритаеву и К. Казбекову были предъявлены необоснованные обвинения в аполитичности, идеализации творчества писателей дооктябрьского периода – Темирболата Мамсурова, Инала Кану-

²³⁰ ЦГА РСО-А. ФР. 126. Оп. 2. Д. 355. Л. 6.

кова, Алихана Токаева, Розы Кочисовой, Елбыздуко Бритаева и других, обвинявшихся в «буржуазном национализме»²³¹.

Для того чтобы не повторять таких «ошибок» и избавиться от разночтений в определении идейно-политической сущности художественных произведений было принято решение впредь сопровождать учебные пособия критико-биографическими очерками о жизни и творчестве писателей. На неопределенное время учебники по литературе было рекомендовано заменить хрестоматиями с элементами учебника²³².

На рубеже 1940–1950-х гг. развитие общественных наук в республике, как и в стране в целом, в значительной мере шло под влиянием итогов дискуссий в политэкономии и языкознании. В рамках этих дискуссий на страницах журнала «Коммунист» в 1953 г. состоялось выступление журналиста А. Джикаевой. В пятом номере издания была помещена разгромная рецензия на книгу Б.А. Цуциева «Очерки экономического и культурного развития Северо-Осетинской АССР»²³³. Автору были предъявлены серьезные обвинения. Ему вменялось в вину игнорирование социалистических производственных отношений, приукрашивание прошлого осетинского народа, некритическое отношение к общественной деятельности «буржуазных националистов» Е. Бритаева, Г. Цаголова и др. Заодно снова в грубой фальсификации истории, в националистических извращениях были обвинены Х. Ардасенов и М. Тотоев. «Вина» последнего еще более усугублялась тем, что он являлся научным редактором обсуждаемой монографии. Выводы, обычно сопровождавшие такие критические выступления в партийной печати, могли иметь самые негативные последствия. Вероятно, только некоторое смягчение политической атмосферы, последовавшее за смертью Сталина, позволило избежать развития событий по драматическому сценарию.

В сложном положении оказался выдающийся лингвист, иранист и нартовед В.И. Абаев. В период господства «нового уче-

²³¹ Там же. Л. 3.

²³² Там же. Д. 385. Л. 4.

²³³ Джикаева А. Об антимарксистских извращениях в книге Б. Цуциева// Коммунист, 1953, № 5.

ния» о языке Н.Я. Марра его критиковали за приверженность сравнительно-историческому методу в исследовании осетинского и других языков и непризнание четырехэлементного анализа.

В ходе дискуссии в языкознании в начале 1950-х гг. еще недавно «единственно верное учение о языке» Н.Я. Марра было отвергнуто как несостоятельное. Оно было признано идеалистичным и антимарксистским. Ситуация изменилась, и теперь В.И. Абаеву ставили в заслугу многое из того, за что критиковали прежде²³⁴.

Однако принятие ученым идеи Марра о надстроечном характере языка, его понимание учения о «скрещивании» языков и приверженность теории двуприродности осетинского языка и осетинского народа явно расходились с новыми идейно-политическими построениями в области языкознания. Развернувшаяся в центральной и местной прессе критика этих идей подготовила почву для принятия в сентябре 1951 г. постановления бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) «Об освещении вопросов языкознания в республиканской печати»²³⁵. Республиканские партийные органы, выполняя директивы по идеологическим шатаниям в сфере языкознания, решили подвергнуть анализу «научную позицию» осетинских языковедов. Их аттестация на идеологическую зрелость шла параллельно с назидательными проработками «заблуждений» В. Абаева. При этом, чем шире становилась кампания критики ученого, тем категоричней были оценки, громче звучали голоса осуждения его за примиренчество с «буржуазно-националистическими концепциями», за «идеализацию феодально-патриархального прошлого осетинского народа», за «чрезмерное захваливание» и «преувеличенные оценки» нартовского эпоса, наконец, за отказ «публично признавать свои ошибки»²³⁶.

В конечном итоге эти формы проработки в ученой среде, как показал их общий анализ, стали основой для установления двухэтапной методики идеологической профилактики «ошибок» и

²³⁴ Социалистическая Осетия. 1951. 13 марта.

²³⁵ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 535.

²³⁶ Там же. Д. 780. Л. 24-26.

«заблуждений». Проведение публичных научных дискуссий по проблемной теме на первом этапе создавало аргументированную ситуацию для последующей идеологической кампании по итогам. Ученые с интересом вовлекались в дискуссии, прения по предложенным вопросам и вскоре становились объектами персональных и коллективных обсуждений, так или иначе, участвуя в формировании и управлении необходимой внутривластной ситуацией.

Таким образом, идейно-политическая атмосфера середины 1940–1950-х гг. во многом определяла развитие науки в Северной Осетии. На рубеже десятилетий видные представители гуманитарных наук в республике стали объектами адресных работ партийно-государственной власти. На общих и партийных собраниях, на научных форумах, со страниц периодической печати звучала критика научных взглядов историков, филологов, экономистов. Критические оценки творчества В.И. Абаева, Г.А. Кокиева, Б.В. Скитского и других исследователей еще более усилились в ходе написания «Истории Северной Осетии». В конечном итоге, ученые постоянно вынуждены были учитывать в работе опасность быть обвиненными в «буржуазном национализме», в идеализации древней истории и культуры осетин²³⁷. В итоге, многие вопросы, связанные с культурным наследием народа, его историей, по сути, закрывались для изучения. Зависимость от политической конъюнктуры, недопустимость выхода за рамки официально сформулированной исследовательской проблематики существенно ограничивали возможности гуманитариев в изучении вопросов исторического и культурного развития общества, препятствовали созданию достаточно полной и достоверной картины прошлого.

Вместе с тем, несмотря на идеологический диктат, послевоенные годы были временем консолидации научного потенциала, определения перспективных направлений исследовательской деятельности, складывания условий для дальнейших научных работ в области гуманитарных наук в республике.

²³⁷ Там же.

В осетинском литературоведении одной из приоритетных тем стало изучение творчества основоположника осетинской литературы К.Л. Хетагурова. Внимание ученых привлекали проблемы народности и революционного демократизма поэта, его социальной непримиримости и патриотизма. Кропотливая исследовательская работа позволила осуществить в 1951 г. первое научное издание произведений поэта в трех томах. Накопленный опыт послужил надежным основанием для продолжения работы в этом направлении и издания пятитомного собрания сочинений Хетагурова на осетинском и русском языках, осуществленного в 1959-1961 гг. в издательстве АН СССР.

Рассматриваемые годы стали временем активного развития осетинской фольклористики, в частности, значительных успехов в изучении нартовского эпоса. Наряду с собиранием, систематизацией и обработкой текстов велась большая исследовательская и археографическая работа. Результатом деятельности ученых явились издания нартовских сказаний в стихах и прозе 1946, 1948, 1949 и 1957 гг. на осетинском, русском и других языках. В 1956 г. по инициативе Института мировой литературы АН СССР и Северо-Осетинского НИИ в г. Орджоникидзе состоялась конференция по нартовскому эпосу. Она подвела итоги всей предшествующей работы в области нартоведения и наметила направления дальнейших исследований. Участники научного форума признали нартовский эпос памятником культуры мирового значения, отказавшись при этом от крайностей в его оценке: идеализации, с одной стороны, и получившего распространение на рубеже 1940-1950-х гг. нигилистического его отрицания, – с другой.

Наконец, в 1959 г. в издательстве «Наука» вышел в свет первый том двухтомной монографии «История Северо-Осетинской АССР». Он охватывал период с древнейших времен до 1917 г. Несмотря на довлеющее влияние идеологии, наличие множества политических и идеологических штампов, засилье классовых догм в освещении истории Осетии, появление этой работы явилось важнейшим событием в исторической науке в Северной Осетии тех лет.

8. Развитие естественно-технических отраслей вузовской науки в Северной Осетии в середине 1950-х –1960-е гг.

В настоящее время высокие требования к науке и мобилизация ее потенциала являются важнейшим условием создания эффективной и конкурентоспособной экономики России. Они в целом рассматриваются как источники социального роста и общественного прогресса многонациональной страны. Более того, в мире с бурно развивающейся цифровой экономикой, IT-технологиями наличие развитой научно-технической инфраструктуры и научно-кадрового потенциала служит гарантией государственной безопасности. Поэтому обращение к советской практике организации и управления с ее успехами и провалами в области естественных и технических наук при разворачивании научно-технической революции второй половины XX в. имеет практический интерес.

Научная ценность анализа одного из региональных и временных срезов проблемы заключается в возможностях оценки потенциала региональных научных центров, анализа организации научно-исследовательской и опытно-конструкторской работы естественно-технических отраслей вузовской науки.

В Северной Осетии, как и по всей стране, со второй половины 1950-х гг. в условиях научно-технической революции развитие естественно-технических отраслей научного знания приобретало первостепенное значение. Быстро растущее общественное производство предъявляло повышенные требования к качеству и количеству теоретических и прикладных исследований. Оно способствовало активизации деятельности научно-исследовательских организаций для решения научно-технических проблем, разработки новых высокопроизводительных машин, материалов, методов их производства. Организационные решения опирались, прежде всего, на постановляющие документы ЦК КПСС и Совета Министров СССР и др.

Так, в 1955 г. на основании постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечествен-

ной и зарубежной науки и техники» (28 мая 1955 г.) был создан Государственный комитет Совета Министров СССР по новой технике²³⁸. Задача Комитета состояла в координации деятельности по разработке и реализации программ комплексной механизации и автоматизации промышленных и других отраслей народного хозяйства, развитии научно-исследовательских центров. Другое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению подготовки научных и научно-педагогических кадров» от 13 июня 1961 г. определяло политику в сфере подготовки квалифицированных научных кадров²³⁹.

В Северной Осетии активизация деятельности отделов аспирантуры в высших учебных заведениях, введение льгот для докторантов и аспирантов способствовали заметному росту численности научных кадров. С 1956 по 1963 год численность работников, занимавшихся научной и научно-педагогической деятельностью в республике, увеличилась с 258 до 699 человек. В вузах и научно-исследовательских учреждениях число кандидатов наук за это время выросло с 164 до 204 человек, докторов наук – с 23 до 26 человек²⁴⁰.

Рост числа специалистов высшей квалификации, расширение и упрочение научной, материально-технической базы учебных и научно-исследовательских учреждений республики обеспечивали развитие изыскательских работ в различных отраслях научного знания. Вузовская наука занимала ведущие позиции в организации научной деятельности, осуществлявшейся в двух направлениях: оказание научно-практической помощи в решении хозяйственных задач и расширение фундаментальных исследований в области естественно-технических наук.

В 1950–1960-е гг. флагманом республиканской вузовской науки был Северо-Кавказский горно-металлургический институт. Деятельность научных подразделений института была нацелена на повышение эффективности горнодобывающей и металлургии.

²³⁸ КПСС в резолюциях... Т. 8. С. 506.

²³⁹ КПСС в резолюциях... Т. 10. С. 51, 53.

²⁴⁰ Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сб. Орджоникидзе, 1964. С. 185.

ческой промышленности, составлявших важнейшие отрасли народнохозяйственного комплекса Северной Осетии. Большинство научных разработок ученых института носило конкретно-прикладной характер для внедрения в промышленное производство. Изучались возможности расширения сырьевой базы завода «Электроцинк»; разрабатывались новые способы бурения глубоких и сверхглубоких скважин. Шла работа по совершенствованию методов разработки месторождений полезных ископаемых, а также процессов извлечения цветных, благородных и редких металлов. Важным направлением исследований было решение проблем механизации и автоматизации производственных процессов, совершенствование планирования и организации труда на предприятиях горнодобывающей и цветной металлургии.

Научно-исследовательская работа в институте финансировалась из государственных бюджетных средств и благодаря заключению хозяйственных договоров с различными предприятиями как внутри республики, так и за ее пределами. Система хозяйственных отношений с предприятиями рассматривалась как основная форма связи с производством, позволявшая наращивать научно-техническую деятельность, повышать уровень квалификации преподавательских кадров и качество подготовки специалистов²⁴¹.

В начале 1960-х гг. по хозяйственному договору сотрудники СКГМИ и Севкавцветметразведка осуществили геолого-структурные исследования в Садоно-Унальском рудном районе. В результате проведенных исследований были выявлены перспективные площади, на которых поисковыми работами обнаружены несколько рудопроявлений и осуществлена проходка горных выработок и установка буровых скважин.

Конкретный характер научно-исследовательской деятельности всегда предполагал тесное сотрудничество с предприятиями цветной металлургии. Экономический эффект от внедрения изобретений и разработок ученых горно-геологического, металлургического, электромеханического и других факультетов СКГМИ

²⁴¹ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. Орджоникидзе, 1981. С. 39.

на заводах «Электроцинк», «Победит», Свинцово-цинковым комбинате, на других металлургических предприятиях страны исчислялся десятками и сотнями тысяч рублей.

Одним из примеров успешного взаимодействия ученых Северо-Кавказского горно-металлургического института и предприятий цветной металлургии явилась в конце 1950-х – начале 1960-х гг. деятельность исследовательской группы под руководством А.Д. Погорелого. Наряду с сотрудниками кафедры общей металлургии в эту группу входили инженеры и техники завода «Электроцинк». Результатом ее деятельности стала разработка электромеханического способа рафинирования индия. Годовой экономический эффект от внедрения разработки составил 830 тыс. руб. Тогда же на кафедре металлургических печей и теплотехники (ныне это кафедра литейных процессов и металлургических печей) под руководством А.М. Давидсона были созданы опытные образцы функционального преобразователя для источников питания при сварке штабиков. Эти образцы проходили апробацию на базе завода «Победит»²⁴².

Как уже отмечалось, СКГМИ сотрудничал не только с предприятиями своей республики. Ученые института участвовали в решении научных задач для предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности всей страны. К примеру, бригада научных работников под руководством В.Г. Агеевкова оказала техническую помощь Челябинскому металлургическому заводу по внедрению высококислотного режима. В результате завод не только стал выполнять плановые задания, но и улучшил качество выпускаемого металла²⁴³. В начале 1960-х гг. группа ученых Горно-металлургического института во главе с И.А. Остроушко и В.И. Емекеевым провела работы по механизации взрывных работ на Тырныаузском, Алтын-Топканском и Сихоте-Алинском комбинатах. В результате были разработаны конструкции заряжающих устройств для глубоких скважин, минных камер и шпуров. Приборы для заряжения патронированными взрывными веществами скважин и шпуров прошли государственные испы-

²⁴² Там же. С. 40.

²⁴³ Там же. С. 37.

тания в мае 1962 г. и были приняты к серийному производству. Такими приборами заряжались взрывные скважины не только на отмеченных комбинатах, но также на рудниках г. Кривой Рог и комбинате «Апатит». По договору с Норильским никелевым комбинатом проводилась работа по выделению магнитной фракции из фаянштейна для извлечения и концентрации в ней платиновых металлов. Кафедрой металлургии благородных металлов горно-металлургического института для номерного завода были выполнены две хозяйственные работы. Первая предусматривала изыскание способа гидрометаллургического извлечения серебра из нерастворимых остатков от выщелачивания сульфатизированных осадков золотоизвлекательных заводов. Вторая была предназначена для разработки способа определения золота и серебра в осадках золотоизвлекательных заводов. Исследования проводились по договору с трестом «Алтайзолото», Семипалатинской геологоразведочной экспедицией и другими золотодобывающими предприятиями СССР²⁴⁴.

В одном только 1962 г. исследовательская деятельность СКГМИ осуществлялась по 96 госбюджетным и 54 хозяйственным работам. Из них в отмеченном году работа была завершена по 44 госбюджетным и 28 хозяйственным проектам. Остальные имели продолжение. В научных исследованиях, финансировавшихся из государственных бюджетных средств, участвовали 65 (27 из них со степенью доктора и кандидата наук) профессоров и преподавателей, что составляло 41,7 % научных и научно-педагогических кадров специализированных профильных кафедр института. В хозяйственных проектах участвовали 47 человек, которые одновременно были заняты исполнением бюджетных заданий²⁴⁵.

Наряду с преподавателями и научными сотрудниками СКГМИ в научно-исследовательской работе участвовали и студенты, которых привлекали к проведению госбюджетных и хозяйственных исследований. Использовались разные формы вовлечения студентов в научно-исследовательскую работу. В 1962 г. в

²⁴⁴ ГАРФ. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1402. Л. 3-5.

²⁴⁵ Там же. Л. 22.

институте в 18 студенческих научно-исследовательских кружках были заняты 475 человек. Творческий потенциал студентов реализовывался также в студенческих конструкторских бюро. Первое конструкторское бюро в СКГМИ было создано в 1964 г.²⁴⁶

С 1957 г. в СКГМИ начал выходить журнал «Цветная металлургия». Он быстро приобрел известность в научных кругах. На его страницах публиковались статьи ученых около 75 вузов и свыше 50 научно-исследовательских институтов Советского Союза. В журнале печатались также результаты исследований зарубежных авторов. Среди тем, выносимых на обсуждение, были вопросы, связанные с повышением эффективности способов получения цветных металлов из руд, концентратов и отходов предприятий; с переработкой вторичного сырья; с процессами рафинирования металлов и получения металлов высокой чистоты. Читательская аудитория журнала охватывала помимо Советского Союза еще сорок две страны мира²⁴⁷.

Реформа сельскохозяйственного производства в СССР, принятая с середины 1950-х гг., серьезно стимулировала развитие сельскохозяйственной науки в регионах. В Северной Осетии научные исследования в области сельскохозяйственной науки осуществлялись на базе Горского сельскохозяйственного института, а также сельскохозяйственной опытной станции. Аналогичные сельскохозяйственные станции в рассматриваемые годы были созданы при участии ГСХИ и в соседних республиках: Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии.

Укрепление материально-технической и научной базы института во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. способствовало активизации научно-исследовательской деятельности института. В 1968 г. на 40 кафедрах ГСХИ работали 240 преподавателей, в том числе 14 профессоров и докторов наук, 10 доцентов и кандидатов наук. Наряду с преподавательской деятельностью многие из них занимались разработкой научных и практических проблем растениеводства, земледелия, животно-

²⁴⁶ Там же. Л. 11.

²⁴⁷ 50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. С. 39-41.

водства, экономики, механизации и электрификации сельскохозяйственного производства²⁴⁸.

Со второй половины 1950-х гг., особенно после визита Н.С. Хрущева в Соединенные Штаты Америки, «царицей колхозных и совхозных полей» стала кукуруза. Данная зерновая культура не имела к тому времени широкого распространения в СССР, за исключением некоторых регионов страны. Теперь кукурузу начали сеять повсеместно, не учитывая при этом ни природно-климатических, ни материально-технических возможностей колхозов и совхозов, ни психологии непосредственных производителей – сельских жителей. Результаты этой волонтаристской политики еще более усугубили состояние сельского хозяйства, которое и без того в результате непродуманных экспериментов к началу 1960-х гг. оказалось в глубоком кризисе.

В Северной Осетии в отличие от многих других регионов страны природно-климатические условия благоприятствовали возделыванию этой зерновой культуры. Традиция возделывания кукурузы здесь насчитывала многие десятилетия. Республика выступала одним из главных сырьевых поставщиков, обеспечивавших бесперебойную работу Бесланского маисового комбината – построенного в 1930-е гг. крупнейшего предприятия крахмально-паточной промышленности страны. В 1960-е гг. посевные площади под кукурузу в Северной Осетии значительно расширились. Одновременно активизировалась исследовательская селекционная работа в этом направлении. Выведением новых сортов и гибридов кукурузы, повышением ее урожайности занимались ученые-агрономы агрономического факультета Горского сельскохозяйственного института и Горской сельскохозяйственной опытной станции А.Б. Саламов, Ф.Я. Коновалов, К.И. Трофименко и др.²⁴⁹

Исследовательская работа велась и по другим направлениям. Ученые обследовали и изучали сорта сельскохозяйственных культур, распространенных в Центральном и Восточном Пред-

²⁴⁸ 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. Орджоникидзе, 1977. С. 20.

²⁴⁹ 90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. Владикавказ, 2008. С. 25, 27.

кавказье, которые служили исходным материалом для получения новых селекционных сортов многолетних трав, картофеля и других культур. Их выведением занимались Г.Б. Бугданов, Н.Н. Оболенский, З.С. Чернецкая, Э.А. Штебер. Многие разработки преподавателей и научных сотрудников кафедр почвоведения, геологии, агрохимии и земледелия внедрялись в колхозах и совхозах Северной Осетии и соседних республик²⁵⁰.

Проблемами развития животноводства занимались сотрудники зоотехнического факультета, многие годы возглавляемого учеником И.П. Павлова профессором Н.В. Рязanceвым. Одним из ярких представителей старшего поколения профессоров и преподавателей, стоявших вместе с И.Г. Есьманом, В.Ф. Раздорским, С.А. Гагуевым, А.М. Панковым у истоков Горского сельхозинститута, был Д.А. Тарноградский. Под его руководством был накоплен обширный экспедиционный материал, на основе которого были описаны многие, неизвестные прежде в науке виды простейших организмов, обитавших в водоемах Северного Кавказа. Весь этот материал лег в основу, созданного им зоологического музея Горского сельскохозяйственного института. Исследования Д.А. Тарноградского по гидробиологии Северного Кавказа, получившие признание во всем мире, способствовали успешной борьбе с малярией на Северном Кавказе²⁵¹.

В институте функционировала станция по испытанию сельскохозяйственных машин. На ней отработывались приемы механизации посевов пропашных культур, испытывалась работа кукурузоуборочных машин, приспособлений к зерновому комбайну для уборки эфирномасличных культур. Опытная станция позволяла находить наиболее рациональные и приемлемые типы и наборы машин для механизации обработки и уборки сельскохозяйственных культур в конкретных географических и природно-климатических условиях региона, выявить способы их наиболее эффективной эксплуатации²⁵².

²⁵⁰ 50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. С. 16.

²⁵¹ Там же. С. 17-18.

²⁵² Там же. С. 19.

Как видим, Горский сельскохозяйственный институт и сельскохозяйственная опытная станция в 1950-1960-е гг. успешно работали по многим направлениям сельскохозяйственной науки. Однако необходимо отметить, что, как и в других научных подразделениях вузовской науки республики, общим недостатком деятельности являлось медленное продвижение инноваций, изобретений, а то и открытий от этапа научной разработки идеи до реализации на производственном уровне.

Научно-технические разработки вузовских ученых нередко вообще не доходили до потребителя. Причин тому могло быть множество: отсутствие должного руководства организацией научно-исследовательских групп, особенно на стадии завершения работы, финансовая необеспеченность, многоступенчатость и сложность системы согласований, недостатки патентной службы, инертность и низкая заинтересованность сторон в конечном продукте и прочее. К примеру, в 1955 г. на Северо-Осетинской селекционной станции осуществили 16 принципиально новых разработок по разным сельскохозяйственным направлениям. Но только 9 из них были внедрены в производство. Остальные осваивались частично или не были реализованы вовсе²⁵³.

В 1950–1960-е гг. одним из важнейших подразделений вузовской науки оставался Северо-Осетинский государственный медицинский институт (СОГМИ). На базе этого института развивалась медицинская наука. В научных исследованиях сотрудников традиционно преобладала тематика, связанная с вопросами краевой и профессиональной патологии.

Изучение факторов, вызывавших заболевания желудочно-кишечного тракта, дыхательных путей, опорно-двигательной системы, щитовидной железы и других систем организма, разработка методов их лечения и профилактики являлись областью научных интересов преподавателей и научных сотрудников института: И.А. Агеенко, В.И. Рахмана, С.М. Трегубова, И.И. Мошковско-го и других. Их научные разработки были направлены на снижение заболеваемости желудочно-кишечными болезнями, зобом, силикозом. Под руководством профессора И.А. Агеенко успешно разрабаты-

²⁵³ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 130.

валась методика лечения хирургическими средствами болезней желудка. Развивались и другие разделы клинической медицины: травматология и ортопедия. В них применялись новые методы диагностики и оперативного лечения.

Крупным специалистом в области эндокринологии являлась профессор Е.Я. Резницкая. С 1957 по 1968 г. она возглавляла кафедру факультетской терапии Северо-Осетинского мединститута и была инициатором разработки многих научных проблем, в том числе использования курортных факторов Северной Осетии, ее минеральных вод при лечении ряда эндокринных заболеваний. Е.Я. Резницкой проводились исследования состояния сердечно-сосудистой системы, органов пищеварения, мочевого выделения при сахарном диабете, диффузно-токсическом зобе. Результаты этих исследований получили отражение в более чем 200 научных статьях и монографиях. До настоящего времени не утратила своей актуальности так называемая «диета Генес–Резницкой» при сахарном диабете, «симптом болезненности пульсирующей брюшной аорты» при диффузно-токсическом зобе и др.²⁵⁴

В 1950-е гг. благодаря внедрению новых методов лечения, пропаганде и осуществлению санитарно-гигиенических мероприятий, были практически ликвидированы трахома и чесотка. Важнейшим достижением в области здравоохранения и медицинской науки стала положительная динамика в лечении туберкулеза, являвшегося одним из самых тяжелых и распространенных заболеваний в крае. Внедрение в медицинскую практику флюорографических установок с начала 1950-х гг. позволило проводить массовые осмотры населения на выявление туберкулеза. Широко применялись новейшие методы лечения с использованием новых лекарственных средств, прежде всего антибиотиков. Осуществлялось санаторно-курортное лечение больных. В Алагирском ущелье, в санатории «Цей» лечились больные с закрытой формой туберкулеза. В 1958 г. был открыт еще один санаторий в высокогорном селении Фаснал в Дигорском ущелье. В Нузале в санатории и детских яслях лечили детей, больных туберкуле-

²⁵⁴ История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. Владикавказ, 2000. С. 246, 247.

зом. В комплексе внедрение новых методов лечения и проведение профилактических мероприятий способствовали снижению заболеваемости и смертности от туберкулеза. Значительную роль в улучшении общей картины здоровья общества сыграло внедрение программы всеобщей диспансеризации.

В 1950–1960-е гг. изучение и использование курортных ресурсов республики рассматривалось в качестве одного из наиболее перспективных направлений медицинской и биологической науки. В этот период активно исследовалось содержание воды Кармадонских источников, курортов «Серноводск», «Тамиск», выяснялись перспективы использования ее для лечения различных заболеваний, в том числе желудочно-кишечных, сердечно-сосудистых, а также заболеваний опорно-двигательной системы²⁵⁵.

Итак, к середине 1960-х гг. медицина и система здравоохранения Северной Осетии достигли такого уровня развития, когда стали возможны позитивные качественные сдвиги в медицинском обслуживании населения на базе специализированной диспансеризации не только республики, но и соседних регионов.

В целом в социально-экономическом развитии Северной Осетии в 1950–1960-е гг. приоритетные направления научной деятельности вузов в контексте общегосударственных задач все больше учитывали природно-климатические условия и культурно-хозяйственные особенности. Эти направления включали как традиционные, так и новые области научного знания. Хозяйственно-экономическое развитие республики, расширение промышленных отраслей производства стимулировали развитие естественно-технических наук. Кроме того, они способствовали разработке передовых технологических новаций, которые обеспечивали повышение эффективности производственных процессов, в частности, в сельскохозяйственном производстве, в горнодобывающей промышленности и цветной металлургии.

В условиях научно-технической революции естественно-технические науки в Северной Осетии приобрели статус не только и даже не столько экономической категории, сколько социальной

²⁵⁵ Здравоохранение и медицина в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. Вып. 7. Ч. 1. С. 26, 27.

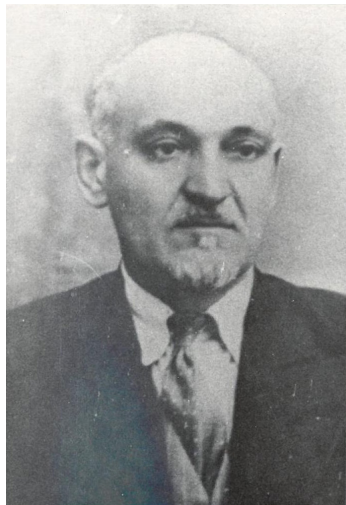

базы развития северокавказского региона. Поддержка естественно-технических отраслей вузовской науки способствовала количественному, образовательному и профессиональному росту научной интеллигенции. Наука в этот период стала реальной участницей улучшения жизни рядовых граждан. Внедрение новых технологий и методик в медицине, в аграрном секторе, в цветной металлургии напрямую и соответственно влияли на качество медицинского обслуживания жителей республики, повышали уровень культуры землепользования в регионе, механизацию труда горняков всей страны.

В целом процесс модернизации в середине 1950–1960-х гг. придал положительный импульс развитию естественных и технических отраслей науки на базе вузов Северной Осетии, что в свою очередь обеспечило достаточно устойчивое, динамичное развитие республики в последующее десятилетие.

*Хадзыбатыр Навиевич
Ардасенов*

*Нигер
(Иван Васильевич Джанаев)*

Казбек Тимофеевич Казбеков

Аким Казбекович Джанаев

*Александр Дмитриевич
Погорельный*

*Василий Гордеевич
Агеев*

*Владимир Федорович
Раздорский*

*Алибек Батырбекович
Саламов*

Ксения Ивановна Трофименко

Раздел 2

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

1. Осетинское литературное сообщество в «послевоенное ненастье»: 1945 – середина 1950-х гг.

Окончание Великой Отечественной войны советское общество встретило значительно измененным. Миллионы людей, уцелевшие в окопах и выжившие в тылу, хотели не только скорейшего восстановления разрушенного войной народного хозяйства. Народ, прошедший через огромные страдания и лишения, потерю близких, жил ожиданием новой, прекрасной мирной жизни. После суровых ограничений военного времени люди остро почувствовали потребность в красоте, желание внешнего и внутреннего преображения. Духовные тяготения народа-победителя заслуживали учета в идеологической работе, отчетливо формулировали запрос на новое в культуре и искусстве. Его социальный заказ требовал формирования иной политической архитектуры отношений и связей с властью в сфере культуры.

Политическое руководство страны в ответ на сложившуюся ситуацию, восприняв основные требования нового этапа работы с населением, расставило приоритеты следующим образом: пропаганда социалистических идеалов, воспитание людей в духе социалистического патриотизма, убежденности в верности избранного коммунистической партией стратегического пути. Новым важнейшим направлением государственной культурной политики в условиях нарастания международной напряженности, столкновения двух мировых лагерей (социалистического и капи-

талистического) являлось вовлечение советской культуры в противостояние в «холодной войне». Мобилизация ресурсов социалистической культуры для противоборства с капиталистической системой, после некоторого смягчения идеологического давления в годы войны (послабления церкви, предоставление большей свободы в творческой сфере), послужило аргументом усиления контроля во всех областях культурной жизни, стало мотивационной основой реализации поставленных властью задач культурной политики в борьбе с инакомыслием. Вновь обычной становится практика активного вмешательства в творческую лабораторию деятелей литературы и искусства. Художественной интеллигенции отказывали в свободной ориентации в делах культуры. Творческая личность получала возможность работать только в рамках социалистического реализма. Все, что не соответствовало принципам этого метода, объявлялось следствием чуждого влияния и «буржуазным индивидуализмом».

Новый поворот в идеологическом курсе в отношении творческой интеллигенции оформился в постановлениях ЦК ВКП (б) 1946-1948 гг. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «О кинофильме «Большая жизнь», «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». В директивных решениях Коммунистической партии резкой критике подверглось творчество многих видных деятелей литературы и искусства (писателей А. Ахматовой, М. Зощенко, композиторов В. Мурадели, С. Прокофьева, В. Шебалина, Д. Шостаковича, режиссеров С. Герасимова, А. Довженко, Л. Лукова, С. Эйзенштейна, С. Юткевича и др.). В их адрес звучали обвинения в «проповеди гнилой безыдейности», пошлости и аполитичности, в низкопоклонстве перед буржуазной культурой, в создании «идеологически вредных произведений», «рассчитанных на то, чтобы дезориентировать нашу молодежь и отравить ее сознание»²⁵⁶

Жесткие идеологические «проработки» творческих деятелей, начавшиеся в центре, продолжились в национальных регионах

²⁵⁶ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953. М., 1999. С. 587.

в традициях политики «положительной дискриминации» нерусских национальностей 1920-1930-х гг.²⁵⁷ Художественная культура Северной Осетии как неотъемлемая часть советской многонациональной культуры отразила всю сложность ситуации, сложившейся в общественной и культурной жизни страны. Несмотря на то, что постановления ЦК ВКП (б) 1946-1948 гг. непосредственно не касались вопросов развития литературы и искусства республики, интеллигенция Северной Осетии была активно вовлечена в развернувшиеся вокруг них дискуссии. На собраниях творческих союзов, культурных учреждений, вузов и научных организаций «в свете исторических постановлений» тщательно разбиралось творчество писателей, художников, театральных деятелей. В сентябре 1946 г. на страницах республиканских газет «Социалистическая Осетия» и «Растдзинад» появились первые публикации, посвященные обсуждению состояния литературно-художественного процесса в республике в свете постановлений ЦК ВКП (б) по вопросам литературы и искусства. Они свидетельствовали об активно развертывавшейся кампании критики художественной интеллигенции.

Следуя положениям постановления ЦК ВКП(б), в республике первым резкой критике подвергли журнал «Мах дуг» («Наша эпоха») – орган Союза писателей Северной Осетии – за публикацию произведений, «не отвечающих идейным требованиям партии, за умолчание современных тем, за политические ошибки и извращения идеологического характера»²⁵⁸.

В соответствии со сложившейся общесоюзной практикой, в которой действовал принцип «бить наиболее видных, чтобы боялись остальные», под огнем критики оказались, в первую очередь, ведущие писатели республики: А. Гулуев, С. Бритаев, И. Джанаев, Т. Джатиев, Т. Епхиев, Д. Мамсуров, Б. Муртазов, Д. Туаев и др. Они испытали на себе всю тяжесть обвинений в аполитичности, в безыдейности, в продвижении чуждых партии идеологий, в преклонении перед буржуазной культурой, в «формалистическом трюкачестве» и «мнимом новаторстве».

²⁵⁷ Время вперед! Культурная политика в СССР. М., 2013. С. 32.

²⁵⁸ Социалистическая Осетия. 1946. 13 сентября.

Тщательному разбору с точки зрения идеологической приемлемости подверглось творчество Дабе Мамсурова. Критики считали, что писатель «за последние годы ушел в отдаленное прошлое осетинского народа», что в своих произведениях, «отображая времена алдаров и князей», он «вольно или невольно идеализирует такое вредное уродливое явление старого быта, как кровная месть». В качестве примера подобной ошибки приводилась его драма «Афхардты Хасана». Идеологических цензоров особенно возмущало то обстоятельство, что в произведении борьба за справедливость, по их мнению, велась на основе кровной мести, а не классового антагонизма. Резкое неприятие вызывали «индивидуализм» героя, его «оторванность» от народа. Писателю вменяли в вину и «голый социологизм», и «искажение исторических явлений», обнаруживаемые в другой его поэме – «Чермен»²⁵⁹.

В разряд недостаточно идейных попали популярные пьесы Давида Туаева «Поминальщики», «Желание Паша», «Фатима», шедшие с неизменным зрительским успехом на сцене Осетинского драматического театра. Руководство театра обвинили в невзыскательности и меркантилизме. По мнению партийных критиков, мерилom для него служило «не идейное содержание пьесы, а успех театральной кассы»²⁶⁰.

К безыдейным литературным произведениям были отнесены даже сказки – «Две ласточки» Ивана Джанаева (Нигера), а также «Бедняк и сыновья алдара» Ивана Джанаева и Татари Епхиева. В ряду безыдейных и политически вредных художественных произведений оказались рассказы и очерки Тотырбека Джатиева «Честь осетина», «Об одной девушке» и др.

В первые послевоенные годы по-новому высвечивала содержание многих литературных произведений разворачивавшаяся «холодная война» между двумя мировыми системами. К примеру, упоминание о голоде и тифе Т. Джатиевым в очерке «Около Берлина» трактовалось теперь как грубая политическая ошибка, которой якобы могли воспользоваться в своей антисоветской пропаганде противники социализма²⁶¹.

²⁵⁹ Социалистическая Осетия. 1946. 25 сентября.

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ ЦГА РСО-А. ФР. 730. Оп. 1. Д. 5. Л. 8, 12.

В аполитичности, искажении действительности, изображении советского народа беспечным обвиняли и Созрыко Бритаева. С нежеланием «хоронить» образ врага была связана критика его произведения «Дикий кабан». В этом же контексте вспоминали и редакционную статью в журнале «Мах дуг», опубликованную в майском номере 1945 года и посвященную Великой Победе советского народа. Ее авторов обвиняли в прощении врагу «черных дней» войны, что в новых политических реалиях вообще считалось кощунственным.

Не было обойдено вниманием и творчество талантливого осетинского поэта Андрея Гулуева. Анализ и пересмотру подверглось все творчество поэта. Наибольшее неприятие вызвали его стихотворения, написанные в период Октябрьской революции и гражданской войны. Они были расценены как вредные и идеологически чуждые советскому народу. Основная причина столь негативного отношения заключалась в том, что миропонимание и мировосприятие художника в произведениях, написанных в 1918-1919 годах (например, в стихотворении «В ночь бессонную»), вошли в явное противоречие с официально принятыми оценками исторических событий тех грозных лет.

Осетинских писателей критиковали за недооценку роли революционного романтизма и якобы увлечение «чистой лирикой». Председатель правления СП СССР А. Фадеев, анализируя творчество Хадо Плиева, в частности поэму «Поход баделят», говорил, что его произведения «ничего не дают... в смысле коммунистического воспитания, оторваны от действительности и избыточны «голой эстетикой». Такие же «недостатки» обнаруживали и в поэзии Давида Дарчиева, Александра Царукаева и некоторых других писателей²⁶².

Художественная литература была призвана формировать в обществе, в людях разных социальных слоев и категорий, особенно в подрастающем поколении, чувство оптимизма, веры в светлое будущее и настойчивости в его достижении. Поэтому, по мнению культурных идеологов, совершенно недопустимыми были проявления грусти и пессимизма. Они находили «упадочнические»

²⁶² Там же. Д. 23. Л. 58.

настроения, например, в произведениях поэта Бориса Муртазова «Взгляни», «К матери».

Объектом нападок стало и творчество Темирболата Баллаева, в частности, его сборник стихов «Родина», увидевший свет в 1945 г. Поэт сполна ощутил тяжесть обвинений в декадентстве. Его критиковали за «вредные рассуждения» о прошлом, за сужение понятия «родина» до «семейного очага». Ошибочным и абсолютно недопустимым с идеологической точки зрения считалось создание привлекательного образа «малой родины», своего аула, тем более, если речь шла не о том, который «обрел счастье в колхозе», а связан с «проклятым прошлым»²⁶³.

Кульминационным моментом в наступлении на деятелей культуры и творческие организации республики явилось принятие в ноябре 1946 г. постановления бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) «О состоянии и мерах дальнейшего развития современной осетинской художественной литературы». Оно констатировало, что «недостатки и ошибки», отмеченные в постановлении ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа 1946 г.), «имеют место и в осетинской советской литературе». Постановление определяло направления деятельности творческих организаций и художественной интеллигенции в осуществлении пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма и интернационализма²⁶⁴. Писателя обязывали создавать художественные произведения «достойные нашего времени, служащие интересам советского народа и делу воспитания молодежи в духе любви к социалистическому отечеству...». Ему напоминали, что он – «инженер человеческих душ» и должен быть «в авангарде масс, глубоко знать жизненные явления...должен быть всесторонне вооружен марксистско-ленинской теорией, знать законы развития общества»²⁶⁵.

Очередное наступление на художественную интеллигенцию в конце 1948 г. было связано с «разоблачением» космополитизма.

²⁶³ Социалистическая Осетия. 1946. 13 сентября.

²⁶⁴ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 5. Д. 567. Л. 101; Социалистическая Осетия. 1946. 30 ноября.

²⁶⁵ Социалистическая Осетия. 1946. 25 сентября.

Несмотря на то, что североосетинская писательская организация не отказалась от поисков космополитов в своих рядах, ей все же удалось относительно безболезненно выйти из этой зоны критики. Лишь отдельные «элементы» космополитизма, символизма и формализма были обнаружены в произведениях некоторых писателей (в стихотворениях А. Гулуева, написанных в 1917-1918 гг., в некоторых рассказах Д. Мамсурова, в пьесах Д. Туаева).

Гораздо бо́льшую опасность для национальных культур представляли обвинения в буржуазном национализме. Они стали особенно популярны с началом 1950-х гг. и были обусловлены смещением политических акцентов внутренней национальной политики в СССР. Как известно, во второй половине 1940-х гг. изменилась концепция о роли русского народа в истории государства. Официальной идеологией было возвращено дореволюционное толкование миссии русского народа как просветителя и покровителя. Возрожденная концепция была исторически обоснована прославлением прошлого русского народа и ревизией истории его отношений с другими народами СССР. Отныне русское прошлое преподносилось во всех своих достоинствах, которые благотворно влияли на социально-экономическую, политическую и культурную жизнь нерусских народов.

Для творческой интеллигенции Северной Осетии новые директивные положения должны были стать руководством к действию, особенно после принятия адресного постановления ЦК ВКП (б) «О недостатках в работе Северо-Осетинского обкома ВКП(б)» от 7 февраля 1950 года. В те годы это был высший уровень критического внимания ЦК ВКП(б) к деятельности региональной партийной организации. Поэтому через три недели экстренно был созван V пленум Северо-Осетинского областного комитета ВКП(б). Отвечая на обвинения по поводу «серьезных ошибок, допущенных партийной организацией в идеологической работе», Президиум пленума посвятил существенную часть повестки дня обсуждению вопросов, связанных с идейно-политическим состоянием художественной культуры, в частности, осетинской литературы. Как отмечалось в постановляющем документе V пленума обкома ВКП(б): «В литературу и театр проникает

чуждая идеология, имеют место попытки оживить в сознании людей пережитки капитализма и феодально-родового быта»²⁶⁶.

Итоговые документы пленума, в результате, стали основой для развертывания в Северной Осетии жесткой идеологической кампании. В частности, в сфере художественной культуры острой критике подверглись пьесы «Хадзимет Рамонов» Давида Кусова и «Коста» Татари Епхиева и Тотырбека Джатиева. Якобы неверное изображение революционных событий и гражданской войны в Северной Осетии поставили в вину Д. Кусову. Его обвинили в недооценке роли русского рабочего класса в освобождении осетинского народа от феодального и капиталистического ига. Авторам пьесы «Коста» инкриминировали грубое искажение исторической действительности и образа великого осетинского поэта-революционера. Большим идейным пороком пьесы было названо «отсутствие в ней исторически правдивого отображения влияния великих русских революционных демократов и передовых прогрессивных деятелей русской культуры последующего периода на формирование общественно-политических взглядов и всей революционной деятельности К. Хетагурова». Пьесу критиковали и за якобы идеализацию феодального прошлого, пропаганду «великого времени» в истории Осетии²⁶⁷. За критикой последовали организационные выводы. Пьеса «Коста» изымалась из репертуара Северо-Осетинского драматического театра. Пьеса «Хадзимет Рамонов» допускалась к постановке только после коренной переработки.

Принимая решения, партийное руководство республики, прежде всего, защищало свою репутацию и «доброе имя» республики перед высшим руководством страны. В то же время оно использовало постановление ЦК ВКП(б) для идеологического прессинга в отношении деятелей культуры, профилактики расхождений с официальными политическими оценками явлений и событий истории прошлого и настоящего народа со ссылкой на авторитет высших органов власти.

²⁶⁶ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л. 48.

²⁶⁷ Там же. Л. 48, 49.

При этом следует отметить, что в документах V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б) в феврале – марте 1950 г. еще не было открытых обвинений в национализме, но политическое тяготение к такой практике явно просматривалось. Массив подготовленного обкомом партии материала для отчета по постановлению ЦК ВКП (б) «О недостатках в работе Северо-Осетинского обкома ВКП(б)» от 7 февраля 1950 г., как показывает анализ документов, послужил основой для теперь профильной ревизии, создавшей условия для таких обвинений. Новое постановление ЦК ВКП (б) «О руководстве Северо-Осетинского обкома ВКП(б) идеологической работой в республике» от 4 марта 1952 года окончательно расставило все акценты в подходе к теме. В постановлении было подчеркнуто, что в некоторых произведениях осетинских писателей имеются «крупные идеологические ошибки и извращения националистического характера, увлечение патриархальным прошлым»²⁶⁸. Реакция областного комитета ВКП(б) на столь принципиальное замечание высшего партийного органа была вполне предсказуемой. На повестку дня V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б), состоявшегося 16 апреля 1952 года, вынесли единственный вопрос: «О состоянии и мерах по улучшению идеологической работы в республике». Здесь наряду с жесткой критикой представителей научной интеллигенции, особое внимание было уделено анализу идеологической и политической состоятельности художественной литературы.

Критика творчества писателей носила персональный и адресный характер. С. Бритаева, Т. Епхиева, Х. Плиева, Д. Хетагурова и других осетинских писателей обвинили в «чрезмерном увлечении исторической тематикой», в «воспевании седой старины», в приукрашивании и пропаганде пережитков родового быта. В материалах пленума было осуждено изображение в качестве национального героя «реакционера Хазби Аликова», защищавшего, по мнению литературных цензоров, интересы феодальной знати. Особой критике подверглось поэтическое сказание А. Гулуева «Бечир», в котором переселение горцев в Турцию в 60-е гг.

²⁶⁸ ЦГА РСО-А. ФР. 730. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

XIX в. рассматривалось как результат насильственных действий русских властей. Подобная трактовка трагической страницы истории северокавказских народов явно диссонировала с изменившейся концепцией истории русского государства и свидетельствовала о политической незрелости автора.

Таким образом, обращение к историческому прошлому своего народа вне идеологической фокусировки становилось для художника небезопасным делом, так как именно здесь, по убеждению партийных идеологов, можно было особенно легко оказаться в плену националистических представлений.

Реакция художественной интеллигенции на критику, звучавшую со страниц республиканской печати, на поиски в их произведениях элементов безыдейности, аполитичности, формализма и декадентства, как правило, была известной. Обычно большинство покаянно принимало критику в свой адрес, признавая свои «ошибки». Лишь немногие находили в себе мужество занять более смелую, независимую позицию и оппонировать критикам, отстаивая свое миропонимание. Однако и эта позиция сводилась в основном к желанию избежать официально санкционированного «покаяния». Писатели не вступали в открытую конфронтацию со сложившимися идеологическими стереотипами и не выходили за рамки лояльного отношения к существовавшей системе²⁶⁹.

Ситуация была вполне объяснимой. Выжившие после репрессий 1930-х гг. писатели старшего поколения уже прошли школу перевоспитания, а молодое поколение выросло и прошло отбор в советской реальности. Мотивы поведения творческой личности в середине 1940–1950-х гг. во многом определялись изменением форм государственного регулирования культурных процессов. Несмотря на ужесточение идеологического диктата, в рассматриваемый период методы искоренения инакомыслия среди деятелей культуры претерпели существенные изменения. Политическая архитектура с оглядкой на «мировую систему социализма» предполагала изменения в декоративном оформлении власти. Если в 1930-е гг. широко практиковались открытые репрессивные меры:

²⁶⁹ Там же. Д. 5. Л. 6-8.

арест, суд, физическая расправа, то в послевоенное десятилетие к подобным методам прибегали уже редко. В среде художественной интеллигенции было немного таких случаев. В частности, аресту подверглись писатель Р. Чочиев и художник Г. Едзиев. Причем, истинная причина злключения последнего состояла даже не в том, что его политическая позиция и творческий стиль не соответствовали канонам соцреализма. Как говорил о нем писатель С. Марзоев: «... строптивый характер, да наивная открытость и прямота суждений оказались губительными»²⁷⁰.

В послевоенные годы были распространены иные методы борьбы с инакомыслием: общественное порицание, коллективное осуждение, невозможность профессиональной реализации и материального существования вне творческого союза, вне официальной идеологии. Эти методы оказались не менее эффективными в подавлении творческой индивидуальности. Творить в условиях ограниченной свободы было условием ее существования. От художника требовали соизмерять свои замыслы, творческие планы с социальным заказом. В этом заключались драматизм ее положения и причины растущего внутреннего конфликта, проявившегося в последующие годы.

Представляется, что некоторое смягчение принудительных методов воздействия на творческую интеллигенцию было обусловлено также рядом внутригосударственных обстоятельств. Прежде всего, в результате массовых политических чисток в обществе, имевших место в 1920–1930-е гг., реальная оппозиция существовавшему режиму была практически уничтожена. Одновременно происходило планомерное вытеснение старой интеллигенции выходцами из среды рабочих и крестьян. Пролетаризация интеллектуального слоя значительно легче происходила в национальных окраинах Российской империи, где до Революции 1917 г. интеллигенция была немногочисленной. За годы советской власти в условиях реализации политики выравнивания уровня социально-экономического развития народов, проживавших на

²⁷⁰ Марзойты С. Номенклатурные заметки // Дарьял. 2000. № 2. С. 226.

огромном пространстве СССР, здесь сформировалась новая «трудовая» интеллигенция, в абсолютном большинстве состоявшая из представителей пролетарских слоев и исключительно лояльно настроенная по отношению к существовавшему политическому строю²⁷¹.

Государство стремилось обеспечить представителям активной части интеллектуальной элиты в области литературы и искусства наиболее благоприятные условия для создания «выдающихся образцов» социалистического реализма. Учитывалась и необходимость усиления идеологического воздействия культуры на укрепление союза рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в формировании единой социальной и интернациональной общности – советского народа. Был отработан также государственный механизм манипулирования общественным сознанием и процессами, в частности, в сфере науки и художественной культуры, который позволил несколько ослабить репрессивные методы воздействия на интеллигенцию. Наконец, принимался во внимание и международный фактор, предполагавший в условиях возникновения двух мировых систем формирование позитивных установок в отношении практики государственного строительства в СССР.

Важным инструментом идеологического контроля служили творческие союзы, объединившие художественную интеллигенцию сначала организационно, а затем идейно на базе марксистско-ленинской идеологии. Членство в организации было обязательным условием существования творческой личности, поскольку только в ее рамках можно было рассчитывать на решение творческих и материально-бытовых вопросов. Со временем творческие союзы все более бюрократизировались и приобретали черты корпоративной организации. В послевоенное десятилетие по мере упрочения организационной и материальной базы, количественного пополнения рядов, в них утверждались традиции авторитарного руководства.

²⁷¹ Цориева И.Т. Подготовка национальных кадров высшей квалификации для республик Северного Кавказа во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Известия СОИГСИ. 2021. № 41 (80). С. 52.

Сформировавшаяся система отношений в Союзе писателей Северной Осетии обеспечивала членам Правления преимущественное право на издание своих произведений, на участие в творческих мероприятиях разного уровня, на выдвижение кандидатур на соискание премий, на получение творческих командировок. Из-за отсутствия механизма низового контроля руководители по своему усмотрению могли распоряжаться финансовыми средствами творческой организации, крайне затрудняя к ним доступ рядовым членам Союза. От них зависело решение вопросов оказания материальной помощи, улучшения жилищно-бытовых условий, предоставления путевок в санатории и на курорты²⁷².

Методы морального и материального поощрения, широко использовавшиеся с начала 1950-х годов, служили одновременно средством для обуздания инакомыслящих и для поощрения лояльных.

Так формировалась художественно-бюрократическая элита. Выражая интересы авторитарного государства, она все более сближалась с партийно-советской номенклатурой и превращалась в проводника идеологических установок в среде художественной интеллигенции. Приоритетными направлениями развития литературы становились разработка современной тематики, создание образа положительного героя, воспитание советского патриотизма, преданности социалистическим идеалам, пропаганда идей интернационализма.

Послевоенное десятилетие стало частью творческой биографии писателей трех поколений. Свою литературную деятельность первое поколение начало еще до 1917 г. Второе – формировалось в годы становления советской власти. Третье поколение пришло в литературу уже в послевоенный период. Эти три поколения внесли не только посильный вклад в развитие осетинской литературы, но и заметно повлияли на духовное состояние общества.

Вместе с тем, оценивая достижения и характер духовного воздействия писателей, следует учитывать, что успехи и неудачи творческих деятелей, их авторитет определялись не только талантом, нравственными качествами и чувством личной ответствен-

²⁷² ЦГА РСО-А. ФР. 730. Оп. 1. Д. 17. Л. 9-11; Д.19. Л. 10, 15-18, 21.

ности перед обществом. В условиях регламентированной общественной и духовной жизни писатели вынуждены были в своем творчестве руководствоваться идеологическими и политическими требованиями, предъявляемыми государственно-бюрократической системой к «инженерам человеческих душ». А это во все времена – серьезное испытание для любой творческой личности. И выдержать его без потерь способен далеко не каждый.

В заключение отметим, что в послевоенное десятилетие политическая архитектура связей и отношений власти и литературного сообщества Северной Осетии, на наш взгляд, не вышла за рамки сложившейся общесоюзной модели. Выражаясь образно, студеные предвоенные годы массовых репрессий, годы грозных потрясений Великой Отечественной войны сменились десятилетием политического и духовного ненастья. В культурной политике лишь изменились формы работы, методы воздействия на творческую интеллигенцию. Была пересмотрена иерархия части идейно-политических приоритетов в художественном творчестве. Но принципиальные «строительные нормативы» социалистического реализма остались незыблемыми, увеличивая дистанцию между жизнью североосетинского общества и ее литературным отражением.

2. Культурная политика и литературно-художественная жизнь в Северной Осетии в период «оттепели»

В истории российского государства существует немного переломных моментов, в которые творческая сила общества, плоды интеллектуальных поисков, гражданского осмысления ситуации признавались «властителями дум» граждан. Таким значительным временем надежд во второй половине XX века стал короткий, но значимый по степени воздействия на общественное сознание период, вошедший в отечественную историю под названием «оттепели». Это время предстало камертоном общественных запросов, ожиданий демократизации, веры в возможность индивидуальной и творческой свободы.

Вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», всегда выступавшие предвестниками модернизационных преобразований в стране, в середине 1950-х гг. стали вновь актуальны, свидетельствуя об исторической коллизии, толчком к которой послужила смерть И.В. Сталина. Последовавшие затем июльский и сентябрьский (1953 г.) пленумы ЦК КПСС и XX съезд КПСС (1956 г.) явились мощным импульсом, побудившим к критическому переосмыслению пройденного пути, анализу уроков истории, поиску ответов на вопросы, волновавшие советское общество. На протяжении последующего десятилетия реформаторское размягчение общественного уклада, поисковые манёвры власти определили содержание общественно-политической жизни страны.

Происходившие в советском обществе на фоне десталинизации социально-политические процессы существенно повлияли на культурное развитие страны, вызвали распространение либеральных и радикальных умонастроений в среде интеллигенции. Художественная культура особенно отчетливо отразила противоборство политических и идеологических сил. Предметом открытого обсуждения стали острые и злободневные проблемы художественного творчества: о предназначении литературы и искусства, о роли и месте творческой личности в обществе, о пределах творческой свободы, о праве художника представлять свое видение мира, создавать свой стиль в искусстве.

Обоснованно опасаясь неконтролируемого развития критических умонастроений в литературно-художественной среде, власть сама инициировала обсуждение спорных вопросов художественного творчества, избрав в качестве проводника партийно-государственной линии творческие союзы, являвшиеся в то время единственной, официально признанной формой профессионального объединения. В области литературы в первую очередь подверглась критике и была решительно отвергнута теория бесконфликтности. «Изъятие конфликта или замена его недоразумением равносильно смерти литературы», – подчеркивалось на II Всесоюзном съезде писателей в 1954 г.²⁷³ «Искоренить остатки антиреалистической теории «бесконфликтности», – призвали

²⁷³ Новейшая история Отечества. В 2 тт. М., 1998. Т. 2. С. 348.

и участники I съезда писателей Северной Осетии, состоявшегося в августе 1954 г.²⁷⁴ В искусстве объектом жесткой критики стал метод «лакировки» действительности. В марте 1954 г. на XIV пленуме Оргкомитета Союза советских художников СССР было признано, что «прогрессивное искусство не может лакировать действительность, изображать только красивое». Не меньшим пороком в искусстве и литературе было названо однообразие тем, сюжетов, художественных приемов. Прозвучала мысль и об ошибочности недооценки роли творческой индивидуальности в реалистическом искусстве²⁷⁵.

Критическое переосмысление состояния художественной культуры в обществе явно опережало реформаторские устремления в сложившейся практике партийно-государственного управления творческим процессом. Одним из главных вопросов, вынесенных на обсуждение на пленуме Союза художников СССР в 1957 г., стал вопрос об определении границ творческой свободы в искусстве. Позицию руководства творческой организации четко сформулировал В.А. Серов, заявивший, что «наш путь – это путь партии, а не буржуазная свобода художников, продавшихся чистогану. Наша свобода – это свобода людей, которые по велению сердца идут за партией, за народом»²⁷⁶.

Однако в новых общественно-политических реалиях столь категоричное определение границ свободы творчества устраивало уже не всех деятелей культуры. Надежды, порожденные в обществе «оттепелью», были столь заразительны, что идеи творческой и индивидуальной свободы художника-гражданина, творческой независимости в объективном осмыслении реальности повсеместно все в большей мере овладевали умами художественной интеллигенции, своеобразно преломляясь в культурном дискурсе на национальной периферии. Творческая интеллигенция Северной Осетии активно вовлекалась в дискуссионное поле.

В конце 1950-х гг. при обсуждении темы творческой свободы в литературно-художественных кругах республики отчетли-

²⁷⁴ ЦГА РСО–А. ФР. 730. Оп. 1. д. 19а. Л. 8.

²⁷⁵ Там же. ФР. 765. Оп. 1. Д. 42. Л. 14, 16.

²⁷⁶ Там же. Д. 62. Л. 94.

во обозначились два основных подхода к пониманию проблемы. Либерально настроенная интеллигенция республики исходила из убеждения в необходимости полной свободы творчества. Она считала свободу условием реализации творческого потенциала художника, создания «высоких образцов» подлинного искусства, панацеей от однообразия и серости в художественном творчестве. Другая часть интеллигенции выступала с охранительных позиций и видела в происходивших изменениях посягательство на основополагающие принципы социалистического реализма, разрушение социалистических канонов в художественном творчестве²⁷⁷.

Консервативные настроения в среде художественной интеллигенции республики, как правило, формулировало и отстаивало в основном руководство творческих союзов. По сути, оно защищало свои административно-управленческие привилегии, профессиональный авторитет, завоеванный благодаря преданности идейно-политическим установкам власти. Для его представителей незыблемым оставался метод социалистического реализма, признававшийся единственным идеологически выверенным и официально допустимым способом познания и отражения мира. Тем более что, по мнению партийных кураторов, он предоставлял художнику «безграничные возможности для проявления смелой творческой инициативы, для всестороннего развития творческой индивидуальности»²⁷⁸. Неизменными оставались как цели, так и задачи советской художественной культуры: отображать действительность с жизнеутверждающих позиций, создавать произведения, прославляющие «великую эпоху», художественно воплощающие образ «подлинного героя времени – активного строителя коммунизма».

Художественно-бюрократическая элита в центре и в регионах демонстрировала на съездах, пленумах и общих собраниях творческих союзов неизменное одобрение принципов культурной политики в сфере литературы и искусства. Решения I Всесоюзного съезда советских художников в марте 1957 г. и III пленума Правления Союза писателей СССР, состоявшегося через два месяца,

²⁷⁷ Там же. Ф.-Р. 730. Оп. 1. Д. 19а. Л. 4.

²⁷⁸ Там же. Ф.-Р. 765. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.

свидетельствовали об устойчивости консервативных воззрений в творческой среде. В те дни «Литературная газета», орган Правления Союза писателей СССР, писала, что пленум «единодушно разоблачил и показал несостоятельность целого ряда путанных и извращенных представлений отдельных литераторов»²⁷⁹. В том же контексте происходило обсуждение актуальных проблем художественного творчества на региональном уровне. О победе метода социалистического реализма над «эстетско-формалистическими течениями и натуралистическими извращениями» в осетинском изобразительном искусстве говорилось на общем собрании Союза советских художников Северо-Осетинской АССР, посвященном обсуждению итогов I Всесоюзного съезда советских художников²⁸⁰.

Под знаком усиления бдительности проходил в августе 1958 г. и II съезд Союза писателей Северной Осетии. Съезд призвал бороться «за идейную чистоту художественного творчества, против сползания с партийных позиций», потребовал отбросить всякие сомнения в правильности политики партии в области литературы и искусства, отказаться от попыток ревизовать принципы соцреализма. Ревизионистскими были названы настроения отдельных членов творческой организации, склонных поддержать курс на освобождение литературы и искусства от партийного руководства и обеспечение свободы творчества²⁸¹.

Все эти решения свидетельствовали о том, что колебания власти в определении границ допустимой свободы в художественном творчестве не могли носить сколько-нибудь продолжительного характера. Исторической коллизией, использованной в качестве предлога к началу «идеологического наступления» на «фронте» литературы и искусства стало событие, произошедшее 1 декабря 1962 года на художественной выставке в Манеже. Посетивший выставку Н.С. Хрущев подверг «начальственному разносу» работы молодых художников. После этого скандального события состоялась серия встреч советских партийных деятелей с интел-

²⁷⁹ Литературная газета. 1957. 25 мая.

²⁸⁰ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 765. Оп. 1. Д. 61. Л. 6.

²⁸¹ Там же. Ф.-Р. 730. Оп. 1. Д. 32. Л. 101, 102.

лигенцией (17 декабря 1962 года, 7 и 8 марта 1963 года), а в июне 1963 г. прошел пленум ЦК КПСС по идеологическим вопросам, который не оставил сомнений в том, что время уступок и послаблений художественной интеллигенции закончилось²⁸².

В июле 1963 г. на решения июньского (1963 г.) пленума ЦК КПСС отозвался пленум Северо-Осетинского обкома партии. В постановляющем документе пленума обкома КПСС было подчеркнуто, что в советском искусстве недопустимо использование принципов «абсолютной свободы творчества, беспартийности, безыдейности и аполитичности»²⁸³.

Обеспечение принципов идейности и партийности искусства и литературы увязывалось с решительной борьбой против «формалистических проявлений». Тема стала предметом серьезного обсуждения на III съезде писателей Северной Осетии в феврале 1963 г. Руководство Союза писателей республики от имени членов своей организации выразило поддержку политическому курсу в определении целей и задач литературы и искусства в советском обществе, указало на недопустимость «идейных шатаний» и «формалистических вывертов». Но обсуждение не осталось в привычных границах «всеобщего одобрения» партийной позиции, выявив в литературной среде Северной Осетии разность подходов к пониманию проблемы.

Неоднозначность писательских позиций высветило выступление писателя и литературоведа Н.Г. Джусойты. Ссылаясь на авторитет секретаря ЦК КПСС Л.Ф. Ильичева, выступившего в декабре 1962 г. с критикой «формалистического фокусничества» и с «оборотной стороной формализма – ремесленничества и натурализма, которые обедняют литературу и искусство, делают их бескрылыми», Нафи Джусойты подчеркнул: «Это две стороны медали, с одной стороны, формализм, с другой – натурализм и ремесленничество. Какая сторона в нашей литературе на первом плане, против чего надо сосредоточить огонь критики? Я думаю, на второй стороне, против ремесленничества и примитивизма»²⁸⁴.

²⁸² Зезина М.Р. Из истории общественного сознания периода «оттепели» // Вестник МГУ. Сер. 8. М., 1992. № 6. С. 27.

²⁸³ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 47. Д.10. Л. 16.

²⁸⁴ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 730. Оп. 1. Д. 49. Л. 50.

С осуждением примитивизма как главной опасности для осетинской художественной литературы 5 февраля 1963 г. на страницах «Социалистической Осетии» выступили молодые писатели Ахсар Кодзати и Камал Ходов. Они отвергли призыв писать «просто и понятно», утверждая, что следование этому принципу «становится преградой для поисков и надежным щитом примитивности». «Подобного рода наставники почти всегда ссылаются на гениальную простоту Коста. Но нам кажется, что великий осетинский поэт сегодня жестоко осмелел бы творения некоторых своих «поклонников», воображающих себя продолжателями его традиций»²⁸⁵. О необходимости развивать образную систему осетинской литературы, обогащать ее новыми поэтическими образами писал Георгий Бестаев. В качестве современного образца истинной поэзии он приводил творчество Андрея Вознесенского.

Однако суждения молодых писателей не встретили понимания партийных кураторов культуры и коллег. Их выступления были расценены как «формалистическое трюкачество» и «оригинальничание». «Для них и Коста становится «трамплином», «стартовой площадкой». И передовые традиции нашей литературы, и опыт старших товарищей ставится ими под сомнение», – говорил в апреле 1963 г. на собрании творческих работников Северной Осетии председатель Союза писателей Максим Цагараев²⁸⁶.

Против «формалистических вывертов» в изобразительном искусстве с особой принципиальностью в мае 1963 г. после начального разноса выступил II съезд художников СССР. Съезд занял активную позицию против любых «попыток ревизовать принципы социалистического реализма, зачеркнуть завоевания советского искусства 1930-х – 1940-х годов, противопоставив им левацкие течения в искусстве 20-х годов, столкнув советских художников на путь формалистических исканий». Следуя политической конъюнктуре, по итогам съезда Союза советских художников СССР состоялось общее собрание Северо-Осетинского отделения Союза художников с соответствующей повесткой дня. Участники собрания выступили с осуждением «формализма и

²⁸⁵ Социалистическая Осетия. 1963. 5 февраля.

²⁸⁶ ЦГА РСО–А. Ф.-Р. 730. Оп. 1. Д. 50. Л. 11.

его крайнего выражения – абстракционизма, – антикоммунистических по своей сущности, ведущих к распаду художественного творчества»²⁸⁷.

Ситуация в литературно-художественной жизни Северной Осетии, сложившаяся в начале 1960-х гг., свидетельствовала о появлении либерально-обновленческих настроений в среде осетинской художественной интеллигенции. Их носители пытались сформулировать свое понимание традиции и новаторства, предназначения и смысла художественного творчества в современном мире. Однако обсуждения не выходили за рамки профессиональных, межгрупповых и внутригрупповых дискуссий. Поэтому влияние обновленческих настроений на североосетинское общество в целом было невелико. Амплитуда дискуссий быстро угасала в «завоуди» мнимого спокойствия в творческом сообществе республики. Неудивительно, что в официальных документах творческих союзов Северной Осетии, в выступлениях их руководителей нередко звучала мысль о том, что «страсти бушуют там», т.е. в центре, у нас же «ничего подобного не наблюдается».

Между тем, такое «благодушие» не разделялось партийным руководством республики, требовавшим «усилить бдительность, чтобы не допустить восстановления буржуазных издержек». Так, в своем выступлении на общем собрании Союза писателей Северной Осетии, проведенном в июле 1957 г. по итогам III пленума СП СССР, секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС Б. Кабалоев подчеркнул: «Наша литература глубоко партийна, и это не надо забывать и осетинским писателям»²⁸⁸. Установка на создание политически и идейно выдержанных произведений директивно закрепила в республике свой статус как обязательная для всех видов художественного творчества.

Впрочем, анализ имеющихся документальных источников не дает сколько-нибудь серьезных оснований для утверждения о наличии явных, предметных отступлений от принципов партийности и народности, о проявлениях «абстракционизма и формализма» в художественной культуре Северной Осетии. В значительной

²⁸⁷ Там же. Ф.-Р. 765. Оп. 1. Д. 93. Л. 17.

²⁸⁸ Там же. Ф.-Р. 730. Оп. 1. Д. 27. Л. 233.

мере отсутствие подобных отступлений обеспечивалось годами отработанным механизмом управления творческим процессом. Руководство творческих организаций республики внимательно наблюдало за деятельностью членов организаций, регулировало творческий процесс, контролировало исполнение утверждавшейся свыше тематики художественных произведений. В художественной литературе не прошедшие цензуры рукописи подлежали кардинальной переработке или запрещались к публикации. В искусстве работы, не соответствовавшие принятым нормам, изымались как антихудожественная продукция²⁸⁹. Подобные методы отбора практиковались повсеместно.

Вместе с тем, неправомерно связывать отсутствие «формалистических и абстракционистских проявлений» и «изъянов в идейно-художественных позициях» в культурном пространстве Северной Осетии лишь с эффективным действием запретительных мер. В осетинской культуре советского периода существовала развитая литературная традиция, заложенная еще в дореволюционные годы. Но в 1930-е гг. в результате политических репрессий осетинской литературе был нанесен невосполнимый урон. Многие талантливые писатели были осуждены по сфабрикованным обвинениям. Большинство из них погибло в лагерях и тюрьмах. Другие были сломлены морально. Новое же поколение писателей, воспитанное советской школой в духе марксистской идеологии, прошло тщательный отбор. В итоге, практически была зачищена почва для зарождения инакомыслия в среде литераторов.

Наряду с тем, следует учитывать и то обстоятельство, что в целом профессиональное осетинское искусство (музыкальное и изобразительное искусство, театр, кино) было молодо. Оно создавалось усилиями профессиональных художников, музыкантов, сложившихся в советской политической системе. Их творческое мировоззрение формировалось в рамках господствовавшей в обществе социалистической идеологии. Поэтому принципы, на которых строилась национально-культурная политика, не представлялись им даже при режиме «положительной дискриминации» социально чуждыми, а предъявляемые требования следовать в

²⁸⁹ Там же. Д. 60. Л. 25.

творчестве канонам социалистического реализма не вызывали внутреннего отторжения.

Немаловажную роль в позиционировании деятелей культуры в творческом процессе играла и принадлежность большинства из них к рабоче-крестьянской среде. Художественной интеллигенции Северной Осетии в традициях преемственности были также особенно близки принципы гуманизма и народности, унаследованные от предыдущих поколений национальной интеллигенции. К тому же, отсутствие социально значимых проявлений радикально-протестных настроений в исследуемый период объяснялось, наравне с воздействием идеологических мер сдерживания, некоторым смягчением общественного климата на волне «оттепели» во всех сферах жизни, в том числе в художественной культуре.

Духовное раскрепощение общества под влиянием кратковременных «оттепельных» процессов все же внесло содержательные изменения в литературу и искусство. Примечательным знаком времени стал возросший интерес к современной тематике. «Если лет 10 назад писателей призывали повернуться лицом к современности, – отмечал в выступлении на IV съезде писателей Северной Осетии в ноябре 1967 г. Х.Н. Ардасенов, – то теперь современность стала основным содержанием нашей прозы»²⁹⁰.

В результате, главным объектом художественного познания действительности стал новый герой – современный человек, гражданин. Он заметно потеснил в художественных произведениях многофигурные композиции 1930-х – начала 1950-х гг., олицетворявшие народные массы, объединенные единым коллективным сознанием. Этот герой по-прежнему оставался частью коллектива, но уже не растворялся в нем, а сохранял свою индивидуальность. Взгляд в отдельного человека, стремление понять психологию и мотивы поступков – в подобном подходе к раскрытию темы современности в художественной культуре следует видеть, на наш взгляд, не только исполнение привычного социального заказа – изображать человека труда, созидателя, активного строителя коммунизма. В художественном творчестве особый

²⁹⁰ Там же. Д. 69. Л. 9.

смысл приобретало гуманистическое восприятие человека, интерес к судьбе отдельной личности.

Эта тема отчетливо высветилась в осетинской литературе в контексте обсуждения проблемы культа личности. Драматический период в истории народа стал предметом нравственного переосмысления исторических событий, оказавших огромное влияние на судьбы людей. Писатели Северной Осетии (К. Дзесов, Б. Муртазов, Г. Плиев, М. Цагараев, А. Царукаев и др.) по-разному подходили к решению проблемы единовластия. Но общей для всех была вера в то, что тяжелое наследие тоталитаризма ушло безвозвратно. Так, лирический герой А. Царукаева в стихотворении «Разговор с младенцем» сбрасывал с плеч тяжелую статую, символизировавшую культ личности, которая давила его с раннего детства, и разбивал ее вдребезги²⁹¹.

В изобразительном искусстве Северной Осетии гуманистическое восприятие действительности нашло заметное отражение в жанре портрета. Во второй половине 1950–1960-х гг. в портретной живописи и скульптуре абстрактных стариков и школьников предыдущего десятилетия сменили невыдуманные, реальные люди. В живописных и скульптурных произведениях А. Дзантиева, П. Зарона, Б. Калманова, С. Санакоева, Ч. Дзанагова зритель узнавал своих современников, передовиков производства, деятелей науки и культуры.

Отличительной особенностью музыкальной культуры периода «оттепели» стала персонализация песенного жанра. Композиторов, поэтов-песенников привлекала частная жизнь человека, его настроение, переживания. Даже обязательные темы патриотизма, идейности, гражданственности передавались теперь через личностное восприятие героя песни. Рождался новый жанр эстрадной песни, большой вклад в развитие которой внесли А. Бериев, Б. Гаданов, Ю. Дзитоев, А. Кокойти, Д. Хаханов, Р. Цорионти.

На волне романтизации революционного прошлого страны большие перемены наблюдались в сценическом искусстве. Тема революции и недавно пережитой войны находила огромный зрительский отклик. Судьба человека, оказавшегося в центре жесто-

²⁹¹ Там же. Д. 50. Л. 52.

кого противостояния политических сил, проблема нравственного выбора – таковы были новые темы осетинской драматургии. В этом смысле несомненной удачей осетинского театрального искусства стали постановки пьес «Черная девушка» Р. Хубецовой и «Сармат и его сыновья» Н. Саламова. Они заставляли по-новому, сквозь призму человеческих переживаний и поступков взглянуть на проблему революции и гражданской войны.

Значительное место в осетинской драматургии и театральном искусстве в отражении современности традиционно занимал жанр комедии. Однако, если в предшествующие десятилетия основное содержание сюжетов было посвящено критике пережитков прошлого в традициях и обычаях, описанию комедийных положений в благополучной колхозной жизни, то теперь современность представляла в основном в жанре социальной сатирической комедии.

Вместе с тем, по качеству, глубине осмысления происходивших в общественной жизни перемен осетинская драматургия заметно отставала. Недостаток квалифицированных профессиональных драматургов компенсировался авторством пьес актеров и режиссеров. Вскоре на театральных подмостках серьезная драматургия была оттеснена постановками водевильного характера. Герои комедий, ставившихся, например, на сцене Северо-Осетинского музыкально-драматического театра во второй половине 1950-х – 1960-е гг. по пьесам Г. Хугаева, И. Гогичаева, М. Цаликова и других режиссеров и актеров, «сменили адрес», переселившись в город. Но с переменой места жительства социальная острота их судеб не стала интересней для публики. Более привлекательной стала лишь гротесковая сатира, ирония по поводу повседневных забот героев-обывателей. Зритель наблюдал «школу кумовства, взяточничества и казнокрадства», ради «поддержания семейного благополучия». Театральная и литературная критика не жаловала подобные спектакли. Она справедливо считала их развлекательными, не выполняющими своего главного предназначения «осуществлять задачу наказания зла и торжества добра, а не примирения этих противоположных категорий»²⁹².

²⁹² Бациев А.С. Вопросы комического в осетинской драматургии и сценическом искусстве // Вопросы осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1981. С. 125, 128.

Тем не менее, идейно-художественные недостатки таких постановок отчасти компенсировались их социальной направленностью. Они обращались к частной жизни человека вне политики. В комедиях можно было обсудить семейные и межличностные проблемы, показать и покритиковать социальные пороки общества (пьянство, воровство, безделье и прочее). К тому же, наполненные яркими эффектами, музыкальные и оптимистичные, они пользовались огромной популярностью у зрительской аудитории.

Таковы были основные тенденции в развитии художественной культуры Северной Осетии в середине 1950–1960-х гг. Литературно-художественная жизнь республики отразила всю противоречивость и неоднозначность периода «оттепели». Перемены в социально-политической атмосфере страны, смягчение цензуры на волне демократизации общественной жизни повлияли на облик осетинской национальной культуры. На авансцену вышел новый герой – современник, гражданин. Постигание внутреннего мира отдельного человека, художественное осмысление его нравственных исканий, переживаний, изображение повседневных забот – таковы были новые темы литературно-художественных произведений. Для художественной культуры Северной Осетии годы «оттепели» стали временем упрочения и развития профессиональных художественных школ, формирования профессиональных кадров, обогащения художественных жанров и стилей.

Вместе с тем, идейно-политическая значимость художественного произведения осталась главным критерием его государственной оценки. Литературно-художественный процесс в национальных регионах, как и во всей стране, продолжал развиваться в рамках социалистического реализма. Государственная культурная политика в регионах, по-прежнему, отчетливо устанавливала пределы творческой свободы, формулировала цели и задачи советской национальной художественной культуры. В Северной Осетии, как и в других национальных республиках и областях, цензурные по сути ограничения пространства для самовыражения писателей, художников, музыкантов, театральных деятелей сужали возможности для творческого поиска и новаторства, препятствовали раскрытию потенциала творческой личности. Впол-

не закономерно, что сложившаяся политическая практика в культурной политике республики негативно сказывалась на характере литературно-художественного процесса и обедняла содержание художественного творчества.

3. Литература и искусство в Северной Осетии во второй половине 1960-х – 1970-е гг.: между идеологическим контролем и культурным патернализмом

Как известно, смена политического курса в середине 1960-х гг. и свертывание «оттепельных» процессов в советском обществе существенно повлияли на дальнейшее развитие советской многонациональной культуры. Вместе с тем, неизменной осталась идеологическая функция художественной культуры. Литература и искусство, как и прежде, должны были решать задачи идейно-политического, нравственно-эстетического воспитания; утверждать в сознании людей социалистические идеалы, способствовать формированию нового человека – носителя коммунистической идеологии, патриота и интернационалиста.

Художественная культура Северной Осетии, являясь составной частью советской многонациональной культуры, развивалась в русле общих культурных тенденций. Поэтому идейно-политические установки в управлении литературно-художественным процессом в рассматриваемый период по-прежнему устойчиво определяли характер и содержание культурной жизни и в национально-автономной республике. Деятельность культурных органов и учреждений искусства Северной Осетии строилась на основе решений высших партийно-государственных органов страны (постановлений, указов, распоряжений и др.). На местном уровне они дополнялись и исполнялись с учетом специфики многонационального региона. Перед творческой интеллигенцией ставились конкретные задачи: облекать в художественную форму темы труда, ратного подвига, интернациональной солидарности и дружбы народов. Идеологически выверенный отбор обсуждаемых и разрабатываемых проблем представлялся гарантией от крайностей, которые, как заявляли

партийные идеологи, «могли завести тех или иных литераторов, деятелей искусства на путь, лишенный творческой перспективы»²⁹³. Главным критерием оценки значимости «художественного продукта» оставалась ее идейно-политическая актуальность, а «перспективным» методом познания действительности – социалистический реализм.

Между тем, ограничение творческой свободы художника, вмешательство в творческий процесс со стороны власти порождали инертность и самоконтроль творческой личности при реализации художественного замысла. Следование внутренней цензуре приводило к увеличению числа художественных произведений, состоявших из штампов и кочевавших из произведения в произведение дежурных, ходульных персонажей, ничего общего не имевших с современниками. В 1970-е гг. в осетинской художественной культуре проблема создания «полнокровного образа современника – коммуниста, рабочего, интеллигента, труженика села, ... типичного представителя государства трудящихся», по признанию самих творческих деятелей, оставалась нерешенной художественной задачей²⁹⁴.

Описательность и однообразие повторяющихся художественных образов были присущи многим произведениям национальной литературы и искусства. Это было общей печатью времени для творческих сообществ. Поэтому идеологические органы КПСС приняли меры для организации кампании критики сложившейся ситуации. При использовании кураторских функций высших органов творческих союзов РСФСР к концу 1960-х гг. была выстроена вертикаль кадрового контроля местных отделений Союзов писателей, художников, композиторов и др. С начала 1970-х гг. одной из форм такого контроля стала организация регулярных тематических обсуждений планов региональных отделений творческих объединений и хода их выполнения.

В мае 1971 г. на заседании Секретариата правления Союза писателей РСФСР состоялось одно из первых таких обсуждений,

²⁹³ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976. С. 79.

²⁹⁴ Жить и творить для народа. VI съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1977. № 50. С. 122.

посвященное вопросам развития осетинской литературы. Об уровне идеологической заряженности выступлений участников заседания свидетельствуют имеющиеся протоколы. Обсуждению подверглись не только общее состояние североосетинской писательской организации, но и персональные творческие показатели. Так, анализируя роман В.М. Цаголова «За Дунаем» литературовед и литературный критик Г.А. Бровман отмечал: «...написано это на том допустимом уровне, когда произведение нельзя "зарезать" ни Главлиту, ни критику. Но опасность в другом – самое опасное, когда появляется книга, которая не волнует, но которую и в корзину не бросишь. Почему это происходит? Потому что В. Цаголов идет по проторенному пути. У него нет здесь своего взгляда, а есть традиционное описание исчезнувшего быта и страданий народа под игом самодержавия и под игом турков»²⁹⁵. Другие члены Секретариата были не менее принципиальны и единодушны в том, что «в осетинской прозе мало своего неповторимого, а много вторичного и не всегда продуманного»²⁹⁶.

Впрочем, схематизм, повторяемость и шаблонность художественных образов в осетинской литературе вызывали гораздо меньше нареканий со стороны культурно-политических кураторов, поскольку они сами в прямом и переносном смысле во многом приложили руку к создавшейся ситуации. Гораздо большую озабоченность в их кругах вызывали, казалось, необъяснимые в начале 1970-х гг., но все чаще обнаруживаемые в художественных произведениях «рецидивы пессимизма», «потoki безысходности и неприкаянности»²⁹⁷.

На основании справок, составленных по итогам выездных заседаний, в том числе, в Северной Осетии, идеологические органы партии вскоре сформулировали общие оценки региональных творческих содружеств и очередные задачи местных органов власти. В адрес национальной творческой интеллигенции вновь зазвучали обвинения в «безыдейности», «аполитичности» и «на-

²⁹⁵ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 79. Пап. 21. Л. 33.

²⁹⁶ Там же. Л. 61.

²⁹⁷ Отображать жизнь во всем ее многообразии. V съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1972. № 40. С. 72.

ционализме»²⁹⁸. Отсутствие оптимистичного настроения среди художественной интеллигенции в оценке текущей жизни без публичного анализа причин было решительно осуждено. Осознанно игнорировалось практическое отсутствие у художника возможности иметь свой взгляд на проблемы окружающей жизни, тем более мнений, расходившихся с политической линией. Сложился гласный и негласный табуированный перечень тем, попытки обращения к которым признавались нежелательными.

Особенно чувствительными для идеологов в состоянии национальных культур стали участвовавшие попытки публичного обсуждения проблемы функционирования родного языка. К этому времени уже отчетливо проявились негативные последствия языковой реформы национальной школы 1950–1960-х гг. Опыт Северной Осетии показывал, что сужение сферы использования родного языка в результате реформы вело к угасанию языковой традиции и к ухудшению перспектив развития национальной культуры. Деятели культуры республики справедливо выражали обеспокоенность в связи со складывавшейся ситуацией²⁹⁹. Они проводили сбор подписей в защиту осетинского языка, составляли петиции в адрес партийных и государственных органов. Однако попытки обсуждения проблемы и критические оценки государственной языковой политики решительно пресекались, поскольку не согласовывались с концепцией создания наднациональной общности – «советский народ», языком которой был избран русский язык. Как отмечал ректор Северо-Осетинского госуниверситета А.Х. Галазов, «процесс изучения русского языка, всеобщее влечение к нему и стремление постичь во всем богатстве – объективная необходимость, необратимый жизненный процесс»³⁰⁰.

Рост общественной критики в отношении проводимой государством культурной политики, в том числе в отношении национальных языков, вызвал реакцию власти. Действенным сред-

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп.1. Д. 99. Пап. 12. Л. 71-72.

³⁰⁰ Галазов А.Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1977. С. 65.

ством преодоления и профилактики инакомыслия в творческой среде, в том числе в национальных регионах, в сложившихся условиях призвана была стать литературно-художественная критика. Постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» от 21 января 1972 г. требовало освободить критику от примиренческого отношения к идейному и художественному браку, от субъективизма, приятельских и групповых пристрастий, повысить ее роль «в решении задач коммунистического строительства, в формировании общественного мнения, в борьбе с чуждыми взглядами и концепциями»³⁰¹.

Давление критического настроения со стороны власти в отношении художественной интеллигенции первыми как обычно ощутили писатели. В начале 1970-х гг. на страницах республиканских газет и журналов была опубликована серия статей, организованно вскрывавшая «политические и другие ошибки» ведущих писателей старшего поколения (Г. Плиева, Б. Муртазова, Т. Бесаева) и молодых (А. Кодзати, Ш. Джикаева, Г. Бицоева, К. Ходова, А. Царукаева). Осетинским писателям инкриминировали невнимание к современным проблемам, излишнюю детализацию событий далекого прошлого, аморфность эстетической и политической позиции, наличие идейных ошибок, скрытую пропаганду религиозных верований³⁰².

Преодолению «недочетов» в сфере национальной культуры должны были помочь «идейная позиция художника, его гражданственность, чувство ответственности перед обществом»³⁰³. Пробудить эти качества, судя по анализу публикаций в периодической печати по вопросам культурной жизни, должна была активность литературно-художественной критики. Однако даже сами кураторы из республиканской партийно-культурной бюрократии невысоко оценивали ее эффективность. «Критика наша не выполняет своей роли разведчика путей развития литературы, не обобщает ее опыт, не прокладывает мостов от традиции к новаторству, очень часто напоминает бесплодное занятие – коллекци-

³⁰¹ КПСС в резолюциях... М., 1986. Т. 12. С. 172.

³⁰² Растдзинад. 1970. 18 июня; 1971. 25 июня.

³⁰³ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 138. Л. 10.

онирование достоинств и недостатков произведения», – отмечало руководство писательской организации на V съезда писателей Северной Осетии в 1972 г.³⁰⁴

Действительно, местная литературно-художественная критика, существовавшая в специфической среде родственных, дружеских связей относительно немногочисленного сообщества литераторов, отличалась комплиментарностью, невысокой требовательностью с взаимным ролевым «амнистированием». Боязнь испортить отношения, демонстрация групповых предпочтений, организация критических откликов на свои произведения были обычным оправданием сложившейся ситуации.

Естественно, опубликованная серия критических публикаций на страницах североосетинской печати, прежде всего, служила средством идеологического воздействия, разрушения «беспринципных взаимоотношений» между писателями и критиками. Политическая власть требовала и здесь не только гражданского единства, но и борьбы функциональных противоположностей.

В то же время, следует подчеркнуть, что, несмотря на усиление политического давления, на приверженность власти закону единства и борьбы противоположностей, возврата к прежним репрессивным методам ограничения творческой личности все же не произошло. Более того, можно отметить, что опыт сотрудничества между властью и интеллигенцией на основе диалога, накопленный в годы «оттепели», получил в рассматриваемый период дальнейшее развитие. На протяжении конца 1960-х – 1970-х гг. между властью и художественной интеллигенцией сложились сложные, неоднозначные отношения, но сохранившие потенциал конструктивного взаимодействия.

Важным средством обеспечения лояльности интеллигенции служили методы материального и морального стимулирования творческой активности. Вручение государственных наград, получение денежных премий за творческую деятельность, привлечение к участию в различных конкурсах, выставках, гастролирование по стране и за рубежом, улучшение материально-бытовых

³⁰⁴ Отображать жизнь во всем ее многообразии. V съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1972. № 40. С. 77.

условий – эти и другие средства находились в активе «арсенала» политического руководства республики. Их успешно использовали в практике манипулирования сознанием творческой личности и управления художественным процессом. При этом в цепочке «художник-власть» присутствовали два главных действующих звена, в конечном итоге определявшие судьбу творческой личности, – руководство творческого союза и обком КПСС. Все вопросы, связанные с награждением, премированием, выдвижением на звание, обсуждались сначала на заседаниях правлений творческих союзов (нередко с подачи партийно-культурных кураторов). Окончательный вердикт выносило бюро обкома КПСС.

Поощрительные акции часто приурочивались к юбилейным датам в жизни страны, республики и самой творческой личности: издавались литературные произведения писателей, устраивались персональные художественные выставки, организовывались концерты, ставились спектакли на сценах республиканских театров и т.д. Большим стимулом для творческого деятеля служило представление к республиканской премии имени Коста Хетагурова за творческий вклад в развитие науки, литературы и искусства, учрежденной в 1964 г. Северо-Осетинским обкомом КПСС и Советом Министров республики.

Во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. лауреатами премии имени Коста Хетагурова стали многие представители творческой интеллигенции Северной Осетии. Среди них: писатели С. Марзоев, Г. Кайтуков, М. Цагараев, М. Цирихов, художники Б. Калманов, А. Джанаев, Б. Тотиев, Н. Ходов, композиторы и музыканты Х. Плиев, Д. Хаханов, П. Ядых, режиссеры и актеры З. Бритаева, В. Тхапсаев, Т. Кеворков, В. Вершинин, И. Дубровина и др. Звание лауреатов получили творческие коллективы: труппа джигитов Осетии «Али-Бек» Союзгосцирка Министерства культуры СССР, Северо-Осетинский государственный ансамбль народного танца «Алан»³⁰⁵. В 1972 г. была учреждена еще одна республиканская премия – премия имени Мисоста Камбердиева. Она присуждалась Северо-Осетинским обкомом

³⁰⁵ Лауреаты премии имени Коста Хетагурова. Владикавказ, 2000. С. 203.

ВЛКСМ творческой молодежи за вклад в развитие национальной художественной культуры.

Совершенно очевидно, что во второй половине 1960-х – 1970-е гг. в национальных регионах государственная политика в сфере художественной культуры строилась с учетом использования возможностей культуры в обеспечении «советизации» общества, воспитании единой интернациональной общности «советский народ». Вместе с тем, центральная власть ориентировала региональные политические и культурные элиты на регламентированное развитие национальных литератур и искусств, культивируя дух соревновательности между ними. Высшее руководство страны поощряло местные партийно-государственные органы власти, представителей шефствующей хозяйственной элиты в стремлении к расширению культурной инфраструктуры, укреплению материально-технической базы культурных учреждений, подготовке профессиональных кадров и т.д.

Сложилась определенная система поощрений не только для творческой интеллигенции, но и для политических и культурных деятелей за содействие в развитии национальной культуры (награждение орденами «Знак почета», «Дружбы народов» и др.). Благодаря этой политике в моду входило политическое меценатство, которое постепенно приобрело характер культурного патернализма. Поддержка национальной культуры становилась делом престижа для республиканских властей. В среде культурно-политической бюрократии регионов формировался новый тип руководителей – подвижников развития национальной культуры.

Документальные источники, материалы периодической печати, свидетельства политических и творческих деятелей отражают важную роль личностного фактора в региональном культурном пространстве в рамках советской культурной политики. В исследуемый период среди видных партийных и советских деятелей республики, объективно содействовавших своим деятельным участием развитию национальной культуры, были первый секретарь обкома КПСС Б.Е. Кабалоев, министры культуры И.А. Галбаев, С.Е. Ужегов, председатель Комитета по телевидению и радиовещанию А.Т. Агузаров и др.

Партийно-советское руководство республики находилось в постоянной переписке с центральными органами власти, различными ведомствами по вопросам организации и обеспечения культурного процесса в республике. Особенно тесные контакты сложились с Министерством культуры РСФСР. Анализ переписки между руководителями обкома КПСС (первым секретарем Б.Е. Кабалоевым, секретарем по идеологии А.Г. Кучиевым) и федеральными министрами (Н.А. Кузнецовым, Ю.С. Мелентьевым) позволяет выделить перечень наиболее часто упоминаемых и обсуждаемых проблем. Здесь были вопросы, связанные с непосредственной деятельностью творческих коллективов, улучшением материально-технического и финансового положения учреждений культуры, повышением их статуса. Обсуждались вопросы строительства новых культурных объектов, подготовки профессиональных кадров, организации гастролей театров, танцевальных и хоровых ансамблей, публикации произведений осетинских писателей в центральных издательствах и т.д.³⁰⁶

Одним из основных направлений региональной культурной политики рассматриваемого периода являлась организация новых культурных учреждений, художественных коллективов. В июле 1971 г. Министерство культуры РСФСР удовлетворило ходатайство обкома КПСС и Совета Министров СОАССР о создании на основе музыкальной труппы Северо-Осетинского музыкально-драматического театра самостоятельного музыкального театра³⁰⁷. Первый сезон нового театра в 1972 г. открылся премьерой оперы В. Мурадели «Великая дружба».

В конце 1960-х гг. была основана Северо-Осетинская студия телевизионных фильмов («Базовая студия по производству кино на Северном Кавказе»)³⁰⁸. В 1970-е гг. во многом благодаря активной позиции руководства республики, прежде всего председателя Комитета по телевидению и радиовещанию А.Т. Агузарова был

³⁰⁶ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 181. Л. 2; Оп. 27. Д. 328. Л. 16; ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 813. Оп.1. Д. 557. Л. 9-10.

³⁰⁷ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 304. Л. 81.

³⁰⁸ Гайсулаев Г. Мир через искусство. Интервью с секретарем Северокавказского отделения Союза кинематографистов РФ Р.С. Гаспарянцем. [Электронный ресурс]: <http://rukavkaz.ru/articles/comments/1538/>

построен Кинопавильон, который превратился в киноплощадку для всех северокавказских республик. Северо-Осетинская студия телефильмов являла пример гармоничного творческого взаимодействия представителей разных национальностей. Она объективно содействовала углублению дружеских связей и взаимопонимания между народами России и Северного Кавказа.

В конце 1960-х – начале 1980-х гг. значительно расширилась инфраструктура учреждений искусства. Была создана прочная база для развития изобразительного искусства и национальных художественных промыслов. Построены Республиканский выставочный зал, Дом художника, творческие мастерские, творческий производственный комбинат, в структуру которого входили ювелирные, деревообрабатывающие, керамические и другие цеха.

В новых условиях существенно изменились требования в кадровой политике. Задача обеспечения профессиональными кадрами специалистов действовавших и вновь создаваемых творческих коллективов решалась разными способами. Отчасти – за счет привлечения специалистов в Северную Осетию. В 1964 г. по приглашению министра культуры республики И.А. Гапбаева на родину вернулся художник М.О. Царикаев, проработавший более 12 лет в НИИ игрушки в г. Загорске (ныне г. Сергиев Посад). Ему было поручено формирование в республике на профессиональной основе декоративно-прикладного искусства³⁰⁹.

В начале 1970-х гг. должность художественного руководителя созданного музыкального театра занял так же приглашенный руководством Министерства культуры республики театральный режиссер Ю. Леков. Вернувшаяся на родину искусствовед З. Газданова возглавила организованное в 1973 г. Художественное училище³¹⁰. С открытием этого учебного заведения республика полу-

³⁰⁹ Резник О. Интервью с Царикаевым. [Электронный ресурс]: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/mairbek-carikaev-v-sssr-soyuz-xudozhnikov-severnoj-osetii-vsegda-byt-odnim-iz-samyx-silnyx/>

³¹⁰ Газданова З. «Мне повезло, что работала в интересное время и полностью с удивительными людьми». [Электронный ресурс]: <http://cebu-market.com/zara-gazdanova-mne-povezlo-cto-rabotala-v-interesnnoe-vremya-i-polnostyu-s-udivitelnymi-lyudmi/>

чила возможность готовить специалистов средней квалификации в области живописи, декоративно-прикладного искусства.

Одновременно предпринимались дополнительные меры по формированию молодых кадров художников, музыкантов, актеров и других творческих профессий в высших художественных институтах Москвы, Ленинграда, Еревана, Баку. Особое внимание уделялось подготовке специалистов из представителей титульной национальности. В январе 1970 г. первый секретарь Северо-Осетинского областного комитета КПСС Б.Е. Кабалоев в письме на имя министра культуры СССР Е.А. Фурцевой писал, что Северо-Осетинский музыкально-драматический театр «испытывает острую нужду в высококвалифицированных кадрах вокалистов коренной национальности. Солисты, окончившие в 1949 г. оперную студию при Московской государственной консерватории, достигли пенсионного возраста...». В связи с этим партийное руководство республики просило выделить республике десять внеконкурсных мест в Московскую консерваторию и пять мест в Институт имени Гнесиных на 1970/1971 учебный год³¹¹.

Накануне открытия Северо-Осетинского музыкального театра в ноябре 1971 г. с аналогичным письмом первый секретарь обкома партии обратился в Министерство культуры РСФСР. Он просил при составлении плана набора в специализированные вузы на 1972–1975 гг. «предусмотреть студию при Ленинградском государственном хореографическом училище им. А.Я. Вагановой для подготовки артистов балета в количестве 15 человек, а также выделить 10 льготных мест на подготовительные курсы вокального факультета Московской государственной консерватории для подготовки национальных кадров вокалистов». Министерство культуры РСФСР уведомляло о возможности организации студии с 1973 г. и ходатайствовало перед Министерством культуры СССР о выделении внеконкурсных мест в Московской консерватории³¹².

Одновременно республиканские власти просили создать дополнительные возможности для подготовки исполнительских

³¹¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 26. Д. 181. Л. 1

³¹² Там же. Д. 304. Л. 108, 109.

кадров на базе местных специальных учебных заведений. К примеру, в феврале 1970 г. на имя министра культуры Н.А. Кузнецова было направлено письмо за подписью первого секретаря обкома Б.Е. Кабалоева относительно обеспечения кадрами исполнителей ансамбля народного танца Северной Осетии «Алан». Ансамбль являлся лауреатом VI и IX Всемирных фестивалей молодежи в Москве и Софии, с успехом гастролировал в стране и за рубежом. «Однако, – как отмечалось в письме, – дальнейший творческий рост ансамбля за последнее время сдерживается из-за отсутствия подготовки исполнительских кадров на месте». Областной комитет партии просил «открыть хореографическое отделение с контингентом 25 человек при Орджоникидзевском училище искусств...»³¹³ Эта просьба была удовлетворена. И через два года, было дано разрешение с 1973 г. произвести прием учащихся в Республиканское училище искусств по специальности «артист ансамбля народного танца»³¹⁴.

Республиканские власти хлопотали о повышении статуса и улучшении материального обеспечения творческих коллективов. В 1970-е гг. Северо-Осетинский обком КПСС неоднократно обращался в Министерство культуры РСФСР с просьбой о переводе Республиканского русского драматического театра, театра «Саби», Симфонического оркестра Северо-Осетинской государственной филармонии и ансамбля танца «Алан» в первую категорию³¹⁵. Большую роль в создании и развитии творческих объединений, укреплении их материально-технической базы, обеспечении подготовки профессиональных творческих кадров играли руководители республиканского Министерства культуры, в большинстве подлинны энтузиасты своего дела, среди которых особого упоминания заслуживает С.Е. Ужегов, являвшийся в 1966-1976 гг. министром культуры, а в последующие годы курировавший сферу художественного творчества в ранге заместителя председателя Совета министров СОАССР.

Представители республиканских партийно-государственных органов власти (руководители ведомств, заведующие отделами,

³¹³ Там же. Д. 181. Л. 19.

³¹⁴ Там же. Д. 304. Л. 109.

³¹⁵ Там же. Д. 304. Л. 93; Д. 728. Л. 143.

инспектора структур управления) постоянно участвовали в работе оценочных и приемочных комиссий, репертуарных советов и пр. С.Е. Ужегов вместе со своими подчиненными, как правило, присутствовал при прослушивании и обсуждении программ культурных мероприятий как всероссийского, так и республиканского масштаба³¹⁶. Во многом благодаря его заинтересованному, деятельному участию организуемые в республике в 1970-1980-е гг. фестивали самодеятельного народного творчества превращались в настоящие праздники дружбы и единства народов страны.

Протоколы заседаний бюро обкома КПСС, Министерства культуры, собраний творческих союзов, другие документальные источники создают картину довольно тесного взаимодействия между представителями власти и художественной интеллигенции в отмеченный период. По воспоминаниям современников в 1970-е – начале 1980-х гг. у определенной части музыкантов, художников, писателей, режиссеров, актеров, других деятелей культуры сложилась традиция «просто так... на огонек», заходить в Министерство культуры или обком КПСС³¹⁷.

В целом состояние художественной жизни в Северной Осетии во второй половине 1960–1970-е гг. довольно разноречиво. Культурное сообщество республики чувствовало нарастающее идеологическое давление на творческий процесс. Однако это давление стало более утонченным в продолжавшей действовать модели кураторства и «положительной дискриминации» нерусских национальностей. Художник сам изначально должен был учитывать разносторонние требования идейно-политического, национального плана при интерпретации проблем действительности. Самоцензура творческой личности сочеталась с мерами власти, предназначенными для профилактики инакомыслия. В распоряжении партийно-культурной бюрократии имелись разнообразные средства от литературно-художественной критики до морального и материального стимулирования, которые по-

³¹⁶ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 763. Оп. 1. Д. 71. Л. 6, 10, 14.

³¹⁷ Газданова З. «Мне повезло, что работала в интересное время и полностью с удивительными людьми». [Электронный ресурс]: <http://cebu-market.com/zara-gazdanova-mne-povezlo-cto-rabotala-v-interesnoe-vremya-i-polnostyu-s-udivitelnymi-lyudmi/>

зволюли достаточно полно контролировать умонастроения в творческой среде.

Вместе с тем, в отношениях власти и интеллигенции дальнейшее развитие получило диалоговое сотрудничество, основы которого были заложены в период «оттепели». Немалую роль в этом играла упомянутая выше политика культурного патернализма, осуществляемая при поддержке центральной власти местными партийно-советскими руководителями. Культурный патернализм способствовал развитию инфраструктуры национальной художественной литературы и искусства, росту кадрового и профессионального потенциала, продвижению и пропаганде достижений за пределами республики. В результате, несмотря на издержки контроля со стороны властных структур и вынужденного самоконтроля творческой личности, в рассматриваемый период национальная художественная культура находилась в состоянии динамичного развития. Как отмечала искусствовед З.Т. Газданова: «Время было сложное, но именно тогда поколение 60-70-х годов активно развивалось и в литературе, и в изобразительном искусстве, и в музыке, и в кино»³¹⁸.

4. Историко-политические аспекты развития литературного процесса в середине 1960–1980-х гг.

В советской политической системе художественной литературе отводилась роль важнейшего инструмента идеологического и нравственно-эстетического воспитания общества и человека. В середине 1960-х гг., на излете «оттепели», подобная трактовка литературного творчества приобрела еще более акцентированный характер. Повысились требования к «инженерам человеческих душ», призванным утверждать в общественном сознании коммунистические идеалы, пропагандировать социалистический образ жизни. Писатели были обязаны участвовать в формировании нового человека, идейно убежденного, преданного

³¹⁸ Газданова З. «Мне повезло, что работала в интересное время и полностью с удивительными людьми». [Электронный ресурс]: <http://cebu-market.com/zara-gazdanova-mne-povezlo-cto-rabotala-v-interesnnoe-vremya-i-polnostyu-s-udivitelnymi-lyudmi/>

Родине интернационалиста, готового трудиться ради ее процветания. Партийно-советское руководство вновь пересмотрело перечень проблем, нуждавшихся в новых условиях в художественном осмыслении и целостном отражении. Приоритетными направлениями творческого поиска во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. стали три главные темы – революция, война и современность.

Важнейшей организационно-идеологической аргументацией этого поиска для негласного внутрипартийного использования, безусловно, являлось следующее обстоятельство. Несмотря на естественную селекцию инакомыслия в окопах Великой Отечественной войны, военная жизненная проза на грани смерти породила в писательских кругах зачатки нового сознания, равного психологическому катарсису. Писатели-фронтовики принесли в послевоенную советскую литературу иную меру ценностей, переосмысленные творческие принципы. Появление таких писателей, как Виктор Некрасов и Александр Солженицын, Виктор Астафьев и Даниил Гранин с тяжелейшим багажом жизненного, фронтового опыта формировало новую литературную среду правды, пронесенной сквозь фронты и лагерные испытания.

Идеологи и носители традиционных идей социалистического реализма в литературе на практике убеждались в несоразмерности их позиции с правдой новых властителей дум молодежи. В ответ на произведения и на бескомпромиссную творческую позицию вольнодумцев власть принимала меры по массовому вовлечению писательских организаций республик, краев и областей страны в масштабные всесоюзные пропагандистские акции, длившиеся подчас месяцы, а то и годы. Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. поводов для таких акций сложилось много. В 1967 г. страна должна была отметить 50-летие Октябрьской революции, в 1970 г. – 100-летие со дня рождения В.И. Ленина, в 1982 г. – 60-летие образования СССР и другие знаменательные исторические и политические события в жизни страны.

Необыкновенно насыщенным в отмеченный период был календарь «знаменательных дат» общественно-политической и

культурной жизни Северной Осетии. В рамках новой культурной политики творческая деятельность национальной художественной интеллигенции целенаправленно стимулировалась подготовкой к празднованию революционных и политических событий общесоюзного и республиканского масштаба. Литературная жизнь и литературный процесс в республике тематически, хронологически и содержательно были тесно увязаны с юбилейными датами.

В охранительных рекомендациях республиканского Союза писателей активно применялся художественный прием, строившийся на антитезе: «хорошее» – «плохое». Первое символизировало «светлое настоящее», второе – то, что досталось от «темного прошлого» или угрожало со стороны «загнивающего Запада». Логическое развитие этой схемы в художественной литературе порождало героев двух типов. К первому типу относились «свои» (герои): «революционеры», «красные», «патриоты», «строители новой жизни». Ко второму – «чужие» (антигерои): «враги революции», «белые», «носители мещанской психологии и западных ценностей». Воплощение подобного художественного приема, как правило, не предполагавшего существования полутонов, было в наибольшей мере характерно для литературных произведений, воссоздававших историю революционных событий и гражданской войны на Северном Кавказе.

Социальным радикализмом и революционным пафосом были пронизаны романы «Молот и наковальня» С. Марзоева, «Терская коловерть» А. Баранова, «В ущелье Батара» В. Секинаева, «От битвы к битве» К. Бадоева, «Пробуждение» Г. Черчесова, повесть «Когда пробуждаются камни» М. Цагараева и др.³¹⁹

Особый интерес в контексте борьбы с инакомыслием в художественной литературе местная культурно-партийная бюрократия проявляла к теме Великой Отечественной войны. Эхо войны сопровождало героев романа Г. Бицоева «Зеркало неба», повести Т. Ефимцова «Зеленый цех», пьес Р. Хубецовой «Материнская слава», С. Кайтова «Прерванная песня», Д. Темиряева «Плач фандыра». Мужество и героизм советского человека, нравственная

³¹⁹ История Северной Осетии. XX век. С. 484.

чистота, скрепленное кровью боевое братство были предметом творческого отображения для поэтов-фронтовиков Г. Кайтукова, Д. Дарчиева, Г. Плиева, Т. Тетцоева³²⁰.

Однако рафинированная поэтизация подвига солдата на фронте и его близких в тылу не отражала в тот период меры трагедии, масштабов жертв, которыми заплатил советский народ за победу. Слова об окопной правде и жизни тыла в осетинской литературе ожидали своего времени...

В основе многих литературных произведений лежали реальные, документальные события революционного и военного прошлого Осетии. В повести Т. Бесаева «Как трудно орлу» читатель встречался с участником революционных событий на Дальнем Востоке, красным командиром Х. Гетоевым. В повести «Сабельный звон» Т. Джатиева, романах «Под псевдонимом Ксанти» Г. Черчесова, «И мертвые вставали» В. Цаголова был воспроизведен путь боевой славы генералов Советской Армии дважды героя Советского Союза И. Плиева и героев Советского Союза Х. Мамсурова и Г. Хетагурова³²¹.

В советский период традиционно большое место в национальной художественной культуре в контексте историко-революционной и патриотической тематики занимала тема «Ленин и горцы». Своего пика осетинская лениниана достигла на рубеже 1960-х – 1970-х гг., когда страна готовилась и широко отмечала 100-летие со дня рождения В.И. Ленина. Практически не было ни одного творческого деятеля и культурного учреждения, которое бы осталось в стороне от художественного осмысления этой темы.

Непосредственно к ленинскому юбилею было приурочено издание поэтического сборника «Осетия о Ленине поет». В начале 1970-х гг. вышли в свет повесть К. Дзесова «Памятник из песни и камня» и поэма В. Малиева «Из века в век». Произведения этих авторов имели для местного партийного руководства особый смысл, поскольку и К. Дзесов, и В. Малиев еще недавно

³²⁰ Жить и творить для народа. VI съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1977. № 50. С.121-122; Отображать жизнь во всем ее многообразии // Литературная Осетия. 1972. № 40. С. 70.

³²¹ Отображать жизнь во всем ее многообразии. С. 68.

числились в списках «политически неблагонадежных лиц». Первый в 1930-е гг. был подвергнут политическим репрессиям, а отец второго погиб в лагерях ГУЛАГА. Подстраиваясь под дошедшие до окраин отзвуки уходящей «оттепели», власти на местах активно вовлекали потенциальных носителей инакомыслия в безусловные общегосударственные мероприятия.

В последующие годы ленинская тема еще не раз становилась инструментом пропаганды, в частности, идей интернационализма, пролетарской солидарности и дружбы народов. В период «развитого социализма» она сопрягалась с темой формирования единой семьи, великой Родины – оплота мира и прогресса. Эти идеи находили отражение в поэтическом творчестве А. Гулуева, Б. Муртазова, Н. Джусойты, А. Царукаева, Т. Ефимцова, Г. Кайтукова, А. Кодзати, К. Ходова, З. Хостикоевой и др.

Пропагандистским и воспитательным задачам, укреплению дружеских отношений между народами служил жанр исторического романа, который получил большое развитие в 1960–1970-е гг. Покровительственное внимание власти к этому жанру объяснялось, прежде всего, контрпропагандистскими задачами. Как известно, в отмеченный период широкие слои населения получили доступ к альтернативным источникам информации. Значительная часть общества слушала различные «голоса» западных радиостанций, которые активно обращались к страницам истории народов СССР, особенно насыщенным идеологическими расхождениями. Интерпретация событий революции 1917 г., вопросы присоединения народов Кавказа к России являлись важнейшими в «повестке дня» борьбы за умы подрастающих поколений в многонациональном регионе.

К не менее важным идеологическим составляющим контрпропаганды относилось укрепление международных связей в рамках «социалистического лагеря», состоявшего из государств, строивших социализм. Северная Осетия, установившая побратимские связи с Кырджалийским округом Болгарии, укрепляла их и благодаря усилиям художественной интеллигенции, в том числе писателей, вносивших свою лепту в популяризацию исторических связей народов СССР и Болгарии. Актуально в контек-

сте сказанного звучали романы В. Цаголова «Послы гор» и «За Дунаем». Роман «Послы гор» был посвящен истории первого Осетинского посольства в Петербурге середины XVIII в. Второй роман, переносивший читателя к событиям русско-турецкой войны 1877–1878 гг., подтверждал мысль о давности дружеских связей болгарского и осетинского народов, чье боевое братство сложилось еще в период борьбы за освобождение Болгарии от османского ига³²².

Рассмотренные выше темы составляли значительный пласт художественной литературы республики в период позднего социализма. Однако годы шли, и общественные потребности и запросы к литературе со стороны партийно-государственных органов расширялись. На передний план в деятельности писательских организаций выходили темы, обусловленные новыми задачами социалистического строительства. Между тем, Союз писателей Северной Осетии все больше ощущал свое периферийное положение. Выступавший с трибуны заседания Секретариата Правления СП РСФСР в мае 1971 г. писатель Т. Джатиев с сожалением отмечал, что «в течение двенадцати лет со стороны Союза писателей РСФСР, рабочего Секретариата почти никакого внимания осетинским писателям не уделялось»³²³.

Несмотря на это, североосетинская писательская организация демонстрировала готовность не отставать от актуальной повестки дня, которая была предложена всем творческим организациям страны. Из числа проблем особого внимания, по мнению руководства СП Северной Осетии, заслуживала тема современности с ее социальными и трудовыми заботами. Это внимание нашло отражение в согласованном с руководством Северо-Осетинского областного комитета КПСС выступлении зав. отделом пропаганды обкома партии, писателя Г.Е. Черчесова на отмеченном выше майском 1971 г. заседании Секретариата Правления Союза писателей РСФСР.

Выступление Г.Е. Черчесова задавало тон обсуждению целого ряда других проблем писательской организации. Касаясь

³²² История Северной Осетии. XX век. С. 484.

³²³ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 79. Пап. 21. Л. 65.

издательской работы, он предлагал Северо-Осетинскому издательству чаще использовать «социальные заказы на создание литературных произведений – романов, повестей и особенно пьес на актуальные темы нашей современности». В заключение, выражая свое мнение, созвучное с позицией обкома КПСС, он заявил, что «нельзя мириться с тем, что некоторые писатели актуальным темам современности предпочитают старину, скрупулезно описывают быт далеких предков, перепевая в своих произведениях одни и те же мотивы и сюжеты, давно набившие оскомину»³²⁴.

Пристальное внимание к современной тематике обосновывалось ее высоким воспитательным предназначением. «Лучшие из произведений на историко-революционную и военно-патриотическую тему, разумеется, современны по своему звучанию, – отмечалось в материалах V съезда писателей Северной Осетии (1972 г.), – значение их в патриотическом воспитании трудящихся, особенно молодежи – бесспорно. Но живая наша действительность и те, кто ее творит, движет, т.е. наш современник, герой труда – все же главная забота литературы»³²⁵.

«Совершенно очевидно, – развивал озвученную мысль председатель Союза писателей республики Д. Темиряев на VI съезде писателей Северной Осетии в феврале 1977 г., – что залог успеха любого произведения в его идейно-художественных качествах, в том, какое нравственно-эстетическое воспитательное воздействие оно способно оказать на широкие массы. А это возможно лишь в том случае, если в нем будет отражено то основное, существенное, чем живет страна, что стало частью личных судеб советских людей. Поэтому партия нацеливает нас на создание в первую очередь произведений о современности, о людях высокого долга, патриотах и интернационалистах»³²⁶.

Подробное обсуждение темы современного героя в произведениях писателей Северного Кавказа состоялось в 1977 г. в г. Грозном на выездном совещании Секретариата Союза писателей

³²⁴ Там же.

³²⁵ Отображать жизнь во всем ее многообразии. С. 70.

³²⁶ Жить и творить для народа. VI съезд писателей Северной Осетии. С. 121.

РСФСР. Перед творческой интеллигенцией региона ставились конкретные практические задачи: «отражать действительность с жизнеутверждающих позиций, изображать героiku и романтику строительства «светлого будущего»³²⁷.

Региональные партийно-культурные органы власти и управления активно поддерживали интерес к современной тематике и ставили писателей перед проблемой создания «реалистичного» образа современности. Они призывали отражать идейно-нравственные искания современника, труженика и патриота, требовали воспитывать любовь к родине, верность долгу. В обязанности писателя вошла активная пропаганда гражданского служения идеалам социализма. Его книги должны были осуждать проявления мещанской психологии, ханжества, звать на борьбу с «пережитками прошлого», т.е. с устаревшими обычаями и традициями, с религиозными верованиями, пьянством и т.д.

При этом поиск «реалистичного» образа современника должен был вестись в контексте «нового этапа строительства коммунизма», который нацеливал творческую личность на решение важнейшей задачи искусства соцреализма – воспитания нового человека посредством создания новой художественной реальности на основе марксистской идеологии и мобилизации людей на создание ценностей общества будущего³²⁸.

Следует отметить, что эти требования находили понимание и поддержку в писательской среде, поскольку они соответствовали общечеловеческим, гуманистическим идеалам национальной интеллигенции. Поэтому интерес к современнику, гражданину, человеку труда, пробудившийся на волне «оттепели» в литературе и искусстве Северной Осетии, был достаточно неподдельным в конце 1960-х и в 1970-е гг. Однако к середине 1980-х гг. этот интерес содержательно деградировал и превратился в конъюнктурный, идеологический фетиш.

³²⁷ История Северной Осетии. XX век. С. 483.

³²⁸ См.: Попов Д.А. Социалистический реализм: метод, стиль, идеология? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Ч. 2. С. 165.

В осетинской прозе тех лет («Сын кузнеца» А. Агузарова, «Прости меня, Дзерасса» А. Кодзати, «Дом Сурме» В. Малиева, «Любимые дети» Р. Тотрова) поднимались проблемы ответственности человека за свои поступки, осознания своего предназначения, противопоставления личного («мелкого») интереса и общественного («высокого») блага. Однако литературные персонажи все чаще сталкивались с проблемами нравственного выбора, которые еще недавно не были актуальными. Перед нравственным выбором встали и герои поэтических произведений (сборники «Грусть лани» Ш. Джикаева, «Мужество» А. Кодзати, «Там, где летают орлы» Т. Тетцоева, «Хлеб да соль» К. Ходова, «Будто стою я перед святыней» А. Царукаева).

Трансформация интереса к человеку труда выразилась в целеустремленном тяготении осетинских писателей к исследованию и осмыслению жизненной конкретики современности, среды обитания героя. Это вело к проникновению элементов очерка в художественные произведения, тем самым укрепляя реалистическую основу создаваемых произведений. Применительно к осетинской художественной литературе на эту особенность жанровых смещений, например, обратила внимание литературовед И.В. Мамиева при анализе повести К. Дзесова «Первые шаги»³²⁹.

Последовательное соединение художественного вымысла и документальной основы в осетинской литературе привело к формированию художественно-документальной прозы как самостоятельного направления литературного творчества. В конце 1970-х – начале 1980-х гг. это новое направление литературного творчества стало основной частью в практике «государственного заказа». Отражая события современности «языком искусства», оно обеспечило динамичное развитие литературного процесса в республике. Писатели отправлялись в творческие командировки, посещали строительные объекты, промышленные предприятия, колхозы и совхозы республики. Накопленные в ходе поездок впечатления от знакомства с разными людьми, с историей и природой края служили основой для создания художественных

³²⁹ Мамиева И.В. Кудзаг Дзесов. Очерк творчества. Владикавказ, 1990. С. 125.

произведений. Итогом поездок были документальные повести и рассказы об известных людях республики, о героях пятилеток, о ветеранах войны и революции. Повесть К. Дзесова «Хозяйка птичьего царства» рассказывала о птичнице Марии Урумовой. О старом большевике Х. Фриеве писал К. Бадоев в повести «Наш Хатахцико». Рассказ Т. Джатиева «Магистраль дружбы» был посвящен строителям Терско-Кумского канала³³⁰.

Таковы были основные канализированные властью направления творческого поиска, предлагаемые «инженерам человеческих душ» для осмысления и отражения действительности. Обязательность следования принципам социалистического реализма, по-прежнему, единственного официально признанного метода познания действительности, существенно сужала арсенал творческих возможностей художника и, соответственно, осложняла решение художественных задач. Одностороннее, одномерное восприятие окружающей действительности, идеализация героя «социалистической реальности» не позволяли раскрыть всю сложность и многогранность общественно-политических процессов, понять и оценить чувства и поступки обычных людей в непростых жизненных обстоятельствах.

Поэтому прогрессивно мыслящая интеллигенция, стремясь избежать схематизма и однообразия творческих приемов, искала в социалистическом реализме свой путь в постижении многообразных проявлений современной жизни. Литературный процесс в Северной Осетии с середины 1960-х к началу 1980-х гг. достиг уровня, который продуцировал новые формы связей разных художественных жанров, языковые и стилистические новации, семантическую многомерность и иносказательность. Они, в совокупности, обогатили осетинскую литературную практику и национальные традиции гуманистического восприятия человека, повысили интерес к жизни и судьбе отдельной личности.

³³⁰ Марзоев С. Жизнь и литература // Дон. 1972. № 11. С. 182.

*Писатели Северной и Южной Осетии
на 2-м съезде писателей СССР в 1954 г.*

*Режиссер З. Бритаева, драматург Д. Туаев, художественный руководи-
тель Северо-Осетинского драматического театра У. Маркова.
2 октября 1947 г.*

*Декада осетинской литературы и искусства в Москве. 1960 г.
Слева направо: 1-й ряд. Д. Мамсуров, Г. Кайтуков, Н. Тихонов, лите-
ратуровед А. Хадарцева; 2-й ряд. Т. Бесаев, А. Царукаев, А. Кешоков,
Д. Кусов, М. Цагараев, Л. Соболев*

Светлана Адырхаева в балете Д. Хаханова «Хетаг»

*Семинар драматургов Северной Осетии. 28 июня 1961 г. Слева напра-
во: 1-й А. Токаев, 2-я Р. Хубецова, 5-й Д. Туаев*

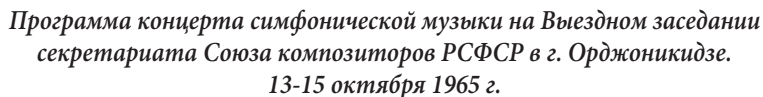
*Литературовед Х.Н. Ардасенов, писатель Т.И. Джатиев, актер
и кинорежиссер В.Г. Бестаев*

*Симфонический оркестр Севро-Осетинской госфилармонии. 1959 г.
В центре дирижер В. Дударова*

Сидят: министр культуры КБАССР К. Эфендиев, первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС Б. Кабалоев, председатель Совета Министров РСФСР М. Яснгов, сын Б. Кабалоева Заур, председатель Совета Министров СОАССР О. Басиев; стоят: писатель, министр культуры СОАССР Г. Черчесов, зам. председателя СМ СОАССР С. Ужегов, зам. председателя Президиума Верховного Совета СОАССР Д. Цгоев

Иван Александрович Гапбаев

Мария Дигисовна Бетоева

Коллектив студии Северо-Осетинского телевидения. 1970-е гг.

Тататркан Кокойти

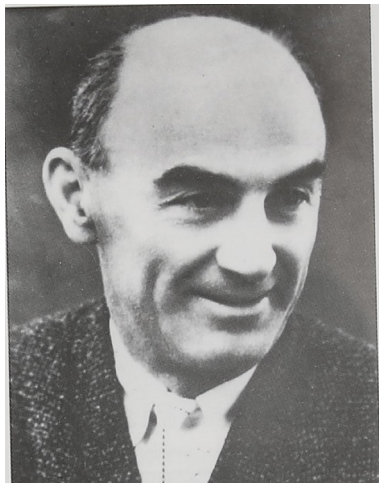
Нина Карницкая

Христофор Плиев

Илья Габареев

Дудар Хаханов

Резван Цорионти

Тотурбек Хосроев

Александр Поляниченко

Композиторы Резван Цорионти, Дудар Хаханов, Лариса Канукова, Татаркан Кокойти, Аслан Кокойти

На Фестивале «Музыкальное лето Осетии» Людмила Ефимцова, Мурат Кажлаев, музыковед Александр Сухарников, Дудар Хаханов, Резван Цорионти

Писатели Северной Осетии. 1960-1970-е гг.

*Заседание отдела литературы СОНИИ.
Сидят: фольклорист Т. Хамицаева, зав. отделом А. Хадарцева,
литературовед Х. Ардасенов;
стоит зав. Архивом СОНИИ Мамсуров*

*Художники Северной Осетии. В 1-м ряду Надежда Баллаева;
во 2-м ряду Борис Шанаев, Азанбек Джанаев, Юрий Дзантиев,
Владимир Хаев, Николай Кочетов; в 3-м ряду Даурбек Цораяв*

Писатели Северной Осетии. 1960 г.

5. Историко-политический ретроспективизм в изобразительном искусстве второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг.

Современное национальное изобразительное искусство переживает сложный период существования. Крайности политизации и идеологизации художественного творчества, свойственные советскому периоду, сменились поисками самоидентичности в условиях возрождения национального самосознания. Обращение к истории изобразительного искусства второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг., как к одному из этапов «воспитания прошлым», сегодня объективно является предупреждением от национальных перегибов и ангажированности.

В современной научной литературе вопросы развития советской художественной культуры периода позднего социализма («развитого социализма») вызывают большой исследовательский интерес. Проблемы взаимоотношений власти и художественной интеллигенции, осуществления культурной политики в сфере искусства освещаются в отечественной и зарубежной историографии³³¹. В кавказоведении отмеченные вопросы анализируются в контексте модернизационных процессов на Северном Кавказе и культурно-цивилизационного диалога между народами³³². В осе-

³³¹ Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е гг. М., 1999; Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. СПб., 2001; Журавлев В.В. Человек. Культура. Политика. Сб. стат. и выступлений. М., 1998; Раскатова Е.М. Советская власть и художественная интеллигенция: логика конфликта (конец 1960-х – начало 1980-х гг.). Иваново, 2009; Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. М., 1997; Эгтелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970. М., 1999.

³³² Драч Г.В., Кoryтина М.А. Культурная модернизация как процесс приобретения цивилизационной идентичности (на примере культуры Северной Осетии) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 19-21; Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: Проблема культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа, 1999. № 3. С. 154-167; Каймаразов Г. Ш. Интеллигенция Северного Кавказа в 60-70-е годы XX века (по материалам автономных республик региона). Махачкала, 2010.

тиноведении до недавнего времени преимущественное внимание уделялось искусствоведческой составляющей темы развития художественной культуры в советский период истории³³³. В последние два десятилетия объектом исследовательского внимания стали историко-политические аспекты развития изобразительного искусства в 1960-1980-е гг. в Северной Осетии³³⁴. Анализ динамики и содержания творческого процесса в период «развитого социализма», основных направлений художественного осмысления советской действительности при опоре на разнообразные документальные источники, включая произведения искусства, которые являются визуальным отображением процессов, происходивших в социально-политической и культурной жизни республики, важно с точки зрения выяснения степени вовлеченности осетинского изобразительного искусства в историко-политический контекст времени.

Творческий поиск советских художников шел по тем же «проторенным дорогам», по которым власть направляла и других деятелей искусства. Основными сферами познания действительности в искусстве, как и прежде, выступали темы революции, войны и современности. В рамках этих официально принятых тем художник мог реализовать свои творческие возможности и устремления. Проявление интереса к древней истории и культуре своего народа, попытки рассказать о национальных традициях и обычаях, однозначно квалифицировавшихся в этот период как «пережитки прошлого», отвергались профессиональными приемочными комиссиями. Четкое определение предлагаемых для творческого освоения перечня тем, по убеждению культурных кураторов, служило гарантией от появления произведений, «сла-

³³³ Газданова З.Т. Дорога длиною в 70 лет // 70 лет. Союз художников РСО-Алания. 1939-2009. Ростов-на-Дону, 2009. С. 4-12; Бязрова Л.В. Творчество Махарбека Туганова в контексте времени // Национальный колорит. 2011. № 1(11). С. 12-27.

³³⁴ Фидарова Р.Я. История осетинской художественной культуры. Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2008; Цориева И.Т. Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. Владикавказ, 2014.

бых в идейном и художественном отношении», создающих условия для «активизации вредных пережитков, чуждых, вредных настроений»³³⁵. Историко-политическая ретроспекция в «постоттепельный» период приобрела, таким образом, не только функции управляемой творческой преемственности, но и сохранения, укрепления идеологических базовых ценностей коммунистического строительства.

Глобальная идея построения коммунистического общества, озвученная в партийных документах начала 1960-х гг., требовала соответствующего художественного оформления. Поэтому в середине 1960-х – 1970-е гг. в советской художественной культуре вновь растет интерес к монументальному искусству – «большому стилю», дававшему простор для героизации революционного и военного прошлого, созидательного настоящего. На смену искусству «малых форм» в виде бюстов, надгробных памятников периода «оттепельного аскетизма», приходят образцы юбилейных монументальных комплексов, скульптурных композиций, огромных по размеру мозаичных панно.

Отмеченные тенденции нашли яркое проявление в художественной культуре Северной Осетии. Во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. был создан ряд мемориальных памятников борцам за установление советской власти, участникам революции и гражданской войны на Тереке и в Северной Осетии. В скульптурах и живописных полотнах представляли не только реальные исторические личности, но и образы, созданные воображением художников. Мифологизация героев революционных событий порождала и соответствующий художественный стиль – стиль революционного неоромантизма. Именно в этом стиле была создана галерея живописных и скульптурных изображений «рыцарей революции» Осетии: «Становление советской власти в Осетии» З.П. Абоева, «Всадники революции» Ш.Е. Бедоева, «Революционеры Северного Кавказа», «Да здравствует революция!» Ю.А. Дзантиева, «Вестник революции» Э.А. Саккаева, «Памятник С.М. Кирову» М.Н. Дзбоева и др.

³³⁵ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 106. Пап. 33. Л. 35.

Значительный пропагандистский и воспитательный потенциал был заложен в военной тематике. В 1970–1980-е гг. во многих селах и районах республики были установлены мемориальные памятники, увековечившие подвиг народа-победителя в Великой Отечественной войне. К ярким образцам монументальной скульптуры отнесены мемориальные комплексы героическим защитникам Суарского ущелья и участникам сражения у Эльхотовских ворот (скульптор Б. Тотиев), открытые к 30-летию Победы над фашистской Германией в селах Эльхотово и Майрамадаг. Знаковыми явлениями монументальной пластики стали памятник «Скорбящий конь. Жителям Куртатинского ущелья, павшим в годы Великой Отечественной войны» Д. Цораева, памятник Петру Барбашову, сражавшемуся под Владикавказом осенью 1942 г. и закрывшему собой подобно Александру Матросову вражеский взвод скульпторов Б. Тотиева и Н. Ходова, скульптурная композиция, посвященная павшим на полях сражений Великой Отечественной преподавателям и студентам Северо-Осетинского государственного университета, созданная М. Дзбоевым и др.

Реквиемом по погибшим, символом материнской скорби и огромного мужества, предстала картина Б. Калманова «Мать». Ее сюжет был основан на реальных событиях. Прообразом матери могли послужить Каллагова из с. Кадгарон – мать пятерых сыновей, не вернувшихся с войны, или Газданова из с. Дзуарикау и Сеоева из г. Моздок – матери, потерявшие в огне войны по семь сыновей. Но художник создал собирательный портрет всех матерей, скорбящих по погибшим сыновьям³³⁶.

Эффективным средством побуждения творческой личности к исполнению социально-политического заказа являлась сложившаяся в рассматриваемые годы система морального и материального стимулирования (получение государственных наград и денежных вознаграждений за творческие достижения, улучшение материально-бытовых условий, организация творческих командировок и т.д.). Так, практически все отмеченные выше художники были удостоены звания лауреата республиканской премии

³³⁶ Лауреаты премии имени Коста Хетагурова. С. 60, 111.

имени Коста Хетагурова, учрежденной в 1964 г. Северо-Осетинским обкомом КПСС и Советом Министров республики за творческий вклад в развитие литературы и искусства³³⁷.

В историко-революционную и патриотическую тематику в искусстве активно вплеталась ленинская тема. Художественную Лениниану в изобразительном искусстве Северной Осетии представляли скульптурные памятники и композиции Ч.У. Дзанагова «В.И. Ленин», С.П. Санакоева «Ленин и горец», «Памятник в горах», Б.А. Тотиева «Ленин и горец». Ленинская тема воплощалась в живописных полотнах А.В. Джанаева «Делегация Горской республики у В.И. Ленина», Б. Калманова «Памятник в горах» и др.³³⁸

Актуальной проблемой многонационального северокавказского региона традиционно являлась эффективность пропаганды идей интернационализма и дружбы народов. После исправления перегибов в государственной национальной политике и с возвращением в регион репрессированных народов в 1960–1970-е гг. деятели искусства Северного Кавказа были активно вовлечены в пропаганду межнационального мира и согласия в регионе. Призыв политического руководства республики отражать тему дружбы народов, звучавший с трибун различных партийных форумов, а также съездов, совещаний творческих союзов Северной Осетии находил понимание и отклик в среде художников. Члены Союза художников Северной Осетии участвовали в исполнении заказных работ, связанных также с различными историческими и политическими событиями³³⁹.

В конце 1960-х–1980-е гг. общественно-политическая жизнь республики, также как и всей страны, была необыкновенно насыщена знаменательными историческими и политическими датами: 50-летие, 60-летие, 70-летие Октябрьской революции, 50-летие и 60-летие образования СССР, 50-летие и 60-летие образования автономии Северной Осетии, 100-летие со дня рождения В.И. Ленина и т.д. Художественная интеллигенция республики

³³⁷ Там же. С. 203; ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 27. Д. 194. Л. 57.

³³⁸ Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. Л., 1988. С. 179, 183, 187, 188.

³³⁹ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 106. Пап. 33. Л. 109.

принимала активное участие в подготовке и праздновании этих юбилейных дат.

В 1974 г. торжественно отмечалось масштабное социально-политическое и культурное событие – 200-летие присоединения Осетии к России. Оно обязывало художников, равно как и других деятелей культуры, творчески воплощать историю многовековых дружеских взаимоотношений русского и осетинского народов, демонстрировать неразрывность их исторических судеб. Монументальной пластике была отведена важная роль в реализации этих идей.

Ярким образцом национального монументального искусства, отразившим политическую значимость 200-летия присоединения Северной Осетии к России стал двухфигурный конный монумент Дружбы. Это был, без преувеличения, грандиозный проект, осуществление которого потребовало гораздо большего времени, чем предполагалось вначале. Поэтому открытие монумента в юбилейный год не состоялось. Сохранившиеся документы, в частности, переписка местных органов власти с центральными ведомствами, раскрывают причину срыва планов его создания и установки.

Весь процесс от замысла до его реализации курировался Северо-Осетинским обкомом КПСС и Министерством культуры СО АССР с участием Министерств культуры РСФСР и СССР. Понимая высокую меру ответственности, бюро обкома КПСС объявило Всероссийский конкурс. Победителями были признаны авторы проекта двухфигурного монумента – скульпторы Ч. Дзанагов, С. Санагоев и М. Царикаев. Завершающий этап работы проходил на ленинградском заводе «Монументскульптура». Здесь по согласованию с Министерством культуры СССР и Художественным фондом РСФСР были осуществлены литейные работы по изготовлению скульптурной части памятника в бронзе. Только в 1981 г. работы завершились; монумент был принят государственной приемочной комиссией и привезен в г. Орджоникидзе (ныне г. Владикавказ)³⁴⁰.

³⁴⁰ ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 26. Д. 323. Л. 26; Городу Орджоникидзе 200 лет. 1784-1984. Орджоникидзе, 1984. С. 469.

Открытие монумента Дружбы состоялось в столице республики на площади 50-летия Октября в юбилейном 1982 г., когда страна готовилась отметить 60-летие образования СССР. Памятник символизировал нерушимую дружбу между двумя народами – русским и осетинским. «Народ, достигший сегодня впечатляющих успехов в развитии своей экономики и культуры, получивший национальную государственность, – говорил на открытии монумента первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС В.Е. Одинцов, – видит начало своего возрождения именно в том историческом акте двухвековой давности, когда рядом с собой он почувствовал плечо старшего брата и друга, союзника и защитника, спасителя от порабощения иноземными захватчиками»³⁴¹.

Следует отметить, что политико-пропагандистская подоплека создания монумента Дружбы не умалила уровня творческого осмысления темы. Она способствовала созданию произведения, действительно имеющего не только политическую значимость, но и большую художественную ценность. Установление памятника на одной из центральных площадей столицы республики стало подлинным событием в культурной жизни республики 1980-х гг. Скульптурная композиция и сегодня является украшением города Владикавказа и свидетельством больших достижений национального монументального искусства советского периода.

В целом темы революции, Великой Отечественной войны, исторического прошлого продолжали занимать центральное место в творчестве художников Северной Осетии в поздний советский период. Они определялись партийно-культурными кураторами как главные темы, способные отразить позицию художника, опирающегося в своем творчестве на метод социалистического реализма. В них руководители Союза художников видели методологическую базу и подспорье, позволявшие членам профессионального объединения претендовать на поиск новых средств самореализации и творческого роста.

Вместе с тем, развитие культурного сотрудничества в мировой системе социализма все настойчивее требовало обращения

³⁴¹ Социалистическая Осетия. 1982. 24 апреля.

к опыту взаимодействия культур народов СССР. Поэтому приоритетным направлением творческого поиска национальных культур со второй половины 1960-х гг. становилась современная тематика. Перед деятелями искусства ставилась задача создания привлекательного образа советской действительности, формирования оптимистичного восприятия перемен, происходивших в общественной жизни отдельных народов и страны в целом. И художественная интеллигенция Северной Осетии откликалась на формулируемые требования, привнося, при этом, в свои произведения большую документальность, обогащая содержание метода соцреализма в видах и жанрах искусства.

Менялись административно-финансовые отношения государства и творческой личности. Большое распространение в художественной культуре в рассматриваемый период получали договорные работы. В них участвовали и члены профессиональных творческих организаций Северной Осетии. Так, писатели рассказывали о рабочих, строителях и колхозниках, добившихся больших успехов в труде, о победителях социалистического соревнования; композиторы создавали музыкальные произведения (юбилейные кантаты, песни) по заказу различных ведомств, организаций; художники выполняли оформительские работы, писали портреты передовиков производства по договорам с предприятиями, колхозами и т.д.

Обязательность воплощения образа современного героя – труженика, патриота, интернационалиста – служила серьезным побудительным стимулом для развития портретного жанра в изобразительном искусстве Северной Осетии. Во многих живописных и скульптурных произведениях художников Северной Осетии воспроизводились легко узнаваемые лица известных в республике людей. В портретной галерее представляли передовики производства – рабочие и колхозники, видные представители интеллигенции – врачи, ученые, писатели, театральные деятели и просто обычные люди – друзья, соседи, родственники.

Художественная и психологическая достоверность создаваемых образов отличала большинство произведений осетинских художников: живописные работы А. Дзантиева «Портрет Героя Социалистического Труда Е.С. Битиевой», Э. Саккаева «Портрет

Лоры Басиевой», Б. Фидарова «Портрет режиссера З. Бритаевой», скульптуры М. Дзбоева «Портрет рабочего Транскама Джиоева», Ч. Дзанагова «Портрет Народного артиста СССР В. Тхапсаева», В. Хаева «Портрет Бибо Ватаева» и др. В скульптурных работах Б. Тотиева были воплощены образы выдающихся представителей осетинского народа: капитана атомохода «Арктика» Ю. Кучиева, Олимпийского чемпиона по вольной борьбе С. Андиева, ученого-экономиста С. Дзаросова и т.д.

Тема созидательного труда занимала доминирующие позиции в творчестве художников. Сюжеты черпали из реальной жизни. Зарисовки, наброски, сделанные во время творческих командировок, служили основой для написания живописных произведений П. Зарона «Рабочие Садона», Ш. Бедоева «Краса Кубани», К. Хетагурова «Металлурги Осетии» и «Праздник урожая», М. Кабулова «В бригаде»; графических работ Б. Дзиева «Осение заботы», Е. Шугаева «В рыболовецком совхозе». Скульптурные композиции «малых форм» представляли работы С. Санакоева «Строители Транскавказской магистрали», Н. Нестеренко «Артисты на Транскаме», Д. Цораева «Доярка» и др.³⁴²

Образы современной жизни реализовывались и в жанре монументальной пластики, призванной утверждать в общественном сознании позитивные социальные ценности современности. В 1970-е гг. художники Северной Осетии успешно осваивали сложную технику фрески. Созданные ими работы украшали общественные и культурные учреждения. Среди них – большое мозаичное панно «Пионерия Осетии» во Дворце творчества для детей и юношества (Б. Фидаров, В. Кисиев), монументальная роспись в фойе Северо-Осетинского драматического театра (У. Гассиев, Ф. Гаглоев), интерьеры Республиканского художественного салона (В. Кцоев), фасад Дворца культуры металлургов (У. Гассиев, Б. Тотиев)³⁴³.

Учитывая политически ангажированный характер и идеологическую направленность перечисленных работ, следует, вместе с тем, иметь в виду, что профессионализм и мастерство художественного сообщества Северной Осетии достигли к этому времени

³⁴² НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 106. Пап. 33. Л. 112.

³⁴³ Газданова З.Т. Дорога длиною в 70 лет. С. 11.

того уровня, который гарантировал высокое качество художественного исполнения большинства подобных государственных заказов.

Освоение разных групп источников, включая искусствоведческую литературу, воспоминания современников, а также ретроспективный анализ творческого наследия деятелей культуры второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. позволяют заключить, что в этот период школа профессионального изобразительного искусства в Северной Осетии превратилась в одно из наиболее динамично развивающихся направлений национальной художественной культуры. Сложившийся на протяжении послевоенных десятилетий кадровый потенциал и высокий профессиональный уровень художников обеспечили ей место в ряду лучших в Советском Союзе национальных художественных школ периода позднего социализма.

Свидетельством признания осетинской школы изобразительного искусства сообществом художников страны было неизменное и успешное участие представителей республики в разнообразных (всесоюзных, всероссийских, региональных и иных) выставках. К примеру, на юбилейной Всероссийской выставке «60 лет Великого Октября» в 1977 г. экспонировались тридцать семь произведений восемнадцати авторов из Северной Осетии, на Всесоюзной выставке – восемь произведений семи авторов³⁴⁴.

Традиция представления лучших образцов осетинского изобразительного искусства на различных выставках сохранялась и в последующие годы. Как вспоминал М.О. Царикаев, возглавлявший в 1980-е гг. Северо-Осетинское отделение Союза художников, во время одного из заседаний в Союзе художников РСФСР в Москве к нему обратился председатель творческой организации С.П. Ткачев. Он поинтересовался, будут ли «осетины участвовать в выставке?». «...без вас (осетинских художников – И.Ц.), – сказал С.П. Ткачев, – выставка российская не получится в полном профессиональном объеме»³⁴⁵.

³⁴⁴ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 106. Пап. 33. Л. 112.

³⁴⁵ Резник О. Интервью с художником М.О. Царикаевым // Осетия-Квайса [Электронный ресурс]. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/mairbek-carikaev-v-sssr-soyuz-xudozhnikov-severnoj-osetii-vsegda-by-l-odnim-iz-samyx-silnyx/>

В целом анализ художественного пространства в Северной Осетии позволяет говорить о довольно динамичном развитии изобразительного искусства в рамках официальной художественной культуры периода позднего социализма. Творческая активность художников стимулировалась подготовкой к празднованию знаменательных дат, связанных с революционными и политическими событиями союзного и республиканского значения. В среде художественной интеллигенции получил хождение даже специальный термин – «датские произведения». Но, несмотря на политически заказной характер и артикулированную направленность творческого поиска, большинство созданных в эти годы мемориальных памятников и живописных работ явились значительным вкладом в развитие национальной художественной культуры. Ретроспективный подход при формировании основных направлений изобразительного искусства в Северной Осетии в рассматриваемый период, по сути, сохранил живую нить преемственности в национальной школе живописи, развил профессиональные навыки в скульптуре, сформировал в них новые поколения кадров художников.

6. Отражение Российской революции и Гражданской войны в осетинском профессиональном искусстве 1920–1980-х гг.

Российская революция 1917 г. вовлекла народы России в процесс кардинального переустройства общества, придала мощный импульс творческой энергии людей и сформировала в художественной интеллигенции потребность в осмыслении этого исторического события. В то же время, разработка революционной темы в последующие годы являлась результатом встречного социально-политического запроса власти. За прошедшие десятилетия здесь сложилась определенная традиция объединения интересов интеллигенции и власти. Их сотрудничество становилось особенно активным с приближением юбилейных революционных дат.

Отмечавшийся в 2017 г. 100-летний юбилей российской революции, несмотря на содержательную идеологическую полярность

с действующей политической практикой, получил публичную трибуну для оживленных обсуждений в российском обществе. Дискуссии среди деятелей науки и культуры, которые развернулись на полях научных изданий, конференций, в студенческих аудиториях, на площадках кинофестивалей и художественных выставок, в средствах массовой информации, продемонстрировали разность подходов в оценке событий Революции и Гражданской войны³⁴⁶. В частности, в определении их влияния на историю и культуру «малых» народов многонациональной страны³⁴⁷.

Тем не менее, итоги юбилейных мероприятий были органично вписаны в новую концепцию единого исторического потока, а общим знаменателем, на наш взгляд, следует рассматривать факт формирования новой модели исторического знания, включающей память о Российской революции как базовую категорию в характеристике советского общества³⁴⁸. И не только! По замечанию российского историка В. Тихонова: «События 1917 г. – ключевая для России историческая развилка. Они не только задали вектор

³⁴⁶ Колоницкий Б.И. 1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб., 2017; Шубин А.В. Старт Страны Советов. Октябрь 1917 – март 1918. СПб., 2017; Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92-112; Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история, 2018. № 6. С. 3-26; Малышева О.Г. «Нет нужды перечеркивать все историографические достижения прошлого» // Российская история, 2018. № 6. С. 27-32; Козодой В.И. Стихия или заговор? Организационно-управленческий аспект российской революции 1917 г. // Российская история, 2018. № 6. С. 33-42 и др.

³⁴⁷ Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015; Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления: материалы международной научной конференции 13 октября 2017 года. Владикавказ, 2017. и др.

³⁴⁸ Булыгина Т. А. Революция и Гражданская война как образ новой модели исторической памяти // Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления: материалы международной научной конференции 13 октября 2017 года. Владикавказ, 2017. С. 94-103.

развития на более чем 70 лет, но и оказывают непосредственное влияние на современность»³⁴⁹.

Социальный заказ на новую модель исторической памяти в настоящее время, на наш взгляд, предполагает внимательное изучение всего цикла жизнедеятельности советской власти и, прежде всего, в сфере художественной культуры как части реального исторического наследия. Отдельного исследовательского внимания требует ее управленческое позиционирование в жизни советского общества. Заслуживает также учета и методических оговорок характер развития профессионального искусства в национальном регионе в условиях форсированной социалистической модернизации страны.

Общим методологическим посылом исследования является констатация того, что советское государство с первых дней существования рассматривало художественную культуру как инструмент выполнения утилитарно-прикладной функции («искусство должно быть полезным»). Реализация реконструктивных планов требовала огромной концентрации не только материальных, но и духовных сил общества. Поэтому государство активно использовало просветительский и пропагандистский потенциал художественной культуры в формировании новых мировоззренческих установок в советском обществе. Искусство было призвано создавать позитивный образ советской действительности, пропагандировать достижения социалистического строя, воспитывать в людях патриотические, коллективистские и интернационалистские унастроения.

Декларируемые революционной властью идеи социальной справедливости, равенства и братства встречали живой отклик в сердцах многих прогрессивных представителей национальной художественной интеллигенции. Тема революционного переустройства общества вызывала огромный интерес деятелей литературы и искусства. В авангарде носителей идей революционного романтизма и прагматизма в первые годы советской власти

³⁴⁹ Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи. С. 93.

оказались профессиональные художники и литераторы, подобно В. Маяковскому способные сочетать свой дар «глаголом жечь сердца людей» с желанием «кисть приравнять к штыку».

В Северной Осетии среди первых к осмыслению темы революции и гражданской войны в осетинской культуре обратился художник Махарбек Сафарович Туганов – выдающийся деятель национальной культуры, один из основоположников осетинского профессионального изобразительного искусства. После утверждения советской власти в Терской области он активно включился в общественную и культурную жизнь края.

Деятельная натура М. С. Туганова живо реагировала на драматические события периода гражданской войны и утверждения советской власти на Северном Кавказе. Выходец из богатого и знатного рода, будучи творческой натурой, он с воодушевлением воспринял революционную идею слома «старого» и создания «нового мира». Художник активно сотрудничал с Терско-Кавказским отделением Российского Телеграфного Агентства (Тер-КавРОСТА). Вместе с местными художниками П.М. Блюме, Н.Ф. Градовским, С.Д. Тавасиевым он создавал агитационные плакаты, листовки, резал на линолеуме клише для газеты «Коммунист» – органа Владикавказского ревкома и комитета РКП (б), оформлял митинги-концерты и спектакли, иллюстрировал учебники и художественные произведения, сотрудничал с местным журналом «Творчество»³⁵⁰.

Важной частью деятельности М.С. Туганова являлось создание художественных произведений, отражавших события революции 1917 г. и Гражданской войны в Осетии. Живописные полотна и графические работы 1920–1930-х гг.: «Кяба Гоконяева», «Разгром белыми селения Христиановское в 1919 году», «Переход Апшеронского полка на сторону красных партизан», «Расстрел тринадцати коммунаров в Цхинвали в 1920 году» и другие – своего рода исторические документы. Они воссоздавали хронику исторических событий периода Революции и утверждения советской власти в Северной и Южной Осетии. Картины худож-

³⁵⁰ Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. С. 11.

ника, экспрессивные и плакатные по форме исполнения, были наполнены агитационным пафосом и героической патетикой³⁵¹. Очевидно, что изображаемые им события 1917 – начала 1920-х гг. в Осетии интерпретировались с позиции победителей – большевиков, «красных». Это всецело соответствовало социально-политическому запросу власти к деятелям культуры – формировать позитивное восприятие революционного переустройства мира, воспитывать людей в духе ненависти и непримиримости к «классовому врагу».

Ярким представителем поколения революционных художников, другом и соратником М.С. Туганова со времен участия в ТерКавРОСТА был скульптор-монументалист Сосланбек Дафаевич Тавасиев. Масштабные, запоминающиеся образы народных героев и вождей, созданные в горельефах «Защита Дигорского ущелья», «Борьба горцев за советскую власть», скульптурах «Народный мститель», «Вперед, победа за нами», проникнуты возвышенным революционным романтизмом. К этому разряду произведений революционного искусства относился и памятник Салавата Юлаеву, установленный в 1967 г. на берегу реки Белая в Уфе.

Грандиозным по замыслу художника представлялся памятник красноармейцам, погибшим во время Гражданской войны на Северном Кавказе. Над его проектом С. Тавасиев работал в середине 1930-х гг. «Масштабы беру огромные, – писал скульптор в 1935 г. М.С. Туганову, – и в основу архитектоники проекта кладу нашу архитектуру обелиска надгробного и надгробных памятников, усеченных пирамид многогранных... Это фигура партизана-горца. Бурка, как форма единственная в мире, дающая возможность закончить обелиск головой человеческой»³⁵². Скульптор мыслил создать монумент-obelisk в форме пятигранной усеченной призмы размерами в основании 8х8 метров и украсить его барельефами, посвященными «выдающимся этапам революционной борьбы на Тереке». Памятник должен был символизиро-

³⁵¹ Дзантиев А.А. Образ вождя. Орджоникидзе, 1972. С. 12.

³⁵² Махарбек Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977. С. 229.

ровать интернациональное единство народов Северного Кавказа, объединенных революционной властью: «Это Чечня, Ингушетия, Осетия, Кабарда, Балкария и казачество, и во всем этом роль грозненских рабочих. И компартия большевиков»³⁵³. В силу разных обстоятельств этот проект не был реализован.

Следует отметить, что тяготение С.Д. Тавасиева к романтической приподнятости, героизация создаваемых образов и широкие пластические обобщения, свойственные творческой манере художника, не являлись простой данью времени и «политической моде». Созданные талантом и мастерством художника монументальные скульптурные произведения, наполненные революционной экспрессией, были совершенно созвучны его духовному мироощущению и мировосприятию действительности. Сосланбек Тавасиев был участником революционного движения на Северном Кавказе. «Я дал клятву своей совести отвоевать клинком свободу людям и только тогда взять в руки резец». Мастер сдержал данную клятву. «Он пришел, – по словам А.В. Луначарского, – от винтовки к резцу, как и подобает художнику-революционеру»³⁵⁴.

Тема революции, гражданской войны и социалистического строительства звучала в довоенный период и в творчестве пока еще немногочисленного сообщества профессиональных музыкантов Осетии. Популярны и востребованы были песенно-хоровые сочинения Ахполата Аликова. Энергичные, простые песни-марши – своего рода песни-листовки, песни-плакаты, несли в себе идеи гражданственности и патриотизма. Они воспевали героизм трудовых будней новой социалистической действительности. В создаваемых «песнях новой жизни» отчетливо улавливались интонации советских массовых песен, песен революции и гражданской войны. Но основным источником, питавшим музыкальную культуру Осетии в отмеченный период, было устно-поэтическое народное творчество³⁵⁵. В народной среде рождались и становились популярными песни о героях революции, о Ленине.

³⁵³ Там же.

³⁵⁴ См.: Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. С 21.

³⁵⁵ Батагова Т. Композиторы Осетии. Владикавказ, 2000. С. 27-28.

Театральное искусство Северной Осетии развивалось по тому же пути, что и другие виды искусства. Оно откликалось на «властное веление времени», формируя театр нового образца – театр-агитатор, оперативный, энергичный, «легкий на подъем». В 1920–1930-е гг. пафосом классовой непримиримости и революционной борьбы были наполнены постановки Владикавказского русского драматического театра «Гибель эскадры», «Ярость», «Как закалялась сталь» и др. Здесь первые литературные шаги сделал великий русский писатель Михаил Булгаков. Написанные им пьесы «Дни Турбиных», «Сыновья муллы» впервые были поставлены на сцене Русского театра во Владикавказе. Театр обращался и к национальной драматургии – пьесам Г. Джимиева «Дружба врагов», «Фатима» К. Хетагурова, «Дети гор», «Земля» Д. Кусова и т.д.

Преемником революционных идей и пропагандистом нового советского образа жизни стал Осетинский театр малых форм – ТЕМАФ, организованный актером и режиссером Русского драматического театра А.С. Сафроновым в конце 1920-х гг. во Владикавказе. Многие участники театральной труппы (Владимир Тхапсаев, Варвара Каргинова, Гагу и Кала Кулаевы, Владимир Баллаев, Тамара Кариаева, Мария Кургосова и др.) составили в последующем славу национального театрального искусства. А пока молодые актеры-энтузиасты отправлялись в села республики, колеся по ухабистым дорогам в грязь, в холод, в распутицу, нередко голодные, ночуя под открытым небом. Они радовали людей веселыми представлениями, песнями, танцами «на злобу дня». «Лодырям, тунеядцам, саботажникам доставалось с лихвой»³⁵⁶.

Ужесточение идеологического диктата в культурной сфере в 1930-е гг., реальная опасность быть обвиненным в создании «ошибочного, искажающего советскую действительность» произведения и попасть «под жернова» политических репрессий серьезно ограничивали диапазон творческого поиска. Тем не менее, молодая национальная драматургия продолжала разрабатывать историко-революционную тему. Вслед за Елбаздуко Бритаевым –

³⁵⁶ Там же. С. 98.

автором пьес «Хазби», «Две сестры», к историческому прошлому народа обращались Давид Туаев («Мать сирот»), Дабэ Мамсуров («Дети рабыни»). События Российской революции осмысливались в пьесах «Земля» Дмитрия Кусова, «К жизни» Барона Боциева и Гриша Плиева, «Прощай» Коста Фарниона. Большая часть драматических произведений, создаваемых «на потребу дня», не была свободна от недостатков. Объективно пьесы по-прежнему строились по уже апробированным ранее схемам, поэтому страдали шаблонностью и плакатностью образов. Но их пронизывали революционно-романтическая патетика и дух классовой непримиримости, что вполне удовлетворяло социально-политический запрос времени. Поэтому они многократно возвращались в репертуар профессиональных театров (Республиканского театра русской драмы и Северо-Осетинского драматического театра), а также ставились самодеятельными любительскими коллективами республики. Они выдержали испытания во время Великой Отечественной войны, вдохновляя бойцов, тружеников тыла героикой революционной борьбы.

Заметим, что в годы Великой Отечественной войны в профессиональном искусстве страны акценты отражения событий революции и гражданской войны были несколько смещены. Произошел переход от целей воспитания нового человека – новатора и преобразователя всего мира к задачам гражданской мобилизации защитников своего Отечества на фронте и в тылу. Поэтому на первый план в национальном искусстве и Северной Осетии вышла тема войны.

Художники Осетии деятельно откликнулись на прямую угрозу, нависшую над родиной. Художники не только сражались на фронтах, участвовали в строительстве оборонительных сооружений на подступах к Владикавказу. В профессиональном плане в их среде самым популярным стал жанр политического плаката и газетно-журнальной карикатуры. В практику была возвращена работа в «Окнах ТАСС» как разновидность оперативного отклика на события. Плакаты и агитокна художника А.З. Хохова «Отомстите!», «Лучше умереть народом свободным, чем кровавым потом деспоту служить», серия акварелей «Гизельская тра-

гедия» стали документальными свидетельствами мужества соотечественников и злодеяний оккупантов. К работе «Окон ТАСС» подключились М.С. Туганов, Н.Е. Кочетов, В.В. Лермонтов, А.Ф. Панков, Г.С. Труфанов, художник-фронтовик А.В. Джанаев. Кроме агитационных плакатов эти художники создавали также живописные и графические работы («Тыл Осетии на помощь фронту», «Трудящиеся вносят сбережения на танковую колонну» М. Туганова, «Конница Плиева», «Разгром немцев на подступах к городу Орджоникидзе» А. Джанаева » и др.).

К теме борьбы за свободу и независимость Отчизны обратились музыканты. В годы войны слагались песни «О генерале И. Плиеве», «О Казбеке Карсанове», песни-призывы «Смерть фашистам» А. Аликова, «Верны мы присяге», «Песнь гнева» А. Поляниченко, «Смерть врагу» А. Тотиева и т.д.³⁵⁷ Одним из важнейших направлений деятельности музыкальных и театральных коллективов являлась организация шефских концертов. За годы войны состоялось 7820 выступлений в воинских частях, в госпиталях, на передовой³⁵⁸. Кроме участия в выездных концертах труппы республиканских театров, несмотря на уход на фронт многих актеров и других работников, расширили тематику своих репертуаров от постановки пьес, посвященных нартовскому эпосу, до спектаклей, отражающих революционные события и военную повседневность («Нарт Батраз» К. Казбекова и В. Корзуна, «Вождь Багатар» Д. Мамсурова, «Олеко Дундич» М. Каца и А. Ржешевского, «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Жди меня» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «Черный туман» Г. Джимиева).

Традиции, заложенные в осетинском искусстве в 1920–1930-е гг. и в период войны, были продолжены в мирное время в творчестве новых поколений художников, музыкантов, театральных деятелей. Многие из них прошли обучение в высших специальных учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Харькова и теперь с багажом профессиональных знаний, воспитанные в духе

³⁵⁷ История Северной Осетии. XX век. С. 372.

³⁵⁸ Там же. С. 376.

советской идеологии активно вовлекались в осмысление событий революции и гражданской войны на Северном Кавказе.

Характерной особенностью осетинского профессионального искусства второй половины 1940–1950-х гг. стало активное возвращение к теме революции 1917 г. с персонификацией ее истории. В больших живописных произведениях «Переход XI армии во главе с С.М. Кировым через Мамисонский перевал» А.З. Хохова и Ф.П. Варлакова, «Выступление Сталина во Владикавказском городском театре на съезде горских народов в 1921 г.» А.З. Хохова и Н.Е. Кочетова, «Г.К. Орджоникидзе – чрезвычайный комиссар», «Кяба Гоконаева призывает жителей селения Дигора на борьбу с деникинцами» А.В. Джанаева, «С.М. Киров в селе Ольгинском» Б.Н. Калманова и скульптурных композициях «С.М. Киров среди красногвардейцев», «С.М. Киров и Г.К. Орджоникидзе» Ч. Дзанагова изображались реальные исторические персонажи, руководители революционного движения на Северном Кавказе.

В 1960–1980-е гг. отмеченное направление в изобразительном искусстве развивалось в основном в жанре портрета. В живописных работах З.П. Абоева «Портрет героя Гражданской войны Б. Гагиева», К.А. Хетагурова «Киров на Кавказе», в скульптурах М.Н. Дзбоева «Памятник С.М. Кирову», В.К. Хаева «Г. Цаголов» и других представляли реальные участники революции и Гражданской войны на Тереке.

Выделенные два послевоенных этапа в развитии изобразительного искусства республики вполне отчетливо демонстрировали генеральные идеологические константы культурной политики советского государства. На первом этапе в условиях культа личности и несколько позже герой художественного произведения трактовался как лидер, организатор исторических событий. На следующем этапе образы в жанре портрета оценивались не только как персонажи истории, но и по таланту авторского понимания темы «героя нашего времени».

В послевоенное время героико-эпические темы и образы в осетинском музыкальном искусстве заняли центральное место. Самым заметным достижением национальной музыкальной культуры 1940–1950-х гг. стала Первая «Осетинская» симфония ком-

позитора Т. Кокойти. В последующие десятилетия музыкальные достоинства и творческие достижения в этой симфонии оказали несомненное влияние на всех осетинских композиторов. Историко-героическое, историко-эпическое начало было стержневым и в первых трех симфониях композитора Ж. Плиевой. Теме Ленина и Октябрьской революции были посвящены Вторая и Четвертая симфонии композитора Д. Хаханова³⁵⁹.

В вокально-хоровых произведениях А. Кокойти, Т. Кокойти, Е. Колесникова, Л. Кулиева, Х. Плиева и других осетинских композиторов воплощались образы реальных исторических личностей. В послевоенные два десятилетия особенно популярные песни, кантаты и оратории о В.И. Ленине, С.М. Кирове, о красных партизанах, о Хадзбатыре Кусове, о Кантемире Цаликове и других героях революции и Гражданской войны исполняли многочисленные профессиональные и самодеятельные хоровые коллективы.

Своеобразной «охранной грамотой» для деятелей искусства в условиях политической цензуры служил список официально рекомендованных тем. Но даже в этих условиях пройти цензурный отбор без потерь удавалось далеко не всегда. Творческую личность подстерегала опасность «оказаться в плену исторических заблуждений». В качестве иллюстрации приведем эпизод, связанный с подготовкой осенью 1951 г. очередной недели осетинской культуры в Москве.

По сложившейся уже традиции «согласований» при составлении и утверждении программ подобных мероприятий следовало получить одобрение высших властных инстанций. Поэтому в сентябре 1951 г. секретарь Северо-Осетинского обкома ВКП (б) К.Д. Кулов направил официальное письмо секретарю ЦК по идеологии М.А. Суслову с просьбой разрешить постановку пьесы Е. Уруймаговой «На восходе» (в ней описывались революционные события в Осетии), чтобы затем показать спектакль в Дни культуры в Москве. Из ЦК ВКП (б) пьеса была направлена на экспертизу в Институт Маркса, Энгельса и Ле-

³⁵⁹ Батагова Т. Осетинская симфоническая музыка XX века. М., 2010. С. 60-63.

нина (с 1956 г. по 1991 г. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – *И.Ц.*). В декабре того же года руководство Института направило на имя М.А. Суслова письмо, содержащее отрицательный отзыв на пьесу. В нем отмечалось: «В пьесе имеется ряд исторических неточностей, а также искажений. ...Не отражены важнейшие события на Тереке, не показана деятельность Владикавказской большевистской организации, неправильно показаны Киров и Орджоникидзе, не показана помощь русского народа трудящимся горцам».

В вину автору пьесы ставилось и «вольное обращение с фактами»³⁶⁰. Рецензент указывал на ошибочную датировку статьи И.В. Сталина «Одна из очередных задач», написанной в апреле 1918 г., но по воле драматурга превратившееся в письмо, датированное октябрём 1917 г. и якобы адресованное С.М. Кирову. То обстоятельство, что «искажение исторического факта» могло быть допущено в качестве художественного приема, не было принято во внимание³⁶¹. В итоге, в постановке пьесы было отказано. Премьера спектакля «На восходе» после ряда «доработок» состоялась на сцене Северо-Осетинского драматического театра лишь в 1955 г., уже после смерти автора.

Непросто складывалась сценическая судьба ряда других драматических произведений местных авторов. На рубеже 1940–1950-х гг. объектом жесткой критики партийно-культурных кураторов стали пьесы «Сын народа» и «Хадзимет Рамонов» Д. Кусова, пьеса «Коста» Т. Епхиева и Т. Джатиева, несмотря на то что некоторые из этих произведений на протяжении нескольких лет были весьма востребованы, и не только профессиональными коллективами. Они ставились самостоятельными народными театрами даже в отдаленных горных аулах Осетии и пользовались неизменным успехом у зрителей.

³⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Ед. хр. 331. Л. 85, 86, 92.

³⁶¹ Цориева И.Т. Тенденции развития советского театрального искусства во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. (по материалам Северной Осетии) // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2016. № 1(9). С. 11-12.

Театроведы, режиссеры, актеры отмечали в рассматриваемых пьесах хронический сценарный схематизм, неполноценность выписанных образов, примитивность и прямолинейность конфликтных ситуаций³⁶². Но политических цензоров, в отличие от участников постановок, беспокоили, в первую очередь, отнюдь не художественные недостатки и просчеты в пьесах. К примеру, неверное изображение событий Революции и Гражданской войны на Тереке в 1917–1920 гг. инкриминировали авторам спектакля «Хадзимет Рамонов» – драматургу Д. Кусову и режиссеру Е. Сахарову. Премьера состоялась в 1949 г. на сцене Северо-Осетинского театра, после которой в официальных откликах авторам указали также на забвение роли русского рабочего класса в освобождении осетинского народа от феодального и капиталистического ига. Ссылаясь на подобные ошибки, партийная критика подвергла ревизии репертуарную политику театров и обнаружила «ошибки», факты постановки «идейно порочных пьес»³⁶³.

Неудивительно поэтому, что руководство Республиканского русского и Северо-Осетинского драматического театров впредь с большой осторожностью подходило к отбору произведений местных авторов на революционную тему (впрочем, это касалось и других тем). Нехватка национального драматургического материала восполнялась за счет постановки пьес советских писателей, успешно прошедших политическую цензуру («Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Гибель эскадры» А. Корнейчука, «Разлом» А. Фадеева, «Шторм» В. Биль-Белоцерковского, «Дни Турбиных» М. Булгакова и др.).

В середине 1950-х – 1960-е гг. «оттепельные» процессы в советском обществе оказали заметное влияние на состояние национальных культур. В целом тематическая направленность художественного творчества в своих сущностных основах не изменилась, но идеологическое давление в этой сфере несколько смягчилось. Благодаря изменениям в духовной жизни общества

³⁶² Хугаев Г. Д. Театр – судьба моя. Владикавказ, 2011. С. 65.

³⁶³ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 233. Л. 48, 49; ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 730. Оп. 1. Д. 9. Л. 6.

традиционные темы революции и гражданской войны наполнялись новым гуманистическим смыслом и содержанием. В художественных произведениях стали звучать идеи гражданственности, революционного романтизма, возвращения к «истокам подлинного ленинизма». Менялся и главный герой. Теперь это были не вождь, не революционная масса в целом, а отдельная личность, обычный человек, который оказался преднамеренно или по воле случая в центре жестокого политического противостояния и был вынужден отстаивать свои убеждения, нередко ценой своей жизни³⁶⁴.

Надежды прогрессивной части общества отражали не противники, а сторонники идеи строительства социализма и коммунизма с человеческим лицом. Эти пассионарии социалистического прогресса предполагали расширение классовой основы государства, в том числе в сфере культуры. В них не было ощущения конфликта интересов с пропагандистами идей революции. Наоборот, они считали себя наследниками революционного духа, преемниками в развитии теории и практики социализма.

Между тем, партийная номенклатура, также анализируя перспективы развития государства и учитывая умонастроения творческой интеллигенции, вырабатывала новый политический курс, отчасти вобравший дух социального неоромантизма времени. В документах ЦК КПСС начала 1960-х гг. была сформулирована идея построения к 1980-му г. коммунистического общества в СССР. Волонтаристская, по сути, она потребовала соответствующего художественного оформления. Результатом социально-политического запроса вновь стал пробудившийся в советской культуре интерес к монументальному искусству – «большому стилю» (в конце 1950-х гг. в г. Орджоникидзе были сооружены «Памятник бойцам и командирам Красной Армии, погибшим в 1919 году», «Памятник китайским добровольцам, погибшим за

³⁶⁴ Цориева И.Т. Революция и Гражданская война в изобразительном искусстве Осетии 10920-1980-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 1(87). С. 51.

советскую власть на Тереке»). Этот запрос расширил возможности для героизации революционного прошлого, мифологизации образов гражданской войны – «комиссаров в пыльных шлемах» и коммунистов, живших принципами самоотречения.

В 1960-е – начале 1980-х гг. в Северной Осетии были созданы мемориальные памятники борцам за установление советской власти, участникам революции и гражданской войны. В скульптурах и живописных полотнах представляли не только реальные исторические личности, но и персонажи, созданные воображением художников. Мифологизация героев революционных событий порождала и соответствующий художественный стиль – стиль революционного неоромантизма. Именно в этом стиле были созданы живописные и скульптурные образы «рыцарей революции»: «Становление советской власти в Осетии» З.П. Абоева, «Всадники революции» и «Знамя свободы» Ш.Е. Бедоева, «Да здравствует революция!», «Революционеры Северного Кавказа» Ю.А. Дзантиева, «Вестник революции» Э.А. Саккаева, «Октябрь на Тереке» М.Ф. Джикаева, «Участник Гражданской войны» Б.А. Шанаева, «Памятник Кирову» М.Н. Дзбоева и др.

В музыкальном искусстве революционная тема продолжала осмысливаться через создание синтетических музыкальных форм, окрашенных в романтические, патетические эмоциональные тона. Музыкальная культура пополнилась в отмеченные годы новыми вокально-инструментальными произведениями («Слава Октябрю» Х. Плиева на слова Д. Дарчиева, «Песня об Антоне» Д. Хаханова, оратория А. Кокойти, «Ленину» Ж. Плиевой на слова И. Козаева и др.). Развитие национальной композиторской школы к этому времени достигло уровня, который позволял создавать музыкальные произведения крупных форм для симфонического оркестра (например, уже упомянутая Четвертая симфония Д. Хаханова «Октябрь 1917 г.», «Приветственная увертюра для симфонического оркестра» Р. Цорионти и др.)³⁶⁵.

³⁶⁵ Батагова Т. Композиторы Осетии. С. 225.

Развивая традиции героико-романтического театра, новую драматургию осваивали профессиональные и любительские творческие коллективы Северной Осетии. В их основу легли произведения национальной драматургии и театрального искусства послевоенных 1940–1950-х гг. («Черная девушка» Р. Хубецовой, «Мухтар», «Мстители» Д. Темиряева, «Два сына» Д. Туаева, «Сармат и его сыновья» Н. Саламова), высоко оцененные театральной критикой и полюбившиеся зрительской аудиторией. В 1960–1980-е гг. героико-романтическая тема получила продолжение в национальной драматургии, в театральных постановках по пьесам Г. Плиева «Чермен», А. Токаева «Крылатые», Х. Цопанова «Абрек», Д. Темиряева «Клятва», Е. Бритаева «Амран», В. Гаглоева «Земные боги» и др.

В 1960–1980-е гг. большой размах в общественной жизни страны получила организация массовых торжественных мероприятий, приурочивавшихся к празднованию знаменательных исторических и революционных дат. Творческая интеллигенция Северной Осетии была активно вовлечена в этот процесс. Многие художественных произведений специально создавались к различным юбилейным датам: 50-летию и 60-летию Октябрьской революции, 50-летию и 60-летию образования СССР, 50-летию и 60-летию образования Северо-Осетинской АССР и т.д.

В соответствии с очередным политическим заказом в эти годы особый акцент в «датских» произведениях был сделан на пропаганде идей классовой солидарности, патриотизма, интернационализма и дружбы между народами. Обозначенные задачи решались в контексте двух ведущих тем: «Революция» и «Ленин». Последняя тема приобрела особую популярность в художественном творчестве в конце 1960-х – начале 1970-х гг. и была приурочена к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Художественная Лениниана в осетинской профессиональной культуре началась в далеком 1924 г. и имеет богатую историю не только в политическом контексте, но и в художественном смысле. Вскоре после траурных январских дней 1924 г. молодой скульптор Давид Дзантиев принес в Горский областной комитет РКП(б) не-

большую композицию «Горцы у гроба Ленина». В том же году в высокогорном селе Лац в Куртатинском ущелье был установлен один из самых первых в стране памятников В.И. Ленину в виде черной сланцевой плиты. Впоследствии это событие послужило сюжетом для картины Б. Калманова «Памятник в горах» и для скульптуры С. Санакоева «Памятник»³⁶⁶.

В августе 1926 г. в столице Северной Осетии, на центральной площади города был открыт памятник В. И. Ленину (высотой в 2 метра) работы скульптора В. В. Козлова. Проект пьедестала был изготовлен курсантом пехотной школы, тогда еще начинающим художником Н.Е. Кочетовым и доработан инженером-архитектором Е.И. Дескубесом. Это была авторская копия памятника, позднее установленного перед зданием Смольного в Ленинграде. Памятник во Владикавказе установили на средства, собранные жителями Северной Осетии. Большую помощь оказали соседи из Чечено-Ингушетии, предоставившие гранит и крупную денежную сумму в распоряжение комиссии, занимавшейся организационными вопросами³⁶⁷.

Через три десятилетия, в канун 40-летия Октябрьской революции, 6 ноября 1957 г. на реконструированной площади имени Ленина в столице Северной Осетии – городе Орджоникидзе был установлен новый памятник, 12-метровый монумент работы скульптора З.И. Азгура и архитектора Г.А. Захарова. Прежний памятник работы В. Козлова был установлен в одном из районных центров республики – городе Алагире³⁶⁸.

В целом, несмотря на верховенство идеологического начала, многое из Ленинианы 1960–1980-х гг. вошло в разряд произведений высокой художественной значимости. Среди таких работ заслуживают упоминания скульптуры Ч.У. Дзанагова «Портрет Ленина», С.П. Санакоева «В.И. Ленин и горец», «Скорбящий горец», картины П.М. Зарона «К товарищу Ленину», А.В. Джанаева «Делегация Горской республики у В.И. Ленина», серия линографов Ю.Г. Бигаева «Ленин и революция».

³⁶⁶ Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. С. 98.

³⁶⁷ Дзантиев А. А. Образ вождя. С. 9, 13-17.

³⁶⁸ Городу Орджоникидзе 200 лет. 1884-1984. С. 466.

Не осталось в стороне от осмысления ленинской темы и театральное искусство. Ставились спектакли по пьесам известных советских драматургов: Н. Погодина «Кремлевские куранты», «Третья патетическая», М. Шатрова «Именем революции», В.А. Раздольского «Вьюга» и др. В национальной драматургии не был создан достойный сценический образ «вождя революции». Но он незримо присутствовал во всех драматических произведениях, посвященных революционной теме («Идущие к счастью» Ц. Гадиева, «Хадзимет Рамонов» Д. Кусова, «На восходе» Е. Уруймаговой). Своеобразным закадровым рефреном ленинская тема звучала и в самом молодом виде национального искусства – в кинематографе.

Нами более подробно будет рассмотрена далее история становления и развития региональной кинематографии, базой для которой с начала 1960-х гг. стала Северо-Осетинская студия телевидения. Здесь же отметим доминирование в творчестве кинорежиссеров Северной Осетии жанра историко-революционного кино, что было совершенно созвучно идее «революционного романтизма», получившего распространение в литературе и искусстве отмеченных лет. В 1967 г. к 110-летию со дня рождения основоположника осетинской литературы К.Л. Хетагурова на Северо-Осетинской студии телефильмов был снят фильм-опера «Возвращение Коста». Картина, названная ее создателями музыкальной поэмой, содержательно и тематически всецело соответствовала «духу времени». В ней осмысливались социальные предпосылки революции, борьба прогрессивных представителей национальной интеллигенции за свободу и независимость народа.

Следующий фильм «Костры на башнях» представлял первый опыт воплощения революционной темы северокавказскими кинематографистами в рамках полнометражного игрового кино. Затем были другие фильмы, отражавшие события революции, Гражданской войны и социалистического строительства на Северном Кавказе. Среди них – «Жизнь, ставшая легендой», «По следам Карабаира», «Кольцо старого шейха» и др. В целом эти фильмы,

создаваемые многонациональными творческими коллективами, довольно успешно формировали в общественном сознании идеи социальной справедливости, равноправия и межнационального мира.

Таким образом, в целом тема революции стала одной из самых разрабатываемых в национальном профессиональном искусстве Осетии в 1920–1980-е гг. В разные периоды развития советского государства искусство сообразно «духу времени» высвечивало отдельные грани этого исторического события, наполняя его соответствующими смыслами, которые отвечали социально-политическим запросам конкретного исторического момента. Важнейшей политико-правовой составляющей культурной политики за этот воистину исторический по значимости промежуток времени являлось введение системной управленческой практики, которая соответствовала идеологической доминанте советского общественного строя и социалистическим ценностям. Опираясь на опыт Северной Осетии, можно отметить, что в национальных автономиях советская власть впервые проводила конституционно закрепленную стратегию культурного строительства на принципах взаимодействия центра и региона, с использованием творческой энергии народов. Именно в советский период истории страны были сформированы организационно-финансовые каналы государственной поддержки национальной культуры Северной Осетии, в том числе в рамках созданных творческих союзов и объединений, самостоятельных народных творческих коллективов. Несмотря на тематическую ограниченность, избирательность культурных приоритетов и необходимость соблюдения принципов соцреализма, рассматриваемый период был уникальным в развитии культуры республики.

Художник Шалва Бедоев

Скульптор Чермен Дзанагов

Художник Юрий Дзантиев

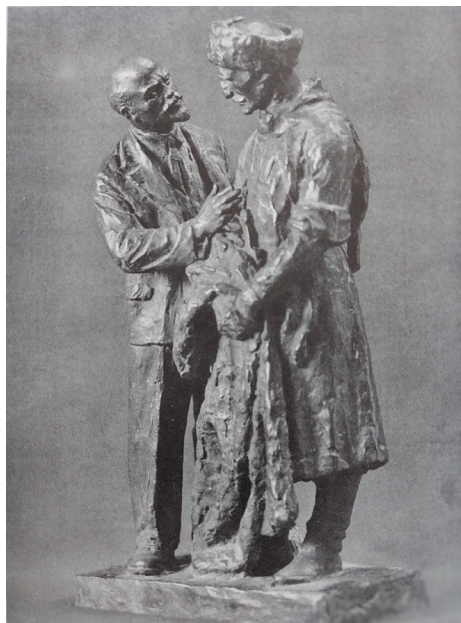
Монумент в ознаменование 200-летия присоединения Осетии к России. Авторы Ч. Дзанагов, М. Царикаев, С. Санагоев

*Памятник Петру Барабашову.
Авторы Б. Тотиев, Н. Ходов*

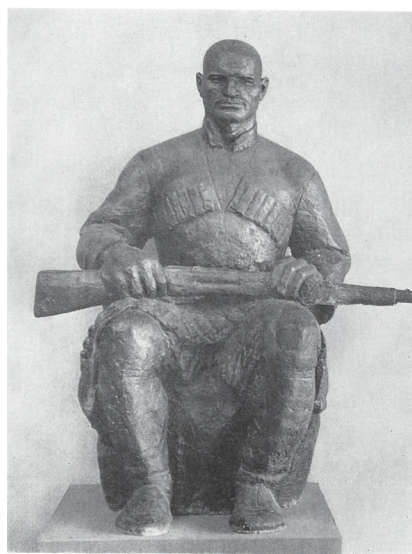
С. Тавасиев. Вперед, победа за нами!

С. Санакоев. Ленин и горец

Ш. Бедоев. Знамя свободы. 1984 г.

Б. Шанаев. Участник Гражданской войны

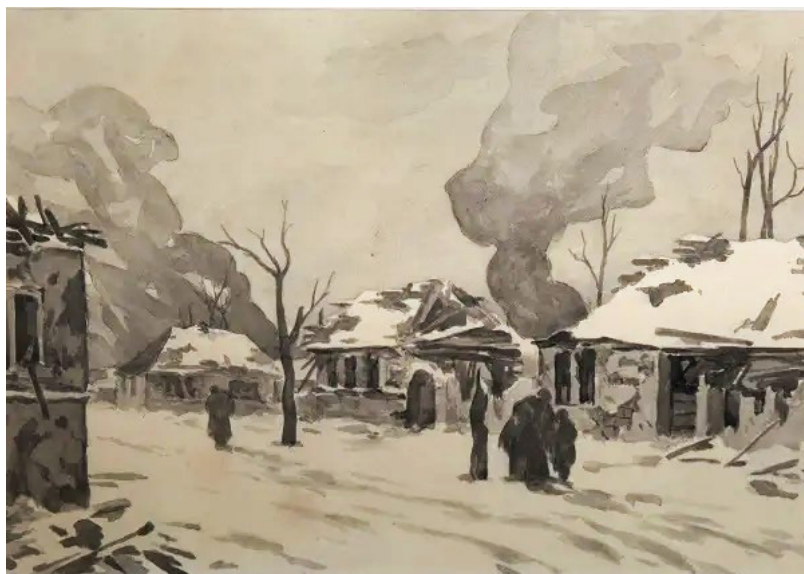
А. Джанаев. Коммунисты Дигории. 1966 г.

Ю. Дзантиев. Да здравствует революция!

З. Абоев. Портрет Б. Гагиева

А.-Г. Хохов. Гизельская трагедия

Б. Калманов. Мать

*М. Дзбоев. Памятник преподавателям и студентам
Северо-Осетинского госуниверситета, погибшим в годы
Великой Отечественной войны*

*Д. Цораев. Памятник воинам, погибшим в годы
Великой Отечественной войны*

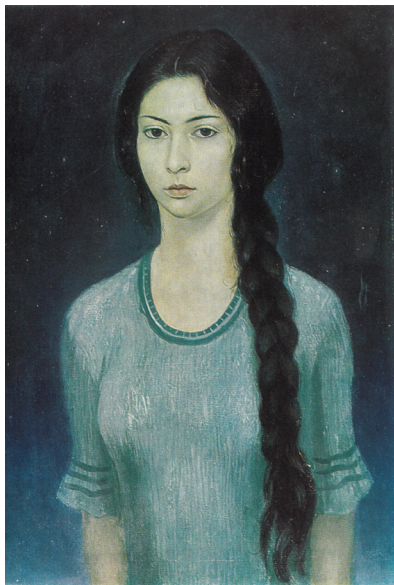
Ш. Бедоев. Сбор урожая

Ю. Дзантиев. Возвращение с покоса

*А. Джанаев.
Портрет Владимира Тхапсаева
в роли Отелло*

*Э. Саккаев. Портрет Л. Басиевой,
сестры художника*

7. Отражая время в объективе кинокамеры: северокавказский кинематограф в 1940–1980-е гг.

Становление национального киноискусства на Северном Кавказе. Анализ происходящих в современном мировом кинематографе процессов убеждает, что кино, как и сто лет назад, остается «важнейшим из искусств». Без сомнения, из всех видов художественного творчества кино – самое демократичное и в силу иллюстративной образности языка самое доступное для восприятия миллионов людей искусство. Оно с легкостью преодолевает границы государств и культур, активно вовлекается в общемировые процессы глобализации и, вместе с тем, выступает важнейшим фактором обеспечения национально-культурной идентичности народов.

В развитии отечественной кинематографии постсоветские 1990-е и начало 2000-х гг. стали одним из самых сложных периодов. В результате разрыва межкультурных связей национальных республик бывшего СССР и резкого сокращения государственной поддержки российское киноискусство пережило глубокий кризис. Вхождение в рыночные отношения сопровождалось значительным снижением количества и качества кинопродукции. Однако наблюдающиеся в последние годы в государственной культурной политике изменения, направленные на нормализацию ситуации в сфере отечественного киноискусства, вселяют осторожный оптимизм. Поддержка и реализация крупных кинопроектов свидетельствуют о возвращении внимания государства к проблемам кино. Растет понимание роли кино как социального института, обладающего мощным потенциалом воздействия на общественные устроения при решении стратегически значимых для государства задач. Осознание высокого предназначения кино в жизни многонациональной России делает актуальной постановку вопроса о том, каким быть современному отечественному кино. Низводить искусство под вывеской реализма до натуралистичной демонстрации «мерзостей жизни» и унижать тем самым достоинство рядового россиянина (среди таких фильмов в современном российском кино «Левиафан», «Сволочи» и др.),

или воспитывать гражданина, патриота своего Отечества, уважающего культурные, религиозные, ментальные различия народов, населяющих Российскую Федерацию? В контексте обозначенной проблемы анализ и практическое освоение советского опыта становления и развития национальных школ киноискусства и кинопроизводства как части культурного наследия народов России представляется весьма актуальным. Важным аргументом обоснования актуальности отмеченной проблемы как объекта научного исследования служит сама история становления кинематографа в северокавказских республиках. Прежде всего, время его организационного формирования, выпавшее на тяжелейший начальный период Великой Отечественной войны, когда шли ожесточенные бои за Северный Кавказ. Необходимость обращения к вопросу формирования и развития киноискусства в региональном разрезе диктуется также слабой изученностью этой темы в отечественной историографии³⁶⁹.

Процесс зарождения национального киноискусства в регионе был непосредственно связан с деятельностью Ростовской киностудии по производству хроникально-документальных фильмов. В октябре 1941 г. студия была эвакуирована из зоны боевых действий сначала в город Орджоникидзе (ныне Владикавказ)³⁷⁰. А через год, 1 октября 1942 г. в связи с приближением фронта отправлена в Тбилиси. В апреле 1943 г. она вновь была возвращена в Орджоникидзе. Студия кинохроники столкнулась с огромными трудностями и лишениями эвакуации военного времени (отсутствие должной материальной базы, недостаточная техническая оснащенность, острая нехватка людских ресурсов, дефицит про-

³⁶⁹ Джулай Л.Н. Рождается сегодня... Очерк истории художественного кинематографа Северной Осетии // Вопросы осетинского советского искусства. Т. 38. Орджоникидзе, 1981. С. 152-171; Она же. Познание поэтики. Поиски образа в документальном телефильме // Литературная Осетия. 1975. № 46. С. 103-109; Хубецова З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. Владикавказ, 1999.

³⁷⁰ Название города Владикавказ в XX веке менялось несколько раз. В 1931-1944 и 1954-1990 гг. он назывался Орджоникидзе, в 1944-1954 гг. – Дзауджикау, в 1990 г. возвращено первоначальное наименование. См.: История Северной Осетии. XX век. С. 622, 624–625, 628.

фессиональных кадров и др.). Тем не менее, она возобновила свою деятельность по выпуску киножурнала «Северный Кавказ» о трудовых и боевых буднях населения Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев, национальных республики Северного Кавказа.

Накопленный за годы войны опыт организации кинопроизводства в столице Северо-Осетинской АССР был учтен Советским правительством и послужил основанием для принятия весной 1945 г. решения о создании (наряду с Ростовской) самостоятельной Северо-Кавказской студии кинохроники. В сферу ее обслуживания вошли Кабардинская, Северо-Осетинская, Дагестанская АССР и Грозненская область. В соответствии с распоряжением Совета Народных Комиссаров СССР 22 марта 1945 г. был подписан Приказ Комитета по делам кинематографии при СНК СССР о создании в г. Дзауджикау Северо-Кавказской студии кинохроники. На финансирование капитальных работ по ее организации на II квартал 1945 г. Управлению капитального строительства Комитета было поручено выделить 100 тыс. руб. (в ценах соответствующих лет). Обязанности по обеспечению Северо-Кавказской студии необходимым оборудованием и аппаратурой возлагались на Отдел местной кинохроники и Технический отдел Комитета. Подготовительные работы по вводу Студии в эксплуатацию планировалось завершить летом 1945 г.³⁷¹

Несмотря на заинтересованность органов власти в скорейшем завершении организационного этапа создания студии, следует учитывать, что ее становление происходило в сложных реалиях первых послевоенных лет. Студию разместили в здании бывшего музея в маленьком, плохо приспособленном для работы помещении. В качестве оборудования и аппаратуры для новой студии оставили часть производственных мощностей Ростовской студии кинохроники. За отсутствием собственных профессиональных кадров специалистов приглашали из разных регионов страны. Первыми операторами и кинорежиссерами студии были сотрудники той же Ростовской студии кинохроники, а также приехавшие в столицу Северной Осетии фронтовики, операторы

³⁷¹ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 2. С. 166–167.

П. Финкельберг, В. Еремеев, М. Барбутлы. В качестве помощников и ассистентов у них работали местные молодые ребята Х. Короев, В. Дзобаев и др. Они не имели специального образования, а «свои университеты проходили у высококлассных мастеров», на практике приобретая бесценный опыт освоения профессии³⁷².

Со временем, преодолев трудности роста, Северо-Кавказская студия превратилась в один из ведущих центров региональной документалистики. Она снимала хроникально-документальные, научно-популярные и учебные фильмы. С 1950-х гг. во всех автономных республиках региона работали корреспондентские пункты, которые собирали документальный материал для выпусков киножурнала «Северный Кавказ». Помимо Северо-Осетинской, Чечено-Ингушской, Кабардино-Балкарской и Дагестанской автономных республик в сферу обслуживания Студии кинохроники вошел и Ставропольский край. Ежегодно выпускалось 48 номеров журнала. Обычно выпусками киножурнала предварялась демонстрация художественных фильмов в кинотеатрах. Создатели журнала рассказывали об общественно значимых событиях в повседневной и политической жизни народов Северного Кавказа, о достижениях в сфере промышленного производства, в строительстве, в сельском хозяйстве, об успехах в работе научных и культурных учреждений региона, о знаменитых людях, передовиках производства, деятелях культуры и т.д. Студия активно утверждала в документальном кино жанровое разнообразие сюжетов, снимала очерки, кинопортреты, фельетоны, тематические киножурналы и т.д.³⁷³

Студия кинохроники работала в тесном взаимодействии с творческой интеллигенцией республик Северного Кавказа. К созданию документальных картин об историческом прошлом и современности, о культурном развитии северокавказских народов активно привлекались местные писатели, композиторы, другие деятели искусства (писатели А. Агузаров, Р. Гамзатов, М. Цагараев, композиторы М. Кажлаев, И. Габараев и др.). В ряду значительных работ Северо-Кавказской студии кинохроники этого

³⁷² Хубецова З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. С. 43-44.

³⁷³ Культурное строительство в Северной Осетии. Т.2. С. 188-189.

времени, следует упомянуть две документальные киноленты «По стране гор» и «Искусство, рожденное в горах», снятые по сценариям дагестанских писателей Р. Гамзатова и Р. Фатуева. Фильмы повествовали о суровой прекрасной природе, многовековой богатой истории и культуре уникального многонационального Дагестана. Они были с одобрением восприняты специалистами и получили признание всесоюзной зрительской аудитории ³⁷⁴.

В целом региональное документальное кино нацеливалось на выполнение важнейших идеологических задач – на пропаганду советского образа жизни, показ преимуществ социалистического строя и воспитание «нового человека – строителя коммунизма». Дружба народов, герои пятилеток, рационализаторы, передовые методы труда, быт и отдых советских людей являлись главными темами творческого осмысления и отражения повседневности северокавказских республик методами и средствами документального кино. Достижение поставленной цели обеспечивалось благодаря кропотливому труду и творческому энтузиазму сценаристов, режиссеров, операторов, инженеров и рядовых участников кинопроизводства, создававших оптимистичную картину повседневной жизни населения северокавказских республик.

Создание Северо-Осетинской студии телевидения и формирование материально-технической и кадровой базы телевизионного киноискусства. К 1960-м гг. сложились организационно-кадровые предпосылки для развертывания телевизионного вещания в автономных республиках Северного Кавказа. В значительной степени организаторы республиканских студий телевидения опирались на энтузиазм, творческую инициативу местной талантливой технической и творческой интеллигенции, молодежи, увидевшей в новом виде искусства огромный потенциал для самореализации. Как позже вспоминал главный режиссер Дагестанской студии телевидения А.В. Мелентьев, «это был замечательный этап, совпавший по времени с «золотым веком» всего советского телевидения... Учителей не было, потому что учителей не было вообще, и профессионалами становились на работе – в

³⁷⁴ История Дагестана с древнейших времен до наших дней в двух томах. Махачкала. 2005. Т. 2. С. 367.

студии, на режиссерском пульте, за монтажным столом, с кинокамерой в руках. И профессионалами становились, потому что в только что построенные студии хлынул поток самых оригинальных и талантливых людей разных специальностей, спешивших попробовать себя в этом новом, таком доступном для всех и демократическом новом искусстве»³⁷⁵.

Оригинальное мышление, инициативность, целеустремленность, способность к эксперименту и импровизации, самоотверженность и самоотдача – качества, необходимые в любом новом деле, оказались чрезвычайно востребованными при формировании северокавказского регионального телевизионного вещания. О «непередаваемой ауре всеобщего энтузиазма в работе», об удивительной атмосфере сплоченного коллектива, «небольшого по численности, но жаждущего освоить все грани многосложного процесса телевизионного искусства, требовавшего раскрытия его неиссякаемых творческих и технических возможностей» вспоминают участники и свидетели событий более чем полувековой давности. «Мы все были романтиками... Людьми увлеченными, влюбленными в свою очень интересную новую профессию, – отмечала М.Д. Бетоева, занимавшая в 1962–1968 гг. должность заместителя председателя Гостелерадио Северо-Осетинской АССР. – Здесь еще не было многих специалистов, но работали энтузиасты, работали от души..., самозабвенно, и была высокая отдача»³⁷⁶.

Начало 1960-х гг. стало временем активного поиска, собирания и подготовки кадров молодых специалистов, способных мыслить творчески, готовых осваивать технологические новации, учиться искусству телевизионного вещания, создания телевизионного кинематографа. К комплектованию штатов телевидения профессиональными кадрами руководство национальных республик подходило с особым тщанием. О том, как ревностно

³⁷⁵ Мелентьев А.В. Дагестанское ТВ: Молодежные программы (1985–1989) // Художественное творчество Дагестана и молодежь. Махачкала. 1991. С. 83.

³⁷⁶ Бетоева М.Д. Мы все были романтиками... // Осетинская горка. Восхождение: к юбилею ГТРК «Алания». Владикавказ. 2011. С. 41.

решался этот вопрос, свидетельствуют воспоминания уже упоминавшейся М.Д. Бетоевой, выпускницы отделения журналистики Высшей партийной школы в Москве начала 1960-х гг.: «Накануне государственных экзаменов меня вызвал ректор со словами «звонил первый секретарь Северо-Осетинского обкома» и протянул телефонную трубку.

– Как учеба?..., – спросил Билар Емазаевич (Кабалоев – первый секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС в 1962–1981 гг. – И.Ц.). – Было ли распределение? Потом трубку взял Иван Александрович Гапбаев (председатель Комитета радиовещания и телевидения при Совете Министров СОАССР в 1960–1963 гг. – И.Ц.):

– Не задерживайся, мы тебя ждем.

В середине июля 1962 г. я была на приеме у первого секретаря обкома КПСС. Нашу беседу он заключил:

– Сейчас формируется коллектив Республиканской студии телевидения, рекомендуем тебя главным редактором. Предложение для меня было неожиданным. Я задумалась. Уже имела опыт работы в хорошем, профессионально очень сильном коллективе журналистов редакции газеты «Социалистическая Осетия».

Билар Емазаевич, тонкий психолог, обладал удивительной способностью понять и невысказанные мысли собеседника:

– Ты нужна там. Иван Александрович ждет тебя...»³⁷⁷.

Пространная выдержка из воспоминаний М.Д. Бетоевой осознанно привлечена нами как очень яркая иллюстрация проявления типичной для национальной политической элиты периода «оттепели» практики, когда в моду особенно в автономных республиках входил культурный патернализм. Одним из проявлений этой практики стало формирование в 1960–1970-е гг. своеобразных партнерских отношений между властью и интеллигенцией, особенно ее молодой частью, только входившей в профессиональные сферы деятельности.

Анализ событий, связанных с созданием Северо-Осетинской студии телевидения, новой области культуры для Северной Осетии начала 1960-х гг., свидетельствует об активной включенности политического руководства, в частности «первого лица респу-

³⁷⁷ Там же. С. 41.

блики» Б.Е. Кабалоева в решение наряду с организационными, финансовыми, техническими и прочими вопросами проблемы обеспечения телевидения профессиональными кадрами. Б.Е. Кабалоев оказывал всемерную поддержку руководителю Республиканского комитета радиовещания и телевидения И.А. Гапбаеву, а затем его преемнику А.Т. Агузарову в подборе и подготовке творческих и технических кадров (редакторов, режиссеров, звукооператоров, дикторов, инженеров и др.). Среди тех, кого первый секретарь обкома КПСС рекомендовал для работы на телевидении, была Аза Ботоева, впоследствии ставшая одним из ведущих режиссер Северо-Осетинской студии телевидения. При его непосредственном содействии в молодой коллектив телевизионщиков пришли из Северо-Кавказской студии кинохроники режиссер Роберт Меркун и звукооператор Сулейман Есиев, из Республиканского радиовещания журналист Владимир Остапов и др.³⁷⁸

Руководство республики привлекало специалистов из других регионов страны. По официальному приглашению Министерства культуры Северо-Осетинской АССР (в 1963 г. его возглавил И.А. Гапбаев – И.Ц.) вернулся Маирбек Царикаев. После окончания Московского института прикладного искусства он более 12 лет проработал во Всесоюзном научно-исследовательском институте игрушки в г. Загорске (ныне г. Сергиев Посад) в должностях художника-модельера, старшего научного сотрудника, заведующего экспериментально-производственными мастерскими, главного художника. После возвращения на родину М. Царикаеву было поручено возглавить художественно-постановочную часть Северо-Осетинской студии телевидения³⁷⁹.

В апреле 1962 г. для «укрепления кадров телевизионщиков» из «Ленфильма» отозвали молодого выпускника операторского факультета Всесоюзного государственного института кинемато-

³⁷⁸ Есиев С. Строители телевидения // Осетинская горка. Восхождение: к юбилею ГТРК «Алания». С. 63–64; Ботоева А. Осетинская горка // Осетинская горка. Восхождение: к юбилею ГТРК «Алания». С. 84.

³⁷⁹ Резник О. Интервью с художником М.О. Царикаевым. Осетия-Квайса. URL: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/mairbek-carikaev-v-sssr-soyuz-xudozhnikov-severnoj-osetii-vsegda-byldnim-iz-samyx-silnyx/> (дата обращения 31.01.2011)

графии Мирона Темиряева. Дипломную работу на «отлично» он защитил по знаменитому фильму «Человек-амфибия», в киногруппе которого работал вторым оператором и производил подводные съемки. Окрыленный успехом фильма, полный творческих замыслов, М. Темиряев «вернулся к родным пенатам» с собственной профессиональной кинокамерой и даже небольшим запасом киноплёнки, представлявшей в условиях всеобщего дефицита большую ценность. Возглавив кинооператорский цех, он «взялся за выполнение своей программы-минимум – создание студии телевизионных фильмов»³⁸⁰.

Режиссер В. Меркун, один из тех, кто стоял у истоков регионального телевизионного документального и игрового кино, полагал, что именно под влиянием М. Темиряева пришла в голову успешному партийному функционеру и писателю А. Агузарову «шальная, абсолютно прожектерская мысль заняться созданием кинематографа на руководимом им республиканском радио и телевидении». В домах жителей Осетии в ту пору «только-только начинали призрачно светиться серенькие телеэкраны с не менее серенькими программками»³⁸¹. Косвенным подтверждением сказанному служат слова самого М. Темиряева: «Когда в начале 1963 г. председателем телерадиокомитета назначили Ахсарбека Агузарова, я пришел к нему в кабинет и два часа с ним разговаривал. Он же в этом деле ничего не смыслил. Я ему говорил: “Это надо так делать, а это – так”. Он со мной соглашался. В любое время мог позвонить мне, хоть в три часа ночи...»³⁸².

Одновременно с привлечением профессиональных кадров извне руководство республики изыскивало возможности для отправки молодежи на специальные курсы в Москве, Ленинграде, Ростове, Риге, Тбилиси. Активно использовались целевые направления для учебы на Высших курсах сценаристов и режиссеров при Госкино СССР, во Всесоюзном государственном институте

³⁸⁰ Хубецова З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. Владикавказ. 1999. С. 50.

³⁸¹ Осетинская горка Восхождение: к юбилею ГТРК «Алания». Владикавказ. 2011. С. 208.

³⁸² Хубецова З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. С. 49.

кинематографии. Учились и на месте, в ходе практической деятельности у профессиональных режиссеров, операторов, которые приезжали в республику. Проходили стажировку в Северо-Кавказской студии кинохроники. Консультировать начинающих кинематографистов приглашали также специалистов из «Мосфильма», Студии детских и юношеских фильмов имени М.Горького, «Грузия-фильм», Рижской киностудии ³⁸³.

Начало регионального телевизионного документального кинематографа. Основание республиканских студий телевидения придало новый импульс развитию регионального киноискусства. При поддержке республиканских властей и активном участии молодых творческих коллективов телевизионщиков в короткие сроки в регионе начал создаваться телевизионный кинематограф. По мнению специалистов, ведущую роль в развитии нового направления в искусстве народов Северного Кавказа играла Северо-Осетинская студия телевидения. Ей принадлежала и важная роль в формировании творческих кадров. Многие известные в будущем деятели документального и игрового кино на Северном Кавказе, сценаристы, режиссеры, операторы Б. Бзаров, Ю. Боциев, И. Бурнацев, Р. Гаспарянц, Б. Дзбоев, С. Есиев, Ю. Мерденнов, Р. Меркун, М. Немысский, В. Пастон, И. Притула и другие начинали свой творческий путь именно на Северо-Осетинской студии телевидения ³⁸⁴. Как писал в автобиографии М. Темиряев: «Более десяти лет было потрачено на организацию, становление и «мужание» телекино в Осетии с «нулевого» цикла. В результате получилась базовая студия телефильмов Северного Кавказа, в программе которой – хроника, документальные фильмы, фильмы-концерты и, наконец, игровые фильмы» ³⁸⁵.

Формирование нового направления художественного творчества происходило в условиях острого конфликта интересов

³⁸³ Осетинская горка. С. 42, 49.

³⁸⁴ Джулай Л.Н. Рождается сегодня... Очерк истории художественного кинематографа Северной Осетии // Вопросы осетинского советского искусства. Орджоникидзе. 1981. Т. 38. С. 152–153.

³⁸⁵ Время мастера (М. Темиряев). Некролог // Северная Осетия. 2015. 22 октября.

телевизионных деятелей с Северо-Кавказской студией хроникально-документальных и научно-популярных фильмов. Профессиональное соперничество в результате «вторжения» телевизионщиков в сферу деятельности Северо-Кавказской студии кинохроники особенно обострилось с приходом А.Т. Агузарова в 1963 г. на должность председателя Северо-Осетинского комитета по радиовещанию и телевидению. Предпринимаемые им практические шаги по реализации идеи создания телевизионного кинематографа на Северном Кавказе с центром в Орджоникидзе наталкивались на жесткое противодействие со стороны руководства студии кинохроники. Впоследствии А.Т. Агузаров отмечал: «Все нам помогали. Только ... наша кинохроника не собиралась помогать. Директор Остап Павловский ... писал на нас жалобы в обком и Совет Министров. Меня называл авантюристом. Он немного присмирел, когда мы ему жестко выразили свое недовольство. Дело было в том, что у нас не было лаборатории, в которой бы проявляли киноплёнку. А у кинохроники она имелась, и она могла нам помочь. Позднее она стала помогать за деньги...»³⁸⁶.

Тем не менее, несмотря на имевшиеся противоречия между двумя творческими коллективами, освоение опыта сложившейся к началу 1960-х гг. школы региональной кинодокументалистики, оказало безусловное благотворное влияние на становление телевизионного кинематографа в северокавказских республиках.

Потребность в кино сторонники создания собственной базы объясняли желанием обогатить, разнообразить живое эфирное вещание, выйти за пределы студийного павильона, а также «законсервировать» для будущего важные эпизоды изменчивой реальности. Кино рождалось, несмотря на нехватку кинокамер, световых приборов, транспорта, монтажных столов, наконец, практического опыта кинопроизводства и др. К концу 1962 г. Северо-Осетинская студия уже располагала техническими возможностями, позволявшими снимать на узкой плёнке информационные сюжеты, очерки о людях, о событиях. А с появлением

³⁸⁶ Агузаров А.Т. Что было, что видел, что понял. Воспоминания // Мах дуг. 1992. № 4. С. 18.

Передвижной телевизионной станции (ПТС) расширились возможности для проведения внестудийных съемок ³⁸⁷.

Совершенствование технической базы киноиндустрии, появление необходимого оборудования, киноаппаратуры, рост числа профессиональных кадров – все это, помноженное на подлинный энтузиазм инициаторов и организаторов кинопроизводства, принесло со временем положительные плоды. Через два-три года после создания телестудии приступили к съемкам первых документальных фильмов. Тематика, организация, стилистика первых кинематографических работ говорили о стремлении «опробовать свежие силы нового искусства» на традиционном конгломерате сюжетов, идей, ситуаций, характеристик, принятых в литературе и искусстве ³⁸⁸.

Направления творческого поиска кинодокументалистов определялись общественно-политическими запросами времени. Большое влияние на формирование тематики документальных фильмов оказывали знаменательные политические события, в празднование которых активно вовлекалась творческая интеллигенция. Так, 1960-е гг. проходили под знаком 40-летия образования СССР, 20-летия Победы в Великой Отечественной войне, 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, наконец, подготовки к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. Общественно значимый характер для национальных республик имели юбилейные даты, связанные с созданием советских социалистических автономий – 40- и 45-летие Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской АССР, 30- и 35-летие Чечено-Ингушской АССР.

Молодое телевизионное документальное кино активно осваивало и отображало предлагаемые для осмысления темы. Особенно востребованными в национальной кинематографии в отмеченные годы были темы недавно прошедшей войны и созидательного труда в многонациональной семье советских народов. Документальная картина «У синих скал» (автор-режиссер В. Пастон, оператор М. Темиряев), созданная по законам былинного пове-

³⁸⁷ Хубецова З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. С. 47.

³⁸⁸ Джулай Л.Н. Познание поэтики. С. 103.

ствования, рассказывала о трагической судьбе Бари Темировой, потерявшей шестерых сыновей в годы Великой Отечественной войны³⁸⁹. К теме войны кинематографисты обратились и в фильме «Память сердца». Авторы (сценарист Г. Цагараев, режиссер Ю. Мерденов, оператор М. Темиряев, композитор И. Габараев) назвали его симфонической поэмой. В этой картине, лишенной слов, но наполненной музыкой, образ матери, скорбящей по погибшим сыновьям, был поднят до символического звучания. Женщин в траурном одеянии, с неутихающей сердечной болью от потери отцов, мужей, сыновей в минувшей войне было очень много по всей стране³⁹⁰.

Не менее часто повторяющимися образами в творчестве телевизионных документалистов являлись природа, история и современность многонационального населения Северного Кавказа, молодежная проблематика. Среди первых удачных телевизионных фильмов была лента «На пороге весны» (сценарист В. Остапов, режиссер В. Пастон, оператор М. Темиряев, звукорежиссер С. Есиев), рассказывавшая о трудовых буднях рабочих одного из леспромхозов республики. Потом были фильмы – «Город на Терекке», «Дары Терека», «Свет на Сангути-Хох», и другие, повествовавшие о людях разных профессий и разных национальностей. Совместно с кинематографистами Дагестана, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии были созданы документальные ленты «Шагди», «Жизнь, прожитая набело», «На земле вайнахов» и др.³⁹¹ Все эти фильмы создавали оптимистичную картину современной жизни народов Северного Кавказа, об их буднях, наполненных сотрудничеством, дружбой и взаимопомощью.

Важным этапом в становлении студии стал фильм-концерт «Мелодии гор» (режиссер Ю. Мерденов, оператор М. Темиряев, композитор И. Габараев). Первый опыт съемки на Северо-Осетинской студии телевидения картины в этом жанре оказался удачным. Фильм снимался почти целый год и вышел на экраны

³⁸⁹ Хубецова З. Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. С. 56.

³⁹⁰ Джулай Л.Н. Познание поэтики. С. 103.

³⁹¹ Агузаров А. Ваши добрые друзья // Социалистическая Осетия. 1971. 7 мая.

в начале 1966 г. Он получил положительную оценку руководства Центрального телевидения и был принят для массового тиражирования. Это был первый крупный профессиональный успех авторов фильма и молодой студии, несмотря на полупрофессиональную технику, нехватку пленки, проблемы с транспортом и пр. Фильм-концерт «Мелодии гор» был составлен из выступлений различных музыкальных коллективов Северной Осетии: симфонического оркестра и капеллы «Иристон», оркестра радио и училища искусств, Северо-Осетинского ансамбля песни и танца. Как пишет З.В. Хубецова: «Почти все концертные номера снимались не на фоне декораций, а на природе, в горах. Для телестудии тех лет съемки вне павильона были нововведением. Над каждым эпизодом приходилось работать месяцами»³⁹². Впоследствии А. Агузаров вспоминал: «На съемки одного лишь «Танца у ручья» мы выезжали восемнадцать раз... И когда в очередной раз наша группа появлялась со своей громоздкой техникой на улицах города, кое-кто бросал нам вслед: «Агузаровский «Голливуд» поехал»³⁹³.

В целом документальная кинопродукция региона отвечала общественно-политическим запросам времени в толковании партийно-советского руководства. Анализ содержания фильмов, киноочерков, кинорепортажей, кинопортретов и других картин тех лет характеризует тематические предпочтения официозной документалистики, часто приурочиваемой к знаковым историческим юбилейным датам³⁹⁴.

В деятельности республиканских студий телевидения, как и других культурных учреждений, генеральными направлениями, предназначенными для творческой разработки, выступали историко-революционная тема, темы Великой Отечественной войны, дружбы народов и созидательного труда современников, воспитания подрастающих поколений. Документальное кино по другим темам (краеведение, народное прикладное искусство, фольклор, народные традиции и обычаи) выполняло вспомогательные функции в утверждении на местах «советского образа жизни».

³⁹² Хубецова З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. С. 53.

³⁹³ Агузаров А.Т. Что было, что видел, что понял. С. 17.

³⁹⁴ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 28. Д. 833. Л. 3.

Таким образом, тематически и содержательно документальное киноискусство в северокавказских республиках развивалось в русле сформировавшихся традиций советской документалистики. Оно опиралось на опыт и профессионализм московской и ленинградской школ документалистики, внимательно изучало новаторские поиски региональных киностудий, участников фестивалей документального кино. Растущий энтузиазм вызывало повышение роли киноискусства в межнациональном общении граждан, во взаимопроникновении и обогащении национальных культур в условиях повседневности, вне торжественных событий и дат. Особое место заняла телевизионная документалистика, обратившаяся к проблемам различных социальных слоев советского общества – проблемам молодежи, ветеранов войны, проблемам семьи и брака и т.д. По сути, региональное телевизионное кино стало молодежной трибуной, общественным рупором наиболее активных представителей творческой, научной и технической интеллигенции на Северном Кавказе ³⁹⁵.

Отметим также, что история становления и развития на Северном Кавказе профессионального документального киноискусства имеет не только хронологические границы, но и этапы качественного роста материально-технического, профессионального и кадрового потенциала. Из областной Ростовской студии кинохроники военного времени отпочковалась и за два последующих десятилетия сформировалась цельная региональная, профессиональная Северо-Кавказская студия кинохроники, ежегодно выпускавшая десятки документальных фильмов, киножурналов, очерков, репортажей и т.д.

В начале 1960-х гг. Студия кинохроники послужила организационно-кадровым подспорьем для создания республиканских студий телевидения, в свою очередь заложивших основы для развития телевизионного документального и игрового кино в национальных автономных республиках Северного Кавказа. Северо-Осетинская студия телевидения стала центром формирования телевизионного регионального киноискусства.

³⁹⁵ Мелентьев А.В. Дагестанское ТВ: Молодежные программы (1985–1989). С. 73.

Культурный патернализм и создание региональной базы кинопроизводства в Северной Осетии. По многочисленным свидетельствам современников и участников событий особая заслуга в продвижении идеи избрания Северной Осетии в качестве регионального центра кинопроизводства принадлежала председателю Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СОАССР А.Т. Агузарову. Практически с первых дней вступления в должность руководителя Гостелерадио Северной Осетии в марте 1963 г. он поставил перед местным руководством вопрос о необходимости строительства производственного кинокомплекса Северо-Осетинского телецентра в городе Орджоникидзе³⁹⁶. Реализация этого плана давала большие преимущества, так как позволяла значительно расширить и совершенствовать техническую базу местной телестудии, обеспечить лучшие условия для работы творческих групп. Вместе с тем, создавались возможности для организации полного цикла съемок документальных и игровых фильмов в республиках Северного Кавказа. В мае 1963 г. в Совет Министров РСФСР и Государственный комитет по радиовещанию и телевидению СССР за подписью секретаря обкома КПСС Б. Кабалоева и председателя Совета Министров республики О. Басиева было направлено письмо. Республиканское руководство просило «решить вопрос о привязке в текущем году проекта киномеханического комплекса по Пермскому варианту и предусмотреть начало строительства этого объекта в 1964 году»³⁹⁷.

Быстрое развитие телевидения в Советском Союзе в 1960-е гг. в перспективе обеспечивало условия для создания студий телефильмов при республиканских и региональных Комитетах радиовещания и телевидения. Но в северокавказских республиках в начале 1960-х гг., когда только создавалось телевидение, а в домах рядовых городских жителей «только-только начинали призрачно светиться серенькие телеэкраны», идея создания собственной

³⁹⁶ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 25. Д. 412. Л. 65; Осетинская горка. С. 60, 61.

³⁹⁷ Джулай Л.Н. Познание поэтики. С. 104; Осетинская горка. С. 47, 63, 212, 304.

базы кинопроизводства многими воспринималась как неосуществимая фантазия³⁹⁸. Руководство соседних республиканских Комитетов радиовещания и телевидения довольно прохладно отнеслось к идее осетинских коллег, справедливо полагая, что сложный киносъемочный процесс «будет отвлекать от телевидения». Тем более что далеко не все телестудии бывшего Советского Союза в то время снимали даже документальные фильмы, не говоря о художественных. «Центральное телевидение и Ленинград, столицы союзных республик, Свердловск, Новосибирск, Владивосток – еще пять-шесть городов, вот, пожалуй, и все. И нужно было очень любить кино и быть большим его энтузиастом, чтобы добиться и начать кинопроизводство на телевидении Осетии»³⁹⁹.

Новое дело вдохновило сложившийся творческий тандем председателя Гостелерадио СОАССР А. Агузарова и профессионального кинооператора М. Темиряева. Они сумели убедить местное партийное руководство в перспективности создания собственной региональной базы кинопроизводства⁴⁰⁰. А.Т. Агузаров заручился поддержкой первого секретаря обкома КПСС Б.Е. Кабалоева, а затем, не жалея «ни собственных, ни чужих сил», стал упорно продвигать идею в кругах высших кино- и телевизионных руководителей в Москве. Позднее он вспоминал, что находил понимание в руководстве Комитета по радиовещанию и телевидению Совета Министров СССР, но возможности для организации кинопроизводства были весьма ограничены. Отсутствовала также законодательная база, дававшая местным студиям право снимать кино. Тем не менее, Агузаров продолжал настойчиво добиваться поставленной цели. Месяцы хождений по кабинетам высокопоставленных чиновников Гостелерадио СССР и Центрального телевидения дали положительный результат. Руководство Гостелерадио СССР направило специальную комиссию во главе с А.А. Коровиным «для выяснения ситуации на месте». Члены комиссии провели с представителями партийно-советских

³⁹⁸ Осетинская горка. С. 208.

³⁹⁹ Там же. С. 199, 304.

⁴⁰⁰ Хубецова З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. С. 50; Осетинская горка. С. 208.

органов власти всех автономных республик Северного Кавказа консультации, по итогам которых они пришли к заключению о возможности и предпочтительности создания регионального центра производства телевизионных фильмов именно в Северной Осетии. Финансировать региональное кино планировалось из федерального бюджета⁴⁰¹.

К этому времени руководители некоторых соседних северокавказских республик также загорелись желанием выступить региональным центром кинопроизводства. Но «у соседей не было человека, преданного кино так, как Ахсарбек Агузаров», – объяснил звукорежиссер А. Кайтуков⁴⁰². Им не хватило убедительных аргументов в свою пользу, и они вынуждены были согласиться с решением центральной власти. Руководители республиканских комитетов радиовещания и телевидения голосовали за образование в Северной Осетии базовой региональной студии по производству телевизионных фильмов для Центрального телевидения. «... наш голос был при голосовании «за». И я думаю, что это было очень справедливо, – отмечал позднее С. Хавчаев, заместитель директора ГТРК «Дагестан», – потому что Осетия всегда была ядром, цементирующим весь Северный Кавказ... Мы все ручейками стекались к Осетии так же, как к Каспию стекаются все реки, в том числе и ваш Терек»⁴⁰³.

На вторую половину 1960-х гг. пришелся сложный организационный этап становления в Северной Осетии «базовой студии по производству кино на Северном Кавказе». В условиях, когда, по сути «с нуля», предстояло создать всю производственную базу студии, решить множество вопросов, связанных с финансированием трудоемкого, затратного процесса кинопроизводства, добытием необходимого оборудования, приобретением специальной аппаратуры, подготовкой профессиональных кадров кинематографистов, особое значение приобретал личностный фактор.

⁴⁰¹ Осетинская горка. С. 208; Агузаров А.Т. Что было, что видел, что понял. № 4. С. 17-18.

⁴⁰² Бетчер Н. В кадре и за кадром осетинского кино // IRATTA.COM // <http://iratta.com/sevos/16430-v-kadre-i-za-kadrom-osetinskogo-kino.html>

⁴⁰³ Осетинская горка. С. 199, 212.

Председатель Гостелерадио Северо-Осетинской АССР А.Т. Агузаров, поддержанный местным республиканским руководством, был центральной фигурой в решении практически всех вопросов, связанных с формированием региональной базы кинопроизводства.

После того, как инициатива политического руководства Северо-Осетинской АССР была поддержана высшим руководством страны, началась практическая работа на месте. Под студию выделили приземистое помещение в столице республики, на улице Маркуса, 3. Впоследствии заместитель председателя Республиканского комитета по радиовещанию и телевидению в 1962-1968 гг. М.Д. Бетоева вспоминала: «Думаю, что никто из телевизионщиков той поры никогда не забудет, как мы во главе с А.Т. Агузаровым в течение нескольких дней выгребали лопатами, ломami, кирками и отправляли десятки машин мусора на свалку. Затем подключились ремонтники. Отремонтировали, установили соответствующее оборудование, технические средства. Благо ЦТ поддерживало все наши начинания и обеспечивало и штатами, и финансово, и технически»⁴⁰⁴.

Но это было только начало трудного пути. В 1970-е гг. благодаря неустанной деятельности председателя Гостелерадио Северо-Осетинской АССР началось строительство Кинокомплекса и киносъемочного павильона площадью 680 кв. метров. На проведение работ предусматривалось затратить 280-300 тыс. рублей. Финансирование строительства киносъемочной базы осуществлялось за счет бюджетных средств Северо-Осетинской АССР с долевым участием Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР⁴⁰⁵.

Несмотря на оказываемую местными и центральными властями поддержку, инициаторы создания регионального кинематографа столкнулись с немалым количеством трудностей. Приходилось решать постоянно возникавшие конкретные проблемы, связанные не только с финансовым, техническим, профессиональным обеспечением процесса кинопроизводства. Нужно было

⁴⁰⁴ Там же. С. 47.

⁴⁰⁵ ГАНИ РСО-А. Ф.1. Оп. 26. Д. 49. Л. 31-32.

преодолевать стену человеческой косности, непонимания и недоброжелательства, «отбиваться» от сплетен и пересудов, быть жестким и порой несправедливым, «в пылу борьбы» теряя прежних друзей. Но, как отмечал председатель Гостелерадио Дагестана в 1970–2002 гг. М. Гамидов, «Агузаров прекрасно знал свое назначение» и оставался верным своей мечте. Он умел отстаивать свои убеждения в высоких чиновничьих кабинетах в Москве. Добиваться понимания и поддержки руководителей республики: первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС Б.Е. Кабалоева, секретаря по идеологии А.Г. Кучиева, председателя Совета Министров О.А. Басиева, министра культуры С.Е. Ужегова. Он также умел убеждать, договариваться и приобретать союзников в среде коллег по цеху⁴⁰⁶.

Строительные работы по возведению Кинокомплекса и кинопавильона в городе Орджоникидзе продолжались более десяти лет и завершились к середине 1980-х гг. Построенные объекты были полностью оборудованы необходимой техникой и аппаратурой, которая позволяла реализовать полный цикл всех процессов по фильмопроизводству. Кинокомплекс превратился в реальную площадку по производству документального и игрового кино для всех северокавказских республик⁴⁰⁷.

В целом события, связанные с организацией студии телевизионных фильмов и строительством Кинокомплекса и кинопавильона в городе Орджоникидзе ярко иллюстрируют перемены в управленческой практике региональных властей в области национальной культуры. Они выразились в практике культурного патернализма, зародившейся на волне «оттепели» и получившей дальнейшее распространение в 1970-е – начале 1980-х гг. среди местной политической элиты. Оформление своеобразной покровительственной политики в отношении творческой интеллигенции оказало значительное влияние на развитие в целом всех сфер культуры народов Северного Кавказа и, в частности, регионального кинематографа.

⁴⁰⁶ Осетинская горка. С. 196, 212-213; Агузаров А.Т. Что было, что видел, что понял. №4. С. 18, 27.

⁴⁰⁷ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 28. Д. 833. Л. 29.

Игровое и документальное кино на Северном Кавказе в 1960-1980-е гг. Обращаясь к описанию истории региональной художественной кинематографии, мы должны отметить, что первым игровым фильмом, созданным в Осетии, стала «Осетинская легенда», снятая по мотивам повести немецкого писателя Иксуля «Тбау Уацилла» и вышедшая на экраны страны в июле 1966 г. Исключительность события состояла в том, что это был первый в стране полнометражный любительский игровой фильм, получивший право показа на всесоюзном экране. Ее идейным вдохновителем, а также сценаристом, режиссером, художником, портным и даже гримером был художник Азанбек Джанаев. Рядом с ним, преодолевая большие трудности профессионального, материально-технического, финансового порядка, над созданием картины увлеченно, с энтузиазмом и совершенно бескорыстно работали оператор Мирон Темирязев, актеры Борис Калоев, Федор Суанов, Василиса Комаева и многие добровольные помощники «из народа». Главные роли исполняли непрофессиональные актеры – рабочий Ахсарбек Калицев, заведующая детским садом Клара Джимиева, служащий Шамиль Козонов. Повсюду творческая группа находила понимание и поддержку со стороны местных жителей. Они участвовали в съемках массовых сцен, снабжали необходимым хозяйственным инвентарем, предметами бытовой утвари, позволявшими «оживить» картины прошлой жизни, воспроизвести интерьер горской сакли. Часто просто выступали гостеприимными хозяевами, предоставляя съемочной группе пищу и кров.

Труд творческого коллектива увенчался успехом. Как отмечалось в одной из газетных публикаций о фильме: «... одержимость, истинное желание принести другим радость может делать воистину чудеса»⁴⁰⁸. В декабре 1965 г. отснятую картину отправили в Москву на всесоюзный смотр-конкурс любительских фильмов. Готовая работа получила положительные отзывы. Она была одобрена жюри конкурса во главе с Григорием Рошалем (искреннее удивление вызвало уже то обстоятельство, что любителям уда-

⁴⁰⁸ Дзахов И. Шесть лет подвига // Молодой коммунист. 1966. 19 марта.

лось снять полнометражный фильм) и направлена для профессиональной доработки на Свердловскую киностудию⁴⁰⁹.

Зрительский успех в прокате (фильм был даже закуплен рядом стран Ближнего Востока) стал заслуженной наградой за бескорыстную любовь к кино, за мастерство, за великолепное знание материала – жизненного уклада, нравов и обычаев горцев, позволившее исполнить мечту Азанбека Джанаева: «оживить своих героев». Фильм «Осетинская легенда» вошел в сокровищницу осетинской художественной культуры и стал несомненным украшением национальной кинематографии, вдохновляющим примером для последователей в осетинском киноискусстве.

Календарная история телевизионного игрового кино в северокавказском регионе началась в 1967 г. с фильма «Возвращение Коста», снятого по заказу Центрального телевидения и приуроченного к 110-летию со дня рождения великого осетинского поэта Коста Левановича Хетагурова. В основу фильма была положена опера композитора Х. Плиева. Собственных профессиональных кадров кинематографистов практически не было. Поэтому из Москвы пригласили режиссером-постановщиком И.Г. Шароева. Он имел опыт постановки музыкальных произведений. Художественным руководителем стал Ю. Чулюкин, режиссер «Мосфильма», хорошо знакомый зрителям по фильмам «Неподдающиеся», «Девчата» и др. Оператором-постановщиком был также «мосфильмовец» Г. Шатров. Сценарий писал М. Цагараев при участии И. Шароева и Ю. Чулюкина. В съемках участвовали также работники республиканской студии телевидения – звукооператор С. Есиев, художник Т. Басиев. В фильме снимались осетинские актеры М. Икаев, М. Цаликов, Е. Туменова и др.⁴¹⁰ Фильм «Возвращение Коста» стал органичной составной частью процесса художественного осмысления социальных предпосылок революции, борьбы за свободу и независимость народа.

Вполне закономерно, что первым, включенным в плановое производство Гостелерадио СССР игровым фильмом на студии

⁴⁰⁹ Дауров Х. «Осетинская легенда» // Социалистическая Осетия. 1965. 5 декабря.

⁴¹⁰ Осетинская горка. С. 306-307.

телевизионных фильмов, стала лента «Костры на башнях», продолжившая в региональной кинематографии традиции советского историко-революционного кино. Спустя годы режиссер-постановщик фильма Р. Меркун, который дебютировал в картине в качестве режиссера, писал: «О чем, на какую тему в то время на Северном Кавказе мог быть снят первый, и не только, финансируемый государством фильм... Фильм мог быть только о торжестве советской власти, в крайнем случае, о становлении советской власти на Северном Кавказе»⁴¹¹.

Главными героями фильма были двое молодых людей – осетин Алан и ингуш Шахбулат. Пройдя кровавыми дорогами Первой мировой войны и всем сердцем приняв лозунги Февральской революции, они возвращались домой. Обозленные бедностью, отравленные давней национальной враждой, герои картины как враги сходились на одной дороге... Знакомство и дружба с русским парнем Алексеем, участие в его спасении примиряли их и открывали простую истину: «бедняку-ингушу нечего взять у бедняка-осетина». Не поддавшись фальшивым призывам мулл и богачей, они отвергали тезис национальной вражды, приходили к пониманию необходимости совместной борьбы за идеалы равенства и справедливости. В финальных кадрах на родовых башнях зажигались костры, возвещавшие от ущелья к ущелью призыв к вооруженному восстанию»⁴¹².

В ходе работы съемочная группа преодолела немало трудностей творческого и производственного плана. Но неподдельный энтузиазм, искренняя увлеченность «таинством кино» компенсировали отсутствие должных профессиональных навыков, нехватку финансовых средств, недостатки в техническом оснащении и др. Первый опыт воплощения историко-революционной темы в рамках полнометражного художественного фильма оказался удачным для национального телевизионного киноискусства.

Очевидно, что фильм относился к разряду «датских произведений» – творческих работ, создававшихся к юбилею знаменательных исторических событий. Он был приурочен к 50-летию

⁴¹¹ Там же. С. 206.

⁴¹² Джулай Л.Н. Рождается сегодня. С. 155.

Октябрьской революции и создавался в полном соответствии с идеологическими канонами. Но заложенные в картине идеи гуманизма, социальной справедливости, дружбы между народами были понятны и созвучны чувствам простых людей, что обеспечило ей успех у широкой зрительской аудитории. Премьера состоялась в 1968 г. Работу молодой киностудии благосклонно приняли политические кураторы и кинокритики. На зональном смотре телевизионных фильмов лента была удостоена Диплома за лучшее воплощение темы интернациональной дружбы⁴¹³.

Картина, пропагандировавшая идеи братства и межнационального мира, создавалась творческим коллективом, который сам служил примером сотрудничества и сотворчества представителей разных национальностей (русских, осетин, ингушей, чеченцев и др.). Многонациональный состав творческой группы подтверждался простым перечнем фамилий участников: сценаристов Юрия Чулюкина, Максима Цагараева, Саида Чахкиева, режиссеров Роберта Меркуна, Владимира Чеботарева, операторов Мирона Темиряева, Михаила Немысского, актеров Анатолия Галаова, Николая Саламова, Инветы Моргоевой, Дагуна Омаева, Муссы Дудаева, Валентины Бирюковой и др.

Интернационализм стал основополагающим принципом, на котором строилось здание регионального кинематографа на протяжении многих десятилетий. Документальное и художественное киноискусство на Северном Кавказе, создававшееся многонациональными творческими коллективами, достаточно эффективно выполняло задачи продвижения в сознании людей идей классовой солидарности, дружбы между народами.

Творческое взаимодействие деятелей культуры Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Дагестана, Ставрополя росло и укреплялось с каждым новым фильмом.

В конце 1960-х – 1980-е гг. на Северо-Осетинской студии «Телефильм» было создано множество разноплановых игровых и документальных фильмов. Историко-революционное кино оставалось одним из наиболее популярных направлений творческих поисков молодой школы кинематографии. В этом жанре был

⁴¹³ Осетинская горка. С. 190.

снят фильм «Жизнь, ставшая легендой» в двух частях (сценарий Г. Черчесова и Ю. Чулюкина, режиссер Ю. Чулюкин, оператор Г. Шатров) – «непревзойденной постановочной масштабности и сложности» для молодого телевизионного кинематографа. Положенный в основу фильма исторический материал содержал, по замечанию киноведа Л.Н. Джулай, «любопытнейшую и плодотворную возможность исследования личности в контексте истории и самого времени в преломлении через эту личность»⁴¹⁴.

Фильм, снятый по сценарию Георгия Черчесова и Юрия Чулюкина, основывался на реальных событиях и фактах из биографии легендарного героя гражданской войны Хаджи-Мурата Дзарахохова. Режиссером картины пригласили Ю. Чулюкина, оператором Г. Шатрова. Героико-романтическая интерпретация событий жизни исторической личности придавала фильму своеобразный налет народного сказа. Но это не лишало создаваемые образы достоверности. Убедительно показывалась эволюция главного героя. В начале фильма это – простой бедный парень, покинувший горный аул и отправившийся в далекие края ради заработка, чтобы заплатить калым и получить возможность жениться на девушке из богатого дома. А в финале перед зрителями предстал человек, который перенес огромные трудности, сумел не поддаться соблазнам «легкой безбедной жизни», отказался от личных «ущельских» интересов, проникся ответственностью за все происходящее в мире и превратился в сознательного борца с социальной несправедливостью, мужественного защитника обездоленных.

Большим достоинством фильма была его зрелищность. Всю натуру для съемок, за исключением одного эпизода, снятого на Черном море, отыскивали в Осетии: и экзотическую Маньчжурию, и опаленную солнцем Мексику, и суровую, холодную Аляску. Творческая группа имела полное основание гордиться полученным результатом. Комиссия, принимавшая фильм, отметила успех киностудии. «Осетинская Аляска», по мнению членов этой комиссии, выглядела достовернее настоящей, представленной в обсуждаемой тогда же советско-британско-итальянской кино-

⁴¹⁴ Джулай Л.Н. Рождается сегодня. С. 156, 157.

ленте «Красная палатка», снятой выдающимся советским кинорежиссером Михаилом Калатозовым. Между тем, работа Северо-Осетинской студии телевизионных фильмов ни по материально-технической оснащенности, ни по финансовым затратам, ни, тем более, по вовлеченности звезд мирового и российского кино (в фильме снимались Питер Финч, Шон Коннери, Клаудиа Кардинале, Эдуард Марцевич, Никита Михалков, Юрий Соломин и др.) не могла сравниться с отмеченной картиной. А потом состоялась премьера в кинотеатре «Октябрь». И было «ощущение произошедшего на твоих глазах волшебства, когда все, что ты видишь, есть настоящая правда, хотя и добыта обманным путем...»⁴¹⁵

В героико-романтическом стиле была исполнена картина «Последний снег», снятая в 1970 г. Сюжет ленты был основан на реальных событиях периода фашистской оккупации Северной Осетии. Создатели фильма: режиссер Р. Мурадян, оператор М. Темиряев, дебютировавший как сценарист А. Агузаров, актеры З. Цахилова, П. Карду, Е. Кулаев рассказали пронзительную, полную драматизма историю короткой, но героической жизни молодой учительницы Чабахан Басиевой, заплатившей жизнью за отказ от сотрудничества с врагом, но сохранившей верность Родине и своим убеждениям. Первый опыт обращения национального кино к военной тематике был признан весьма удачным. Глубокое психологическое воздействие на зрителя производила операторская работа Мирона Темиряева. Фильм был снят в графической манере, с выразительными крупными планами героев. Драматургию фильма обрамляла музыка Микаела Таривердиева, придавая разворачивавшемуся на экране действу цельность и стройность выражения⁴¹⁶.

С годами накапливался опыт кинопроизводства, осваивались новые художественные приемы, формировалось тематическое и жанровое разнообразие кинопродукции. Наряду с разработкой историко-революционной темы, кинематографисты все чаще обращались к проблемам современности. В 1960–1980-е гг. осетинские, кабардино-балкарские, чечено-ингушские, дагестанские

⁴¹⁵ Осетинская горка. С. 191.

⁴¹⁶ Джулай Л.Н. Рождается сегодня. С. 160-161.

кинематографисты сняли десятки документальных фильмов: «Свет над Сангути-хох» И. Бурнацева, «Шагди» В.Ворокова, «Вступление», «Сулакский каскад» Р. Гаспарянца, «Эстафета» С. Мамилова, «Терек – река дружбы» Р. Меркуна, «Чиркай на все времена», «Гроздь винограда», «Жизнь, прожитая набело» Т. Султанова, «В горах Чечено-Ингушетии» И. Татаева и т.д. Фильмы довольно успешно выполняли адресованный им социальный заказ: создавать привлекательный образ советской действительности. Они представляли многоцветную картину богатой культуры и прекрасной природы многонационального края, трудовых будней его жителей.

По тем же принципам создавалось художественное кино. Перед северокавказскими кинематографистами ставились конкретные задачи прославления трудовых достижений жителей многонационального края и осуждения «недостатков современной жизни» (тунеядства, кумовства, взяточничества, пьянства, следования в быту народным обычаям и традициям), однозначно трактуемых как «пережитки прошлого». Некоторые игровые фильмы («Новоселье в будний день» режиссера Р. Меркуна, «В горах – реки бурные» режиссера В. Чеботарев, «Оглянись, найдешь друзей» режиссеров Ю. Чулюкина, Р. Гаспарянца, «Сбереги башню» режиссера И. Бурнацева и др.) своей злободневностью и публицистичностью приобретали характер художественного документа. О сложных отношениях между людьми разных культурных традиций, о стремлении понять и принять духовные ценности другого народа рассказывала картина «Горская новелла», снимавшаяся по сценарию ингушского писателя С. Чахкиева двумя режиссерами: осетином И. Бурнацевым и чеченцем И. Татаевым. Этот первый художественный фильм Чечено-Ингушетии, снятый при активной помощи Гостелерадио Северо-Осетинской АССР, служил ярким примером сотворчества представителей многих национальностей на ниве регионального северокавказского кино⁴¹⁷.

Безусловно, большой вклад в развитие регионального кино внесли представители русской советской кинематографической

⁴¹⁷ Там же. С. 164, 168.

школы. Многие годы в северокавказском кино успешно работали приглашенные из Москвы и Ленинграда режиссеры, сценаристы, операторы: В. Голованов, В. Чеботарев, Ю. Чулюкин, Г. Шатров и др.

Постепенно росли собственные кадры профессиональных режиссеров, операторов, сценаристов (Б. Бзаров, И. Бурнацев, В. Вороков, Б. Дзбоев, Р. Гаспарянц, А. Кайтуков, Ю. Мерденов, Т. Султанов, М. Немысский, А. Себетов и др.). Первые шаги на кинематографической стезе многие из них делали в любительских студенческих киностудиях, на республиканских студиях телевидения. Потом они постигали «азы киноискусства», участвуя в съемках первых фильмов Северо-Осетинской студии в качестве ассистентов и помощников режиссеров, операторов, звукорежиссеров, звукотехников. Но для закрепления практических навыков требовалась специальная профессиональная подготовка. И республиканские власти поддерживали местную творческую молодежь в стремлении к получению специального кинематографического образования.

В конце 1960-х – 1970-е гг. многие сценаристы, режиссеры, операторы прошли обучение во Всероссийском государственном институте кинематографии (ВГИК), Ленинградском государственном институте театра, музыки и кинематографии (ЛГИТМиК), Высших курсах сценаристов и режиссеров при Госкино СССР. За годы учебы они приобрели новые передовые знания, обогатились интересными идеями и замыслами, сохранив при этом подлинный энтузиазм первопроходцев и любовь к кино. В совокупности все эти факторы служили серьезным основанием для появления в региональном кинематографе «жемчужной россыпи» запоминающихся фильмов. Обаянием молодости, творческим задором были наполнены дипломные работы молодых североосетинских режиссеров Б. Дзбоева «Прощайте, коза и велосипед» (сценарий В. Голованова, оператор М. Темиряев, 1971) Р. Гаспарянца «По следам Карабаира» (оператор М. Немысский, 1979). Сценарий для фильма Р. Гаспарянца писали И. Притула и В. Файнберг по роману кабардинского писателя Р. Кешокова. Потом на Северо-Осетинской студии «Телефильм» было снято еще нема-

ло интересных работ: «Кольцо старого «шейха» (1980), «Загадка кубачинского браслета» (1982) и «Тайна рукописного Корана» (1990) Р. Гаспарянца, «И оглянулся путник» (1984) И. Бурнацева.

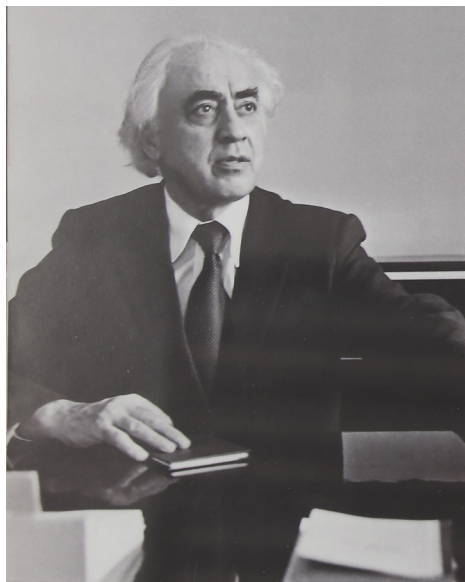
Национальные кинематографисты активно разрабатывали и пространство комического искусства. Они осваивали разные виды комедий: музыкальные («Песни над облаками» (1976) Ю. Горковенко и Р. Гаспарянца), лирические («Ах, любовь» (1977) Б. Дзбоева, М. Цихиева, Э. Савельевой, «Семейная драма» (1976), «Чегери» (1980) И. Бурнацева), социальные, сатирические («Сюрприз» (1975) И. Бурнацева, «Во всем виновата Залина» (1988) Р. Меркуна). Первым дагестанским телевизионным художественным фильмом была снятая в 1976 г. короткометражная комедия сценариста и режиссера Т. Султанова «Кубачинская свадьба»⁴¹⁸.

Фильмы северокавказских кинематографистов успешно проходили комиссию Гостелерадио СССР, получали соответствующую категорию, тиражировались, а потом многомиллионная телевизионная аудитория смотрела их в самых отдаленных уголках огромной страны. Через эти фильмы всесоюзный зритель получал возможность узнать о многообразной, богатой художественной культуре народов Северного Кавказа. Он знакомился с киноработами уже упоминавшихся выше режиссеров, операторов, а также творчеством писателей и сценаристов А. Абу-Бакара, А. Агузарова, Р. Кешокова, И. Притулы, Г. Черчесова, композиторов Ф. Алборова, И. Габараева, М. Кажлаева и др. Благодаря кино широкую известность получили многие замечательные актеры: М. Абаев, Б. Ватаев, Д. Габараев, А. Гайтукаев, А. Дзиваев, М. Дудаев, И. Моргоева, Б. Мулаев, Д. Омаев, А. Тухужев, В. Тхалсаев, Р. Фиров, Дз. Хамикоев, А. Шихалиев, Т. Яндиева и др. Был еще многочисленный отряд работников технических служб (киноинженеров, осветителей, проявителей, монтажеров, водителей и т.д.), перечисление имен которых заняло бы не одну страницу. Огромный труд этой когорты кинодеятелей был не так заметен. Но без их самоотверженности, любви к своей работе не мог состояться региональный кинематограф.

⁴¹⁸ Там же. С.169.

В заключение, подводя общий итог, отметим, что в 1960–1980-е гг. в республиках Северного Кавказа сложилась самобытная телевизионная кинематографическая школа, во многом являвшаяся продуктом государственной национальной культурной политики, важной частью которой была действенная практика культурного патернализма. Региональное киноискусство развивалось в условиях действия государственной программы «социального заказа». Это определило его жанровые и тематические предпочтения. Перед кинематографистами ставились конкретные задачи: пропаганда советского образа жизни, воспитание людей в духе преданности социалистическим идеалам, чувств патриотизма и интернационализма. Необходимость соблюдения цензурных требований существенно ограничивала свободу творческого поиска деятелей кино, сужала диапазон киноязыка. На киноплощадке было мало места для экспромта вне утвержденного сценария, для творческого эксперимента. В итоге, решение творческих задач в идеологически заданных контекстах нередко приводило к схематизму, плакатности сюжетов и одномерности создаваемых образов. Однако в целом транслируемые создателями кино идеалы добра, справедливости, мирного сосуществования народов перекликались с настроениями большинства многонационального населения Северного Кавказа и находили отклик в сердцах обычных людей. Исходя из сказанного, вполне закономерным представляется тот факт, что десятки игровых и сотни документальных фильмов, снятых кинематографистами региона в 1960–1980-е гг., заслуженно стали частью сокровищницы художественной культуры народов Северного Кавказа.

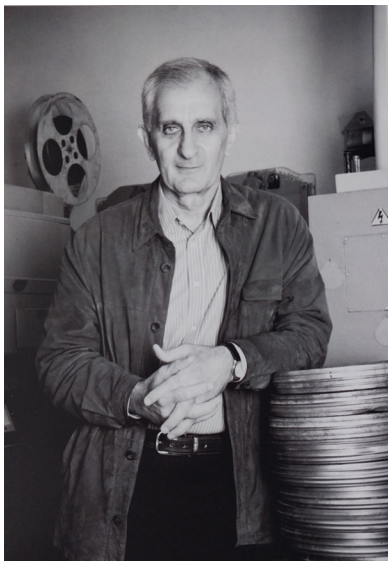
*Председатель Государственного комитета по телевидению
и радиовещанию СОАССР в 1963-1982 гг., общественный деятель,
писатель Ахсарбек Татарканович Агузаров*

Кинооператор Мирон Темиряев

*«Агузаровский Голливуд» на съемках фильма «Мелодии гор».
1966 г.*

*Режиссер-постановщик
Рафаэль Гаспарянц*

*Режиссер-постановщик
Измаил Бурнацев*

*Кинорежиссер и киносценарист Юрий Чулюкин в студии
Северо-Осетинского телевидения*

*Искусствовед Л. Джулай, кинорежиссеры Р. Меркун,
И. Бурнацев, Б. Дзбоев, Р. Гаспарянц
в студии Северо-Осетинского телевидения*

*Кинооператоры Мирон Темиряев и Михаил Немыцкий,
кинорежиссер Роберт Меркун*

Кадры из фильма «Костры на башнях»

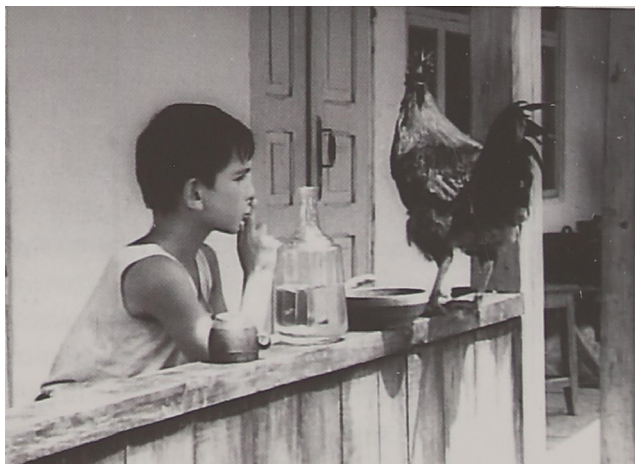
Кадры из фильма «В день праздника»

Кадры из фильма «Жизнь, ставшая легендой»

*Земфира Цахилова в роли Чабакан
в фильме «Последний снег» (режиссер Р. Мурадян,
сценарист А. Агузаров, оператор М. Темирязев)*

*Олег Басаев в фильме «Прощайте, коза и велосипед»
(режиссер Б. Дзбоев)*

Кадры из фильма «Новоселье в будний день» (режиссер Р. Меркун)

*Кадры из фильма
«Обида старого охотника»*

*Кадры из фильма «Ах, любовь!»
(режиссеры Б. Дзбоев, М. Цихиев, Э. Савельева)*

*Кадры из фильма «Кольцо старого шейха»
(режиссер Р. Гаспаряни, оператор М. Немыцкий)*

Съемочная группа фильма «По следам Карабаира»

Момент съемки сцены из фильма «По следам Карабаира»

Кинооператоры М. Немысский, В. Марзоев

Дагун Омаев, Сурен Хугаев в фильме «Буйный Терек»
(режиссер И. Бурнацев)

*Режиссер-постановщик И. Бурнацев, оператор К. Чехоев,
оператор-постановщик А. Себетов, режиссер Л. Дзугутова,
актер К. Сланов*

На съемках фильма «Сюрприз»

*После съемок фильма «В горах реки бурные»
(режиссер В. Чеботарев)*

Съемочная группа фильма «Снег в октябре»

Звукорежиссер Аслан Кайтуков, звукооператор Сулейман Есиев, киносценарист Игорь Притула, кинооператор Михаил Немысский

Съемочная группа фильма «Загадка кубачинского браслета»

Раздел 3

НАУКА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ОСЕТИИ В ЛИЦАХ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

1. Между логикой времени и внутренним нравственным законом.

Георгий Александрович Кокиев

Как известно, в активно развивающихся обществах, характерным свойством которых является оживленный поиск политической, культурной, конфессиональной и иных идентичностей, важное место занимают люди, чья жизненная позиция, внутренний нравственный закон созвучны надеждам и тревогам общества. Зачастую, только годы, десятилетия спустя приходит осознание этих переживаний и значимости судеб людей, ставших знаковыми выразителями велений времени и частью его отражения. Жизнь и деятельность Георгия Александровича Кокиева (1896–1954) – ученого-кавказоведа, историка, этнографа, труды которого входят в историографическое кавказоведение 1920–1940-х гг., – являются примером этой связи времени и личности. Его биография на фоне формирования политического авторитаризма, действия режима личной власти и утверждения в исторической науке «школы» М.Н. Покровского заслуживает сегодня внимательного изучения. В контексте целенаправленного воспитания культуры отношений власти и науки судьба Г.А. Кокиева обращает нас к анализу пределов свободы творческого самовыражения, норм гражданственности, отношения к научной конъюнктуре и к ее последствиям в условиях политической несвободы.

По своему происхождению Георгий (Батоко) Кокиев, как и многие деятели осетинской культуры конца XIX – начала XX вв., принадлежал к слою народной интеллигенции, которая на рубеже веков дала немало замечательных деятелей и подвижников национальной осетинской культуры. Он родился 4 апреля 1896 г. в с. Христиановском Владикавказского округа Терской области (ныне г. Дигора Республики Северная Осетия-Алания). Его отец Фацбай был весьма уважаемым человеком, знатоком осетинского фольклора, известным народным сказителем. Он поощрял рано проявившиеся в сыне способности и его стремление к знаниям. Георгий окончил церковно-приходскую школу в родном селе. Несмотря на большое желание продолжить учебу, поступить в гимназию в силу разных, в том числе материальных обстоятельств, он не смог⁴¹⁹.

Большую роль в судьбе юноши сыграл видный общественный деятель, просветитель, учитель Харитон Уруймагов, который обратил внимание на развитого и серьезного ученика. При его моральной и материальной поддержке Георгий упорно занимался самообразованием. Дважды, в 1913 и 1915 гг., держал экзамен в училище при Ардонской Александровской духовной семинарии на звание учителя народных училищ. Успешно пройти испытания удалось со второй попытки. После этого в течение нескольких лет он преподавал в школах Балкарии, а затем в Северной Осетии⁴²⁰.

Однако Георгия не покидало желание учиться дальше. И в 1920 г. по направлению Терского Областного отдела народного образования он отправился в Москву и поступил на исторический факультет Московского археологического института. В годы учебы и после окончания института в 1923 г. работал учителем в школах Краснопресненского района столицы. В январе 1926 г. поступил в аспирантуру НИИ этнических и национальных культур народов Востока по специальности «История и этнография».

⁴¹⁹ Тотоев М.С. Выдающийся ученый-кавказовед // Ученые записки СОГПИ. 1967. Т. 27. Вып. 1. С. 237.

⁴²⁰ Тотоев М.С. Выдающийся ученый-кавказовед. С. 238.; НА СО-ИГСИ. Ф. Г. Дзагурова. Оп. 1. Д. 69. Л. 426.

После успешного окончания аспирантуры и защиты диссертации Г.А. Кокиев был принят в тот же институт на должность старшего научного сотрудника⁴²¹.

В 1931 г. Георгия Александровича пригласили читать курс лекций по истории народов Кавказа в МГУ и Московский институт истории, философии и литературы. Одновременно работал научным сотрудником в Музее народов СССР. Предметом его научного интереса были проблемы социально-экономической, политической истории народов Кавказа, развития русско-кавказских отношений в XVIII–XIX вв. Он исследовал памятники материальной культуры, в частности, историю древних городищ Татартупа и Дзулата, склеповых сооружений горной Осетии. Результаты его изысканий публиковались в научных изданиях 1920-х – начала 1930-х гг.⁴²². Высокая оценка его работ в профессиональном сообществе послужила для руководства Северо-Осетинского научно-исследовательского института основанием ходатайствовать о представлении Г.А. Кокиева к званию профессора. В 1934 г. он был удостоен этого звания⁴²³.

Во время войны вместе с другими сотрудниками Московского государственного университета Георгий Александрович находился в эвакуации в г. Алма-Ате, где возглавил кафедру истории народов СССР Казахского пединститута. По возвращении в Москву

⁴²¹ НА СОИГСИ. Ф. 33. Личный фонд М.С. Тотоева. Оп. 1. Д. 284. Л. 3-4; Анчабадзе Ю.Д. Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы. М., 2002. Вып. 1. С. 134; Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. 1917-1991. СПб., 2003. С. 208-209.

⁴²² См.: История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005; Кокиев Г.А. Некоторые сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата. // Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института. Ростов-н/Д, 1929. Т. 2. С. 205-214; Он же. Методы колониальной политики России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского НИИИ краеведения. 1933. Вып. 1. С. 179-225 и др.

⁴²³ Тотоев Ф.В. Гений, ставший жертвой наветов // Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. Пятигорск, 2003. С. 79.

в 1943 г. некоторое время работал старшим научным сотрудником Института истории АН СССР. В 1947 г. был принят старшим научным сотрудником в сектор этнографии Кавказа Института этнографии АН СССР, где участвовал в разработке двух тем. Первая из них – «Аланы на Северном Кавказе», рассматриваемая им в контексте этногенеза горских народов, вторая – «Кабардинские поселения XVI–XVIII вв.», изучавшиеся на основе большого круга археологических, историко-архивных и этнографических данных⁴²⁴. Одновременно он продолжал преподавать на историческом факультете МГУ. В отмеченные годы многие разделы по истории Кавказа в вузовских учебниках по истории СССР были написаны Георгием Кокиевым.

Георгий Александрович никогда не порывал связей с «малой» родиной. Заинтересованное участие в культурной и общественной жизни Осетии и Кабардино-Балкарии снискали ему большой авторитет и уважение в среде национальной интеллигенции и у рядовых граждан. Следует напомнить, что в 1920–1930-е гг. профессиональные научно-образовательные учреждения в национальных регионах, в том числе на Северном Кавказе, только формировались, и численность научно-педагогических кадров была незначительна. В этих условиях талант ученого и педагога, его организаторские качества были чрезвычайно востребованы. Многие годы по приглашению руководства Северо-Осетинского и Кабардино-Балкарского научно-исследовательских институтов он работал по совместительству в этих научных учреждениях. Круг его обязанностей был чрезвычайно широк. Он занимался активной научной экспедиционной деятельностью, вел интенсивный поиск и выборку исторических источников в архивах и периодических изданиях, являлся организатором и участником научных совещаний и конференций по различным проблемам истории и культуры народов Северного Кавказа, выступал с докладами, читал лекции, курировал подготовку молодых научных кадров через аспирантуру.

⁴²⁴ Анчабадзе Ю.Д. Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба. С. 149.

В 1939 г. состоялась защита диссертации по теме «Крестьянская реформа 1867 года в Северной Осетии». Присвоение степени доктора исторических наук еще более укрепило позиции Георгия Александровича Кокиева в качестве ведущего специалиста в области осетиноведения. В августе 1939 г. Совет Народных Комиссаров Северо-Осетинской АССР и обком ВКП(б) приняли решение о написании «Истории Осетии» с древнейших времен до современности⁴²⁵. Работу авторского коллектива в Северо-Осетинском НИИ с 1940 г. по приглашению Северо-Осетинского обкома ВКП(б) возглавил Г.А. Кокиев. В апреле 1944 г. он был назначен заместителем директора Кабардино-Балкарского НИИ по научной части, а с марта 1946 по апрель 1949 г. являлся заведующим сектором истории этого института⁴²⁶.

Как видим, налицо успех человека из отдаленной национальной окраины бывшей Российской империи, сумевшего достичь высот научной и педагогической карьеры, работавшего в главном вузе и ведущих научных учреждениях страны. Но такой поверхностный взгляд на биографию Г.А. Кокиева никоим образом не объясняет, почему в ночь с 14 на 15 апреля 1949 г. он был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и в подрывной работе по развалу советской науки. И, определенно, не передает драматизма судьбы ученого, вошедшего в конфликт с логикой времени, в которое ему довелось жить.

Для прояснения причин произошедшего, на наш взгляд, стоит вернуться назад, а именно, к годам обучения Георгия Кокиева в аспирантуре, которые совпали по времени с утверждением в советской исторической науке школы М.Н. Покровского, что без сомнения, повлияло на формирование научного мировоззрения молодого ученого. Приверженность концептуальным построениям М.Н. Покровского в полной мере проявилась в его первой крупной научной работе – в «Очерках по истории Осетии»⁴²⁷. Как справедливо замечает Ю.Д. Анчабадзе, «пренебрежение апробированными канонами видно уже в нарочитом отрицании принци-

⁴²⁵ ГАНИ. Ф.1. Оп. 3. Д. 718. Л. 195.

⁴²⁶ Тотоев М.С. Выдающийся ученый-кавказовед. С. 239.

⁴²⁷ Кокиев Г.А. Очерки истории Осетии. Владикавказ, 1926.

па хронологической последовательности описания исторической действительности»⁴²⁸.

Более основательно Г.А. Кокиев подходил к анализу социально-экономических вопросов, хотя и здесь специалисты отмечают упрощенную трактовку многих важных проблем (например, объяснение возникновения привилегированного слоя у осетин как результат абречества)⁴²⁹.

Тем не менее, в оценке изучаемых явлений и событий, уже в первых работах молодой ученый обнаружил глубокое знание историографии и истории Кавказа, владение методикой работы над источниками и демонстрировал умение делать широкие научные обобщения. Изучение истории народов Центрального Кавказа, социального строя, быта, обычаев, характера народных движений, русско-кавказских отношений продолжилось и в последующие годы⁴³⁰.

Г.А. Кокиев первым дал анализ и оценку этнографическим трудам С.А. Туккаева и С.В. Кокиева. Он основательно исследовал творчество кабардинского ученого и просветителя Шоры Ногмова⁴³¹. В трудах ученого разрабатывались проблемы социальных отношений в Кабарде и Осетии⁴³². На основе глубокого анализа документальных источников он доказал наличие у кабардинцев и

⁴²⁸ Анчабадзе Ю.Д. Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба. С. 137.

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ См.: Тотоев М.С. Выдающийся ученый-кавказовед; Мамбетов Г.Х. Г.А. Кокиев – выдающийся исследователь истории Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик, 2005.

⁴³¹ Кокиев Г.А. С.А. Туккаев – этнограф осетинского народа // Советская этнография. 1946. № 2. С. 182-187; Он же. С.В. Кокиев – этнограф осетинского народа // Советская этнография. 1946. № 3. С. 133-137; Он же. Шора Бекмурзин Ногмов – выдающийся кабардинский просветитель. Нальчик, 1944.

⁴³² Кокиев Г.А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки Института истории Академии наук СССР. М., 1938. Т. 2. С. 15-208; Он же. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940; Он же. Аграрное движение в Кабарде в 1913 году. Нальчик, 1946.

осетин феодальной собственности на землю, вскрыл особенности феодального землепользования, рассмотрел систему сословных статусов и классовой структуры общества. Характеризуя, в частности, структуру кабардинского феодального общества, на вершине иерархической системы социального устройства которого находились *пиши* – представители родовитейших княжеских фамилий, а в основании – различные категории зависимого и полузависимого населения, исследователь отмечал ее более высокий уровень сложности по сравнению с феодальным строем Осетии⁴³³.

Сохранил научную значимость его историко-этнографический анализ распространенного у феодализованных горских народов Кавказа обычая аталычества. Отвергнув бытовавшие «наивные и малообоснованные», по замечанию Ю.Д. Анчабадзе, объяснения происхождения сущности обычая, он сосредоточился на социальных аспектах его функционирования, считая, что обычай служил средством установления сюзеренно-вассальных отношений. Сегодня именно эта точка зрения становится преобладающей во взглядах специалистов на социальные основы аталычества⁴³⁴. В целом Георгий Кокиев был решительным сторонником точки зрения о существовании феодальной стадии развития народов Центрального Кавказа.

В публикуемых работах исследователь обнаруживал свой творческий темперамент, демонстрировал непримиримое отношение к «устарелой», по его мнению, методологической базе; проповедовал концептуальные воззрения революционного времени, которые усматривали «основное содержание социального процесса в экономических движениях эпохи, в саморазвитии угнетенных классов и их борьбе за свое социальное освобождение»⁴³⁵. Будучи сторонником «школы Покровского», Георгий Александрович распространял трактовку советской исторической науки на изучаемые темы истории прошлого кавказских на-

⁴³³ См.: Анчабадзе Ю.Д. Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба., с. 144-146.; Тотоев М.С. Выдающийся ученый-кавказовед. С. 242.

⁴³⁴ Анчабадзе Ю.Д. Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба. С. 138.

⁴³⁵ Там же. С. 137.

родов. Проще говоря, вся многовековая история Кавказа прослеживалась им через призму классовой борьбы и партийности.

Доминирование концепции того времени в трудах Г.А. Кокиева влияет на их научную ценность. В то же время сегодня мы можем отметить, что энергия автора в выявлении, обработке и публикации документальных материалов, стремление поднять новые пласты духовной и материальной культуры горских народов способствовали активизации исследовательской деятельности в регионе. Это было весьма актуально в контексте поставленной в конце 1930-х гг. перед советскими учеными-гуманитариями задачи написания истории народов страны.

В 1940 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) принял решение о создании фундаментального труда по истории Осетии с древнейших времен до современности. Г.А. Кокиеву предложили возглавить авторский коллектив. В марте 1940 г. он приступил к своим обязанностям. Однако вскоре в официальной трактовке революционных событий на Тереке, в частности, касающихся социально-политической природы партии «Кермен», Георгий Александрович усмотрел неприемлемые с его точки зрения искажения исторической правды. Опираясь на авторитет С.М. Кирова, он пытался доказать большевистский характер партии в противовес официально принятому определению партии как мелкобуржуазной и националистической, большинство членов которой к тому времени уже были репрессированы.

Позиция ученого подверглась жесткой критике со стороны власти. В октябре 1940 г. Северо-Осетинский обком ВКП(б) постановил освободить профессора Кокиева от руководства бригадой по написанию истории Осетии «в связи с наличием на него компрометирующего материала и как не обеспечившего руководства работой бригады»⁴³⁶.

Далее следуют несколько этапов начавшейся кампании по дискредитации имени ученого в научных и общественных кругах. В этой кампании среди других «обвинителей» приняла участие газета «Социалистическая Осетия» – орган Северо-Осетинского обкома ВКП(б), опубликовавшая 12 апреля 1941 г. статью «Тем-

⁴³⁶ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 622. Л. 19.

ные дела профессора Кокиева» за подписью некоего Н. Погребенко. В ней Георгий Александрович представал в образе «белогвардейского писаки», «темного дельца, жулика и проходимца», а также фальсификатора истории, стремящегося «вызвать распрю между народами братских социалистических областей Северного Кавказа...». Его обвинили и в том, что он якобы обелял осетинских алдар и называл их защитниками и руководителями народных восстаний против царского самодержавия.

Предположить последствия подобных обвинений для того времени несложно. Но начавшаяся война отсрочила трагическую развязку. Более того, по итогам научно-педагогической работы в годы войны правительство наградило Георгия Кокиева орденом «Знак почета» и медалью «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне».

В июне 1947 г. по решению Северо-Осетинского обкома ВКП(б) был создан Правительственный комитет, который возобновил прерванную войной работу по написанию «Истории Осетии...» Авторский коллектив (в него вошли ученые Б. Скитский, М. Тотоев, А. Джанаев, Л. Семенов, В. Гальцев и др.) республиканские власти вновь предложили возглавить Георгию Александровичу. Издание планировалось в двух томах. Хронологически первый том охватывал период с древнейших времен до Октября 1917 г. Второй – представлял историю советского периода.

С присущей ученому энергией он взялся за дело. Работа, как он осознавал, предстояла сложная: «белых пятен» в истории Осетии было много. Однако и вполне, казалось, разработанные темы вызывали серьезные затруднения в связи с существенным изменением идеологических акцентов в трактовке истории народов СССР. Согласно новой официально принятой в отечественной историографии концепции истории дореволюционной России, она перестала рассматриваться как «тюрьма народов». Из научного обращения изымался термин «завоевание», замененный на – «добровольное присоединение», а все массовые национальные движения, рассматривавшиеся в тесной взаимосвязи с этим вопросом и еще вчера считавшиеся прогрессивными, воспринимались уже как угроза государственности и расценивались как реакционные и националистические.

В итоге, новая интерпретация дореволюционной истории Северной Осетии в ходе ее написания оказалась чревата расширением конфликтных зон между учеными и властью, борьбой между политическим заказом и научным предложением.

Следует подчеркнуть, что к этому времени Георгий Александрович Кокиев стал одним из авторитетных, харизматичных людей национального сообщества с качествами пассионария. Он приобрел репутацию не только сформировавшегося, зрелого ученого, признанного в научных и педагогических кругах, но также пользовался известностью опытного лектора, популяризатора науки среди своих соотечественников. Велико было его признание у молодежи, студенчества, интересовавшегося национальной историей и культурой. Возможно поэтому, а также в силу определенных личностных качеств он недостаточно учитывал «предупредительные сигналы», подаваемые время от времени властью. Ученый остался на прежних научных позициях, продолжая считать массовые народные движения национально-освободительными и антиколониальными. Признавая прогрессивный характер присоединения Осетии к России, в то же время он указывал на неправомерность новой теории о добровольном присоединении. Он утверждал, что она «возникла вопреки исторической правде в конъюнктурных условиях сегодняшнего дня», и ссылаясь на карательные походы Ф.Ф. Симоновича, К.Ф. Кнорринга, А.П. Ермолова, И.Н. Абхазова, П.Д. Цицианова в Северной и Южной Осетии ⁴³⁷.

Дважды, в феврале и в мае 1948 г. Г.А. Кокиев напрямую обратился в Северо-Осетинский обком партии по этому поводу. Он писал, что «как-то даже неудобно давно известную истину превращать в проблему и делать ее предметом научной дискуссии» ⁴³⁸. Свидетельством научной честности и искренности, идейной убежденности Георгия Александровича служит и одно из послед-

⁴³⁷ Гаппоев Т.Т., Тотоев Ф.В. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО–Алания. Владикавказ, 2000. Т. 1. С. 47.

⁴³⁸ Цаллаев Х. Вспоминая профессора Г. Кокиева // Социалистическая Осетия, 1992. 12 августа.

них его заявлений, в котором он подчеркивал: «Я, как советский ученый, считал и считаю себя ответственным за чистоту марксистско-ленинских идей в разрешении вопросов истории горских народов, являющейся моей узкой специальностью»⁴³⁹.

Официального ответа на его обращения не последовало, но в «персональном деле» появилась новая страница. Она была связана с обсуждением на состоявшейся в августе 1948 г. в Кабардинском научно-исследовательском институте III-ей научной сессии вопроса о кабардинском феодализме⁴⁴⁰. С докладом по этой теме выступила А.В. Мамонтова, которая, по сути, оппонировала Г.А. Кокиеву. Она отвергла мнение о существовании феодальной стадии развития для кабардинского общества XIX в. и утверждала, что в нем в этот период господствовали патриархально-родовые отношения. Свое мнение выступавшая изложила в письме в Кабардинский обком ВКП(б). Точка зрения А.В. Мамонтовой была подвергнута резкой критике большинством участников, в том числе содокладчиком В.М. Букаловой, а также выступившими в прениях Е.С. Зевакиным, Е.Н. Студенецкой, Е.Ф. Крупновым, Н.А. Смирновым и др. В итоге, Г.А. Кокиев (сам ученый выступал на этой сессии с докладом «Темрюк Идарович – выдающийся государственный деятель XVI в.») невольно предстал неким рупором «политически ошибочной», с точки зрения советской власти, позиции части ученых-гуманитариев региона.

Драматическая развязка в судьбе Г.А. Кокиева наступила после выхода в свет в 1948 г. небольшой брошюры «Этнограф осетинского народа С. Туккаев» (работа представляла собой несколько доработанный вариант статьи, опубликованной автором в 1946 г. во втором номере журнала «Советская этнография»). В рецензии на нее, напечатанной 2 апреля 1949 г. в газете «Социалистическая Осетия» под названием «Порочная книга» за подписью К. Егорова, Георгия Александровича обвиняли в «извращении истории народов Кавказа» и «популяризации пронемецких

⁴³⁹ Цит. по: Тотоев М.С. Выдающийся ученый-кавказовед. С. 243.

⁴⁴⁰ См.: Мамбетов Г.Х. Г.А. Кокиев и дискуссия 17 августа 1948 года о кабардинском феодализме // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2003. Вып. 10. С. 3-21.

буржуазных националистов». Эти два события стали основанием для проведения 14 апреля расширенного заседания Ученого совета Северо-Осетинского НИИ, на котором присутствовали и представители обкома ВКП (б) Х. Гутнов и С. Битиев. Последний из них к тому же являлся редактором брошюры.

Научные сотрудники СОНИИ выразили солидарность с Г.А. Кокиевым и резко осудили автора статьи. Но итоги обсуждения Ученого совета уже никак не могли помочь Георгию Александровичу. В ночь с 14 на 15 апреля он был арестован в Москве. В Северной Осетии общественность об аресте узнала лишь спустя несколько месяцев. Только в августе 1949 г., когда следственные мероприятия определили судьбу ученого, Северо-Осетинский обком ВКП(б) принял решение «О политической ошибке, допущенной Ученым советом СОНИИ 14 апреля 1949 г...». В сентябре того же года по решению обкома ВКП(б) состоялось новое, разгромное по сути, расширенное заседание Ученого совета с участием партийных, советских руководителей республики и руководства органов госбезопасности. Было объявлено, что Г. Кокиев «изъят органами ГБ как белогвардеец, стоявший на враждебных нашему народу позициях, как фальсификатор исторических событий на Северном Кавказе, в частности в Северной Осетии, как буржуазный националист и враг народа». Жесткой критике подверглись сотрудники института (особенно М.С. Тотоев и Б.В. Скитский), ранее поддерживавшие его, а теперь вынужденные каяться ⁴⁴¹.

В ноябре 1949 г. состоялось также заседание бюро Кабардинского обкома ВКП(б), которое с покаянным рвением «разоблачило» деятельность Г.А. Кокиева и резко осудило соглашательскую позицию участников августовской сессии 1948 г. в Кабардинском НИИ ⁴⁴².

Для чего понадобилась уже после ареста Г.А. Кокиева организация всех этих показательных кампаний? Определенно, по сложившейся практике для того, чтобы аргументировать обвини-

⁴⁴¹ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 126. Оп. 2. Д. 371. Л.40, 61

⁴⁴² См.: Мамбетов Г.Х. Г.А. Кокиев и дискуссия 17 августа 1948 года о кабардинском феодализме. С. 3-21.

тельный процесс, готовившийся десять месяцев, и назидательно устроить тех, кто солидаризировался с обвиняемым.

Между тем, по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 20 февраля 1950 г. «за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия» Георгий Александрович Кокиев был на восемь лет заключен в Угличевский исправительно-трудовой лагерь УМВД Ярославской области. До освобождения он не дожил. Умер в лагере 23 июня 1954 г. от разрыва сердца. А через год определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 сентября 1955 г. был реабилитирован. Через три месяца, 17 декабря 1955 г. Высшая аттестационная комиссия отменила свое решение от 29 ноября 1952 г. о лишении Г.А. Кокиева ученого звания профессора и ученой степени доктора исторических наук ⁴⁴³.

Таким образом, завершился еще один частный эпизод из жизни науки, свидетельствующий о сложных отношениях государства и ученого, при которых логика времени, политической прагматики входят в противоречие с нравственным законом, исповедуемым отдельной личностью. Георгий Александрович Кокиев, как и многие тысячи мыслящих людей, исповедовал в качестве жизненного кредо верховенство идеи, убеждения над прагматикой повседневности. Он отождествлял политическую и гражданскую преданность государству с правом на свободу мысли, самостоятельность ученого, отвергая подозрения в нелояльности. Ценой этого человеческого простодушия закономерно стал трагизм его судьбы.

В заключение, отметим объективно заложенное в природе науки свойство к постоянному развитию и обогащению. Она терпима к отклонениям от магистральной линии развития, вбирает, отражает многообразие поискового, исследовательского материала конкретного времени. Поэтому сегодня некоторые концептуальные построения ученого вызывают закономерные возражения, требуют критической проработки (например, трактовка проблемы присоединения к России, вопросов социально-эконо-

⁴⁴³ Тотоев Ф.В. Гений, ставший жертвой наветов. С.87; Люди и судьбы. С. 208-209.

мического развития кавказского региона). Вместе с тем, многое из творческого наследия Георгия Александровича (в частности, исследования о материальной и духовной культуре, о социальной истории народов Северного Кавказа) сохраняет научную доброкачественность. Особого признания заслуживает отношение ученого к историческим источникам, энергия и скрупулезность автора в поиске документальных материалов, бережное отношение к ним, стремление поднять новые пласты духовной и материальной культуры народов Кавказа. Поэтому археографическая деятельность стала важной частью научной работы исследователя. Результатом его многолетних, глубоких изысканий было выявление, собирание и издание документальных материалов по истории кавказских народов («Материалы по истории осетинского народа» (1934), «Крестьянская реформа 1867 года в Кабарде» (1947), «Осетины во II половине XVIII по наблюдениям путешественника Штедера», «Осетины в начале XIX века по наблюдениям путешественника Ю. Клапрота» и др.).

Следовательно, обращение сегодня к личностной и творческой биографии Георгия Александровича Кокиева представляется вполне закономерным как знак уважения к памяти гражданина и ученого-кавказоведа. Его судьба служит поучительным примером для новых поколений научных кадров. Что же касается вклада Г.А. Кокиева в науку, то в современном историческом кавказоведении несомненно востребованы его исследования социально-экономических, политических, и культурных процессов на Северном Кавказе в XVI–XX в., выдержавшие в основном проверку временем, вопреки логике его развития.

2. Идти вперед, открывая миры прошлого. Василий Иванович Абаев

В подавляющем числе жизнеописаний выдающихся деятелей науки, то ли под влиянием выработанных многими поколениями биографов штампов, то ли из-за будничности жизни ученых, легковесно относимых к «кабинетным», довлеет утвердившаяся формула достижения успеха. Она содержит набор выдающихся качеств и неоспоримых достоинств, которые едва ли не обязан иметь каждый серьезный исследователь, а также перечень дежурных для биографического жанра помех на карьерном и жизненном пути, совместно работающих на поддержание авторитета интересующего нас человека науки. Однако существует категория ученых, к биографиям которых трудно приложить привычные правила написания. В жизни этих людей нередко можно отметить явную алогичность поступков, их несоответствие веяниям эпохи и, быть может, неоправданную рискованность, если судить с позиций рациональности и прагматизма. Что ж, кратчайшее расстояние между двумя точками не всегда есть прямая, как мы сейчас знаем благодаря ученым именно из этой категории, способным прозревать истины, труднодоступные для научных работников с более приземленным, если не сказать конформистским, мышлением.

Научная строптивость, приверженность индивидуальному толкованию «правды жизни», кодекса чести, по мнению современника, вполне логично отчуждают их от повседневных реалий. В лучшем случае, то есть при доброжелательном отношении, оценки очевидца адресуются в сферы желаемой перспективы. Проходит время, меняются исторические декорации революций и разных культов, и в пространстве значимых достояний общества, его культуры действительно остаются имена вчерашних «инакомыслящих» в науке, чьи знания служат одной из опор на пути в будущее. Не менее ценны и отражения человеческих качеств, оставляющие сквозь время в пластах культуры ориентиры для новых поколений ученых и граждан. Столь неоднозначные размышления о судьбах людей науки более чем обоснованно вы-

зывает в контексте нашей общей темы биография Василия Ивановича Абаева – выдающегося ученого-универсала, автора более пятисот научных трудов и пятитомного «Историко-этимологического словаря осетинского языка», не имеющего аналога в отечественной науке.

Василий (Васо) Иванович Абаев (15 декабря 1900 г. – 18 марта 2001 г.) – иранист, кавказовед, осетиновед, доктор филологических наук (1962 г. – без защиты диссертации); профессор (1969), действительный член Королевского Азиатского Общества Великобритании и Ирландии (1966), член-корреспондент Финно-угорского общества в Хельсинки (1973), почетный член Академии естественных наук РФ (1992), лауреат премии имени К.Л. Хетагурова (1964), лауреат Государственной премии СССР (1981), заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР (1957), заслуженный деятель науки Грузинской ССР (1980), заслуженный деятель науки Республики Южная Осетия (1995). Ученый награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалью «За оборону Кавказа», орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом «Знак почета» Республики Южная Осетия, медалью «Во имя Осетии». Многочисленные высокие награды и звания не только служат свидетельством признания выдающихся заслуг В.И. Абаева в развитии лингвистики, фольклористики, истории, этнографии и литературоведения. Они подтверждают мировой престиж его ученой деятельности. Многие его работы опубликованы в самых авторитетных изданиях мира: в Лондоне, Риме, Берлине, Будапеште, Копенгагене и др.

Жизни и творчеству В.И. Абаева посвящены монографии, десятки и сотни научных статей, отзывов, рецензий, воспоминаний. Подавляющее большинство этих материалов включено в трехтомный сборник «Фарн Вассо» в четырех книгах, изданный Юго-Осетинским научно-исследовательским институтом имени З.Н. Ванеева к 120-летию со дня рождения ученого⁴⁴⁴. Но личность и наследие В.И. Абаева продолжают будоражить умы современников, вызывать вопросы и чувство уважения у соотечествен-

⁴⁴⁴ Фарн Вассо. В 3-х тт. Цхинвал, 2020.

ников вне зависимости от места жительства. Отношение к его личности и в новой России подтверждает лишь доказанное историей положение: «Истинно великие люди имеют ту особенность, что их величие с течением времени не только не тускнеет, но становится все ярче, убедительнее, зримее».

Василий Иванович был «долгожителем» в науке. Почти семьдесят лет он верно служил ей, следуя жизненному кредо, которое не раз осознанно звучало в его выступлениях, прежде всего перед молодежной аудиторией: «творческий труд и человеческий образ – вот что оставляет человек в наследие людям. Все остальное, все внешние атрибуты престижа, казавшиеся такими важными при жизни, обращаются в тлен и прах»⁴⁴⁵.

Рождение в с. Коби Душетского уезда Тифлисской губернии в семье горца-осетина не предвещало мальчику необычной судьбы. Но исключительная природная одаренность и страстное желание родителей «обязательно дать своим детям самое лучшее образование, какое только возможно»⁴⁴⁶ предоставили шанс изменить традиционный ход жизни для представителя непривилегированного социального сословия и перешагнуть за привычные горизонты постижения окружающего мира. Начальное образование Василий, как и двое его старших братьев, получил в местной церковно-приходской школе. В 1910 г. благодаря настойчивым стараниям матери, добившейся приема у попечителя Кавказского учебного округа в Тифлисе, этнографа, исследователя языков народов Кавказа, главного редактора сборника «Материалы для описания местностей и племен Кавказа» Л.Б. Лопатинского сыновья были приняты в гимназию за казенный счет (Георгий и Семен – в третью, Васо – в шестую).

Гимназия дала мальчику глубокие знания во многих областях науки, сыгравшие важную роль в личностном и мировоззренческом становлении будущего ученого. Благодаря учителям и гимназическим товарищам, с которыми устраивал коллективные обсуждения прочитанных книг, он приобретал навыки ведения

⁴⁴⁵ См.: Исаев М.И. Васо Абаев. Орджоникидзе, 1980. С. 131.

⁴⁴⁶ Калоев Б.А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии в его трудах. М., 2001. С. 22.

исследовательской работы и научной дискуссии. Тогда же определились и научные интересы Васо. Он решил непременно стать философом. Но все изменило знакомство с «Осетинскими этюдами» Всеволода Миллера. «Прочитав эту книгу, – вспоминал он впоследствии, – я загорелся желанием как-то продолжить ту работу, которую проделал Миллер, а именно – осветить историю осетинского народа в свете истории языка. Я тогда же, в гимназические годы, решил поехать в Петербург, в университет, где работал Вс. Миллер, и поступить на иранский факультет»⁴⁴⁷.

Отличный аттестат (в нем были только две оценки «4» по законоведению и географии), а также действовавшее в новой советской России право преимущественного поступления в вуз выходцев из рабоче-крестьянской среды, делали это стремление вполне достижимым. Сложная социально-политическая обстановка в стране, охваченной революцией и гражданской войной, заставили на время отложить отъезд, но через три года, проработав учителем в родном селе, он отправился в Петроград.

Время благоприятствовало его устремлениям. С окончанием гражданской войны и установлением советской власти на первый план в государственной образовательной политике вышли вопросы подготовки профессиональных кадров как важнейшего условия реализации планов социалистической реконструкции страны. Потребность в грамотных специалистах при широком развертывании народно-хозяйственного производства особенно остро ощущалась в национальных окраинах. Слабая материально-техническая и учебная база создававшихся здесь вузов, ограниченный перечень представленных в них специализаций не покрывали кадрового дефицита. Поэтому органы власти, чтобы решить проблему, предоставили квоты в центральных вузах страны для молодежи из национальных областей. В 1920–1930-е гг. ежегодно сотни молодых людей из Северной Осетии отправлялись в институты, техникумы и рабфаки Ростова, Москвы, Ленинграда, Тбилиси и других городов. В 1925 г., к примеру, из

⁴⁴⁷ Калоев Б.А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии. С. 25, 139.

47 сел области в ведущие учебные заведения страны по разверстке уехали 1140 осетин⁴⁴⁸. Осенью 1921 г. правительство Горской республики отправило группу молодых людей в вузы Петрограда. Среди них был и Васо Абаев, а вместе с ним – известные в будущем скульптор Сосланбек Тавасиев, ингушский художник Гази-Магомед Даирбеков, доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент Академии наук Казахской ССР, геолог Георгий Медоев⁴⁴⁹.

Суровый климат Петрограда, скудная еда, тяжелые бытовые условия, порожденные послереволюционной и послевоенной разрухой, крайне негативно сказывались на здоровье южан. Васо долго болел цингой, позже заболел костным туберкулезом, от которого страдал всю последующую жизнь. Выручала товарищеская взаимопомощь, моральная и материальная поддержка некоторых петроградских осетин – известного врача Андуканара Хетагурова, родственника Коста, а также гостеприимной семьи Абациевых. Без сомнения, помогало и совершенно ясное осознание своего жизненного предназначения, укреплявшее дух и придававшее силы на пути к достижению поставленной цели.

По разнарядке Васо Абаева распределили в политехнический институт, но он упорно настаивал на переводе в университет. Много позднее он вспоминал, что никогда не добивался никаких должностей, званий или степеней. «Единственное звание, которого я энергично добивался, это звание студента Петроградского университета»⁴⁵⁰. Его настойчивость была вознаграждена, и в 1922 г. Васо был принят на иранский разряд этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук университета, который окончил в 1925 г., выполнив программу обучения за четыре года вместо пяти⁴⁵¹.

Учился В.И. Абаев с огромным вдохновением. Даже посещал занятия, которые для него не были обязательными, желая, по

⁴⁴⁸ Кулов Б.С. К высотам культуры. С.88.

⁴⁴⁹ Калоев Б.А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии. С. 117.

⁴⁵⁰ Исаев М.И. Васо Абаев. С. 131.

⁴⁵¹ Калоев Б.А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии. С. 28.

его собственным словам, «глубже войти в гущу научной жизни университета». Он высоко ценил лекции выдающихся историков С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле и был особенно «ревностным посетителем» занятий по кавказоведению, проводимых Николаем Яковлевичем Марром. Они оказали огромное влияние на формирование его научного мировоззрения.

Увлеченность юноши наукой, его исследовательский талант довольно быстро были оценены. Будучи еще на втором курсе В.И. Абаев получил приглашение от Н.Я. Марра на должность штатного сотрудника в только недавно созданный им Яфетический институт (с 1931 г. Институт языка и мышления; с 1950 г. Институт языкознания) Академии наук СССР. В 1925 г. при содействии своего учителя Васо поступил в аспирантуру НИИ сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока при Ленинградском госуниверситете. После ее окончания молодой ученый некоторое время работал в Кавказском историко-археологическом институте Академии наук СССР в Тифлисе. В 1930 г. вернулся в Ленинград и стал сотрудником Института языка и мышления АН СССР с совмещением должности заведующего иранским кабинетом. К середине 1930-х гг. Василий Иванович был уже весьма авторитетным в научных кругах исследователем в области иранистики, кавказоведения и осетиноведения. Признанием его заслуг явилось присвоение в 1935 г. ученой степени кандидата филологических наук (без защиты диссертации).

Накануне войны, в январе 1941 г. по ходатайству Северо-Осетинского обкома ВКП(б) в связи с запросом Северо-Осетинского научно-исследовательского института, Васо Абаев был командирован руководством Института языка и мышления в Орджоникидзе в качестве консультанта по подготовке к изданию осетинского нартского эпоса. Это было несомненным везением для обеих сторон – как для национальной осетинской культуры и науки в целом, так и самого Василия Ивановича, так как предугадать судьбу ученого, особенно при его слабом здоровье, в блокадном Ленинграде несложно.

До конца войны В.И. Абаев работал в Северо-Осетинском и Юго-Осетинском научно-исследовательских институтах, заведо-

вал кафедрой языкознания Северо-Осетинского пединститута. В ноябре 1945 г. он вернулся в Институт языка и мышления в Ленинград, а в 1952 г. вместе с основным составом Института был переведен в Москву в Институт языкознания АН СССР, где проработал до 1986 г. в секторе иранских языков. Впрочем, и после выхода на пенсию практически до конца жизни Василий Иванович не оставлял научных занятий и не порывал связи с коллегами из Института языкознания и многих других научных учреждений как зарубежья, так и страны, особенно Северной и Южной Осетии.

Календарные события и факты биографии Василия Ивановича даже на первый взгляд отмечают неординарное течение его жизни. Примером тому – присвоение кандидатской и докторской степеней без традиционной процедуры защиты диссертации. Как известно, мир науки и взаимоотношения ученых в нем довольно консервативны. Только исключительный талант и заслуженный авторитет среди коллег позволяют согласиться большому числу членов Ученого совета с прецедентом присуждения претенденту научной степени без защиты научной работы. И оба решения, принятые с промежутком в три десятилетия, стали свидетельством выдающегося вклада ученого в развитие кавказоведения, отечественной и мировой филологии.

В настоящее время труды В.И. Абаева в области осетинской и иранской этимологии, языкознания, фольклористики, нартоведения по праву признаны образцами научного исследования. Еще в студенческие годы он заявил о себе как об исследователе, стремящемся в полной мере использовать научно-методический инструментарий, позволяющий решать сложные научные проблемы. Одно из его первых исследований было посвящено ударению в осетинском языке. Доклад «Об ударении в осетинском языке» был прочитан в 1922 г. на заседании Осетинского историко-филологического общества. В нем содержалось обоснование положения об акцентуальных комплексах в осетинском языке⁴⁵². Доклад привлек внимание специалистов и в 1924 г. был включен в сборник научных

⁴⁵² Отчеты о деятельности Осетинского историко-филологического общества // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1. С. 413, 418.

докладов Академии наук СССР. Позднее результаты исследований о фразовом ударении в осетинском языке в расширенном и углубленном виде были опубликованы в работе «Ритмика осетинской речи»⁴⁵³. Акцентологические исследования В. Абаева и сегодня сохраняют научное значение и представляют твердую научную базу для разработки орфоэпических норм осетинского литературного языка, для изучения ритмики осетинского стиха⁴⁵⁴.

В 1949 г. В.И. Абаев представил собрание многоплановых исследований по осетиноведению в работе «Осетинский язык и фольклор», которая, по мнению специалистов, положила начало новому этапу в развитии не только осетинского языкознания, но и осетиноведения в целом. В ней впервые в истории осетинского языкознания довольно детально была разработана тема скифо-алано-осетинской языковой непрерывности, неразрывно связанная с проблемой происхождения осетин. Книга признана специалистами самым крупным и фундаментальным произведением, в котором подробно рассмотрены вопросы осетинской лексики, диалектологии и др.⁴⁵⁵

Целостную концепцию строя осетинского языка составили труды ученого в области морфологии, словообразования, синтаксиса. Изданный автором в 1959 г. «Грамматический очерк осетинского языка» был положен в основу двухтомного коллективного труда «Грамматика осетинского языка» под редакцией член-корреспондента АН СССР Г.С. Ахвледиани (1963, т. 1; 1969, т. 2), что явилось этапным событием в истории осетинской филологии.

Важной частью исследовательской деятельности В.И. Абаева являлась разработка проблем лексикологии и лексикографии. Этой темой он занялся еще в студенческие годы, приняв участие в подготовке трехтомного издания «Осетино-русско-немецкого словаря» В.Ф. Миллера. В 1930-е гг. он активно занимался составлением собственного русско-осетинского словаря, первое издание которого состоялось в 1950 г. Работая над словарем и над

⁴⁵³ Ритмика осетинской речи // Абаев В.И. Из осетинского эпоса. М.-Л., 1939. С. 96-134.

⁴⁵⁴ Исаев М.И. В.И. Абаев. С. 22-23.

⁴⁵⁵ Гуриев Т.А. Василий Иванович Абаев. Владикавказ, 2000. С. 21-22.

лексикой в целом, Василий Иванович большое внимание уделял исследованию иронского и дигорского диалектов языка. Изучая лингвистический, лексический материал обоих диалектов, ученый выявил специфические черты, обозначающие различные понятия, которые сближали осетинский с западными индоевропейскими языками. Результатом этой многолетней работы явилась монография «Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада»⁴⁵⁶.

Выдающимся явлением в мировой филологической науке, вершиной лексикографической и лексикологической деятельности В.И. Абаева признан пятитомный «Историко-этимологический словарь осетинского языка» (1958 г., т. 1; 1973 г., т. 2; 1979 г., т. 3; 1989 г., т. 4; 1995 г., 5-й том – Указатель к словарю). Его теоретические и концептуальные основы были изложены в статье 1952 г. «О принципах этимологического словаря». Это был принципиально новый вид словаря с двойной задачей. Ничего подобного до этого по осетинскому языку не было (по десяткам остальных иранских языков нет и сейчас)⁴⁵⁷. Ученый исследовал историю и этимологию осетинских слов на широкой сравнительно-лексикографической базе, используя материал 190 языков мира. Он проследил связи осетинского языка с иранскими и индоевропейскими, а также тюркскими, финно-угорскими и другими языками, выявил и разделил субстратные и заимствованные элементы в словарном составе языка. Труд колоссальный, как правило, выполняемый большими исследовательскими коллективами.

Сегодня словарь В.И. Абаева правомерно называют энциклопедией истории и культуры осетинского народа. Он определяет широчайший диапазон языковых связей осетинского народа с другими культурами и устанавливает глубокие исторические корни его происхождения.

В. Абаев солидаризировался с известным языковедом XIX в. Якобом Гриммом, повторив тезис: «Наш язык есть также наша

⁴⁵⁶ Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

⁴⁵⁷ Трубачев Н. Василий Иванович Абаев и этимология // Фарн Вассо. Цхинвал, 2020. Т. 1. С. 16.

история»⁴⁵⁸. Стремление глубже исследовать осетинский язык закономерно привело его к сокровищницам народной речи – фольклорным произведениям, в том числе нарттовским сказаниям. Обратившись к героическому эпосу осетин, ученый перешагнул границы лингвистики и стал фольклористом в полном смысле этого слова, превратив осетинский язык в средство познания истории и культуры народа.

Его первые научные исследования по нарттовской тематике появились в 1930-е гг. В статьях «О собственных именах нарттовского эпоса» (1935), «Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении нарттов и римлян» (1939) и других рассматривались вопросы участия и взаимодействия разных этнических культур Кавказа в процессе формирования нарттовского эпоса, происхождения нарттовских собственных имен; выявлялись сходства со сказаниями других народов и др.⁴⁵⁹ Прояснению сложных, нерешенных аспектов нарттовской проблематики способствовала работа ученого в составе Правительственного нарттовского комитета в 1940-х гг. при подготовке текстов сказаний к изданию.

Результатом многолетней текстологической и аналитической работы по изучению эпического произведения явилась монография «Нарттовский эпос» (1945)⁴⁶⁰. Работа, скромно названная ученым введением в изучение эпоса, на самом деле явилась исключительным событием в осетинской фольклористике. Концептуально она выводила проблему изучения эпоса на совершенно новый уровень научного осмысления. В ней, как отмечал автор, ставилась задача «обосновать циклическое деление сказаний, вскрыть в них древнейшие пласты, с несомненностью ведущие нас к эпохе скифов и сарматов, нарисовать картину нарттовского быта, наконец, выявить внешние влияния, среди которых наибо-

⁴⁵⁸ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. С. 9.

⁴⁵⁹ Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор Литература. Владикавказ, 1990; Он же. Из осетинского эпоса. 10 нарттовских сказаний. М.-Л., 1939.

⁴⁶⁰ Абаев В.И. Нарттовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, 1945. Т.10. Вып. 1.

лее значительным было, по нашим изысканиям, монгольское»⁴⁶¹.

В научных кругах выход монографии В.И. Абаева встретили с интересом и энтузиазмом, что объяснялось не только авторитетом ученого, но и общественным запросом на разъяснение актуальных и спорных вопросов нартовской тематики. Работа вызвала острую дискуссию. Особенно болезненно воспринимался вопрос о национальной принадлежности ядра нартовского эпоса (он остается таковым и сегодня), непосредственно связывавшийся с проблемой происхождения осетинского народа и осетинского языка. В поиске ответа на этот вопрос Василий Иванович опирался на лингвистический материал и шел через анализ собственных имен нартовских героев, происхождение значительной части которых он выводил из иранских языков. А поскольку из всех северокавказских языков только осетинский имеет в себе иранский элемент, то, следовательно, творцами «ядра» эпоса являются древние предки осетин, утверждал ученый⁴⁶². Однако его аргументация не убеждала оппонентов. К тому же они обнаруживали «разночтения» и «противоречия» в абаевских работах разных лет при выяснении этимологии собственных имен нартов. Отвечая на критику, В.И. Абаев иронично замечал, что не видит в этом никакого преступления: «Мы и дальше собираемся улучшать и совершенствовать свои суждения и выводы по мере углубления в материал. Мы не считаем высшей добродетелью, подобно анекдотическому барону фон Гринвальдусу (герой сочинения Козьмы Пруtkова. – *И.Ц.*) “все в той же позиции на камне сидеть”»⁴⁶³.

Лингвистика и нартоведение – два столпа, два научных направления, которые занимали главное место в творчестве Васа Абаева. В то же время весьма значительным был его вклад во многие другие отрасли осетиноведения. Он исследовал проблемы этнического мировоззрения осетин, изучал этногенетические

⁴⁶¹ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 50.

⁴⁶² Цориева И. Т. Нартовский эпос в исследованиях Северо-Осетинского научно-исследовательского института (1940-е – 1980-е годы) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2013. С. 116-117.

⁴⁶³ ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 53.

проблемы, историю этнокультурных контактов осетин, их ирано-язычных предков с рядом коренных кавказских народов, вопросы становления и развития литературного процесса⁴⁶⁴.

Неоценимым вкладом в развитие советской этнографической науки являлась разработка теории субстрата и ареальной лингвистики. Теория субстрата, развитая ученым применительно к изучению истории происхождения осетин и других кавказских народов, подвела его к обоснованию идеи двуприродности осетинского языка и народа. Глоттогенез осетин он определил краткой формулой: «осетинский язык – это иранский язык, формировавшийся на кавказском субстрате»⁴⁶⁵ и решительно отстаивал свою точку зрения до конца жизни, несмотря на перепады в идейно-политическом климате страны, нередко чреватые предсказуемо негативными последствиями для его научной репутации и личной биографии.

Сегодня выдающийся вклад В.И. Абаева в развитие истории и культуры осетинского народа общепризнанный факт. Как замечал Нафи Джусойты, осетиноведение как наука в советское время создавалось под непосредственным влиянием его идей и открытий, интеллектуального и нравственного воздействия. А львиную долю этой науки составляют его труды. Исследователи древней и средневековой истории и культуры осетинского народа и его ближайшего этнокультурного окружения, обращающиеся к творчеству Васо Абаева, находят в нем безупречно аргументированные решения или же ключ к решению наиболее сложных и трудных проблем⁴⁶⁶.

Однако путь ученого к научному и общественному признанию не был прост. Он был временами по-настоящему тяжел и многотруден. Василию Ивановичу неоднократно пришлось испытать последствия несправедливой критики и надуманных обвинений,

⁴⁶⁴ См.: Салагаева З.М. В.И. Абаев-литературовед // Поэтика жанра. Орджоникидзе, 1980; Осетиноведение от прошлого к будущему. Материалы юбилейной научной конференции, посвященной 85-летию со дня основания института и 110-летию со дня рождения В.И. Абаева (2-3 декабря 2010 года). Владикавказ, 2011.

⁴⁶⁵ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. С. 11, 76.

⁴⁶⁶ Джусойты Н.Г. Уроки Васо Абаева // Фарн Вассо. С. 173.

отстаивать свои убеждения в противостоянии с оппонентами, порой особенно жестко действовавшими из идеологических, конъюнктурных или карьерных соображений.

Периодом серьезных испытаний для советской науки стал рубеж 1940–1950-х гг. Происходившие общественно-политические процессы вылились в гуманитарных науках в ряд дискуссий, которые во многом определили состояние духовной атмосферы в стране и серьезно отразились на судьбах научной интеллигенции. Одна из таких дискуссий прошла в 1950 г. в советском языкознании. Ее итогом явился полный разгром марризма. «Новое учение о языке» Н.Я. Марра, господствовавшее в советском языкознании на протяжении почти трех десятилетий, было развенчано и отвергнуто как антимарксистское и идеалистическое.

Как известно, марризм отказался от существовавших в сравнительном языкознании классических представлений о существовании праязыка, который постепенно распадался на отдельные языки, сохранявшие при этом генетическое родство. Н.Я. Марр противопоставил им концепцию, согласно которой языки возникли независимо друг от друга и со временем в процессе скрещивания должны были слиться в единый мировой язык. Данная концепция служила научным обоснованием популярной в те годы идеологии близкой мировой революции. Предпринимались даже шаги по созданию искусственного мирового языка.

Однако к началу 1950-х гг. политическая ситуация в стране и в мире кардинально изменилась, и принятые прежде теоретические построения потеряли актуальность. В частности, на смену идее искусственного языка пришла новая, более реалистичная – о значительном повышении политического статуса русского языка в эпоху социализма. В послевоенных политических реалиях, в условиях формирования социалистической системы иначе воспринималась и теория стадиальности. В значительной степени она стала частью политической конъюнктуры и болезненно задевала национальные чувства многих народов. Так, согласно учению Н.Я. Марра выделялись четыре стадии развития языков. На первой (низшей) располагался китайский и ряд африканских

языков. На второй стадии находились угро-финские, турецкие и монгольские языки; на третьей – яфетические (кавказские) и хамитские; на четвертой (высшей) – семитские и индоевропейские языки. В итоге, оказывалось, что, к примеру, китайский язык находился лишь на первой ступени развития, а грузинский по развитию стоял ниже еврейского, что не могло не задевать национальных чувств грузин. Подобные научные построения реально могли провоцировать осложнения в национальных отношениях как внутри страны, так и за ее пределами⁴⁶⁷.

В сложившейся ситуации «свержение с пьедестала» Н.Я. Марра, еще недавно признававшегося непогрешимым столпом советского языкознания, а ныне клеймившегося как вульгаризатор марксизма, укладывалось в логику политической практики. Предлогом для начала дискуссии послужила статья А.С. Чикобава в газете «Правда» от 9 мая 1950 г., поддержанная статьями самого И.В. Сталина от 20 июня, 11 и 28 июля того же года. С этого момента дискуссия плавно перетекла в научные и учебные аудитории, вовлекая в обсуждение все более широкие слои научной интеллигенции.

В.И. Абаев не включился в общий хор критиков, еще вчера безоговорочно принимавших каждое положение марризма как непререкаемую истину. Ученый не стал заниматься и «саморазоблачением», как делали многие бывшие ученики Н.Я. Марра, поскольку не был слепым адептом его учения.

Действительно, профессиональное становление Васо Абаева происходило в условиях господства учения Н.Я. Марра, и это обстоятельство, безусловно, повлияло на формирование его научных взглядов. Он многое воспринял из марризма, в частности, теории стадильности и скрещивания языков. Но это было не механическое принятие господствовавших научных представлений. Заслуга молодого ученого состояла в том, что, признав ряд концептуальных положений учителя, он, творчески преломил их через призму сравнительного языкознания и создал стройную концепцию истории осетинского языка и народа. Признание научной обоснованности теории стадильного развития обеспечило ему

⁴⁶⁷ Вдовин А.И. Русская нация в XX веке. С. 375.

надежную теоретическую основу для решения двух важнейших задач, рассматривавшихся им в неразрывной связи: во-первых, раскрытия закономерностей формирования и развития языка, во-вторых, изучения истории народа⁴⁶⁸. Опираясь на теорию скрепления языков, он обосновал идею двуприродности осетинского народа и осетинского языка.

В то же время В.И. Абаев не принял главное изобретение своего учителя – метод четырехэлементного анализа, с помощью которого предлагалось реконструировать стадии единого процесса происхождения и развития языков. Четырехэлементному анализу Василий Иванович предпочел компаративистский, т.е. сравнительно-исторический метод, избрав его в качестве главного метода научного познания, за что ортодоксальные сторонники марризма его неоднократно жестко критиковали. В итоге, с низвержением марризма, снятием ограничений со сравнительно-языкознания и возвращением сравнительно-исторического метода в качестве метода научного исследования научная репутация В.И. Абаева заметно укрепилась.

В июле 1950 г. на расширенном заседании Ученого совета Северо-Осетинского НИИ, посвященном обсуждению статей Сталина в газете «Правда» по вопросам языкознания и перестройке работы лингвистического отделения института в соответствии с новым курсом в языкознании, наряду с основными вопросами особо подчеркнули заслуги Василия Ивановича в осетиноведении. Его признали крупнейшим исследователем осетинского языка. При этом большинство его коллег исходило не только из соображений политической конъюнктуры, но отчасти отдавало должное его непреклонности в отстаивании своих убеждений. В научных кругах, на страницах республиканской печати звучала мысль о том, что гонения на него за приверженность сравнительно-историческому методу закончились, и необходимо заново переоценить и использовать его работы в изучении истории языка и народа⁴⁶⁹.

⁴⁶⁸ Дьяконов И.М. По поводу воспоминаний О.М. Фрейденберг о Н.Я. Марре // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 179.

⁴⁶⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 395. Л. 17; Социалистическая Осетия. 1951. 13 марта.

Однако спустя некоторое время тон публичных выступлений в адрес ученого резко переменился. В июне 1951 г. в газете «Правда» к годовщине публикации статей Сталина по вопросам языкознания был помещен ряд статей, в том числе президента АН СССР А.Н. Несмеянова, директора Института языкознания В.В. Виноградова. В них подводились итоги дискуссии и определялись первоочередные задачи советского языкознания, суть которых сводилась к «полному освобождению языкознания от ошибок Марра» и «внедрению марксизма в языкознание»⁴⁷⁰. Требование окончательного развенчания учения Н.Я. Марра подняло новую волну дискуссии, захватившую осетиноведение. На этот раз главный удар пришелся по «вчерашнему герою дня» – Василию Ивановичу Абаеву.

В сентябре 1951 г. состоялось заседание бюро Северо-Осетинского обкома КПСС. Оно рассмотрело вопрос «Об освещении вопросов языкознания в республиканской печати». Первым пунктом принятого по итогам обсуждения постановления редактору газеты «Социалистическая Осетия» указали на «серьезную ошибку, выразившуюся в опубликовании статьи К. Гагкаева об В.И. Абаеве, в которой якобы ошибки «последователя и ученика Марра», не были вскрыты. Бюро обкома потребовало новой публикации с подробным разбором и критикой «ошибок Абаева»⁴⁷¹.

Статья не замедлила появиться. В ней развенчивались «грубые методологические ошибки» ученого. Ему вменяли в вину и признание учения Н.Я. Марра о языке как надстройке, и разработку теории стадильности, и неверное с точки зрения критиков понимание теории скрещивания. Общим недостатком научных работ В.И. Абаева называлось его «чрезмерное» внимание к вопросам истории языка и исторической семантике. В результате простого подсчета было выяснено, что в его труде «Осетинский язык и фольклор», содержавшем 600 страниц, вопросам грамматики и фонетики было посвящено всего 60 страниц. По мнению автора статьи, результатом «пренебрежительного отношения к грамматике одного из ведущих представителей так называемого “нового учения”

⁴⁷⁰ Правда. 1951. 20 июня.

⁴⁷¹ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535. Л.132.

Марра является тот печальный факт, что осетинский язык до сих пор не имеет своей ни научной, ни описательной грамматики»⁴⁷².

Как отмечалось в другой газетной публикации: «Вульгаризаторские идеи Н.Я. Марра о надстроечном характере языка, ... теория о «двуприродности», «гибридности» осетинского языка, слепо воспринятые осетиноведами, особенно много вреда нанесли в деле изучения осетинского языка. Теряясь в этих неясных и путаных идеях Н.Я. Марра и его «учеников», некоторые осетиноведы стали рассуждать так: стоит ли заниматься вопросами осетинского языка, если он ... скоро должен исчезнуть, ассимилироваться с другими языками?»⁴⁷³.

Адресные «проработки» В.И. Абаева и некоторых других осетиноведов еще более усилились в связи с развернувшейся борьбой против якобы пропаганды ими «буржуазно-националистических концепций», «идеализации феодально-патриархального прошлого осетинского народа», «чрезмерного захваливания» и «преувеличенных оценок нартского эпоса»⁴⁷⁴. От гуманитариев требовали не только критики коллег, но и самокритики, саморазоблачения.

Напряжение в научном сообществе Северной Осетии достигло высшего накала к середине декабря 1951 г., когда в газете «Правда» появилась статья «За творческую разработку проблем языкознания», подписанная заместителем директора института языкознания АН СССР Б. Серебренниковым, профессором В. Сухотиным и журналистом А. Джикаевой. Решительной критике подвергли всех «пособников» и, прежде всего, газету «Социалистическая Осетия», которая предоставила свои страницы для печатания, как отмечалось, «путанных и ошибочных статей». Досталось и автору статей о Васо Абаеве. Критиковали за то, что сначала он написал якобы хвалебную статью «в адрес одного из виднейших и не разоружившихся до сих пор учеников Н.Я. Марра», а в следующей статье фактически затушевывал «смысл крупнейших методологических ошибок Абаева» и «приложил немало усилий, чтобы смягчить критику и выгородить его»⁴⁷⁵.

⁴⁷² Социалистическая Осетия. 1951. 26 сентября.

⁴⁷³ Социалистическая Осетия. 1951. 28 сентября.

⁴⁷⁴ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д.780. Л. 24-26.

⁴⁷⁵ Правда. 1951. 15 декабря.

При этом, главным объектом критики являлся, конечно, сам ученый. Его обвинили в создании «вульгаризаторских этимологических построений в духе Марра», в разработке «неверного» учения о двуприродности языка, в идеализации «феодалных мотивов» в нарттовском эпосе, в восхвалении старины и патриархальных обычаев. Однако, В. Абаев, казалось, не замечал критики и хранил упорное молчание.

Между тем, маховик критики продолжал раскручиваться, и 24-26 декабря 1951 г. на базе Северо-Осетинского научно-исследовательского и Северо-Осетинского педагогического институтов при участии представителей Института языкознания АН СССР состоялась конференция по вопросам языкознания. Выступление заместителя директора Института языкознания АН СССР Б.А. Серебренникова было целиком посвящено «раскрытию ошибок убежденного марриста», который, по мнению докладчика, не просто излагал в своих работах «порочные положения» Н.Я. Марра, а пытался «оригинально развивать их» и тем создавал основу для «нездоровых националистических теорий». Докладчик выражал надежду, что «Абаев, узнав о нашей конференции и прочтя статью в «Правде», сам осознает грубейшие марристские ошибки и выступит с критикой своих ошибок»⁴⁷⁶.

В ответ на требование «открыто осознать свои ошибки» и «открыто выступить в печати с признанием своих ошибок» ученый продолжал упорно хранить молчание. Реакция обвинителей на это молчание, как выражение протеста, последовала 17-18 января 1952 г. на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР. На повестку дня заседания вынесли обсуждение уже упомянутой статьи в «Правде» от 15 декабря 1951 г. Открывая заседание Ученого совета, директор института В.В. Виноградов заявил: «Серьезной ошибкой Института является то, что «марристские ошибки в работах сотрудника Института проф. В.И. Абаева не были своевременно подвергнуты серьезной критике, тем более что проф. В.И. Абаев сам до сих пор не выступил публично с критикой ряда своих антимарксистских положений. Ученый со-

⁴⁷⁶ Мах дуг. 2000. № 11-12. С. 53-55; Социалистическая Осетия. 1951. 30 декабря.

вет должен помочь проф. В.И. Абаеву преодолеть ошибки, допущенные им в его прежних работах, и, вместе со всеми советскими языковедами, включиться в работу по внедрению марксизма в языкознание»⁴⁷⁷.

С докладом «О марристских ошибках В.И. Абаева в работах по вопросам языкознания» вновь выступил Б.А. Серебренников. В прениях по докладу участвовали исполняющий обязанности заведующего сектором кавказских и иранских языков Ю.Д. Дешериев, старший научный сотрудник Е.А. Бокарев, профессор В.М. Жирмунский, ученый секретарь Института Б.В. Горнунг и др. В их выступлениях, а также письменных отзывах профессоров Б.В. Миллера и В.Я. Проппа был озвучен традиционный перечень «ошибочных положений» ученого: чрезмерное увлечение этимологическими исследованиями «в ущерб разработки актуальных проблем советского языкознания»; мифологизация фольклора и эпоса, якобы возрождению которой «в советской фольклористике усиленно содействовал Н.Я. Марр»; теория «о двуприродном, скрещенном характере осетинского языка»; тезис «об особой скифо-сарматской ветви среди иранских языков, единственным и прямым продолжателем которой является осетинский язык» и т.д. Признание иранизма скифов, а осетин их прямыми преемниками создавало, по мнению выступавших, «почву для нездоровых националистических настроений в Осетии». Особенно раздражало нежелание В.И. Абаева публично выразить свое отношение к дискуссии в языкознании, осудить, как делали другие, «методологически порочную теорию Марра», дать «развернутый анализ своих прежних ошибок».

Ответное выступление В.И. Абаева на заседании не удовлетворило членов Ученого совета. Оно было расценено как «недостаточно самокритичное и не содержащее конкретного анализа своих методологических ошибок». И его вновь призвали «выступить в печати с подробной критикой своих ошибок», опубликовать теоретические статьи, «отражающие его новые точки зрения», «активно включиться в деятельность Института языкознания путем участия в сессиях, диспутах, коллективных докладах ...»⁴⁷⁸.

⁴⁷⁷ Мах дуг. 2000. № 11-12. С. 57.

⁴⁷⁸ Мах дуг. 2000. № 11-12. Л.52, 60-64.

Но В.И. Абаев продолжал работать и стойко хранил публичное молчание. Что же ему помогло выдержать жесткое давление со стороны научных и околонаучных оппонентов и не подчиниться настойчивым призывам покаяться и перестроиться?

Как всякий большой ученый Василий Иванович Абаев стремился идти в науке той дорогой, которая позволяла ему более других понять и решать вопросы, волновавшие его, не оглядываясь при этом на авторитеты, не руководствуясь соображениями политической конъюнктуры и не боясь рисковать научной репутацией. Без сомнения, такая позиция требовала большого гражданского мужества. Несовпадение его научных представлений с господствовавшим в обществе научным мировоззрением, с социальными и идейно-политическими «требованиями времени» было чревато однозначно предсказуемыми, неблагоприятными последствиями. Как мы уже отмечали, В.И. Абаев не раз за многие годы служения науке испытал на себе негативное влияние подобного диссонанса, становясь объектом жесткой критики со стороны ортодоксальных представителей научной мысли. Но каким бы образом не складывались обстоятельства, он внешне оставался спокойным. Ученый избрал для себя странный, на первый взгляд, стиль поведения, но, по его мнению, такой стиль в наибольшей мере делал его свободным в выборе индивидуально-способа существования в науке. Он сравнивал себя с аквалангистом: «Когда на поверхности моря бушует шторм, на глубине 10-15 м бывает тихо, и аквалангистов шторм не мотает. Так и я. Когда меня дергают или же появляются обстоятельства неприятные, я ухожу подальше от них, чтобы не видеть и не реагировать. И долго остаюсь на глубине...»⁴⁷⁹.

Уже зная полемический азарт Василия Ивановича, его многократно проявленную стойкость и непоколебимость в отстаивании своих убеждений, вряд ли избранную манеру поведения можно расценить, как попытку спрятаться от проблем. Нам причина видится в ином. Думается, что, как всякий большой ученый, он не желал растрачивать время и силы на бессмысленные

⁴⁷⁹ См.: Чибиров Л.А. Встречи с Васо Абаевым. Владикавказ, 2000. С. 100.

с его точки зрения поступки. Кроме того, мы полагаем, что на фоне массовых публичных покаяний в тот момент его молчание становилось громогласным и вызывало значимо больший общественный резонанс. Очевидно, что В.И. Абаев осознавал это, как понимал и значение своей позиции в контексте той эпохи в формировании у последователей определенного культурно-нравственного облика. Убежденность в верности избранного им пути научного познания, понимание необходимости свободы как главного определяющего условия достижения поставленной цели укрепляли силу его духа, позволяли не прогнуться под давлением неблагоприятных обстоятельств, выдержать жесткие и часто несправедливые нападки научных и околонаучных оппонентов. Именно благодаря внутренней духовной силе и свободе ученый смог выдержать жесткое идеологическое давление и выстоять. На наш взгляд, это и есть те качества, которые для таких личностей, как В.И. Абаев, всегда служат инструментами глубокого проникновения в историю и культуру народов, позволяющими через их постижение открыть пути к мирам не только прошлого, но и будущего.

3. Верный служитель на ниве науки и просвещения. Борис Васильевич Скитский

В ряду видных отечественных кавказоведов, деятелей науки и высшего образования на Северном Кавказе первой половины XX в. исключительное место занимает Борис Васильевич Скитский (26 июня 1884 г. – 25 декабря 1959 г.) – талантливый исследователь, блестящий педагог, замечательный просветитель и общественный деятель, интеллигентный и доброжелательный человек. Его роль в создании региональной исторической школы, в подготовке национальных учительских и научных кадров, вклад в разработку актуальных проблем истории и культуры северокавказских народов, особенно осетин, в популяризацию науки трудно переоценить.

Б.В. Скитский происходил родом из села Яцины Полтавской губернии Российской империи. Его отец был народным учителем в земской школе, и это обстоятельство во многом предопределило выбор жизненного пути Бориса Васильевича. В 23 года он успешно окончил историко-филологический факультет Киевского университета, после чего, как писал о нем известный историк В.П. Крикунов, «с чувством высокого долга почти двадцать лет работал на ниве народного просвещения в ряде учебных заведений Украины», в частности в Винницком реальном училище, учительском институте, на педагогических курсах, рабфаке в Киеве и др. А затем в его биографии произошел крутой поворот, в результате которого он оказался во Владикавказе связанным на всю оставшуюся жизнь с историей и культурой кавказских народов⁴⁸⁰.

После утверждения советской власти приоритетным направлением культурной политики в многонациональной стране стало формирование новой системы образования, способной обеспечить решение задач культурной революции, в том числе ликвидации неграмотности, создания письменности для бесписьменных народов, формирования профессиональных кадров специалистов. В соответствии с политическим курсом советской власти: «дать

⁴⁸⁰ Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. Пятигорск, 2003. С. 13.

возможность самим научиться управлять своей страной, самим строить жизнь страны»⁴⁸¹, в национальных окраинах, в том числе в автономных областях Северного Кавказа развернулась работа по организации высших учебных заведений. Одним из первых вузов в регионе стал Терский (Горский) институт народного образования (в 1923 г. Северо-Кавказский педагогический институт, ныне Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова). Он был создан на основании приказа Терского облисполкома от 21 августа 1920 г. в результате объединения Владикавказского учительского института, Терской и Осетинской учительских семинарий и Фребелевских курсов, работавших во Владикавказе. Институт начал функционировать в составе четырех отделений: дошкольного, школьного для подготовки преподавателей 1-й ступени, школьного для подготовки преподавателей 2-й ступени и отделения трудовых процессов. Он состоял из трех факультетов: общественно-исторического (с отделениями социально-историческим и словесным), физико-математического (с физико-математическим и естественно-географическим отделениями) и рабочего факультета⁴⁸²

Становление вуза происходило в сложнейших условиях послереволюционного и послевоенного восстановления страны. Руководству института приходилось решать множество проблем материально-технического, финансового и иного порядка. Особенно остро при крайней малочисленности образованной национальной интеллигенции стояла проблема квалифицированных педагогических кадров. Для смягчения кадрового дефицита обком ВКП(б), Северо-Осетинский областной отдел народного образования при содействии центральных и северокавказских краевых органов власти изыскивали возможности для пополнения и укрепления профессорско-преподавательского состава института, как за счет местных, так и приглашенных специалистов.

15 июня 1924 г. Научно-методическая комиссия по педагогиче-

⁴⁸¹ Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX в.: эволюция проблем и решений. С. 283.

⁴⁸² Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 1. С. 176, 483.

скому образованию при Наркомате просвещения РСФСР утвердила предложения Администрации и Ученого совета пединститута по ряду кадровых вопросов. В частности, на должность профессора кафедры осетинского языка был назначен Б.А. Алборов, на должность профессора кафедры русского языка и литературы – Л.П. Семенов. Преподавать историю Ближнего Востока и обычное право поручили В.А. Авсарагову, кавказоведение – Д.М. Павлову, В.П. Пожидаеву, немецкий и английский языки – С.И. Кудрявцеву, рисование – И.П. Щеблыкину, психологию – И.М. Абаеву, ручной труд – Е.Ф. Короленко, политико-просветительную работу – М.Ю. Гадиеву. В том же году из разных вузов страны на должности профессоров были приглашены на кафедру всеобщей истории А.В. Стрельцов, психологии и педагогики Р.И. Ленарозский, сравнительного языкознания М.Я. Немировский, русской истории Г.Г. Писаревский, физиологии растений П.П. Смирнов, зоологии беспозвоночных и энтомологии Б.А. Сварчевский. Курс по антропологии осетин на отделении кавказоведения читал приехавший из Одессы доктор медицинских наук, профессор М.А. Мисиков⁴⁸³.

В декабре 1924 г. Научно-методическая комиссия Народного Комиссариата РСФСР по педагогическому образованию и Северокавказское краевое управление народного образования приняли еще одно кадровое решение о назначении преподавателями пединститута ряда ученых и общественных деятелей (С.А. Такоев, В.И. Зязиков, Н.А. Цаголов, В.П. Бертель и др.). В утвержденном списке значилось и имя Б.В. Скитского. Инициатором его приглашения являлся один из организаторов высшей педагогической школы в Северной Осетии Борис Андреевич Алборов, назначенный в 1924 г. директором Горского педагогического института. Он был лично знаком с Борисом Васильевичем еще в дореволюционное время по работе на педагогических курсах при Киевском учебном округе. Б.В. Скитский принял предложение и в 1925 г. прибыл во Владикавказ⁴⁸⁴. С этого времени и до выхода на пен-

⁴⁸³ Магометов А.А. Центр образования, науки, культуры Северной Осетии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 3. С. 9-36. С. 12, 13.

⁴⁸⁴ НА СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 14.

сию он работал в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте и Северо-Осетинском научно-исследовательском институте, все годы наряду с научно-педагогической активно занимался общественной и просветительской деятельностью.

Работу в педагогическом институте Борис Васильевич начал с создания кафедры истории народов СССР естественноисторического факультета, которой руководил на протяжении более четверти века. За годы самоотверженного, подвижнического служения в сфере просвещения им были подготовлены десятки научных работников и учителей истории для школ Северной Осетии и других регионов страны. Педагогическую деятельность Б.В. Скитский совмещал с научно-исследовательской работой. Он многие годы являлся научным сотрудником и заведующим историческим отделением Северо-Осетинского НИИ истории, экономики, языка и литературы. В 1926 г. ему было присвоено звание доцента, а в 1936 г. он получил звание профессора⁴⁸⁵.

В первые годы пребывания в Северной Осетии научные интересы Бориса Васильевича еще во многом были связаны с историей Украины и России XVII–XIX вв. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. он опубликовал статьи «Гетманщина накануне ее падения», «Социальная философия Сковороды», «Очерки быта русской провинции во вторую половину XVIII века» и др.

В то же время, ученого все больше привлекала история уникального по своему социально-политическому, национально-этническому и культурному многообразию края. Освоение богатого документального материала, в значительной степени впервые введенного в научный оборот, позволило ему далеко продвинуться в исследование древней и средневековой истории народов Кавказа. Объектом его научного интереса были вопросы социально-экономического развития, сословной иерархии, материально-бытовой культуры горцев. С начала 1930-х гг. основное внимание в научных изысканиях Бориса Васильевича все в большей степени сосредоточивалось на проблемах общественного

⁴⁸⁵ Джанаев А.К. Введение // Б.В. Скитский. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 3.

строю северокавказских народов, их взаимоотношений с Русью, Грузией, Византией и связей с другими народами в средневековую и новую эпоху, на истории массовых народных движений на Кавказе в XVIII–XX вв.

Годы активной научной деятельности Б.В. Скитского совпали с периодом фактически монопольного господства в исторической науке школы М.Н. Покровского, что, безусловно, повлияло на методологию и тематику научных изысканий ученого. Господствовавший в общественных науках классовый, идеологизированный подход в анализе исторических событий и явлений существенно ограничивал исследовательские возможности. В то же время, в отечественной историографии 1920–1940-х гг. открывались новые актуальные сюжеты для изучения, практически не освещавшиеся в дореволюционной историографии. В перечень таких сюжетов входили, к примеру, сущность феодального способа производства, классовая борьба, содержание и этапы революционного движения в России и др.

Б.В. Скитский одним из первых в советском кавказоведении обратился к исследованию истории социально-политических движений на Северном Кавказе конца XVIII – начала XIX вв. в целом и Кавказской войны, в частности. Отмеченной теме были посвящены статьи «Социальный характер движения Имама Мансура», «Классовая сущность мюридизма в пору имамата Шамиля». В этих и других работах ученого в контексте господствовавшей на тот момент в исторической науке концепции истории Российского государства рассматривался процесс утверждения системы административно-государственного управления на окраинах империи; давалась характеристика массовых народных выступлений против растущего гнета со стороны местной знати и самодержавия в национальных областях Северного Кавказа.

Особенно велика была роль ученого в разработке истории Осетии и осетинского народа. Одним из первых исследований в области осетиноведения явилась опубликованная в 1928 г. статья «Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии». Тематически с разработкой проблемы русско-осетинских отношений была связана работа 1933 г. «Роль православия в колони-

альной политике в Осетии». В ней раскрывалась деятельность православной церкви в проведении колонизационной политики России в Осетии. Большой интерес вызывали вопросы о сущности массовых народных движений конца XVIII – начала XIX вв., о переселении северокавказских народов в Турцию, о характере и времени присоединения Осетии к России.

В 1950-е гг. одним из актуальных исследовательских направлений в советской историографии являлась история крестьянства, крестьянских движений, рассматривавшаяся в контексте интерпретации роли народа как творца истории, главной производительной силы феодального хозяйства. В кавказоведении заметный вклад в разработку этой темы внес Б.В. Скитский. Отдельные аспекты проблемы анализировались в статьях «К вопросу о крестьянских движениях на Северном Кавказе во второй половине XVIII века», «Остатки феодализма в земельных отношениях в нагорной полосе Северной Осетии в пореформенное время». Проблема получила освещение также в работе «Сословный вопрос в Северной Осетии во второй половине XIX и в начале XX в.». Ученый изучал историю крестьянских выступлений в Осетии в пореформенный период. Причины этих выступлений он усматривал, во-первых, в незавершенности крестьянской реформы 1860-х гг. и, во-вторых, в вызревании буржуазных элементов в осетинском обществе.

Многие научные разработки ученого, опубликованные во второй половине 1920-х – 1950-е гг. в виде статей и глав в монографии «История Северо-Осетинской АССР» (том I), посвященные анализу вопросов социально-политического, хозяйственно-экономического развития народов Северного Кавказа, в 1972 г. были изданы отдельным сборником⁴⁸⁶.

Отличительной особенностью научных разысканий Б.В. Скитского являлась научная скрупулезность и добросовестность, с которыми он подходил к отбору и формированию документальной базы исследований. В научно-исследовательской работе Борис Васильевич считал первостепенным и обязательным соблюдение

⁴⁸⁶ Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

принципов репрезентативности и достоверности исторического источника. Как писал историк-кавказовед В.П. Крикунов, ученый упорно искал, «разбирая завалы архивных дел, тропу к познанию судеб простонародья Терского края. Раскрывая прошлое народов, он одним из первых удачно использовал такой своеобразный исторический источник, как старинные песни осетин и других горцев и казаков, а также устные народные предания». Б.В. Скитский был из числа тех кавказоведов, кто осознавал, что «в преданьях старины глубокой» своеобразно запечатлена историческая память народа, особо чувствительная к тому, что вписывается в миропонимание и поведение людей, их представления о природе, национальных и культурно-бытовых традициях, нравах, обычаях и «социально одобряемых» нормах поведения, языке и т.п.⁴⁸⁷

Ученый высоко ценил героический нартовский эпос в качестве исторического источника. Он оставался верным этой позиции и после войны, несмотря на изменившуюся политическую конъюнктуру, когда обращение к народному творчеству, в частности, к эпическим сказаниям, политические цензоры стали расценивать как националистические поползновения, как идеализацию патриархально-феодального прошлого народа. Он активно использовал фольклорный материал в изучении древней истории осетин. «Нартовские сказания рисуют предков осетин в эпоху железного века, так сказать во плоти и крови, во всей конкретности реальной обстановки их жизни, отражают их быт, нравы, верования, чувства и идеалы, – писал Борис Васильевич. – Они восполняют немые свидетельства археологии и отрывочные письменные источники, поэтому являются весьма ценным историческим источником для рассматриваемой эпохи»⁴⁸⁸.

В целом анализ творческого наследия Б.В. Скитского дает представление о широте его научных интересов. Существенное

⁴⁸⁷ Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. С.15.

⁴⁸⁸ Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1947. Т. 11. С. 20.

место в исследованиях ученого занимали вопросы феодализма в Осетии. Проблема развития феодальных отношений в Осетии вызывала интерес еще в дореволюционной историографии. В 1880-е гг. она отчасти получила освещение в работах М. Ковалевского, В. Пфафа, Н. Дубровина, Д. Лаврова и др. Но как самостоятельное исследовательское направление в кавказоведении проблема эволюции феодального строя у осетин впервые была представлена только в советское время, прежде всего в трудах Г.А. Кокиева и Б.В. Скитского.

Признавая заслуги предшественников, Борис Васильевич отмечал, вместе с тем, что они не выяснили процесса зарождения феодализма в Осетии, а его возникновение объясняли влиянием то кабардинского, то грузинского феодального строя. Он обосновал идею о самостоятельном характере зарождения феодальных отношений в Осетии в условиях развития скотоводческого хозяйства в горах, где рано возникла крупная собственность на пастбищные земли. Частная собственность служила основой экономической мощи и политического влияния сильных фамилий, и на этой основе образовалось феодальное общество. В исследовании 1933 г. «К вопросу о феодализме в Дигории» автор подчеркивал, что соседство с феодальной Кабардой укрепляло феодализм в Дигории, но оно не было источником его зарождения⁴⁸⁹.

Построенная на солидной источниковой базе, отмеченная работа положила начало качественно новому этапу научного изучения общественного строя горских народов в кавказоведении. Ценность этого труда состояла в том, что он представлял собой первое в советской историографии фундаментальное исследование по проблеме развития феодальных отношений у северокавказских народов. Опираясь на разнообразные документальные источники, автор исследовал не только вопросы зарождения, особенности формирования и развития феодальных отношений в Осетии, социальной структуры, общественных движений в до- и пореформенный периоды. Достоинством работы являлось то, что в ней впервые в исторической науке была предложена научная пе-

⁴⁸⁹ Скитский Б.В. К вопросу о феодализме в Дигории // Известия СОНИИ, 1933. Т. 5. С. 41-58.

риодизация феодализма в Осетии. Ученый выделил три периода в становлении и развитии феодализма в Осетии. Первый период Б.В. Скитский относил к XIV–XVIII вв. и характеризовал его как время зарождения феодальных отношений в горах; второй – к XVIII – 50-м гг. XIX в. Причем, он называл этот период временем полного оформления феодального строя и расцвета феодализма. Наконец, третий период – «эпоха разложения феодализма», по мнению ученого, охватывал время с 50-х гг. XIX в. до 1917 г.⁴⁹⁰

Венцом научных изысканий ученого, по собственному признанию, его «наибольшим научным достижением и радостью»⁴⁹¹, стали «Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года», опубликованные в 11 томе Известий Северо-Осетинского научно-исследовательского института в 1947 г. Работа была с большим интересом воспринята специалистами и признана крупным достижением исторического осетиноведения середины XX в. В ней в наиболее полном и завершенном виде была представлена сложившаяся в 1930-1940-е гг. авторская концепция истории Осетии докапиталистического периода.

Основываясь на большом круге археологических, лингвистических, письменных, фольклорных источников и господствовавших в исторической науке концептуальных построений, Б.В. Скитский основательно проанализировал важнейшие вопросы социально-экономической и политической истории Осетии с древнейших времен до крестьянской реформы 1864-1867 гг. При исследовании русско-кавказских, русско-осетинских отношений особую актуальность имел вопрос о присоединении Осетии к России. Рассматривая этот вопрос, автор оставался на позициях «школы Покровского». Дату присоединения он относил к первой трети XIX в. и связывал ее с установлением колониальной администрации. Массовые выступления начала XIX столетия определял как народные, освободительные движения. В последующих трудах, издававшихся в 1950-е гг., в частности, в первом томе монографии «История Северо-Осетинской АССР» некоторые оценочные суждения корректировались. Подчеркивался доброволь-

⁴⁹⁰ Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. С. 26, 27.

⁴⁹¹ НА СОИГСИ. Ф. 37. Оп.1. Д. 14. Л. 17.

ный, прогрессивный характер и уточнялась дата присоединения к России.

Существенное место в научной деятельности Б. Скитского занимала проблема этногенеза осетинского народа. Ученый был одним из тех, кто обосновывал идею этнического единства осетин со скифо-сармато-аланским миром. В то же время, поддерживал теорию В.И. Абаева о двуприродности осетин и утверждал, что осетины в этническом и в языковом отношении представляют собой смешение местного кавказского яфетического элемента с иранским⁴⁹².

В соответствии с этими установками он исследовал место и роль алан – предков осетин в системе взаимоотношений Древнерусского государства, Грузии, Византии, изучал общественный строй алан-осетин, анализировал внешнеполитические связи, быт и культуру. При разработке вопросов древней истории алан-осетин (бесписьменного периода), при неполноте археологических, лингвистических материалов, а также письменных свидетельств античных и средневековых писателей, он считал исключительно ценным историческим источником героический нартский эпос. Тематика сказаний, их содержание воспринимались рабочим инструментом, посредством которого, по его мнению, можно реконструировать повседневную жизнь алан, их быт, нравы, верования⁴⁹³.

В «Очерках по истории осетинского народа ...» автор продолжил разрабатывать тему феодальных отношений в Осетии, уточнял хронологические границы их зарождения, развития и угасания. Начальный этап формирования феодального общественного уклада был отнесен к концу XII в., времени распада Аланской державы. При этом причину упадка и распада Аланской державы автор объяснял зарождением феодализма, переходом «от эксплуатации в форме дани к эксплуатации в форме феодальной ренты». К 20-м гг. XIX в., когда осетины при содействии российской власти стали переселяться на равнину, историк считал эпохой наи-

⁴⁹² Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа. С. 18, 19.

⁴⁹³ Скитский Б.В. Нартский эпос как исторический источник // Нартский эпос. Дзауджикау, 1949. С. 21.

высшего расцвета феодальных отношений и крайнего обострения классовой борьбы⁴⁹⁴.

По мере углубления научных изысканий в области социально-экономической и политической истории народов Северного Кавказа авторский взгляд на проблему претерпевал изменения; пересматривалась хронология генезиса и развития феодальных отношений в Осетии, расширялась и детализировалась авторская концепция «удревнения» общественного уклада. Продолжению исследований в этом направлении способствовала работа над монографией «История Северо-Осетинской АССР», первый том которой был напечатан в 1959 г. в издательстве Академии наук СССР. Выходу в свет фундаментального коллективного труда предшествовал долгий подготовительный период, в ходе которого ученые неоднократно дискутировали по важнейшим проблемам истории Осетии и осетинского народа. В мае 1955 г. в Орджоникидзе состоялась научная сессия с участием ведущих кавказоведов страны. Ею была дана научная оценка результатов многолетнего труда авторского коллектива, в который вошли В.И. Абаев, Х.Н. Ардасенов, В.С. Гальцев, А.К. Джанаев, С.Д. Кулов, Л.П. Семенов, М.С. Тотоев и др. Участники форума подвергли тщательному разбору, в частности, разделы макета монографии по древней и средневековой истории Осетии, подготовленные Б.В. Скитским.

Принципиальные возражения вызвала предложенная исследователем периодизация феодализма у алан, время зарождения которого было отнесено им к V–VIII вв. Стремление «удревнить» генезис феодализма было отвергнуто большинством участников научного форума. Неправомерным и преувеличенным признавалось представление о степени социально-экономического развития феодального общества в Осетии. Не был принят также тезис исследователя о том, что феодализм в части горной Осетии «ослабел и даже почти развалился» еще во второй половине XVIII в. под влиянием крестьянских волнений⁴⁹⁵.

Подобная оценка исторических процессов была восприня-

⁴⁹⁴ Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа. С. 65, 73.

⁴⁹⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп. 2. Д. 336. Л. 78.

та как научно несостоятельная и антимарксистская, а сам автор обвинен в идеализации патриархально-феодального периода в истории Осетии. Многие участники обсуждения (З.В. Анчабадзе, Е.И. Дружинина, Е.Н. Кушева, А.В. Фадеев и др.) справедливо подчеркивали, что в горной Осетии в XVIII в. еще не созрели буржуазные отношения и отсутствовали объективные предпосылки для низвержения феодализма⁴⁹⁶.

Оппоненты Б.В. Скитского при этом исходили не только из наработанного к этому времени нового знания о генезисе феодальных отношений и уровне социально-экономического развития северокавказских народов. Не меньшую роль в критике позиции ученого сыграли соображения идеологического порядка. С середины 1940-х гг. на фоне начавшейся холодной войны изменение внутривосточной ситуации в стране оказывало существенное влияние на обществоведов. Они все активнее вовлекались в работу по идеологической обработке населения. Общественным наукам отводилась важнейшая роль в пропагандистской кампании по воспитанию народов СССР в духе советского патриотизма и интернационализма. В соответствии с новыми запросами менялась трактовка дореволюционной истории России. Российская империя воспринималась уже не «тюрьмой народов», а центром, в котором формировалось единство этих народов, и складывалась революционная перспектива. В изменившейся политической ситуации утверждение о достаточно высоком уровне развития феодализма у северокавказских народов воспринималось как принижение «значения Октябрьской революции и помощи великого русского народа», которые обеспечили «малым» народам «возможность за исторически короткий период миновать капитализм, создать свою государственность, развить культуру и построить социалистическое общество»⁴⁹⁷.

В профессиональной биографии ученого психологически особенно сложными стали требования о пересмотре оценок исто-

⁴⁹⁶ Цориева И.Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). С. 205, 206.

⁴⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 342. Л. 27.

рических событий в Осетии XVIII–XIX вв. (в частности, характера присоединения к России, массовых движений и др.) в соответствии с новой концепцией истории страны. Предлогом к началу жесткой критики ученого послужила, подготовленная им и изданная в 1949 г. «Хрестоматия по истории Осетии» для студентов педагогического института и учителей средних школ. В одном из разделов книги: «Завоевание Северной Осетии царизмом и освободительная борьба осетинского народа» был помещен материал о массовом выступлении жителей Тагаурского ущелья в 1830 г. против русской администрации. Возмущение политических цензоров вызвал не только вынесенный в заголовок термин «завоевание», который вошел в резкое противоречие с утвердившейся к этому времени официальной оценкой этого исторического события. Резко негативно была воспринята критиками приверженность Б. Скитского к версии о прогрессивном характере массового протестного выступления в Тагаурии, поскольку к началу 1950-х гг. это движение уже совершенно определенно трактовалось как реакционно-националистическое выступление тагаурских алдаров. Абсолютно неприемлемым считалось включение в раздел «Переселение осетин в Турцию» якобы «протурецких» высказываний осетинского просветителя И. Канукова и «антирусских» стихотворений первого осетинского поэта Т. Мамсурова. Ученого обвиняли в идеализации патриархально-феодальных отношений и далекого прошлого осетин⁴⁹⁸.

Закономерным итогом негативной оценки труда Б. Скитского стало изъятие тиража «Хрестоматии по истории Осетии» с формулировкой «за тенденциозный подбор документальных материалов и идеализацию патриархально-феодальных отношений»⁴⁹⁹. Основанием для подобного шага явилось постановление бюро Северо-Осетинского обкома ВКП(б) от 27 мая 1950 г.

Ученый болезненно переживал нападки со стороны культурных кураторов, не признавал их справедливыми. Сохранился полный драматизма документ, свидетельствующий о его реакции на критику. В январе 1951 г. Борис Васильевич Скитский

⁴⁹⁸ ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 45.

⁴⁹⁹ Там же.

писал на имя директора Северо-Осетинского государственного педагогического института: «В связи с тяжелым (сердечным) заболеванием в ноябре-январе я не в состоянии в дальнейшем не только вести научную и педагогическую работу, но даже совершать малейшее физическое напряжение... Все это вынуждает меня просить освободить от исполнения мною обязанностей и тем дать мне возможность перейти на пенсию»⁵⁰⁰. Его просьба была удовлетворена, и 1951 г. он был отправлен на пенсию. На основании приказа директора Северо-Осетинского пединститута от 28 августа того же года он был освобожден с 1 сентября также от должности заведующего кафедрой истории СССР «в связи с переходом на пенсию»⁵⁰¹.

Но преследования ученого на этом не закончились. С трибуны V пленума Северо-Осетинского обкома ВКП(б), проходившего в апреле 1952 г. вновь звучала критика в адрес авторского коллектива готовившейся к изданию «Истории Осетии...». «Историки Северной Осетии, – говорил секретарь обкома К.Д. Кулов, – проделали некоторую работу по собиранию, систематизации исторических фактов и подготовке обобщающего труда по истории осетинского народа. Но в ходе этой работы они допустили грубые политические ошибки и извращения националистического характера. В работах В.И. Абаева “Происхождение и культурное прошлое Осетии по данным языка”, Б.В. Скитского “Очерки по истории осетинского народа”, в статьях и очерках М. Тотоева, В. Гальцева и других в освещении вопросов истории осетинского народа допущены ошибки и извращения буржуазно-националистического характера»⁵⁰².

Бориса Васильевича Скитского вместе с В.И. Абаевым обвиняли в идеализации патриархального и феодального периода в истории Осетии. Особое неприятие вызывало якобы объявление осетинского народа «монопольным наследником скифо-сарматской культуры». Политические цензоры усматривали в позиции ученого совершенно недопустимый с идеологической точки

⁵⁰⁰ НА СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 15.

⁵⁰¹ Там же. Д. 16.

⁵⁰² ГАНИ РСО-А. Ф. 1. Оп. 6. Д. 713. Л. 24.

зрения отрыв истории осетинского народа от истории русского и других народов, по их мнению, наносивший ущерб «правильному воспитанию трудящихся, особенно молодежи», и, следовательно, помогавший «заклятым врагам» советской власти. На главный труд Б.В. Скитского «Очерки по истории осетинского народа...» был навешан ярлык: «порочная в своей основе книга»⁵⁰³. В том же году в одной из передовых статей газеты «Правда» вновь в его адрес прозвучали обвинения в осетинском национализме. Помня о судьбе многих других ученых того времени, можно предположить, какие последствия для Бориса Васильевича могла иметь подобная публикация. Однако на этот раз все обошлось. Позднее, уже после отъезда из Осетии, Борис Васильевич признавался, что гордится выдвинутым против него обвинением в национализме. Он это понимал как осетинский патриотизм⁵⁰⁴.

С 1953 по 1959 г. В.С. Скитский жил и работал в Пятигорске, являлся членом Совета и ученым секретарем Пятигорского краеведческого общества⁵⁰⁵. Несмотря на то, что последние годы он находился в некотором отдалении от Северной Осетии его духовная, интеллектуальная связь с ней не прерывалась ни на день. Незадолго до смерти вспоминая о времени жизни в Северной Осетии, он замечал: «...я должен со всей искренностью сказать, что это был самый счастливый период моей жизни... Жизнь была в труде, но труд был творческий, а это только и доставляет радость человеку»⁵⁰⁶.

Как один из авторов двухтомной «Истории Северо-Осетинской АССР» он продолжал много работать. В соответствии с новой концепцией истории России ученый вынужден был скорректировать свою позицию по спорным вопросам истории и культуры Осетии. В переработанном, окончательном варианте первого

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Блиев М.М. Татищев истории осетинского народа // Социалистическая Осетия. 2004. 26 июня.

⁵⁰⁵ НА СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 14.

⁵⁰⁶ Тедтоев А. Ученый, общественный деятель (к 75-летию со дня рождения Б.В. Скитского) // Северная Осетия. 1959, 26 июня.

тома «Истории Северо-Осетинской АССР», в частности, начало формирования феодальных отношений в Осетии было отнесено к VIII–IX вв. В таком виде хронология генезиса феодальных отношений была представлена и утвердилась в исследованиях других авторов, занимавшихся в последующем изучением древней и средневековой истории Осетии.

Эволюция представлений Б.В. Скитского о проблеме зарождения и развития феодализма в Осетии является, на наш взгляд, одним из частных случаев в биографии ученого. В нем обнаруживаются подчас не только драматические отношения времени и культуры, частью которой является наука, но и свидетельства трудного пути научного познания. Особенно труден этот путь для первопроходцев, к каковым с полным основанием относится наш герой.

Борис Васильевич стоял у истоков исторического осетиноведения. За многие годы служения науке ученому, прошедшему через сомнения, ошибки, прозрения и несправедливые обвинения, удалось многого достичь на научном поприще. Безусловно, Б. Скитский, подобно другим ученым-гуманитариям, принужден был считаться с требованиями официальной идеологии к общественным наукам. Однако прошедший испытание временем вклад в современную историческую школу кавказоведения ставит его в ряд выдающихся отечественных ученых-кавказоведов XX в. Его труды по социально-политической и экономической истории народов Северного Кавказа до сих пор не потеряли научной значимости и заслуженно остаются объектом пристального интереса исследователей.

Не менее значимой была деятельность Б.В. Скитского на педагогическом поприще. Он обладал поистине энциклопедическими знаниями. Борис Васильевич был эрудированным и в высшей степени интеллигентным человеком, интересным собеседником. С одинаковым успехом читал лекции по разным направлениям исторической науки. По воспоминаниям учеников и коллег, на занятиях, которые он вел по истории искусств, каждый раз бывал полный аншлаг.

Б.В. Скитский создал в регионе научную школу, объединив вокруг нее своих последователей и единомышленников. Его

бывшие студенты и аспиранты стали в последующем известными учеными-кавказоведами. Среди них В.С. Гальцев, А.К. Джанаев, С.Д. Кулов, М.И. Кустов, Н.И. Покровский, А.А. Тедтоев, М.С. Тотоев и др. Многие из учеников Б.В. Скитского опередили своего учителя в ученых степенях и званиях, превосходили его по количеству изданных научных трудов. Но как блестящий педагог, вдумчивый, талантливый исследователь-первопроходец, внимательный и доброжелательный старший товарищ он оставался безусловным авторитетом для них. Огромное уважение к месту этой неординарной личности в национальной осетинской культуре выражено в словах его ученика М.М. Блиева. Он сравнивал Б.В. Скитского, по влиянию, которое Борис Васильевич оказал на развитие исторического осетиноведения, с Василием Никитичем Татищевым, признанным в российской историографии «отцом русской исторической науки»⁵⁰⁷.

Результаты многолетней и плодотворной деятельности Б. Скитского – педагога, ученого и общественного деятеля, находили признание у власти и общества. Он дважды избирался депутатом Верховного Совета Северо-Осетинской АССР, был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР», награжден двумя орденами Ленина и другими правительственными наградами⁵⁰⁸.

Борис Васильевич пользовался огромным авторитетом у своих учеников и коллег. В июне 1959 г. торжественно отмечали 75-летие со дня его рождения. На празднование в Пятигорск съехались делегации научной общественности Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ставропольского края и других областей Советского Союза. В это время он уже тяжело болел. Через полгода, 25 декабря его не стало.

Узнав о кончине Б.В. Скитского, представители научной интеллигенции Северной Осетии, друзья и коллеги Бориса Васильевича обратились к его вдове Ксении Филипповне Пашкевич и убедили ее, что прах ученого должен быть предан земле, на которой

⁵⁰⁷ Блиев М.М. Татищев истории осетинского народа.

⁵⁰⁸ Джанаев А.К. Введение // Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. С. 11.

он жил и работал. Гроб с телом Б.В. Скитского был перевезен в г. Орджоникидзе (г. Владикавказ) и с почестями при стечении большого количества людей похоронен в пантеоне Церкви рожества Пресвятой Богородицы на Осетинской горке, недалеко от могилы великого осетинского писателя Коста Хетагурова. Этот акт был высшей оценкой осетинского народа многолетнему верному служению Б.В. Скитского на ниве науки и просвещения в Осетии. Прошедшие годы только подтвердили справедливость признания выдающегося вклада ученого, педагога, общественно-го деятеля, подлинного интеллигента в развитие науки и культуры Осетии.

4. Деятельная сдержанность подвижника. Михаил Сосланбекович Тотоев

Условием поступательного развития современной науки является изучение достижений предшествующих поколений ученых, освоение накопленных ими знаний, наработанных методов исследовательской работы. Поэтому интерес к творческому наследию видных деятелей отечественной исторической науки, особенно тех, чья жизнь и творчество совпали с периодом глубоких общественных трансформаций XX в., вполне объясним. Одним из представителей этой когорты национальной интеллектуальной элиты является Михаил (Михал) Сосланбекович Тотоев (25 июня 1910 г. – 18 декабря 1979 г.) – ученый, педагог, популяризатор науки, общественный деятель. Он принадлежал к поколению осетинской интеллигенции, чье профессиональное становление пришлось на 1930–1940-е гг. – время переосмысления в советской культурной политике роли исторической науки и образования как наиболее действенных средств контроля общественных настроений, воспитания людей в духе патриотизма и убежденности в верности социалистическим идеалам.

Биография М.С. Тотоева отразила противоречивые знаки времени, которые как отпечаток эпохи влияли на личностные качества. Он был деятельным по натуре человеком, но формирование его личности происходило в атмосфере чрезвычайно высокой требовательности к публичному слову и ответственности за него, поэтому главной чертой его характера стала сдержанность. При этом любознательность, стремление к изучению непознанного с юношеских лет были частью его натуры. Так, при довольно редком сочетании личностных качеств, он стал представителем новой генерации национальной интеллигенции, чье стремление к знанию, исследовательский и педагогический талант оказались весьма востребованными в социально-политических реалиях советского времени. На протяжении сорока лет его фигура в кавказоведении, по общему мнению коллег, заметно выделялась «как гранитная скала» среди других историков своей неутомимостью

и трудолюбием, прочностью жизненной позиции, широтой замыслов и добротностью их исполнения⁵⁰⁹.

Михал Тотоев родился в многодетной семье в селении Христиановском (ныне г. Дигора). Как и другие крестьянские дети, он довольно рано был приобщен к физическому труду. Вместе с родителями работал в поле, ухаживал за скотиной. Одновременно успешно учился в сельской школе. В 1928 г. после окончания семилетки уехал в г. Иваново, где поступил в Индустриальный техникум. Но бедность, неустроенный студенческий быт подорвали здоровье юноши. Он заболел и в январе 1929 г. вынужден был вернуться домой.

Как говорится: дома и стены помогают. Михал довольно быстро поправился и начал работать заведующим избой-читальней в клубе в родном селе. В сентябре 1929 г. получил назначение на должность учителя начальной школы в высокогорном селении Стур-Дигора⁵¹⁰. Однако талантливый юноша не довольствовался достигнутым результатом. Постоянная работа над собой, стремление понять свое жизненное предназначение привели к осознанию главного – надо продолжить учебу.

Желание молодого учителя как нельзя лучше совпадало с запросом советской власти на «культурных работников» (агрономов, инженеров, педагогов и др.) из представителей коренных национальностей. В соответствии с политикой коренизации местные партийно-советские органы активно поощряли горскую молодежь к поступлению в вузы и техникумы страны. В 1930 г. с целью улучшения дела подготовки профессиональных кадров для национальных областей было принято решение бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) об организации с 1930/31 г. группы из представителей северокавказских народов при краевых курсах красных директоров, при рабфаках по подготовке слушателей вузов и втузов для выходцев из рабоче-крестьянского сословия. Намечалось также увеличить национальным обла-

⁵⁰⁹ Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. С. 32.

⁵¹⁰ НА СОИГСИ. Фонд Архива управленческой документации. Личное дело Тотоева М.С. Л. 57.

стям с 1930/31 г. разверстку мест в вузы, техникумы и рабфаки края⁵¹¹.

Частью кадровой политики подготовки специалистов из коренных национальностей для отраслей народного хозяйства Северного Кавказа была отправка в августе 1930 г. группы осетинских юношей и девушек из Северной Осетии в Москву. Среди них был и Михаил Тотоев. Его приняли на рабфак при институте водного хозяйства и мелиорации при Тимирязевской академии. После завершения учебы в марте 1932 г. по путевке ЦК комсомола в ранге инструктора «Мостехпромсоюза» он уехал на строительство Бобриковского химкомбината. Вернувшись в Москву осенью 1932 г. Михаил поступил в Высший педагогический институт системы «Центросоюза». Одновременно он состоял заведующим академическим сектором профкома Института и работал пропагандистом среди рабочей молодежи на заводе имени Ильича.

Но условия жизни студентов в 1920–1930-е гг. были крайне тяжелыми. Материальные лишения, постоянное недоедание серьезно отражались на здоровье молодого человека. Поэтому, когда в январе 1934 г. М. Тотоев приехал на зимние каникулы домой, и ему предложили должность военного инспектора районного исполкома Дигорского и Ирафского районов, он принял это предложение. Природный ум, работоспособность, широкая эрудиция были по достоинству оценены. Вскоре его пригласили преподавателем в Дигорский сельскохозяйственный рабфак.

Став преподавателем рабфака, Михаил остро почувствовал необходимость завершения учебы. И в августе 1936 г. поступил на третий курс исторического факультета Северо-Осетинского педагогического института (ныне Северо-Осетинский государственный университет). Здесь произошла встреча, которая предопределила дальнейшую судьбу зрелого по годам двадцатилетнего студента. Он познакомился с Борисом Васильевичем Скитским – одним из организаторов факультета, прекрасным педагогом, талантливым ученым, воспитавшим не одно поколение историков-кавказоведов.

⁵¹¹ Дедегкаев С.Т. Борьба Коммунистической партии за создание советской национальной интеллигенции в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1957. С. 17.

Профессор Б.В. Скитский, возглавлявший созданную им кафедру истории СССР в Северо-Осетинском государственном педагогическом институте, обратил внимание на любознательного, творчески одаренного молодого человека. Под его руководством была написана первая научная работа Михаила Тотоева, посвященная движению Шамиля. Оригинальная студенческая работа обсуждалась на заседании кафедры истории СССР и получила положительные отзывы специалистов и коллег.

В 1938 г. М. Тотоев с отличием окончил СОГПИ и в сентябре того же года успешно сдал экзамены в аспирантуру Северо-Осетинского научно-исследовательского института, где по совместительству работал заведующим отделением истории Б.В. Скитский. Он стал научным руководителем аспиранта и поощрял интерес своего подопечного к широкому спектру общественно значимых научных тем. Статьи М. Тотоева по вопросам истории и культуры Осетии публиковались на страницах республиканских газет – «Арыгон большевик», «Растдзинад», «Социалистическая Осетия». Только за 1939 г. из-под пера молодого ученого вышло почти полтора десятка статей. Как писал друг и коллега М.С. Тотоева, историк Б.В. Крикунов, они «возвестили о вступлении в науку одаренного и разностороннего исследователя»⁵¹². Успешно разрабатывалась и тема диссертационного исследования, посвященная проблеме переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. Работа была выполнена досрочно и в июле 1941 г. принята к защите на Ученом совете факультета истории и философии Тбилисского университета. Однако в связи с начавшейся войной защита была отложена⁵¹³.

Научно-исследовательская деятельность приостановилась. В сентябре 1941 г. М.С. Тотоев был назначен заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации Орджоникидзевского горкома ВКП(б), а в ноябре начал работать заведующим городского отдела народного образования. Одновременно он преподавал на

⁵¹² Крикунов В.С. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. С. 32.

⁵¹³ НА СОИГСИ. Фонд Архива управленческой документации. Личное дело М.С. Тотоева. Л. 58.

историческом факультете Северо-Осетинского пединститута. В апреле 1942 г. «по партийной мобилизации» был призван в Красную Армию. По состоянию здоровья Михаил не попал на передовую, но поскольку фронту требовались грамотные политработники и пропагандисты, его направили на учебу в Военно-политическое училище пропагандистов Красной Армии в г. Рузаевка Мордовской АССР, затем в резерв Главного политуправления РККА в г. Иваново. Там он проработал парторгом роты резервистов до января 1943 г., а потом был переведен на преподавательскую работу в Военно-политическое училище Красной Армии в г. Иваново, где он встретил победу⁵¹⁴. Между тем, за годы войны его семья получила извещения о гибели двух его братьев. Третий вернулся инвалидом. Здоровым возвратился домой только четвертый брат.

Несмотря на невзгоды военного времени и тяжелые потери в семье, Михаил Сосланбекович решил продолжать научную деятельность. Осенью 1943 г. он добился от командования месячного отпуска для поездки в Тбилиси по диссертационным делам. Защита состоялась 19 ноября на заседании Ученого совета факультета истории и философии Тбилисского государственного университета. По ее итогам М. Тотоев решением Ученого совета на основании результатов тайного голосования был единогласно удостоен исковой им ученой степени кандидата исторических наук⁵¹⁵.

После возвращения в Военно-политическое училище Красной Армии в г. Иваново, с декабря 1943 по январь 1944 г. Михаил Сосланбекович находился на Белорусском фронте в качестве агитатора политотдела 197-й стрелковой краснознаменной Брянской дивизии 48-й армии. Последним местом военной службы остепененного ученого стало Политуправление Северо-Кавказского военного округа. Отсюда 27 июня 1946 г. после настойчивых ходатайств Северо-Осетинского научно-исследовательского института «в связи с острой нуждой в национальных кадрах» при активной поддержке руководителей Северо-Осетинской АССР он был уволен в запас и вскоре вернулся на родину. В ноябре 1946 г. М. Тотоев был

⁵¹⁴ Там же. Л. 57, 58.

⁵¹⁵ Там же. Л. 3, 4, 41.

принят на должность доцента кафедры истории СССР Северо-Осетинского пединститута и по совместительству вместе с Акимом Казбековичем Джанаевым (тоже фронтовиком) вступил в должность старшего научного сотрудника Северо-Осетинского НИИ. Это, по мнению их учителя Б.В. Скитского, рекомендовавшего обоих, должно было послужить «укреплению исторического отделения» СОНИИ научными кадрами⁵¹⁶.

Потребность в профессиональных кадрах исследователей, действительно, была велика, поскольку политическое руководство республики возобновило прерванную войной работу над созданием первого фундаментального научного труда по истории республики с древнейших времен до современности. 24 июля 1947 г. было принято совместное постановление Северо-Осетинского обкома ВКП(б) и Совета Министров СО АССР по этому вопросу. В Правительственный комитет, руководивший подготовкой двухтомного научного издания, вошли секретарь обкома ВКП(б) К.Д. Кулов, Председатель Совета Министров республики А.А. Газзаев, ряд других партийных и советских работников. К работе над монографией были привлечены ученые-гуманитарии Северной Осетии: историки А.К. Джанаев, В.С. Гальцев, С.Д. Кулов, Г.А. Кокиев (главный редактор), Б.В. Скитский; филологи В.И. Абасов, Х.Н. Ардасенов, Л.П. Семенов. Среди них был и Михаил Сосланбекович Тотоев.

Подготовка издания требовала от авторского коллектива огромного напряжения интеллектуальных и духовных сил. Рассматривались и решались сложнейшие проблемы трактовки социально-экономической и политической истории Осетии: происхождение осетинского народа, формирование государственности, особенности социально-экономического развития, сущность массовых выступлений конца XVIII – начала XIX в., характер и значение присоединения Осетии к России т.д. Ученым приходилось идти по «непроторенным дорогам» научного познания. Поэтому естественно, что те или иные факты и события исторического развития Осетии оценивались неоднозначно, что подчас приводило к острым дискуссиям.

⁵¹⁶ Там же. Л. 41, 42, 58; ЦГА РСО-А. Ф.-Р. 126. Оп. 2. Д. 327. Л. 2.

Ситуация осложнялась еще и тем, что составители «Истории Осетии» обязаны были соразмерять выводы, к которым приходили в процессе научно-исследовательской деятельности, с серьезной трансформацией концептуальных положений в официальной исторической науке. Работа над изданием начиналась в условиях инициированных властью научных дискуссий по различным вопросам дореволюционной истории России (о периодизации отечественной истории, о роли народных масс в истории, о присоединении нерусских народов к России и др.).

Результатом этих дискуссий явилась переоценка многих исторических событий в соответствии с новыми идеологическими установками в советском обществоведении. Так, в конце 1940-х гг. кардинально изменилась оценка национальных движений XVIII–XIX вв. в Российской империи. В отмеченный период в контексте общероссийской государственности восприятие их как однозначно прогрессивных признавалось уже ошибочным⁵¹⁷. Теперь они расценивались как реакционно-националистические выступления против России.

Столь резкие смещения политических акцентов объективно усугубляли проблемы научной интерпретации истории отдельных народов России на разных этапах развития. Для региональных историков данное обстоятельство имело личностный контекст, поскольку несовпадение научной позиции с менявшимися общими политико-идеологическими ориентирами было чревато репутационными потерями и социальными ограничениями.

В итоге в соответствии с общесоюзными установками осетинское научное сообщество, как и другие, было вынуждено пересматривать прежние концептуальные положения. В частности, в ходе написания «Истории Осетии» остро встал вопрос о характере национальных движений конца XVIII – начала XIX вв. В осетиноведении он непосредственно связывался с проблемой присоединения Осетии к России, которая в советской историографии до конца 1940-х гг. излагалась в контексте господствовавшей теории о вооруженном завоевании Северного Кавказа. В

⁵¹⁷ Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины века. Синтез трех поколений историков. М., 2008. С. 64.

новых политических реалиях эта теория отвергалась как «грубая политическая ошибка».

М.С. Тотоев был непосредственным участником научных споров и дискуссий по всем вопросам истории Осетии в XVIII – начале XX вв. и был свидетелем того, как драматически, а подчас трагически складывалась судьба «инакомыслящих». «Несговорчивых», то есть не готовых пересмотреть свои научные взгляды, привести их в соответствие с новыми политико-идеологическими установками в силу особенностей психологического склада, моральных качеств, подвергали общественному осуждению, прорабатывали на собраниях, отстраняли от работы, ссылали.

Для всего авторского коллектива стали назидательными судьбы историков Г.А. Кокиева и Б.В. Скитского. В 1949 г. по ложному доносу, якобы «за антисоветскую агитацию и незаконное хранение огнестрельного оружия», Георгий Александрович Кокиев был арестован и приговорен по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 22 февраля 1950 г. к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Через пять лет он умер в заключении. Тяжело заболел, не выдержав несправедливых гонений, Борис Васильевич Скитский, обвиненный в «осетинском буржуазном национализме», и в 1953 г. уехал из республики⁵¹⁸.

После XX съезда КПСС политический климат в стране несколько смягчился, и в научных кругах зародилась надежда на возможность объективного переосмысления ряда проблем исторического прошлого народов СССР. В 1956 г. летом прошла научная сессия ученых в Махачкале, а осенью в Москве состоялось Всесоюзное совещание историков, на которых обсуждались различные взгляды на историю борьбы горцев Дагестана и Чечни против русского самодержавия в 1820–1850-е гг.

В результате работы научных форумов отчасти изменилась оценка природы движения Шамиля. Хотя идеологию этого движения (мюридизм) по-прежнему характеризовали как «реакционную, религиозно-националистическую» по своей сути, но, вместе с тем, признавалось, что социальную основу движения Шамиля

⁵¹⁸ Цориева И.Т. Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. С. 247, 260.

составляли «крестьянские массы, которые вели антиколониальную и антифеодальную борьбу».

Происходившие перемены вселили в осетиноведов надежду на возможность пересмотра прежних оценочных суждений по ряду вопросов исторического развития Осетии. М.С. Тотоев под впечатлением итогов научных обсуждений массовых движений конца XVIII – первой трети XIX в. подал докладную записку на имя первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС. В ней ученый обосновывал несправедливость оценки восстания тагаурцев в 1830 г. и песни «Хазби» как реакционно-националистических и предлагал пересмотреть ее.

Михаил Сосланбекович считал антиисторичным идеализировать политику царизма и называл военный поход генерала Абхазова в Тагаурию «частью общего плана комбинированного наступления, составленного наместником Кавказа графом Паскевичем еще задолго до 1830 г.» с целью подавить всякое сопротивление, добиться полной покорности горцев. Причины протестных выступлений народных масс он усматривал в жестоких методах управления со стороны царских властей, в грубых, унижительных формах обращения с местным населением (оскорблении национальных чувств, использовании физических наказаний и др.). Он признавал, что «движения, возглавляемые алдарами, таили в себе реакционные моменты», но считал их в основе своей антиколониальными, потому что «главной движущей силой были крестьяне»⁵¹⁹.

Он категорически не соглашался с оценкой песни «Хазби» как реакционной, якобы пробуждающей враждебное отношение к русскому народу. В песне, по его мнению, были ярко отражены патриотические чувства, свободолюбивый и непокорный дух народа, его антиколониальные устремления. Но народ боролся не против России, а против царского самодержавия. Потому нужно пересмотреть оценку песни «Хазби» и движения в Тагаурии в 1830 г.⁵²⁰.

Однако заявление ученого было признано политически ошибочным. Северо-Осетинский обком КПСС 5 марта 1957 г. принял

⁵¹⁹ НА СОИГСИ. Ф. Фольклора. Оп. 1. Д. 619. Л. 3-5.

⁵²⁰ Там же. Л. 10-13.

постановление «О неправильном поведении доктора исторических наук, профессора Тотоева М.С.». «Дело» его вынесено на обсуждение на заседании Ученого совета СОНИИ. В постановляющем документе, принятом 14 марта 1957 г., отмечалась необоснованность и ошибочность предложения М.С. Тотоева «оценивать движение 1830 года в Тагаурии как антиколониальное и общенародное». Характер обсуждения не оставлял надежды на объективное рассмотрение обсуждаемой проблемы. В итоге ученый был вынужден признать, что «поторопился с докладной запиской... восстание 1830 г. никак нельзя рассматривать как антиколониальное»⁵²¹.

Но дух первопроходца не был сломлен. Поэтому за сорок лет своей научной деятельности М.С. Тотоев многое в осетиноведении сделал впервые. Естественно, что не все выдвинутые им научные положения и выводы были убедительны, выдерживали проверку временем, как это, к примеру, произошло с тезисом о «выветривании» феодализма в горных ущельях в XVIII в., который он обосновывал вслед за своим учителем Б.В. Скитским. Михаила Сосланбековича критиковали в научных кругах не раз. Однако даже в самый драматичный момент разбирательства его персонального «дела», о котором мы упомянули выше, он сохранил внешнее самообладание. Особое уважение вызывает то, с каким деловым спокойствием он воспринимал суровые оценки результатов своего труда, анализировал замечания и вновь брался за работу. Красноречива характеристика личности ученого, содержащаяся в воспоминаниях В.П. Крикунова, который, в частности, писал: «... невзгоды (даже в форме товарищеской критики) порою надламывают слабых. Самовлюбленность, которой, к сожалению, часто страдают ученые, мешает строго оценить себя. Михаил Сосланбекович давал нам в этом отношении незабываемый урок. Сосредоточенно, молча продумывал все замечания и отработывал более глубоко и основательно труды»⁵²².

⁵²¹ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 20. Л. 12.

⁵²² Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. С. 39.

Безусловно, важнейшей составляющей научного наследия М.С. Тотоева являются его труды по истории культуры и общественной мысли Осетии. Пожалуй, это была главная тема его жизни. В 1953 г. в Тбилисском госуниверситете Михаил Сосланбекович защитил докторскую диссертацию по теме: «Развитие культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период». Через два года решением ВАК Министерства высшего образования СССР от 17 декабря 1955 г. состоялось утверждение в ученом звании профессора по кафедре истории СССР⁵²³.

На протяжении последующих лет Михаил Сосланбекович продолжал активно исследовать различные аспекты общественного развития Северной Осетии. Заслуга ученого состояла в том, что ему первому на уровне своего времени, с учетом научных достижений и методологических требований, удалось собрать, обобщить, проанализировать многоуровневый и разнородный материал по истории культуры и общественной мысли Осетии. Создав единую научную концепцию развития национальной культуры и общественной мысли, он определил их роль и функции, выполняемые в обществе.

Вопросы истории культуры и общественной мысли Осетии получили освещение в десятках научных и научно-популярных публикаций: монографиях, статьях, очерках. Широкое признание среди них нашли «Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период», «Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии», «Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX века» и др.

В центре исследовательского внимания ученого всегда был человек творческий, мыслящий. М. С. Тотоев продолжил традицию изучения жизни и деятельности видных представителей национальной культуры. Особая заслуга историка состояла в том, что ему удалось преодолеть свойственные работам предшественников недостатки фактического и методологического порядка⁵²⁴.

⁵²³ НА СОИГСИ. Фонд Архива управленческой документации. Личное дело М.С. Тотоева. Л. 2, 4.

⁵²⁴ Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в

С привлечением большого круга источников он впервые дал разностороннюю характеристику научного и творческого наследия выдающихся представителей осетинской интеллигенции (А. Ардасенова, А. Гассиева, И. Канукова, братьев Дж. и Г. Шанаевых и др.). Им были проанализированы мировоззренческие аспекты, общественно-политические и исторические взгляды представителей национальной интеллигенции XIX – начала XX вв., обоснована их прогрессивная роль в развитии истории и культуры Осетии.

Через всю жизнь ученый пронес интерес к жизни и творчеству выдающегося деятеля осетинской культуры, основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова. Изучению творчества великого осетинского поэта было посвящено более двадцати специальных исследований. В них раскрывались гуманистические, интернационалистские, религиозные воззрения, общественная и просветительская деятельность. Только в первый год своих научных разысканий М. С. Тотоев опубликовал о К. Л. Хетагурове около десятка статей и заметок: «Певец народа», «Коста – просветитель», «Коста – гуманист», «Коста – общественный деятель и публицист» и т.д. В последующем к судьбе великого осетинского поэта он обращался едва ли не в каждой работе, посвященной вопросам культурного развития и общественной мысли в Осетии в XVIII – начале XX вв.⁵²⁵

Другой не менее важной темой, занимавшей значительное место в научном наследии М.С. Тотоева, являлась история русско-осетинских отношений. В ряде своих публикаций, в том числе в монографии 1954 г. «Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом»⁵²⁶ (2-е издание состоялось в 1963 г.) он проанализировал историю отношений двух народов на протяжении длительного времени, рассмотрел социально-экономические и политические предпосылки и последствия присоединения Осетии к России.

Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957. С. 3.

⁵²⁵ Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. С. 34.

⁵²⁶ Тотоев М.С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. Орджоникидзе, 1963.

Предметом особого интереса ученого являлась история развития культурных связей между двумя народами. Он одним из первых в осетиноведении рассмотрел эту проблему во взаимосвязи с историко-политическими событиями XVIII–XX вв. Раскрытию темы русско-осетинских культурных контактов были посвящены многочисленные публикации. Среди них – «Влияние русской культуры на развитие просвещения в Осетии», «Передовые деятели Осетии и великая русская культура», «Из истории русско-осетинских культурных связей (вторая половина XVIII – 1917 г.)». Уже сами названия перечисленных работ дают понимание позиции ученого в оценке роли русской культуры как прогрессивного фактора в развитии истории и культуры Осетии и формировании национальной интеллигенции.

Благодаря вкладу Михаила Сосланбековича Тотоева в кавказоведении значительно актуализировались вопросы истории взаимоотношений народов Северного Кавказа. Большой интерес исследователя вызывали многовековые связи осетин с соседними народами. Результатом кропотливой работы в этой области явились его труды «Кабардино-осетино-балкарские отношения», «За глубокое изучение истории дружбы чечено-ингушского народа с другими братскими народами». Рассматривая историю взаимоотношений кавказских народов, Михаил Сосланбекович руководствовался, прежде всего, принципами интернационализма, дружбы народов. Он ратовал за развитие добрососедства между народами, волею судеб принужденных жить на одной исторической территории.

Высокий авторитет ученого среди кавказоведов выражался в активном привлечении его к работе по написанию истории северокавказских народов. В 1950–1960-е гг. он участвовал в создании «Истории Кабарды», «Истории Кабардино-Балкарской АССР», а также «Очерков истории Чечено-Ингушской АССР». В последнем случае (как и при написании второго тома «Истории Северо-Осетинской АССР») он был не только автором, но и ответственным редактором второго тома издания. Это было свидетельством признания учеными-кавказоведами региона сложившейся профессиональной репутации ответственного и объективного исследователя. Ученый с большим интересом и уважением относился к

работе с архивами соседних республик, тщательно анализировал материалы для извлечения позитивных уроков истории. Его высказывания по многим острым проблемам межнационального взаимодействия отличались глубиной осмысления документальных источников, аргументированностью суждений и выводов.

Согласно политическим традициям времени, как видного ученого М.С. Тотоева привлекали к написанию «Очерков истории Северо-Осетинской партийной организации». В работе, естественно, был реализован классовый подход, что предопределило односторонность освещения истории революционного движения и гражданской войны на Северном Кавказе, необъективность оценок исторических событий, анализа расстановки противоборствующих политических сил. Несмотря на заведомо идеологические установки, ученый в работах 1950–1960-х гг. немало сделал для восстановления подлинной картины революционного движения и гражданской войны на Тереке⁵²⁷.

Михаил Сосланбекович одним из первых обратился к документальным материалам для создания объективной истории партии «Кермен»⁵²⁸. Развивая тему революции и социалистического строительства в Северной Осетии, он создал галерею исторических портретов видных деятелей советской эпохи: Ш. Абаева, Г. Арсагова, Н. Ботоева, М. Гарданова, Д. Гибизова, А. Гостиева, К. Кесаева, С. Кутарова, С. Такоева, Д. Тогоева, Г. Цаголова и др. Помимо научного интереса к историко-революционной теме, исследователем двигали гуманистические, нравственные соображения. Он стремился восстановить доброе имя участников революционного движения на Тереке, многие из которых в 1930-е гг. подверглись необоснованным репрессиям, были казнены, отправлены в тюрьмы, в ссылку.

Михаил Тотоев никогда не забывал и о своей «малой родине». Над историей родного селения он работал до последних дней жизни. «История Дигоры» увидела свет уже после его смерти, но

⁵²⁷ Тотоев М.С. Очерк истории революционного движения в Северной Осетии (1917-1920). Орджоникидзе, 1957.

⁵²⁸ Тотоев М.С. Павшие на боевом посту (Памяти организаторов партии «Кермен» Д. Гибизова, К. Кесаева, А. Гостиева). Орджоникидзе, 1968.

вклад ученого в ее появление, по всеобщему мнению, был решающим.

В ряду проблем, занимавших исследователя в его научной деятельности, следует особо выделить вопрос изучения им истории исторической науки. Он впервые в осетиноведении обосновал значимость истории как науки. Был автором первых очерков по осетинской историографии: «30 лет исторической науке в Северной Осетии», «Развитие научной мысли в дооктябрьский период», «Историческая наука в Северной Осетии после XX съезда КПСС» и др.⁵²⁹

Научное наследие ученого (без учета многочисленных рецензий, газетных заметок и пр.) насчитывает более 300 публикаций и рукописей. При этом Михаил Сосланбекович никогда не был чисто «кабинетным ученым». Он всегда находился в гуще научных событий, был активным участником научных конференций в Москве, Махачкале, Нальчике, Грозном, Тбилиси. Его выступления по различным проблемам исторического кавказоведения, логически выверенные и аргументированные, всегда воспринимались научным сообществом с большим интересом.

Свидетельством высокого авторитета М.С. Тотоева в научном мире являлось его участие в работе Северо-Кавказского Совета по планированию и координации научно-исследовательских работ. Он возглавлял также историческую секцию Северо-Осетинского Совета по планированию и координации научно-исследовательских работ. В конце 1960-х – 1970-е годы входил в объединенный Совет Ростовского и Кабардино-Балкарского государственных университетов по защите диссертаций. Многие годы являлся членом Ученого совета и конкурсной комиссии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Немало времени отдавал Михаил Сосланбекович общественной и просветительской деятельности. Будучи пропагандистом и лектором общества «Знание» он выступал с докладами на краеведческие темы на предприятиях, в колхозах, в учреждениях республики. Знаками общественного признания были избрание депутатом Верховного Совета Северо-Осетинской АССР в 1971–

⁵²⁹ Крикунов В. П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. С. 37.

1975 гг. и правительственные награды – орден «Знак Почета» и двенадцать медалей.

В памяти людей, знавших М.С. Тотоева, запечатлелась его доброжелательность, уважительная, спокойная и, вместе с тем, сдержанная манера общения. Его душевное благородство, бескорыстие в житейских проявлениях отмечали все, кому хоть раз доводилось с ним встречаться или работать над совместными научными проектами. После его смерти о нем с самыми добрыми чувствами вспоминали коллеги: профессора А.П. Пронштейн, Р.М. Магомедов, В.П. Крикунов, академик А.С. Сумбат-Заде и др.

Михаил Сосланбекович обладал редким даром дружить. Каждый, кто знакомился с ним однажды, неизбежно попадал под обаяние его личности. У него были друзья в Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии, Дагестане, Грузии и во многих других уголках большой страны. Трогательная дружба связывала его со многими известными кавказоведами З.В. Анчабадзе, М.А. Абазатовым, Х.Г. Берекетовым, Г.В. Казбековым, К.Н. Керефовым, Л.И. Лавровым, Р.М. Магомедовым, А.Х. Магомедовым, А.В. Поповым, Х.Х. Рамазановым, Б.В. Скитским, Х.И. Хутуевым, Б.А. Цуциевым.

Нельзя не упомянуть еще об одной очень важной грани таланта М.С. Тотоева. Он был прекрасным педагогом. Многие годы своей жизни посвятил воспитанию кадров профессиональных историков – ученых-исследователей, учителей. Более трех десятилетий он проработал на историческом факультете Северо-Осетинского государственного университета, пройдя путь от рядового преподавателя до профессора кафедры истории СССР. С 1951 г. до самых последних дней жизни занимал должность заведующего кафедрой истории СССР, сменив на этом посту своего учителя и друга Б.В. Скитского.

Михаил Сосланбекович читал курс лекций по «Истории СССР» и «Истории Осетии». Среди студенчества он обладал репутацией настоящего профессионала, по лекциям которого можно было учиться умелому использованию научного аппарата, умению глубоко анализировать документальные источники, способности логически убедительно выстраивать повествование и

аргументировать выводы. Академичность языка и его образность позволяли слушателям достаточно легко усваивать сложные для восприятия, проблемы исторического развития Осетии. Привлекала спокойная, размеренная, без всякой аффектации и театральности, манера ведения занятий.

Большие надежды возлагал М.С. Тотоев на научную молодежь, нацеленную на развитие традиций осетиноведения. Под его научным руководством и благодаря его искренней поддержке подготовили и защитили кандидатские и докторские диссертации более 60 человек. Но еще больше было тех, кому Михаил Сосланбекович помог своевременными словами поддержки и одобрения их научного труда. Им были написаны более 200 отзывов и рецензий на докторские и кандидатские диссертации, на монографии и другие научные исследования учреждений и отдельных исследователей. Подавляющее большинство их никогда не было опубликовано. Они носили характер дружеской помощи. Но в них были вложены и большой труд, и наставляющие раздумья ученого.

М.С. Тотоев прожил большую жизнь, наполненную событиями, творческими успехами, драматическими отражениями на его судьбе знаков времени. Его труды благодаря научной основательности и фактологической наполненности и выверенности, по-прежнему, востребованы новыми поколениями исследователей истории и культуры народов Северного Кавказа. Вместе с тем, при анализе творческого наследия ученого следует учитывать мнение видного кавказоведа В.П. Крикунова, на протяжении многих лет связанного с Михаилом Сосланбековичем искренней дружбой и плодотворным научным сотрудничеством. Он призывал к познанию логики развития М. С. Тотоева как ученого, анализа взглядов и общих концепций его трудов в историческом и политическом контексте времени. Это позволит, как он полагал, рассматривать «даже неудачи, промахи, неизбежные при таких масштабах работы, которые он развернул при жизни, как звено в поисках правильных путей в накоплении опыта историками республик Северного Кавказа»⁵³⁰.

⁵³⁰ Крикунов В. П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. С. 42.

5. «Одной жизни не хватило...» Езетхан Алимарзаевна Уруймагова

В осетинской национальной культуре особое место традиционно занимает героико-революционная тематика. Ее корни уходят в героический народный эпос, в предания и легенды, воспеваящие деяния героев, борющихся за справедливость. Они вдохновляют новые поколения деятелей художественной литературы и искусства на продолжение этой преемственности. Революция 1917 г. стала отправной точкой для мощного подъема творческого энтузиазма в отображении в национальных образах исторических и революционных событий в Осетии в XIX–XX в. Их следствием отчасти стала судьба «освобожденной горянки», которая открыла для себя невиданные доселе возможности творческой самореализации. Этот социальный феномен времени воспроизводил «триумфальное шествие» революции во всех отраслях советской культуры. В национальной осетинской литературе стремление воспитанных советской властью женщин к общественно значимому творчеству служит, на наш взгляд, доказательной приметой происходившего и отражением связи времени и культурного новаторства.

Среди значимых событийных примеров новой преемственности в осетинской литературе середины XX в. значится роман Езетхан Уруймаговой «Осетины», увидевший свет в 1948 г. Сегодня для читателя этот факт из истории осетинской художественной культуры может показаться рядовым. Между тем, книга, в последующем неоднократно переиздававшаяся под названием «Навстречу жизни», стала явлением послевоенной многонациональной советской культуры.

История создания романа, впрочем, как жизнь и творчество осетинской писательницы Елизаветы Алексеевны Уруймаговой (12 декабря 1905 г. – 15 мая 1955 г.), писавшей в основном на русском языке, были неординарными для своего времени. К моменту ее рождения в бедной крестьянской семье Алимарзы Уруймагова было уже шесть дочерей, поэтому появление еще одной было

воспринято как «сущее бедствие»⁵³¹. Впоследствии, будучи уже известной писательницей, в одном из писем мужу она с горечью писала: «...мои биографы требуют “неземных” сведений о моем детстве, юношестве. Ну что мне им рассказать о детстве?... Отец, сгорбившийся над сохой, мать вечно в слезах, полунищая семья. Я – седьмая дочь в семье. Женщина без земельного надела. “Земля”, “земля” – вот слово, которое, мне кажется, слышала с колыбели. Это слово в страшных муках носилось в нашей семье и в других таких же семьях, как наша. Оно было живое, осязаемое. Я чувствовала это слово так осязаемо. Я писателем стала, потому что слово “земля” слышалось мне повсюду»⁵³².

Очевидно, что нормы жизни традиционного осетинского общества, низкий уровень материального благосостояния семьи, принадлежность к сословию «бездородных» и «безземельных» определяли жизненные установки, способствовали утверждению нравственных убеждений и взглядов будущей писательницы. Значительное влияние на формирование творческого мировоззрения Е.А. Уруймаговой оказали глубокие общественные трансформации конца 1920-х – 1930-х гг. Она принадлежала к той части национальной интеллигенции, которая искренне откликнулась на социально-политический заказ времени: изображать жизнь в ее «революционном развитии», воспитывать «человека новой социалистической формации». Деклариовавшие идеологами соцреализма принципы партийности, идейности, классовости, требование изображать действительность в «социалистической перспективе» несли в себе вполне конкретный идеологический заряд, не вызывавший у писательницы внутреннего отторжения. Ее творчество было проникнуто духом классовой непримиримости, ненависти к «старому миру несправедливости и угнетения».

Езетхан Уруймагова с детства отличалась любознательностью, проявляла большой интерес к учебе. Поэтому, несмотря на бедность, родители определили ее в церковноприходскую школу, а затем в высшее начальное училище в с. Христиановском. В 1922 г.

⁵³¹ Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. Жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1982. С. 9.

⁵³² НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письмо 7.

она переехала в г. Владикавказ и была принята в Окружную опытно-показательную школу при Горском педагогическом институте. Во время учебы состоялась первая «проба пера». В 1925 г. в изданном учащимися школы первом и единственном номере журнала «Æвзонг Ирыстон» («Юная Осетия») был опубликован рассказ «1919 год. (Из дневника)». Сюжет разворачивался вокруг истории отношений двух кровников. Тяжело раненные в боях с белогвардейцами, они примирались перед смертью. Литературовед З.Н. Суменова связывала с этим рассказом, «еще очень несовершенно, но искренним»⁵³³ замысел будущего романа писательницы.

После окончания Окружной опытно-показательной школы в 1925 г. в течение трех лет Е. Уруймагова работала в профсоюзных органах. В 1929 г. поступила на литературное отделение Горского педагогического института в г. Орджоникидзе. После окончания вуза в 1932 г. вслед за мужем Порфирием Константиновичем Скорняковым, слушателем Артиллерийской академии РККА уехала в г. Ленинград. Суровые будни гарнизонной жизни, каждодневные домашние хлопоты замужней женщины, забота о маленьких детях оставляли мало времени для творческой самореализации. К тому же ее желания заниматься литературной деятельностью никто не воспринимал всерьез; близкие посмеивались над ее «странный страстью писать, да вдобавок по-русски»⁵³⁴. Но, пожалуй, именно в это время окончательно оформилось ее осознанное желание посвятить себя литературному труду.

Е.А. Уруймагова участвовала в работе литературного кружка Академии, в состав которого входили слушатели учебного заведения и их жены. Она писала рассказы, заметки в местную газету «Дзержинец». В 1934 г. в апрельском номере газеты был опубликован отрывок из ее повести «Чинаровая роща» о событиях гражданской войны в Осетии. Публикация сопровождалась пометкой: «Перевод с осетинского языка». В том же номере, в заметке «О нашем литературном кружке» отмечалось, что автору «удалось в

⁵³³ Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. С. 19.

⁵³⁴ Тихонов Н.С. Двойная радуга. Собрание сочинений в 7-ми тт. М., 1986. Т.5. С. 281.

прекрасных художественных образах нарисовать горскую природу, аул, показать некоторые бытовые особенности горцев»⁵³⁵.

Вероятно, тогда же зародилась идея написания романа-эпопеи, который должен был отразить исторические события начала XX столетия, периода революции, гражданской войны, утверждения советской власти и осуществления социалистических преобразований в 1930-е гг. в Осетии.

Реализация огромного замысла требовала от начинающего автора не только большого желания, таланта и кропотливого каждодневного труда. Не менее трудным было преодоление косности среды, неверия окружающих. «Ты не мешал мне “пачкать бумагу”, – писала Езетхан Уруймагова мужу в 1952 г., – но не верил в реальность моих писаний. Теперь мне верят, и я себе верю...»⁵³⁶. Уверенность пришла к ней после успеха «Осетин» и переиздания романа в 1951 г. в Госиздате СО АССР и в издательстве “Советский писатель” в значительно доработанном виде и под новым названием “Навстречу жизни”. Однако в начале выбранного творческого пути приходилось доказывать свою профессиональную состоятельность, причем не только окружающим, но и себе.

Начинающая писательница, мучимая сомнениями, не обладавшая должными профессиональными навыками, нуждалась в моральной поддержке, в совете более опытного товарища, способного направить, помочь в работе. Таким человеком оказался Николай Тихонов. Встреча с известным советским писателем, хорошо знавшим, любившим историю и культуру народов Кавказа и официально (как член Союза писателей СССР) курировавшим национальные литературы, состоялась зимой 1935 г. Общий замысел романа, прочитанные отрывки из рукописи произвели на Н. Тихонова благоприятное впечатление. Позднее он вспоминал: «Эта хрупкая на вид осетинка хотела поднять огромную тяжесть народного романа. Она хотела изобразить жизнь осетин за целые десятилетия. Она читала очень убедительно, и во время чтения я не обращал внимания на ее своеобразный русский

⁵³⁵ Езетхан Уруймагова. Седьмой сын. Орджоникидзе, 1965. С. 219-220.

⁵³⁶ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письмо 12.

язык, не запоминал неудачные места, мне хотелось слушать еще и еще – так увлекателен был рассказ, так драматично, искренне, сильно говорили и действовали выведенные ею люди»⁵³⁷. На прощание Н.С. Тихонов дал начинающей писательнице совет, которому она следовала на протяжении своего короткого творческого пути: «Продолжайте писать по вашему плану, по вашему разумению... Не показывайте никому, не читайте, не советуйтесь ни с кем. Только с собой – все решайте сами. Пусть никто не спугнет неожиданную мысль, не смутит вашу направленность. Тем более что быт Осетии, жизнь народа мало кто знает так, как знаете вы. <...>. Если вам понадобится, в крайнем случае, совет, пишите мне. Я отвечу обязательно, потому что вижу – из вашей работы выйдет большой толк...»⁵³⁸.

История отношений Николая Тихонова и Езетхан Уруймаговой достаточно подробно описана литературоведом Д.А. Гиреевым⁵³⁹, что избавляет от необходимости подробного освещения этого чрезвычайно интересного и плодотворного человеческого и творческого содружества. Отметим лишь, что Н. Тихонов на всю жизнь стал для осетинской писательницы добрым другом, авторитетным и влиятельным в литературных кругах наставником. Она не стеснялась делиться с ним своими проблемами и переживаниями: «... очень часто мне приходится корыто с грязным бельем оставлять, чтобы набросать на бумагу свои мысли, кухня, стирка белья, штопка чулок отнимают у меня 60 процентов моего времени, поэтому не ругайте меня, что я так медленно работаю...». Н. Тихонов не ругал ее, «только удивлялся силе ее воли, ее упорству»⁵⁴⁰.

Накануне войны, а затем в послевоенные годы, когда рукопись первой части трилогии, наконец, была представлена автором в окончательно доработанном виде, он активно помогал в том, чтобы ее приняли к публикации в «Советском писателе». В одном из

⁵³⁷ Тихонов Н.С. Двойная радуга. С. 279.

⁵³⁸ Там же.

⁵³⁹ Гиреев Д.А. Н. Тихонов и Е. Уруймагова // Творчество Николая Тихонова. Исследования и сообщения. Встречи с Тихоновым. Библиография. Л., 1973. С. 316-324.

⁵⁴⁰ Тихонов Н.С. Двойная радуга. С. 281.

писем Елизавете Алексеевне в августе 1947 г. он писал: «Я горячо приветствовал Вашу неутомимость и железную волю, которые дали Вам силу работать в самые трудные годы над произведением столь сложным и трудным и победить... Пришлите мне Ваш роман, и я снова, засучив рукава, буду его устраивать в жизнь»⁵⁴¹.

Первоначальный вариант рукописи романа был готов еще в начале 1941 г. Тогда же Е. Уруймагова по рекомендации Н. Тихонова обратилась к писателю и переводчику Юрию Либединскому с просьбой выступить литературным редактором ее труда. Встреча состоялась в мае 1941 г. в Москве, на квартире писателя. Он так описал свое впечатление от ее визита: «Она была в светлом, строгого покроя костюме, придававшем ей облик современной женщины. Лицо же было древнее, словно вырезанное из камня, – такие профили можно видеть на камнях: прямой нос продолжал линию лба, но в глазах, по-женски привлекательных, в той готовности к улыбке, которая сказывалась в складке рта, присутствовала веселая бойкость...» «Дева-воительница из нартских сказаний вступила в комсомол», – подумал я»⁵⁴².

Пожалуй, такое же двойственное впечатление произвела оставленная рукопись. Удивил «странный русский! Русский словарь и совершенно своеобразный синтаксис, – все, казалось, было не на месте... Но скоро я забыл обо всем, поглощенный яркими картинками, встававшими передо мной. Не только душа писателя, как это бывает при чтении всякой талантливой книги, – душа целого народа, доселе незнакомого, открывалась передо мной»⁵⁴³.

При следующей встрече Ю.Н. Либединский все же не мог не выразить удивления по поводу выбора языка повествования. Ответ его убедил: «... сама чувствую – расставляю русские слова по-осетински. А все-таки писать буду по-русски, вы уж поправляйте меня... Судьба моя странная. Семнадцати лет полюбила я русского человека, тогда он был молоденький краском, теперь уже заслуженный военный. Всю жизнь с ним живу я среди русских,

⁵⁴¹ Гиреев Д.А. Н. Тихонов и Е. Уруймагова. С. 319.

⁵⁴² Либединский Ю.Н. Современники. Воспоминания. М., 1961. С. 396.

⁵⁴³ Либединский Ю.Н. Современники. С. 396-397.

и когда пишу, то словно рассказываю русским людям о своем маленьком народе. Как могу я рассказывать не на русском языке?! Так наивно, но с правдивой горячностью была сформулирована творческая задача, и можно ли было оспаривать эту задачу?»⁵⁴⁴

После некоторых изменений, внесенных в рукопись по совету редактора, при участии Николая Тихонова начались хлопоты, связанные с публикацией романа в издательстве «Советский писатель». Юрий Либединский со своей стороны также обещал оказывать посильное содействие.

Начавшаяся война нарушила планы. Е. Уруймагова была вынуждена уехать с семьей из Москвы сначала в Осетию, а затем в Азербайджан. Жила в военном городке на станции Баладжары, работала в детском доме, преподавала русский язык в железнодорожной школе, сотрудничала с красноармейской газетой «На страже»⁵⁴⁵. Но желание довести до конца работу над романом не покидало, и в конце войны она вернулась к своему детищу. На ее решение особенно повлияла встреча в Москве в 1944 г. с Н. Тихоновым. Он убедил ее в необходимости продолжать писать: «Не бросайте работу над романом, скоро кончится война, вернется человек к мирной жизни, и нам нужны будут книги, много книг о всех народах»⁵⁴⁶.

Вдохновленная авторитетной поддержкой, с новым жизненным опытом, новыми идеями и впечатлениями Езетхан Уруймагова, приступила к работе над романом. После войны она снова обратилась за помощью к Юрию Либединскому. В письме от 4 октября 1945 г. она напоминала писателю: «Перед войной я виделась с Вами последний раз на квартире, кажется, родственников Вашей жены. Вы обещали мне тогда (это был май 1941 года) поработать над моей рукописью. Теперь я молю провидение только об одном – чтобы рукопись моя случайно сохранилась. Если действительно рукопись сохранилась, то прошу Вас, дорогой Юрий Николаевич, не поленитесь мне ответить, если она цела, то сообщу Вам адрес, по которому можно передать в Москве»⁵⁴⁷.

⁵⁴⁴ Там же. С. 398.

⁵⁴⁵ Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. С. 31.

⁵⁴⁶ Гиреев Д.А. Н. Тихонов и Е. Уруймагова. С. 318.

⁵⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 988. Л. 1.

Полученные известия были неутешительны. 5 января 1946 г. Ю. Либединский с сожалением писал: «Должен с самого начала этого письма Вас огорчить: рукописи Вашей нет ни у меня, ни в издательстве. Мне кажется, память Вам изменяет: по-моему, увезли рукопись с собой, чтобы ее дорабатывать... Если же Вы правы, и память изменяет мне, а не Вам, и рукопись действительно оказалась перед войной у меня..., то положение с ней совсем печально: значит, она погибла вместе с нашей библиотекой и значительным количеством моих рукописей, оставшихся на даче в Переделкино, где во время войны мы отсутствовали». В то же время он советовал не отчаиваться: «Неужели у Вас нет второго экземпляра или черновика рукописи? Нужно сделать все, чтобы ее восстановить, и я убежден, что это Вам удастся. Повесть Ваша талантлива и своеобразна. Она будет событием в литературе»⁵⁴⁸.

Вспоминая содержание рукописи, Ю.Н. Либединский замечал, что вторая часть (где появлялся Киров) написана слабее, и советовал писательнице, если она будет восстанавливать утерянную рукопись, сделать сначала первую часть, как отдельное законченное произведение, ограничив себя пятью, семью листами (не более 150 страниц на пишущей машинке). И делать обязательно два экземпляра: «если один пошлете в Москву, то другой оставьте у себя во избежание происшествий, подобных случившемуся. Во всех Ваших творческих делах можно рассчитывать на меня»⁵⁴⁹.

Документальные источники (письма, телеграммы, договоры с издательствами, черновики рукописей и др.), отложившиеся в фондах Российского государственного архива литературы и искусства, Научного архива СОИГСИ, Музея осетинской литературы, воспоминания Н. Тихонова и Ю. Либединского свидетельствуют о плодотворном сотрудничестве двух творческих личностей. В течение последующих полутора лет Е. Уруймагова в содружестве со своим литературным редактором напряженно, кропотливо, несмотря на особенности «кочевой» жизни семьи военнослужащего и трудности материально-бытового порядка, свойственные послевоенной повседневности, работала над рукописью первой книги романа-эпопеи.

⁵⁴⁸ Там же. Ед. хр. 580. Л. 1.

⁵⁴⁹ Там же.

К лету 1947 г. серьезный труд был завершен. В начале июля того же года законченная рукопись была принята в производство Северо-Осетинским государственным издательством. «Пишу на радостях, – сообщала писательница Николаю Тихонову, – рукопись мою приняли, заключила договор с издательством, увижу воплощенную мечту»⁵⁵⁰. Тогда же Езетхан Уруймагова делилась радостной вестью с дочерью: «10-го приезжает Юрий Николаевич (Либединский. – *И.Ц.*), мне хочется с ним еще повидаться. Мои дела очень благоприятны, сверх ожидания. Договор заключила. Театр требует пьесу – я обещала. Жду получения денег»⁵⁵¹.

Требуемая пьеса была написана на основе романа «Осетины». Ее премьера прошла с успехом на сцене Северо-Осетинского драматического театра 10 мая 1948 г. под названием «Враги». Е. Уруймагова писала Ю.Н. Либединскому: «Говорят, что на нашей осетинской сцене еще ничего подобного не было. Из-за того, что я плохо знала законы сцены, пьеса получилась оригинальная (мнение критики). Обком хвалил. Предложили мне 2-хмесячную творческую командировку по колхозам, чтоб я написала (сугубо) оптимистическую пьесу о колхозах»⁵⁵². Езетхан с энтузиазмом взялась за эту работу. В фондах Музея осетинской литературы сохранились черновики незавершенной пьесы под названием «Завидная невеста».

Одновременно обсуждался вопрос о публикации книги «Осетины» в центральном издательстве «Советский писатель». Накануне 800-летних юбилейных торжеств в честь азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви, намеченных на сентябрь 1947 г. в Баку, Езетхан, ожидая приезда Ю. Либединского, просила: «Рукопись мою “чистую” постарайтесь захватить. Н.С. (Тихонов. – *И.Ц.*) пишет, чтобы я послала рукопись, и, дескать, “буду, засучив рукава, устраивать”. Он написал мне хорошее письмо. Хочет издавать книгу в Москве»⁵⁵³.

Между тем работа над рукописью в местном издательстве, по мнению писательницы, затягивалась. В письме от 10 января

⁵⁵⁰ Тихонов Н.С. Двойная радуга. С. 288.

⁵⁵¹ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письмо 1.

⁵⁵² РГАЛИ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 988. Л. 5.

⁵⁵³ Там же. Л. 3.

1948 г. она делилась своим беспокойством с Ю. Либединским: «О романе своем ничего не знаю. Джатиев (Джатиев Тотырбек Исмаилович – осетинский писатель. С 1945 по 1949 г. редактировал журнал «Мах дуг» и альманах «Советская Осетия», являлся директором Госиздата и начальником Управления полиграфиздата при Совете Министров СО АССР. – *И.Ц.*) осенью был все время не в духе. И я решила к нему до тех пор не ходить, пока он не разыщет меня через милицию. Может Вам что-либо известно о сроке выхода из печати, или может раздумали его печатать?»⁵⁵⁴

В этот период дружеское участие, проявляемое со стороны близких, друзей, коллег, было чрезвычайно важно для Е. Уруймаговой. Бытовая неустроенность, постоянные переезды вслед за мужем, накопившаяся усталость от «цыганского образа жизни» («пятнадцать лет кочую за ним из одной казармы в другую», – писала она в одном из писем Николаю Тихонову⁵⁵⁵), болезни свои и близких, другие обстоятельства серьезно влияли на темпы ее писательской деятельности и истощали силы. Она тяжело переживала невозможность всецело посвятить себя работе над романом. В письме дочери делилась своими переживаниями: «...я стала просто хорошая кухарка (только ворчливая)... Писать, писать надо, а я не пишу. С утра с харчами и уборкой, потом устаю и сплю. Да надо и зашить, подшить, пришить. Вот издательство торопит с рассказами, а они у меня еще не сделаны (сборник рассказов «Самое родное» вышел в 1951 г. в Северо-Осетинском издательстве.– *И.Ц.*). Вообще ужасная трата золотого времени»⁵⁵⁶.

Ю. Либединский был одним из тех, кто оказывал большую поддержку писательнице. Он не только помогал в литературной обработке и редактировании текстов рукописи, содействовал в решении организационных вопросов, в преодолении бюрократических препон, налаживании взаимодействия с издательствами, но и щедро делился сердечным теплом, морально подбадривал, настраивал на рабочий лад⁵⁵⁷.

⁵⁵⁴ Там же. Л. 5.

⁵⁵⁵ Тихонов Н.С. Двойная радуга. С. 281.

⁵⁵⁶ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письмо 3.

⁵⁵⁷ Либединский Ю.Н. Современники. С. 403; РГАЛИ. Ф. 1099.

Вскоре, верстка романа была готова. В письме дочери, отправленном из Дзауджикау 4 марта 1948 г., Езетхан Уруймагова писала: «Гранки романа просмотрела. Вся твоя мама – натянутая струна»⁵⁵⁸.

Из печати «Осетины» вышли в конце 1948 г. двадцатитысячным тиражом, а в начале 1949 г. появились на прилавках книжных магазинов и стали достоянием рядовых читателей, исследователей, литераторов.

Ко времени выхода в свет книги традиция историко-революционного романа в осетинской художественной культуре уже представляла собой сложившееся явление. Осетинская романная проза, зародившаяся в 1920-е – 1930-е гг., по мнению специалистов, отвечала насущной потребности общества в концептуальном осмыслении произошедших в нем перемен. Она обеспечивала возможность углубленного и целостного воспроизведения эпохи и человека в их живом и противоречивом единстве. Не удивительно, что зарождение крупной формы в осетинской литературе происходило в рамках исторического повествования, а именно в жанре историко-революционного романа, и было связано с темой пробуждения самосознания народных масс⁵⁵⁹.

К 1940-м гг. признанными образцами историко-революционного романа были «Шум бури» Коста Фарниона, «Разбитая цепь» Барона Боциева, «Ахсарбек» Дабе Мамсурова, «Надежда» Тазе Бесаева. Появление нового жанрового романа было встречено с некоторым «цеховым» предубеждением. Чувство неприятия подпитывало то, что Езетхан Уруймагова была первой осетинской писательницей, которая сразу заявила о себе в качестве автора литературного произведения столь крупной формы, как роман. Ее творческая заявка вызвала естественное раздражение в «мужской» писательской среде Осетии⁵⁶⁰.

Оп. 1. Ед. хр. 988. Л. 5.

⁵⁵⁸ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письмо 2.

⁵⁵⁹ Мамиева И.В. Генезис, структура и национальная специфика осетинского историко-революционного романа // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 27 (66). С. 113.

⁵⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 988. Л. 5.

Но гораздо более серьезными были претензии к выбору языка, на котором был написан роман. Как известно, в осетинском литературоведении по настоящее время дискутируется вопрос о том, можно ли считать литературное произведение, созданное на русском языке и тематически связанное с осетинской историей, частью осетинской литературной традиции. Точку зрения сторонников признания наличия *русскоязычной* осетинской литературы, требующей к тому же защиты, обосновывает литературовед и писатель И.С. Хугаев. Для него русскоязычная осетинская литература – это «объективное явление мировой литературной истории, обладающее своим индивидуальным и неповторимым генетическим кодом», «органическое явление осетинской культуры и произведение осетинского духа, осетинского мироощущения и мировоззрения». Оппонируя писателю и литературоведу Н.Г. Джусойты, он отмечает: «И даже если "русскоязычное творчество нельзя рассматривать как *необходимое* звено в развитии осетинской литературы"..., то нам ничто не мешает рассмотреть его как *возможное* звено и компонент осетинской литературной истории и культуры»⁵⁶¹.

Следует подчеркнуть, что в конце 1930-х – начале 1950-х гг. в официальной печати эта тема в контексте новой культурной парадигмы, нацеленной на формирование новой социальной и интернациональной общности – советский народ с общегосударственным (русским) языком как средством межнационального общения⁵⁶², не обсуждалась. Более того, русский язык, в частности, в национальных автономиях РСФСР наряду с отказом от политики «коренизации», был ориентирован на все более значимую роль в общественной и культурной жизни.

На фоне этой бурной околослитературной перестановки языковых акцентов в культурной политике исследователи и рецензенты в целом довольно благожелательно восприняли выход романа. Они приветствовали появление в осетинской советской

⁵⁶¹ Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008. С. 3, 4.

⁵⁶² Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013. С. 237.

литературе нового большого эпического произведения, называли его крупным событием в культурной жизни Осетии, отмечали реалистичность изображения в нем жизни осетинского села начала XX в., характеризовали автора как настоящего художника с богатым запасом творческих сил и жизненного опыта. Вместе с тем, наряду с признанием художественных достоинств произведения, высказывались замечания по поводу некоторых этнографических деталей, языка и стиля романа. Политические цензоры при анализе содержания романа в свою очередь находили в нем недостатки и просчеты идеологического характера. В частности, автору вменяли в вину упрощенное представление революции 1905 г. в Осетии, изображение крестьянского движения как стихийного, не направляемого революционными силами⁵⁶³.

Писательница резко отвергала нападки критиков. Отстаивая авторскую позицию, она заявляла, что не желает подстригать роман «по вкусу каждого критика». В одном из писем по поводу публикации в «Литературной газете», посвященной ее роману, замечая, что для нее в статье есть много лестного (сравнение ее образов с горьковскими), она писала: «Считаю, что статья в основном верная, но формальная, по усвоенному стандарту. Некоторые наши критики усиленно стараются вогнать нашу прозу в однотипные рамки, стараются подстричь под одну моду, считаю, что это невозможно»⁵⁶⁴.

Для Е. Уруймаговой, в частности, выбор языка ее произведения всегда был принципиально важен. В 1948 г. она писала Н. Тихонову: «Двадцать лет – больше с тех пор прошло, как я мечтала написать книгу об осетинах, но только на русском языке. Четверть того, о чем мечталось в юности, я сделала»⁵⁶⁵. Однако ее «русский язык» всегда вызывал у редакторов и рецензентов, читавших рукописи большие нарекания. В начале 1950 г., когда активно шел подготовительный процесс к изданию романа в «Советском писателе», она услышала немало весьма нелицеприятных замечаний по поводу грамматических и стилистических

⁵⁶³ Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. С. 38, 39.

⁵⁶⁴ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письмо 12.

⁵⁶⁵ Тихонов Н.С. Двойная радуга. С. 289.

погрешностей в рукописи. Она признавала их справедливость: «...я мыслю по-осетински, поэтому может для русского читателя кое-что и не так звучит». В то же время считала, что именно для исправления авторских ошибок «в издательствах и сидят редакторы и корректоры, за это им платят деньги»⁵⁶⁶.

Автор также решительно не соглашалась с критикой рецензентов, указывавших на излишнюю перегруженность текста описанием обычаев, быта, законов адата. В ответ на присланные в июне 1950 г. из издательства рукопись и рецензию, она едко замечала: «Соловьев (рецензент. – *И.Ц.*) хочет сделать из Осетинского романа Рязанский роман, который едва ли осетинский народ захочет признать. <...> Роман относится к 900 году и автору необходимы все эти адаты, обычаи и законы. Соловьеву это кажется “излишней скрупулезностью”, а мне кажется, что Соловьев с бытом осетин познакомился только по моей рукописи»⁵⁶⁷.

Езетхан Уруймагова не смирялась с тем, что редакторы и рецензенты постоянно работали «с оглядкой» на политическую цензуру, проявляли подчас чрезмерную осторожность. В связи с этим она замечала: «Может быть, Соловьев и очень талантливый редактор, но крайне трусливый человек. Боясь того, чтобы “как бы чего не случилось”. Он рубит направо и налево, считает, что лучше уж выхолостить роман Уруймаговой, не оставить в нем ничего оригинального, самобытного, чем он получит какой-нибудь упрек, как редактор. В таком случае я предпочитаю лучше не издавать такой книги, которой никто не захочет читать»⁵⁶⁸.

Беспокоясь за судьбу рукописи, она снова обратилась к Юрию Либединскому: «Я очень хочу, чтобы Вы довели до конца работу над моим романом. Когда-то, когда роман представлял из себя сплошной хаос, Вы были так храбры, что не испугались. Кузьма Яковлевич (К.Я. Горбунов – зав. редакцией русской советской литературы издательства «Советский писатель». – *И.Ц.*), по-видимому, не против»⁵⁶⁹. В итоге Ю. Либединский согласился

⁵⁶⁶ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письмо 13.

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 988. Л. 9, 10.

выступить редактором нового издания романа. И в 1951 г. в значительно доработанном, сюжетно и образно расширенном виде, первая книга романа-трилогии под новым названием «Навстречу жизни» вышла в «Советском писателе». В том же году новый вариант книги был напечатан Северо-Осетинским книжным издательством.

Роман осетинской писательницы быстро завоевал сердца читателей. Об этом свидетельствовали многочисленные письма, приходившие на имя автора со всех концов страны: из Алушты, Архангельска, поселка Банное (Украина), Владивостока, Иркутска, Киева, Краснодара, Москвы, Мурманска, Новороссийска, Самарканда, Свердловска, селения Уркарах (Дагестан) и т.д. Писали люди разных возрастов и профессий. Юристы, врачи, педагоги, шахтеры, ученые, библиотечные работники, военнослужащие, студенты делились впечатлениями от прочитанной книги, благодарили автора за радость общения с его искусством, интересовались дальнейшей судьбой героев, часто спрашивали: «Где можно купить книгу?», «Когда выйдет продолжение?»⁵⁷⁰. Уже в марте 1949 г., сразу после выхода «Осетин» Уруймагова писала дочери: «Получаю от читателей много писем – отзывы восторженные»⁵⁷¹.

Книга быстро разошлась. В библиотеках выстраивались очереди из желающих ее прочитать. В Северо-Осетинское книжное издательство, в Книготорг, в отделение Союза писателей и автору поступали запросы библиотек и читателей с просьбой выслать экземпляр. «Я прочла Вашу книгу “Осетины”, очень мне понравилась эта книга, – писала одна из читательниц, – до этого времени не приходилось мне прочесть книги из жизни осетинского народа, и я читала, переживала вместе с героями “Осетинов”, все в романе такое близкое... Я и мои знакомые всюду расспрашивали: нет ли изданного продолжения этой книги, но кто же нам мог ответить? И вот 2-й Всесоюзный съезд советских писателей (1954 г. – И. Ц.). И из выступления тов. Цагараева М. я узнаю о Вас! Узнаю, что Вы есть, что есть и другие книги, написан-

⁵⁷⁰ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 3; Музей осетинской литературы. Ф. 51. Кор. 5/8. Пап. 6.

⁵⁷¹ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1.

ные Вами, читая выступление т. М. Цагараева о Вас, я как будто прочла о успехах хорошо знакомого, близкого человека... Дорогая Елизавета Алексеевна! Если Вы написали продолжение книги "Осетины" – значит оно издано? Прошу, вышлите наложенным платежом, или еще как-либо эту книгу мне»⁵⁷².

Особый интерес к творчеству Е. Уруймаговой проявили на ее «малой родине» – в Дигоре. Роман читали внимательно, «с пристрастием». Здесь состоялась одна из первых и самых многочисленных читательских конференций. Библиотека не вместила всех желающих – на встречу пришло почти все взрослое население села. Это не была обычная читательская конференция. «Автору пришлось нелегко. Многие хвалили ее: это большей частью те, которые считали себя родственниками положительных героев. Но на собрание явились и предполагаемые родственники отрицательных героев. Эти требовали от писательницы ответа»⁵⁷³. Попытки оправдаться перед обиженными односельчанами, объяснить (возможно, несколько лукавя), что это художественное произведение, и герои в нем вымышленные, что они являются плодом воображения художника, что любые совпадения с характерами, поступками некогда реально живших людей случайны, никого не убеждали. Читатели отказывались воспринимать героев романа как просто литературных персонажей. Впрочем, звучали и справедливые упреки в том, что некоторые из этих персонажей, выведенные автором под именами реально существовавших лиц, еще живых в памяти людей, не соответствовали историческим прототипам ни по своему внешнему облику, ни по своей внутренней сути. Горячность, с какой обсуждали сюжетные перипетии, искали и находили в реальной жизни прототипов художественных образов, лишь подтверждала успех романа. «Его хвалили, ругали, о нем просто спорили – равнодушных не было»⁵⁷⁴.

Внимание читающей публики, в целом благожелательное отношение литературных кругов и, наконец, политических кураторов воодушевляли писательницу. С новыми силами она вернулась

⁵⁷² Там же. Пап. 3. Письмо 12.

⁵⁷³ Социалистическая Осетия. 1950. 1 сентября.

⁵⁷⁴ Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. С. 36.

к работе над второй книгой трилогии, в которой должны были найти отражение события предреволюционной и революционной эпохи, в том числе связанные с деятельностью С.М. Кирова на Кавказе. Решая сложную, контролируруемую партийными идеологами задачу, она выступала не только как художник, но и как серьезный исследователь. Встречалась с участниками и очевидцами описываемых событий, изучала периодическую печать, работала в архивах Северной Осетии и соседних республик. Вынужденное соблюдение политических норм, конъюнктурных установок конца 1940-х – начала 1950-х гг. значительно усложняло творческую задачу автора. Тем не менее, в письмах она не раз замечала: «вторая книга будет еще лучше»⁵⁷⁵.

Но повседневная жизнь Е.А. Уруймаговой по-прежнему состояла не только из творчества. Много времени и сил отнимала необходимость постоянно решать свойственные послевоенной повседневности бытовые проблемы с ее бедностью и тотальным дефицитом, заботиться о тяжело страдавшем от малярии сыне, ездить в творческие командировки, выполнять «общественные поручения» и т.д. Тем не менее, она настойчиво продолжала заниматься литературным трудом.

Вскоре после выхода в свет первого издания романа в 1949 г. она писала дочери: «Работаю я сейчас по-волчьи. Эткими темпами я, пожалуй, сдам к осени, к концу года 2-ю книгу. Сейчас я гораздо смелее и “сильнее”. За месяц прочла много хороших книг, поучилась смелости, чего мне не хватало, особенно с историческим материалом... Я написала уже очень большую главу – фундамент. С большими обобщениями того, что развернется дальше... Через несколько дней приступаю к Кирову, представь, не боюсь, но волнуюсь, волнуюсь, будто я буду разговаривать с ним, ходить к нему. Сейчас в моей работе такая стадия, когда просто нужно время...»⁵⁷⁶.

Но нужного времени для Езетхан осталось мало. Стали проявляться симптомы тяжелой болезни. В марте 1950 г. она писала дочери: «Не хочется пока умирать. Ведь еще ничего не сделано,

⁵⁷⁵ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письма 10, 12.

⁵⁷⁶ Там же. Письмо 4.

а сил еще так много, творческие возможности неиссякаемые, вот и хочу жить, чтоб оправдать свою жизнь»⁵⁷⁷. Она упорно занималась рукописью, разрабатывала сюжетные линии, которые должны были стать частью трилогии. Одновременно сотрудничала с Госиздатом, вела редакторскую работу.

В 1951 г. по поручению обкома ВКП(б) в связи с подготовкой к неделе литературы и искусства в Москве она приступила к написанию новой пьесы «На восходе»: «С Москвы строгий приказ – сделать пьесу о Кирове. Ответственно, но почетно. Удастся пьеса, легче будет мне и в книге II-й с образом Кирова»⁵⁷⁸.

Надежды не оправдались. Написанная пьеса была направлена на экспертизу в Институт Маркса, Энгельса и Ленина и получила отрицательный отзыв. Автору вменили в вину искажение исторических событий на Тереке, игнорирование деятельности Владикавказской большевистской организации, «помощи русского народа трудящимся горцам», неверное изображение Кирова и Орджоникидзе⁵⁷⁹. Переделка пьесы отняла много времени и сил. «Переписываю пьесу..., – писала Езетхан в июле 1952 г. мужу. – Я уже ненавижу не только мою пьесу, а все пьесы на свете». «Семь вариантов одной пьесы – это семь пьес. Скажи, разве я не могла за это время (при такой интенсивности) написать еще два романа?»⁵⁸⁰ Всего до осени 1952 г. было создано восемь вариантов пьесы. Но усилия были тщетны – ни один вариант не был принят идеологическим отделом обкома ВКП(б) (премьера спектакля по пьесе «На восходе» состоялась только после смерти автора – 1 декабря 1955 г. на сцене Северо-Осетинского драматического театра. – *И.Ц.*)⁵⁸¹. Е. Уруймагова была морально подавлена, тем не менее, попыталась вернуться к рукописи второй книги трилогии.

В 1953 г. семья переехала из Баладжар в Москву. Новая обстановка, забота о родных, состояние здоровья – все это не давало в

⁵⁷⁷ Там же. Письмо 6.

⁵⁷⁸ Там же. Письмо 7.

⁵⁷⁹ Цориева И.Т. Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. С. 401.

⁵⁸⁰ НА СОИГСИ. Ф. 53 (литер.). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1. Письма 10, 11.

⁵⁸¹ Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. С. 42.

полную силу отдаться творчеству. В записной книжке от 5 января 1954 г. сохранилась запись: «Прошло уже пять месяцев, а еще к письменному столу не присела... Все на мне лежит – и хозяйство, и забота о детях, вообще вся бытовая чехарда...»⁵⁸² И все же Езетхан урывками продолжала работать. Однако прогрессирующая болезнь оставляла все меньше надежд, что удастся реализовать в полном объеме первоначальный замысел романа-эпопеи в трех книгах. В начале 1955 г. ее состояние резко ухудшилось. Е. Уруймагову привезли в г. Орджоникидзе, где 15 мая 1955 г. она скончалась.

В возрасте 50 лет оборвался диалог Езетхан с жизнью, встречу которой так страстно и вдохновенно писательница стремилась в своем творчестве в отведенные ей недолгие годы. Уже после ее смерти, в 1956 г. увидела свет вторая часть романа «Навстречу жизни». Подготовка издания велась с рукописи, которая была черновой, незавершенной. Поэтому избежать противоречий, пробелов и ошибок не удалось. И все же выход второй книги романа был воспринят читательской аудиторией с одобрением и признательностью.

После первых изданий 1948–1950-х гг. роман «Навстречу жизни» уже в 2-х томах публиковался еще не раз, издается и сейчас. В национальной культуре Осетии он заслуженно признан одним из образцов историко-революционного романа осетинской советской литературы и знаковым явлением художественной традиции. «Одной жизни не хватило на выполнение огромного замысла. Но то, что сделано, – тоже много для одной жизни...», – так Николай Тихонов оценил творческий путь Езетхан Уруймаговой⁵⁸³. Сегодня и в незавершенном виде роман воспринимается произведением широкого эпического плана, в котором события революционной эпохи представлены в тесной связи с социально-психологическим портретом осетинского народа и историко-культурным контекстом времени.

Прошедшие десятилетия со дня ухода Е.А. Уруймаговой из жизни не затмили света, исходящего от ее творчества, не осла-

⁵⁸² Там же. С. 44.

⁵⁸³ Тихонов Н.С. Двойная радуга. С. 296.

били силы ее характера, морального духа горянки, поверившей в себя. Она заслужила в осетинской литературе имя не только первой романистки, но и вдохновила своим примером новые поколения женщин Кавказа к достижению вершин творчества, к проявлению профессиональной самобытности во всех сферах самореализации.

6. «Мой долг ... еще далеко не оплачен». **Аза Асламурзаевна Хадарцева**

Среди представителей национальной интеллигенции Осетии XX в., внесших заметный вклад в развитие истории и культуры своей «малой» родины особенное и почитаемое место занимает Аза Асламурзаевна Хадарцева (1919–1999) – ученый-филолог, одна из первых осетинских профессиональных литературоведов, фольклорист, педагог, популяризатор национальной культуры. Она принадлежит к той редкой категории людей, знакомство с которыми глубоко запечатлевается в сознании человека. Природный ум, образованность, талант исследователя сочетались в ней с чертами женщин, о русских представительницах которых поэт Николай Некрасов восхищенно писал: «Есть женщины в русских селеньях / С спокойною важностью лиц, / С красивою силой в движеньях, / С походкой, со взглядом цариц»⁵⁸⁴. Знакомство сегодняшнего исследователя с ее личной и творческой биографией воистину приводит к мысли о том, что каждая эпоха действительно рождает равных себе людей.

Пора личностного и профессионального становления Азы Асламурзаевны Хадарцевой пришлось на время глубоких революционных трансформаций в истории страны, утверждения новой системы социально-политических отношений, коренным образом менявшей повседневную жизнь людей. Она родилась 3 июня 1919 г. в г. Владикавказе в многодетной семье Асламурза Знауровича Хадарцева – служащего на транспорте и Леска Батакоевны (урожденной Есиевой) – домохозяйки. Несмотря на тяжелые испытания переломной эпохи, в воспитании шестерых детей родители следовали традиционным ценностям и устоям осетинской семьи. Они учили порядочности, взаимопомощи, уважению к старшим. В то же время, по мере возможностей, детям старались создать условия, которые бы позволили развить природные способности, получить образование, профессию и занять достойное место в жизни.

В восемь лет Азу определили в «Образцово-показательную

⁵⁸⁴ Некрасов Н.А. Сочинения в 3-х тт. М., 1978. Т.2. С.85.

школу № 5» во Владикавказе. Девочка училась с прилежанием по всем предметам, но любимыми в школьной программе были языки и литература. Она с упоением читала русских и зарубежных классиков; наизусть декламировала стихи Пушкина, Лермонтова; писала сочинения, зачитываемые учителем как образцовые; участвовала в постановках школьного драматического кружка. Серьезное увлечение литературой привело ее после окончания школы в 1937 г. на факультет русского языка и литературы Осетинского педагогического института.

Первые годы студенчества совпали со временем структурной реорганизации системы высшего педагогического образования в Северной Осетии. В 1938 г. на основе двух педагогических институтов – Осетинского и 2-го Северо-Кавказского – в Орджоникидзе (г. Владикавказ до 1931 г. – *И.Ц.*) был создан Северо-Осетинский государственный педагогический институт. Несмотря на очевидные трудности переходного состояния, объединение под одной «крышей» организационных, материально-технических, финансовых, учебных ресурсов институтов объективно благотворно сказалось на судьбе нового вуза. Научно-педагогические кадры института состояли из истинных подвижников, людей высокой культуры и эрудиции. Впоследствии Аза Асламурзаевна неизменно вспоминала о них с благодарностью. Прекрасным педагогом был Всеволод Александрович Васильев – преподаватель русского языка и литературы. Курсы русской и западноевропейской литературы, археологии Кавказа вел Леонид Петрович Семенов – исследователь поэтики Михаила Юрьевича Лермонтова, Коста Левановича Хетагурова, драматургии Елбыздуко Цопановича Бритаева и др. Большой интерес вызывали лекции по истории России и Осетии Бориса Васильевича Скитского, одного из создателей высшей школы исторического образования и исторической науки в Осетии. Среди любимых наставников был Иван Василевич Джанаев (Нигер) – видный осетинский поэт, литературовед, педагог, читавший лекции по теории литературы, истории античной литературы, осетинской литературы, по фольклористике⁵⁸⁵.

⁵⁸⁵ Магометов А.А. Центр образования, науки, культуры Северной Осетии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета.

На лекциях и семинарских занятиях студентам не просто давали знания по предметам. Им прививали интерес к избранной профессии, содействовали выявлению и развитию заложенного в них от природы творческого потенциала. И, что особенно важно, помогали во время учебы приобрести навыки научной работы. Полученные теоретические знания закреплялись затем на практике в научных экспедиционных поездках в сельские районы Осетии. В первой такой экспедиции студентка Аза Хадарцева побывала летом 1940 г. В составе одной из четырех бригад, собиравших материал для готовившегося издания «Истории Осетии», она объездила десятки равнинных и горных селений. В задачи участников экспедиций входил сбор фольклорных материалов: преданий и песен, повествующих о прошлом родного края⁵⁸⁶.

В 1941 г. выпускница пединститута по рекомендации своего научного наставника, писателя Ивана Васильевича Джанаева (Нигера), работавшего по совместительству заведующим литературным отделением Северо-Осетинского научно-исследовательского института, была принята лаборантом в этот институт. Однако поработать в должности пришлось недолго. Началась Великая Отечественная война, и вместе с родителями она эвакуировалась в селение Карца Куртатинского ущелья. В конце ноября 1942 г., после освобождения от фашистских войск оккупированной части Северной Осетии семья Хадарцевых вернулась в Орджоникидзе. Учреждения образования испытывали острый недостаток в учительских кадрах, поэтому Азу Асламурзаевну направили учителем русского языка и литературы в одну из городских общеобразовательных школ. Через год ее пригласили ассистентом на кафедру русской литературы Северо-Осетинского пединститута для чтения курса лекций «Патриотические идеи и образы в русской литературе». Работа над этой темой укрепила девушку в желании заниматься научной деятельностью.

В ноябре 1944 г. Аза Хадарцева успешно держала экзамены в аспирантуру Северо-Осетинского НИИ. Научным руководителем соискательницы был утвержден уже известный Иван Джанаев – знаток и исследователь творчества К.Л. Хетагурова. Он посове-

товал избрать в качестве объекта диссертационного исследования сборник стихотворений «Ирон фæндыр» («Осетинская лира») Коста Хетагурова. «Тема подходящая. – Писал в резолюции на заявление аспирантки на имя дирекции СОНИИ И. Джанаев. – Работа на эту тему, при удовлетворительном выполнении, явится большим вкладом в дело научного изучения творчества Коста. Она даст возможность заглянуть в творческую лабораторию поэта и ознакомит с процессом работы над произведением»⁵⁸⁷.

Сложившаяся к середине 1940-х гг. историография творчества Коста Хетагурова (публикации Г. Бекоева, Ц. Гадиева, Л. Семенова, И. Джанаева, М. Шагинян и др.) позволяла перейти на качественно новый уровень научного осмысления наследия гениального представителя осетинской национальной культуры. Устойчивый интерес в научных кругах подкреплялся поддержкой официальной власти. К этому времени партийно-советское руководство определилось в отношении Коста, признав его не только народным осетинским поэтом, основоположником осетинской литературы и литературного языка. Его включили в ряд прогрессивных общественных деятелей как революционного демократа, «неутомимого борца против гнета русского царизма и его сатрапов на Кавказе»⁵⁸⁸. 80-летие со дня рождения поэта, торжественно отмечавшееся в 1939 г. на всесоюзном уровне, приобрело размах всенародного праздника⁵⁸⁹.

Аза Асламураевна с большим интересом и усердием взялась за разработку избранной темы. «Идейно-эстетический мир “Ирон фæндыр”, небольшой по объему книги Коста, был необъятен и глубок, как ее неиссякаемый источник, которым была жизнь осетинского народа» – писала она впоследствии⁵⁹⁰.

Безвременная смерть научного руководителя в 1947 г. и отсутствие в республике квалифицированных специалистов, способных оказать непосредственную научно-консультационную

⁵⁸⁷ НА СОИГСИ. Фонд Архива управленческой документации. Личное дело А.А. Хадарцевой. Л. 4.

⁵⁸⁸ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 1. С. 335.

⁵⁸⁹ Там же. С. 348.

⁵⁹⁰ НА СОИГСИ. Ф. Хадарцевой. Оп. 1. Д.34. Л. 1.

помощь по возникавшим в ходе написания работы вопросам, существенно осложнили работу молодого исследователя. К тому же отсутствие диссертационных советов в вузах и научных учреждениях республик Северного Кавказа создавало дополнительные трудности для соискателя ученой степени на этапе защиты квалификационной работы. Например, в справке по аспирантуре Северо-Осетинского НИИ за 1949 г. из 19 человек, завершивших курс обучения к этому времени, лишь четверо смогли защититься в срок, еще шестеро с готовыми работами вели поиск места защиты⁵⁹¹. Поэтому руководство СОНИИ, воспользовавшись положением, дававшим право подготовки аспирантов в центральных научно-исследовательских учреждениях АН СССР, ходатайствовало в 1948 г. о прикреплении диссертанта к московской группе Ленинградского института востоковедения АН СССР. Научным руководителем был назначен академик В.А. Гордлевский⁵⁹².

К лету 1950 г. работа над диссертацией ««Осетинская лира» Коста Хетагурова» была закончена. Хадарцеву приняли на должность старшего научного сотрудника в штат Северо-Осетинского НИИ. А в октябре 1950 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького АН СССР состоялась защита⁵⁹³. Но работа над рукописью была продолжена. И через пять лет в Госиздате Северо-Осетинской АССР вышла в свет монография «Творческая история «Осетинской лиры»»⁵⁹⁴. Она стала одним из первых фундаментальных исследований творчества великого осетинского поэта и первой работой по осетинской текстологии. Проведенный литературоведческий и текстологический анализ «Осетинской лиры» был положительно оценен специалистами и принес начинающему филологу заслуженное признание в научных кругах. Работа стала важной вехой в развитии осетинского литературоведения. Она заметно повлияла на направление дальнейших изысканий в области хетагуроведения.

Для самой Азы Асламурзаевны тема Коста на долгие годы

⁵⁹¹ ЦГА РСО-А. Ф. 126. Оп.2. Д. 369. Л.32.

⁵⁹² НА СОИГСИ. Фонд Архива управленческой документации. Личное дело А.А. Хадарцевой. Л. 27.

⁵⁹³ Там же. Л. 26.

⁵⁹⁴ Хадарцева А. Творческая история «Осетинской лиры». Орджоникидзе, 1955.

стала одной из главных в научной биографии. Со скрупулезностью настоящего исследователя она продолжала поиск и изучение материалов, связанных с жизнью и творчеством поэта; разрабатывала фольклорные сюжеты и темы; анализировала драматургическое наследие, женские образы и др.⁵⁹⁵

Хадарцева участвовала в подготовке практически всех академических изданий собраний сочинений Хетагурова во второй половине XX в. Продолжала большую текстологическую работу. Вместе с писателем А.С. Гулуевым и профессором Л.П. Семеновым, она готовила материалы для второго и третьего тома издания 1951 г. на русском языке, выпущенного в издательстве АН СССР под редакцией К.Х. Дзокаева. Совместно с З.Н. Суменовой подготовила тексты и составила примечания ко второму тому пятитомного собрания сочинений под редакцией К.Ц. Гутиева, изданного на осетинском и русском языках в 1959-1961 гг. в издательстве АН СССР. В ходе подготовки трехтомного собрания сочинений Коста на русском языке, опубликованного в 1974 г. издательством «Художественная литература», она работала членом редколлегии издания.

В 1999-2001 гг. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований подготовил академическое издание полного собрания сочинений Коста Хетагурова в пяти томах под редакцией Ш.Ф. Джикаева. Составителем первого тома предложили выступить Хадарцевой. Наряду с отдельными стихотворениями и ранними произведениями поэта, том традиционно включал сборник «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»). Однако новизна и оригинальность комплектации тома определялась текстом сборника. В отличие от предыдущих изданий, он был взят из экземпляра белой авторской рукописи, подаренной поэтом в 1898 г. Анне Цаликовой и переданной сестрами Цаликовыми в 1921 г. Осетинскому историко-филологическому обществу.

Опубликованный в 1999 г. текст «Ирон фæндыр»-а был идентичен содержанию экземпляра рукописи (местонахождение его

⁵⁹⁵ Хадарцева А.А. Драматургия и театральная деятельность Коста Хетагурова // Известия СОНИИ. 1956. Т.18. С. 213-238; Она же. Образ женщины в поэме “Фатима” и пьесе “Дуня” Коста Хетагурова // Мах дуг, 1956. № 4. С. 81-84.

ныне неизвестно. – И.Ц.), отправленного в 1898 г. Гаппо Баеву, редактору первого издания сборника. В документах имеются свидетельства крайнего негодования, в которое пришел К. Хетагуров по поводу того, как цензоры первого издания «беспардонно вторглись в его творческую лабораторию, ничтоже сумняшеся производя без его ведома, на свой лад и вкус, изменения в рукописи»⁵⁹⁶. Известно, что последующие многочисленные издания также не избежали цензурных и редакторских «правок» и изменений. Поэтому, можно с полным основанием говорить, что публикацией текста в авторской редакции через сто лет после первого выхода в свет «Осетинской лиры» редколлегия пятого издания выполнила волю поэта.

Помимо проведенной текстологической работы, Аза Асламурзаевна готовила примечания и комментарии к первому тому, собирала иллюстративный материал ко всем томам собрания сочинений. Редколлегией издания было решено составить на русском языке новые подстрочники произведений поэта. Эта работа также была поручена ей⁵⁹⁷.

Следует отметить, что ученому принадлежит большая заслуга и в подготовке к изданию однотомников избранных произведений Коста на русском языке, публиковавшихся в 1956 и 1989 гг. в центральных и местных издательствах.

Неугасимый интерес к творчеству великого осетинского поэта вывел литературоведа Азу Хадарцеву на сценическую орбиту национальной культуры, за пределы чисто научных разысканий. Ей принадлежит авторство либретто первого осетинского балета «Хетаг». История создания этого произведения интересна не только сама по себе. Она свидетельствует об огромном влиянии творчества Коста Хетагурова на личность исследователя. Как вспоминала Аза Асламурзаевна, чем больше она занималась творчеством Хетагурова, тем необъятнее ей казался мир его поэтических образов, достойный отражения в различных жанрах искусства.

⁵⁹⁶ Бигулаева И.С. Коста Хетагуров. Научная биография. Владикавказ, 2015. С. 223.

⁵⁹⁷ НА СОИГСИ. Фонд Архива управленческой документации. Личное дело А.А. Хадарцевой. Л. 30.

В конце 1950-х гг. в поисках осетинских пословиц и поговорок к ней обратился Владимир Крахт, собиравшийся писать либретто для оперетты. Она пересказала ему сюжет поэмы Коста «Хетаг», который, по ее мнению, мог быть положен в основу оперы или балета. В восторге от услышанного В. Крахт убедил Хадарцеву, что она может стать автором либретто для подобного произведения. Ее возражения, что она не либреттист и не драматург, что никогда не писала ничего подобного, что не справится, – не были приняты. Вскоре он познакомил ее с видным советским композитором Вано Мурадели, который был назначен художественным руководителем готовившейся Декады осетинской литературы и искусства в Москве и находился в это время в Орджоникидзе. Водушевленная поддержкой известного композитора, она взялась за написание либретто для балета. Автором музыки к первому осетинскому балету стал молодой талантливый композитор Дудар Хаханов. В 1960 г. во время Декады осетинской литературы и искусства в Москве адажио из балета «Хетаг» с успехом танцевала солистка Большого театра Светлана Адырхаева⁵⁹⁸. Позже балерина участвовала в постановке двухактного балета на сцене Северо-Осетинского музыкального театра, осуществленной ее супругом, балетмейстером-постановщиком А. Закалинским. В последующем, в течение многих лет балет в разных постановках с успехом шел на театральной сцене.

На протяжении многих лет, продолжая исследование творчества Коста Хетагурова, Аза Асламурзаевна активно участвовала в популяризации наследия поэта, часто выступала с научно-просветительскими лекциями на промышленных предприятиях, в учреждениях, в учебных аудиториях и др. В 1956 г. издала брошюру о жизни и творчестве поэта в помощь лектору⁵⁹⁹. После этого регулярно публиковала статьи о Коста в научных сборниках, периодических изданиях. В 1999 г. как итог публицистического хетагуроведения ею опубликован литературный путе-

⁵⁹⁸ НА СОИГСИ. Ф. Хадарцевой. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

⁵⁹⁹ Хадарцева А.А. О жизни и творчестве Коста Хетагурова (в помощь лектору). Орджоникидзе, 1956.

водитель по памятным местам, связанным с именем великого поэта⁶⁰⁰.

В целом результаты многолетней научно-изыскательской деятельности ученого без преувеличения свидетельствуют о ее значительном вкладе в изучение и популяризацию творческого наследия великого соотечественника. Однако высокая профессиональная требовательность и личная скромность никогда не позволяли Азе Асламурзаевне кичиться своими достижениями. Даже в конце жизни она заявляла: «...мой долг перед Хетагуровым далеко еще не оплачен»⁶⁰¹.

Исследование творческого наследия выдающегося представителя национальной культуры Коста Хетагурова в научной биографии Хадарцевой занимает исключительное место. Вместе с тем, беглый взгляд на библиографию трудов ученого позволяет заметить, что диапазон ее исследовательских интересов был значительно шире. За более чем полвека служения науке были опубликованы десятки статей, посвященных анализу различных аспектов литературного процесса в Осетии. Она являлась одним из авторов обзорных глав и литературных портретов «Очерка истории осетинской советской литературы» (Орджоникидзе, 1967). В соавторстве с литературоведом и фольклористом З.М. Салагаевой подготовила и издала «Собрание сочинений» драматурга Д. Туаева. Совместно с фольклористом Т.А. Хамицаевой были подготовлены к публикации научные труды языковеда и фольклориста Б.А. Алборова. Статьи ученого об осетинской литературе и писателях вошли в «Театральную энциклопедию», «Лермонтовскую энциклопедию», в многотомную «Историю советской многонациональной литературы».

Хадарцева-литературовед глубоко исследовала традиции и проблемы осетинской прозы. Так, в 1960–1980-е гг. серьезным предметом изучения стал процесс становления и развития осетинской советской романной прозы. Основательный анализ более чем сорока эпических произведений большой формы в осетинской литературе XX в. позволил выявить отличительные черты и основные

⁶⁰⁰ Хадарцева А.А. Памятные места, связанные с жизнью и творчеством Коста Хетагурова. Владикавказ, 1999.

⁶⁰¹ НА СОИГСИ. Ф. Хадарцевой. Оп. 1. Д. 34. Л. 2.

тенденции в развитии этого жанра. Работа осталась в рукописи. Но отдельные ее части публиковались в научных сборниках Северо-Осетинского научно-исследовательского института⁶⁰², вызывая профессиональный интерес литературоведов и краеведов.

Другим важным объектом научного исследования на протяжении многих лет была история национальной драматургии. Выход в свет двухтомной монографии «История осетинской драмы» в 1985 г. стал событием в осетинском литературоведении⁶⁰³. Специалисты отмечали глубину осмысления вопросов развития осетинской драматургии и театра, историческую достоверность и яркую образность языка исследования⁶⁰⁴. Благодаря большой археографической и текстологической работе автора в научный оборот было введено более пятидесяти новых и забытых пьес. Они заметно обогатили знания о начальном этапе становления национального театрального искусства, о создании первых драматических коллективов и о первых осетинских театральных постановках. В монографии последовательно раскрывался процесс развития осетинской драматургии от одноактных водевилей, созданных для любительских кружков, до многоактных пьес различных жанров, ставившихся на профессиональной сцене.

Отдельного упоминания заслуживают персоналии, посвященные творчеству осетинских писателей. Перу ученого принадлежат монографические исследования о писателях Давиде Туаеве и Татари Епхиеве. В многочисленных статьях проводился анализ особенностей художественного стиля и языка видных представителей национальной литературы: Елбаздыко Бритаева, Барона

⁶⁰² Хадарцева А.А. Великая Отечественная война в современном осетинском романе (1960-1970-е годы) // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе: СОНИИ, 1988. С. 10-40; Она же. Осетинский историко-революционный роман // Сборник трудов СОНИИ. 1981. Т. 37. С. 5-40; Она же. Современный осетинский исторический роман (1960-1975) // Вопросы осетинского литературоведения. Орджоникидзе: СОНИИ 1978. Т. 33. С. 28-57.

⁶⁰³ Хадарцева А.А. История осетинской драмы. В 2-х ч. Орджоникидзе, 1983.

⁶⁰⁴ Толасова Б. Ответственность призвания // Северная Осетия. 1999. 3 июля.

Боциева, Цомака Гадиева, Дзахо Гатуева, Мисоста Камбердиева, Розы Кочисовой, Георгия Цаголова и др.

Следует особо отметить, что вопросы развития осетинской литературы рассматривались исследователем в тесной взаимосвязи с литературами других народов России. Ее внимание привлекали вопросы развития русско-осетинских, осетинско-кавказских культурных и литературных связей, взаимодействия художественной литературы и фольклора. Объектом вдумчивого, высокопрофессионального интереса была проблема влияния на развитие осетинской литературной традиции русской и советской классики: творчества Л. Толстого, А. Чехова, В. Маяковского, М. Шолохова и др. В этом контексте большое значение имеет переводческая деятельность Азы Хадарцевой. Глубокое владение материалом, знание языков позволяли с успехом заниматься литературными переводами. Благодаря ее переводам русскоязычный читатель познакомился с произведениями осетинских писателей Цомака Гадиева, Уари Шанаева.

Портрет ученого-литературоведа, пожалуй, будет неполным, если обойти вниманием участие Азы Асламурзаевны в открытии для отечественной культуры имени Гайто Газданова – писателя-эмигранта, многие десятилетия игнорировавшегося советским литературоведением и критикой. Сегодня писатель занял достойное место в российской культуре, заслуженно признан одним из самых ярких и значительных явлений литературы русского зарубежья. Свидетельством тому многочисленные издания произведений, систематически проводимые конференции, научные публикации, посвященные его творчеству⁶⁰⁵. Но в 1960-е гг., когда Хадарцева впервые «открыла» для себя уникального писателя, его имя в официальных научных и литературных кругах Советского Союза практически никому не было известно. История ее переписки с Гайто Газдановым и дальнейших поисков, связанных с творчеством писателя, требует отдельного рассмотрения. Здесь же отметим, что, во многом благодаря авторитету, целеу-

⁶⁰⁵ Газданов Г. Собрание сочинений в 3-х тт. М.: Согласие, 1996; Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. М., 2008; Газданов и мировая культура. Калининград, 2000.

стремленности ученого в научных изысканиях, настойчивости и последовательности ее молодых единомышленников, осетинский читатель раньше других соотечественников познакомился с творчеством Гайто Газданова. В 1988 г. в альманахе «Литературная Осетия» напечатали отрывки из романа «Ночные дороги», а в 1989 г. – роман «Призрак Александра Вольфа». Появились и первые статьи осетинских авторов, посвященные творчеству писателя⁶⁰⁶, а в 1995 издан английский перевод книги Л. Диенеша – биографа и исследователя наследия Гайто Газданова⁶⁰⁷.

Пять монографий, многочисленные научные и научно-популярные статьи, творческие работы в других жанрах художественной культуры принесли Азе Хадарцевой заслуженное признание. Между тем, серьезное место в ее работе также занимали вопросы изучения устного народного творчества, в частности нартовского эпоса. Будучи в должности заведующего литературным отделом СОНИИ, она принимала самое непосредственное участие в организации первого научного совещания по нартовскому эпосу, проходившего 19–20 октября 1956 г. под эгидой Института мировой литературы АН СССР и Северо-Осетинского научно-исследовательского института в г. Орджоникидзе. Естественной частью этой работы со студенческих времен были поездки в составе фольклорных экспедиций в сельские районы Северной и Южной Осетии с целью выявления и записи произведений устного народного творчества. За многие годы экспедиционных поездок был накоплен богатый полевой материал, несущий информацию об устном поэтическом и музыкальном творчестве, о легендах и преданиях, об обычаях и традициях народа. Часть собранных

⁶⁰⁶ Бзаров Р. О Гайто Газданове // Литературная Осетия. 1988. № 71. С. 90-97; Хадарцева А.А. К вопросу о судьбе литературного наследия Гайто Газданова // Литературная Осетия. 1988. № 71. С. 98-106; Хадонова Ф. Возвращения ждущий // Литературная Осетия. 1989. № 73. С. 118-123; Газданова В.С. Социализация в традиционном осетинском обществе и биография Гайто Газданова // Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре. Владикавказ, 2007. 373-379.

⁶⁰⁷ Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ, 1995.

материалов с комментариями и в литературной обработке исследователя была опубликована в 1971 г. в книге «Легенды Гудского ущелья». Остальные материалы в настоящее время хранятся в фондах Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абиева ВНИЦ РАН.

Научные исследования Хадарцевой, помимо теоретической значимости, всегда имели практическую нацеленность. Владение в совершенстве двумя языками (русским и осетинским) помогало ей в преподавательской деятельности. В Северо-Осетинском государственном университете она читала курс «Литература народов Северного Кавказа». Долгие годы Аза Асламураэевна читала лекции для учителей национальных школ по осетинской литературе в Республиканском институте усовершенствования учителей. Она являлась также замечательным популяризатором научного знания. Ее научно-просветительские лекции о деятелях русской и советской литературы и искусства, преподносимые в доступной, интересной, увлекательной форме, вызывали неизменный интерес слушателей.

Отдельной, крайне важной сферой деятельности ученого-филолога являлось написание учебников, пособий и программ для вузов и школ Осетии. Хадарцева, вместе с литературоведом Х.Н. Ардасеновым, была автором первого учебника по осетинской литературе для 9–10-х классов на родном языке. Этот учебник, опубликованный в 1971 г. и неоднократно переиздававшийся с дополнениями и исправлениями, использовался в общеобразовательных школах Осетии на протяжении десятков лет. По подготовленным Азой Асламураээвной хрестоматиям и программам для 8–10-х классов велось преподавание осетинской литературы в национальных школах. Многие поколения студентов-филологов национальных отделений вузов Осетии изучали осетинскую литературу по составленным ею учебным программам.

Следуя своим жизненным принципам, фундаментом которых для Азы Хадарцевой были традиции семьи, ценности национальной культуры, она вела активную общественную работу. В признание ее заслуг перед национальной культурой она неодно-

кратно избиралась депутатом районного совета депутатов трудящихся. Многие годы была членом жюри по присуждению премии имени Коста Хетагурова, входила в состав редакционного совета Северо-Осетинского книжного издательства «Ир». Ее выступления по республиканскому радио и телевидению, посвященные работе творческих союзов, писателям, театральным деятелям и т.д., вызывали живой интерес сограждан, заслужили признание общественности. За гражданскую активность она была награждена медалями «За оборону Кавказа», «За доблестный труд». «Ветеран труда», почетными грамотами Верховных Советов РСФСР и СО АССР, ведомственными благодарностями и др.

В ноябре 1999 г. закончился жизненный путь Азы Асламурзаевны Хадарцевой – ученого, педагога, общественного деятеля и гражданина. В культуру Осетии XX в. она вошла как яркий представитель плеяды национальной научной интеллигенции. Как исследователь Аза Асламурзаевна глубоко осмыслила проблемы художественного и литературного процесса в контексте времени, их отражения в национальной культуре. Будучи одной из первых профессиональных хетагуроведов она сумела внести значительный вклад в изучение творчества великого национального поэта. Обладая талантом педагога, она была автором школьных учебников и популяризатором культурного наследия народа. Для тех же, кто знал ее лично, А. Хадарцева запомнилась как олицетворение лучших качеств осетинки, носительницы высоких образцов национальной этики, интеллигентности, благородства, душевной деликатности, в совокупности выражаемых понятием «уæздан».

7. «Преданный рыцарь искусства...» Махарбек Сафарович Туганов

Махарбек Сафарович Туганов (27 июня 1881 г. – 4 июля 1952 года) – выдающийся деятель культуры народов Северного Кавказа XX в. Вся его жизнь служит образцом трудной и последовательной позиции самобытно мыслящего человека, творца и гражданина, сумевшего выстоять под грузом драматических обстоятельств эпохи войн и революций XX в., найти свое предназначение и сохранить верность творческому призванию. Даже простое знакомство с его биографией позволяет говорить о нем как об истинном подвижнике. Талант художника, исследователя и просветителя определил место М.С. Туганова в осетинской культуре среди основоположников национального профессионального искусства. Оригинальность мировосприятия сформировала его подлинным реформатором, глубоко освоившим и преломившим в своем творчестве достижения академической школы русской живописи, выдающиеся образцы европейской художественной традиции и сокровища национальной культуры.

Творческий диапазон М. Туганова всегда впечатлял современников и всех, кто в разные периоды истории России и Осетии обращался к его биографии. Дарованию Махарбека Сафаровича были подвластны живопись, станковая и книжная графика, театрально-декоративное искусство, педагогика, публицистика, этнография, фольклористика, искусствоведение. По мнению специалистов, во всех этих областях он демонстрировал уверенное и чеканное мастерство, разностороннюю образованность, гармоничное сочетание интеллектуального и эмоционального начал, строгую дисциплинированность мышления, постоянное стремление к познанию и совершенствованию⁶⁰⁸.

Безусловно, большое влияние на личностное становление Махарбека Туганова оказало окружение, в котором он рос и воспитывался. Традиции семьи, пример родителей, принадлежавших к высшему сословию осетинского общества, но проповедовавших

⁶⁰⁸ Первая персональная выставка Махарбека Туганова. Орджоникидзе. 1973. С. 5.

идеи служения своему народу, его воспитания и просвещения, с малых лет формировали в нем интерес и любовь к богатой духовной культуре народа, устному народному творчеству. Его мать была дочерью Гацыра Шанаева и племянницей Джантемира, знаменитых собирателей и пропагандистов осетинского фольклора. Отец – Сафар Туганов, выпускник Боннского университета, биолог, агроном – занимался не только сельскохозяйственной деятельностью и составлением каталога терминов растений местной флоры на дигорском диалекте. Его большим увлечением было собирание фольклорных текстов, запись дигорских сказаний. В тринадцатилетнем возрасте Махарбек впервые побывал с отцом в горной Дигории. Встреча с народными сказителями Дзарахом Саулаевым, Саулохом Божиевым, Дукундром Дауевым настолько его впечатлила, что с этого времени он постоянно «мечтал поехать в горы, послушать народные сказания и записать их»⁶⁰⁹.

С юных лет воображением Махарбека владела еще одна мечта: стать художником. Но консерватизм осетинского традиционного общества, принадлежность к высшему сословию являлись серьезными препятствиями на пути к заветной цели. «Сказать в то время молодому осетину, что он хочет быть художником, было бы равносильно тому, чтобы его объявили кандидатом в сумасшедший дом все его родные и родственники. Такой был удельный вес художника на окраине», – вспоминал позднее М.С. Туганов⁶¹⁰.

Родители рано заметили увлечение сына живописью, но, несмотря на исповедуемые ими прогрессивные взгляды, не желали ему – наследнику богатого и влиятельного рода дигорских баделят – незавидной судьбы художника. Веским аргументом против занятий живописью являлся пример художника и поэта Коста Хетагурова, всю жизнь подвергавшегося гонениям, ссылкам и испытывавшего нужду. Профессия горного инженера представлялась гораздо более привлекательной. Поэтому в 1900 г. по совету родных М. Туганов с выданным Владикавказским окружным управлением свидетельством об окончании Владикавказского

⁶⁰⁹ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

⁶¹⁰ Махарбек Туганов. Литературное наследие. С. 107.

реального училища отправился в Санкт-Петербург поступать в Горный институт⁶¹¹.

Однако Махарбеку не суждено было стать горным инженером. На одном из вступительных экзаменов он «провалился», получив неудовлетворительную оценку. Неудача не расстроила молодого человека. Напротив, он с еще большим увлечением и упорством решил добиваться своего и настоял, чтобы родители позволили ему поступить на подготовительные курсы художника Я.С. Гольдבלата, дававшие объем знаний достаточный для поступления в Петербургскую Академию художеств. В следующем году он успешно выдержал вступительные испытания и осенью был уже студентом первого курса Академии⁶¹², вторым осетином после Коста Хетагурова, получившим возможность учиться в этом прославленном учебном заведении.

Профессиональное становление Туганова-художника и его гражданское возмужание происходили в условиях кардинальных изменений в социально-экономической и общественно-политической жизни России конца XIX – начала XX в. Совершенствовалось образовательное пространство, развивалась научная мысль, быстрыми темпами расширялись внешние межкультурные связи.

Развиваясь в русле общеевропейских тенденций, русское искусство отражало все богатство и многообразие стилей и направлений художественной культуры наступающего нового века. Все более очевидным становился отход от реализма в сторону поэтического реализма, импрессионизма, постимпрессионизма, символизма. Новаторские веяния и события способствовали распространению критических умонастроений в художественной среде, углубляли развернувшийся процесс демократизации культуры.

Махарбек быстро включился в водоворот культурных событий российской столицы. Он был свидетелем и участником многих творческих дискуссий, порой перераставших в жаркие споры о смысле и предназначении искусства, о роли творческой лично-

⁶¹¹ Хроника жизни и творчества художника Махарбека Туганова (тематический перечень документов из архивных фондов ЦГА РСО-А). Владикавказ, 2011. С 3.

⁶¹² НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 132. Л. 9.

сти в обществе. В то же время бурная культурная жизнь столицы не мешала юноше увлеченно заниматься живописью, изучать теорию искусства. Среди его наставников выдающиеся художники и педагоги Илья Репин, Павел Чистяков, Григорий Мясоедов. Его друзьями и однокашниками были Исаак Бродский, Моисей Тоидзе и другие известные в будущем советские художники.

Но постепенно в настроях М.Туганова наступает перелом. В кругу друзей он нередко высказывал недовольство по поводу порядков и правил, царивших в Академии. Художник и близкий друг Махарбека Акоп Коджоян в своих воспоминаниях писал: «Мы горячо обсуждали методы преподавания в ней (Академии. – *И.Ц.*), которыми Махарбек был очень недоволен и резко критиковал их»⁶¹³. Действительно, приверженность консервативным академическим порядкам, традиционным методам преподавания не оставляли места для самостоятельного поиска и усвоения новых идей. М.Туганову, также как и многим его современникам, становилось тесно в рамках реалистической школы. Позднее он объяснял перемену в себе так: «Художник-реалист прежде всего говорит о своей гражданственности. Он берет грубую правду жизни, передает ее почти без всякой окраски, со всеми типами и подробностями будней. О красоте он мало думает – живопись на втором плане... Но погоня за одной житейской правдой и пренебрежение задачами чисто живописными приводит и реалистов к безусловной фотографичности, к изображению скучных, неинтересных по краскам и формам сюжетов»⁶¹⁴.

Эмоциональность и экспрессивность, присущие художнику в жизни и творчестве, своеобразное эстетическое восприятие мира неизбежно вели его к конфликту с реалистической традицией изображения действительности. Стремление Махарбека «к искажению не только новых сюжетов, но и новых принципов живописи, основанных на ощущениях чисто художественных» закономерно подвели его к решению об уходе из Академии художеств до завершения полного курса обучения. Подобно многим учащимся

⁶¹³ Хаким Мусса. Махарбек Туганов. Народный художник Осетии. Орджоникидзе, 1962. С. 57.

⁶¹⁴ Махарбек Туганов Литературное наследие. С.27.

и выпускникам Академии, среди которых были прославленные в будущем русские художники (И. Грабарь, Д. Кардовский, В. Кандинский, К. Петров-Водкин и др.), он решил для продолжения учебы ехать в Мюнхен, в школу-студию выдающегося педагога живописи конца XIX – начала XX в. Антон Ашбе.

Последовательность происходивших в дальнейшем событий в жизни М.С. Туганова вызывает у исследователей его творчества немало вопросов. В научной и публицистической литературе зафиксирован факт отъезда молодого художника в Германию. Однако есть расхождения в датировке этого события. Одни исследователи, к примеру, Мусса Хаким и Девлет Гиреев, считали, что Махарбек отправился в Мюнхен летом 1905 г. (дата не уточняется – И.Ц.). Другие, подобно А. Дзантиеву, В. Цагараеву, полагали, что отъезд М. Туганова состоялся двумя годами раньше, т.е. в 1903 г. Но к настоящему времени ни одна из этих версий документально не подтверждена.

Между тем, по имеющимся у нас сведениям, в июле 1903 г. Махарбек будучи на каникулах во Владикавказе переболел брюшным тифом и по разрешению Совета профессоров-руководителей Академии художеств от 30 сентября получил отсрочку от занятий до 1 декабря 1903 г. В мае 1904 г. он не сдал экзамен по научным предметам и был исключен из Академии⁶¹⁵. Исходя из этого, более обоснованно можно предположить, что его отъезд в Мюнхен состоялся после мая 1904 г. Версия исследователей об отъезде художника летом 1905 г. вполне допустима. Но достоверно известно, что Антон Ашбе умер 6 августа 1905 г. Следовательно, при известных допущениях учеба М. Туганова в его студии-школе была кратковременной. По воспоминаниям же самого художника и его друзей он занимался у А. Ашбе довольно продолжительное время, что позволяет перенести дату отъезда из России почти на год...

Следует признать с сожалением, что исследователи, обращающиеся к жизни и наследию М. Туганова, порой сталкиваются в биографии художника с пробелами, которые до сих пор не могут

⁶¹⁵ Хроника жизни и творчества художника Махарбека Туганова. С. 4, 32.

заполнить из достоверных документальных источников. Приведенный факт – один из них.

Годы пребывания в Мюнхене оказались весьма плодотворными для М. Туганова. Это время роста духовных сил молодого художника, становления таланта графика и живописца. В круг мюнхенских знакомых Махарбека входили художники В. Явленский, М. Веревкина, В. Бехтеев и др. По его настоянию в Мюнхен приехал учиться и его владикавказский товарищ Акоп Коджоян⁶¹⁶.

После завершения учебы в школе-мастерской А. Ашбе художник продолжил самостоятельно заниматься в музеях Вены, Парижа и других европейских культурных центров. Он совершенствовал технику рисунка, изучал историю искусств народов Европы, знакомился с новыми тенденциями в изобразительном искусстве, музыке и литературе⁶¹⁷.

Махарбек с огромным интересом наблюдал расцвет стиля модерн в архитектуре, изобразительном и декоративном искусстве. В рамках этого стиля, получившего распространение в большинстве стран Европы и Нового Света в силу космополитизма и всеобщности художественной формы, отдельное, пристальное внимание художника привлекло романтическое направление, которое опиралось на национальные традиции, использовало элементы народного творчества. Именно в этом направлении искусства Махарбек Туганов нашел свое творческое предназначение. Интуиция повела его в сферу, где многие художники – русские Николай Рерих, Иван Билибин, финн Аксели Галлен-Каллела, литовец Микалоюс Чюрленис и другие – также искали творческое вдохновение, обратившись к уходящим в глубокую древность историческим и культурным памятникам, к мифологии, обнаруживая и утверждая ее духовную связь с новыми культурными процессами. Результатом этих поисков для М. Туганова стало соединение в создаваемых им художественных произведениях опыта народной культурной традиции и новаторского духа искусства импрессионистов и постимпрессионистов. При этом манерой письма в тот период художник явно склонялся к экспрессионизму, который

⁶¹⁶ Махарбек Туганов Литературное наследие. С. 211.

⁶¹⁷ Там же. С.5.

в дальнейшем оказал значительное влияние на развитие эстетических вкусов и художественного почерка мастера⁶¹⁸. Именно тогда оформляется своеобразная, узнаваемая тугановская манера рисунка. В этой манере были написаны полотна «Тбау-Уацилла», «Канатоходец в ауле», «Танцы на свадьбе», создана серия первых пробных образов нартов. В последующем, в 1910 и 1913 гг., многие из них экспонировались на художественных выставках во Владикавказе.

В Осетию Махарбек Сафарович вернулся в 1907 г. с большим багажом знаний, полный творческих планов. Его энергия и динамизм восхищали современников. В 1910 г. он открыл частную художественную школу, в которой преподавал уроки рисования и живописи в основном для представителей коренных народов края. Тогда же вместе с местными художниками-любителями Вopiловым, Григорьян и братьями Коджоян создал Общество художников, организовывал выставки творческой молодежи.

Махарбек принимал деятельное участие в общественной жизни Осетии, входил в Правление Осетинского издательского общества «Ир», которое объединило в этот период видных общественных деятелей Осетии Симона Такоева, Харитона Уруймагова, Георгия Цаголова и др. В 1910-е гг. раскрылся его публицистический талант. Он откликался на самые сложные и злободневные проблемы социально-экономической и культурной жизни народов Северного Кавказа; не раз задавался вопросом: кто виноват в беспросветном, бедственном положении восьмимиллионного населения богатого и прекрасного края. Ответ на этот вопрос звучал в его статьях «В Америку», «Заколдованный круг», «Волчье счастье», «Соседи» (газета «Новая Русь», 1910), «Сыны Дагестана. Петровск», «Сыны Дагестана. Дербент» («Кавказское слово», 1912), «Наши охранители», «Осетины на войне и в тылу» («Петроградские ведомости», 1916) и др. Автор убеждал, что зло кроется в общественном устройстве, при котором не может быть решена главная проблема – безземелье горцев-бедняков, которые составляют большинство населения⁶¹⁹.

⁶¹⁸ Там же. С. 7.

⁶¹⁹ Там же. С. 8.

Вместе с тем, главное место в жизни М. Туганова по-прежнему занимало творчество, в котором он неизменно выступал в двух ипостасях – как художник и исследователь. Источником вдохновения для Махарбека на протяжении всей жизни оставалась традиционная культура кавказских народов, устное народное творчество. Каждое лето он отправлялся в фольклорные экспедиции по Северному Кавказу: собирал и записывал народные сказания, песни, предания. Его альбомы пестрели зарисовками разных уголков родного края, старинных боевых башен, предметов быта, одежды, оружия. Особенно привлекали художника люди, поражавшие его ярким обликом и характером⁶²⁰.

Полученные знания М. Туганов использовал в работе над героическим нарттовским эпосом, ставшим главной темой его творчества. Он работал увлеченно, кропотливо, всецело погружаясь в глубины выдающегося памятника народного творчества. В 1910 г. на выставке местных художников во Владикавказе он представил портреты трех нарттовских героев: Сослана, Урузмага и Хамыца⁶²¹. Публика их отметила, и на следующей выставке в 1913 г. коллекция его работ, в том числе иллюстраций к нарттовскому эпосу, исполненных акварельными красками в стиле модерн(!), заметно пополнилась. Неординарность интерпретации сказаний, впечатляющая динамичность образов вызвали неподдельный интерес знатоков искусства и рядовых зрителей.

В 1911 г. художник на собственные средства издал небольшую книгу «Дигорское сказание» с фольклорными текстами. В нее было включено сказание «Песня нарта Ацамаза», названное языковедом и фольклористом В.И. Абаевым «одной из жемчужин осетинской народной поэзии»⁶²². Издание представляло тем больший интерес, что оно содержало первый опыт книжной иллюстрации мастера при оформлении текста сказания. Примерно в эти же годы М. Тугановым была создана серия графических работ по мотивам нарттовского эпоса. Накануне Первой миро-

⁶²⁰ Гиреев Д. Литературное наследие Махарбека Туганова // Литературная Осетия. 1976. № 47. С. 101.

⁶²¹ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп 1. Д. 26. Пап. 1. Л. 6.

⁶²² Абаев В.И. Из осетинского эпоса. 10 нарттовских сказаний. С. 91.

вой войны он отвез в Вену 50 листов акварельных иллюстраций для издания отдельным альбомом и оставил в мастерской, которую снимал. Уезжая на родину, рассчитывал вскоре вернуться, но начавшаяся Мировая война нарушила все планы. В первые послереволюционные годы автор еще надеялся вернуть свои работы. Он пытался выписать их через Осетинское историко-филологическое общество. Однако попытки Общества и самого автора вернуть альбом с иллюстрациями оказались безуспешными⁶²³.

Позднее художник уже сознательно, видимо опасаясь обвинений в политической неблагонадежности, в «связях с границей» и возможных репрессий отказался от дальнейшего розыска своих работ.

Следует отметить, что жизненные принципы М. Туганова никогда не расходились с творческими представлениями. Наследник знатного рода – Махарбек приветствовал Октябрьскую революцию. Весной 1918 г. раздал свои земельные владения крестьянам с. Дур-Дур, не оставив для семьи реальных, традиционных источников существования. Тем самым он вступил в открытый конфликт с сословным окружением, к которому принадлежал по происхождению. Это привел его к полному разрыву не только с семьей, но и с ближайшими родственниками⁶²⁴. Вражда, приобретшая характер вооруженного противостояния, едва не стоила жизни художнику. Он, по сути, превратился в изгоя среди «своих». Но даже эти драматические обстоятельства не заставили его отказаться от исповедуемых им принципов социальной справедливости, свободы выбора и поступка.

Весной 1920 г., после установления советской власти в Северной Осетии М. Туганов активно включился в бурную общественную и культурную жизнь края. Владикавказ начала 1920-х гг. был богат на политические события и встречи. Волею судьбы здесь собрались многие выдающиеся представители русской и осетинской творческой интеллигенции: Михаил Булгаков, Александр Серафимович, Елбыздыко Бритаев, Казбек Бутаев, Андрей Гулу-

⁶²³ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп.1. Д. 1. Пап. 1. Л 243.

⁶²⁴ Хаким Мусса. Махарбек Туганов. С. 33.

ев, Хаджимурат Мугуев, Георгий Цаголов и др. С некоторыми из них художника связывала большая дружба.

Махарбек Сафарович заведовал художественно-агитационным и плакатным отделом Терско-Кавказского отделения Российского телеграфного агентства (Тер-КавРОСТА). Готовил молодых художников плаката и политической карикатуры, рисовал агитационные плакаты, листовки; оформлял митинги-концерты и спектакли. В течение лета и осени 1923 г. с начинающим скульптором Сосланбеком Тавасиевым оформил первую сельскохозяйственную выставку во Владикавказе.

Наряду с общественной деятельностью он немало времени уделял изучению истории национального искусства. В 1923 г. в газете «Горская правда» была опубликована серия его статей из цикла «Искусство горцев в прошлом и настоящем» («Осетинский стиль», «Дагестанский стиль», «Кабардинский стиль», «Чечено-Ингушский стиль», «Архитектурное искусство горцев», «Кустари-горцы и кустарный техникум», «Ручной труд горянок в искусстве горцев», «Хранилища горской старины», «Осетинская народная поэзия» и др.). Он занимался также художественным оформлением газеты⁶²⁵.

Но со временем большая занятость перестала увлекать М. Туганова. Он все острее ощущал творческую неудовлетворенность и вскоре уехал в Баку. Сегодня вполне обоснованно можно предполагать, что к перемене места жительства его могли подвигнуть раскрывавшиеся пассионарные свойства личности, потребность в новых впечатлениях, поиск оригинальных сюжетов и форм художественного выражения. Впрочем, причиной отъезда могли быть и рядовые обстоятельства: непростые отношения в сообществе художников, материально-бытовая неустроенность, психологически тяжело переживаемый конфликт с фамилией и др. В Баку он остановился в доме зятя Тугановых Муртуза Мухтарова. Некоторое время работал в Наркомземе Азербайджана. Затем отправился в Туркменистан по маршруту Красноводск-Ашхабад-Чарджуй, далее по Аму-Дарье к Аральскому морю до Ургенча и оттуда до Та-

⁶²⁵ Хроника жизни и творчества художника Махарбека Туганова. С. 7-8.

пауза. Во время поездки художник посещал такие отдаленные, пустынные районы, куда редкий путник осмеливался проникнуть из страха встречи с басмачами или из-за отчужденности населения.

Из путешествия Махарбек вернулся в 1926 г. с массой путевых зарисовок и заметок о быте и культуре жителей Туркмении и Азербайджана. Написанные им очерки («Произведения искусства среднеазиатских тюрок», «Произведения древности на берегу реки Джейхун (Аму-Дарья)», «Художественное образование в Азербайджане») были опубликованы в бакинских газетах. В сентябре 1926 г. он приехал во Владикавказ и был принят на должность преподавателя рисования в Осетинский педагогический техникум. Однако большую часть времени посвящал творчеству. В это время он пишет картины «Свадьба в Осетии», «Похороны в Осетии», «Строительство Гизельдон ГЭС», «Чермен», «Осетины в Турции», иллюстрирует произведения Е. Бритаева «Амиран», «Хазби» и др.

М.С. Туганов уже как опытный полевой исследователь участвовал в фольклорных и этнографических экспедициях Осетинского научно-исследовательского института, записывал тексты от сказителей и знатоков устного народного творчества. Так, в 1928 г. от стариков Даргавского ущелья Инарико Вардзиева, Магомета Цыринова и Цыппу Байматова Махарбек записал сказание о сражении предков осетин с войсками Тимура в 1396 г.

В целом собранные в экспедициях материалы были настолько интересными, что художник спешил поделиться впечатлениями с молодежью, разделявшей с ним увлечение историей и культурой края. С этой целью в 1930 г. при Оссовпрофе по его инициативе был создан и художественный кружок. Но участие М. Туганова в работе кружка было недолгим, так как вскоре он переехал в Сталинир (Цхинвал)⁶²⁶.

Причина, заставившая его покинуть Владикавказ, достоверно неизвестна. Имеются лишь глухие недомолвки и предположения. Но совершенно очевидно, что для культуры Южной Осетии, особенно для развития профессионального изобразительного искусства его переезд явился бесценным даром.

⁶²⁶ Там же. С. 11-12.

Здесь, в Южной Осетии деятельная натура М. Туганова нашла широкое применение своим незаурядным способностям. Он основал в Сталинире художественную студию, преобразованную в 1937 г. в художественное училище. Даже в годы Великой Отечественной войны, когда большинство подобных учебных заведений закрылись, училище не прерывало работы. Махарбек Сафарович сам преподавал в нем и занимался исследовательской работой. Итогом многолетнего, кропотливого труда стала монография «Осетинское народное изобразительное искусство», опубликованная в 1948 г. и охватившая памятники осетинской культуры с древнейших времен до XX в. Благодаря настойчивости художника была открыта национальная художественная галерея при Музее краеведения Южной Осетии. Махарбек стал главным художником Юго-Осетинского государственного драматического театра. Театралы и искусствоведы тех лет особо отмечали ярко и оригинально оформленные им постановки пьес «Дуня» К. Хетагурова, «Амран» и «Две сестры» Е. Бритаева, «Нарт Батраз» М. Шавлохова.

При этом Махарбек по-прежнему много работал в графике и живописи. Осмысление разнообразных проявлений народной жизни, освоение богатого фольклорного наследия помогали мастеру в создании эпических образов в картинах «Цоппай», «Собачья скала», «Пир нартов» и др. В 1942 г. в Сталинире были опубликованы «Сказания о нартах» на осетинском языке с иллюстрациями М. Туганова. С его же иллюстрациями в 1948 г. вышли «Осетинские нартские сказания» в литературно-художественном переводе Ю.Н. Либединского на русский язык. Это было очередное возвращение темы нартского эпоса в творчество художника, которой он как рыцарь сохранял верность на протяжении всей жизни.

Следует подчеркнуть, что в советский период сложились качественно иные, отличные от предшествовавшего времени условия для художественной интерпретации народного творчества. Были созданы новые политико-культурные традиции обращения к эпическому наследию. В частности, для воплощения в жизнь планов форсированной, масштабной социально-экономической

и культурной реконструкции страны в 1920–1940-е гг. советское государство сформулировало ясный и открытый запрос на новый социальный тип героя прочной закалки, равного былинным богатырям.

К этому времени в социально разнородной, многонациональной стране образ сознательного пролетария как литературно-плакатный продукт Пролеткульта был уже явно недостаточно мобилизующим субъектом. В новых политических реалиях формирование общественных умонастроений нуждалось в привлечении возможностей традиционной культуры, использовании богатого эпического наследия многочисленных народов СССР. Идеологи исходили из главной задачи искусства социалистического реализма, направленной на воспитание сильных духом людей, пассионариев, патриотов, борцов, готовых на любые жертвы ради достижения высоких идеалов социализма⁶²⁷.

Махарбек Туганов искренне и с энтузиазмом откликнулся на этот социально-политический запрос времени. На наш взгляд, объяснение такой позиции художника видится в том, что обращение новой, советской власти он воспринял как знак судьбы для «малых» народов, который откроет им широкие просторы творчества, прогресса, освобождения от предрассудков и косности словных запретов, ограничений традиционного общества.

В 1920–1940-е гг. главным героем его картин, графических работ, иллюстраций становится сильный, бесстрашный человек, стойкий к жизненным невзгодам, готовый к любым трудностям, к преодолению всех преград на пути к благородной цели. Он создает многочисленные образы народных героев, крестьян-повстанцев XIX в., боровшихся с царским самодержавием, участников революции и гражданской войны («Чермен», «Генерал Тормасов и пленные вожди-повстанцы в 1810 году», «Защита крепости Кехви революционерами в 1905 году», «Кяба Гоконаева», «Расстрел тринадцати коммунаров в Цхинвали в 1920 году» и др.). И все они казались подобными героям-исполинам, наделенным огромной силой и мужеством. Влюбленность художника в героическое на-

⁶²⁷ Цориева И. Т. Художник Махарбек Туганов – иллюстратор нартовского эпоса // Известия СОИГСИ. 2016, вып. 22(61). С. 174.

чало в человеческом характере, в особенности в характере своего народа, подмечал писатель и литературовед Н. Джусойты: «Люди на полотнах Махарбека наделены такой физической и духовной энергией, что невольно убеждаешься – героическое в человеческом характере есть черта ведущая, оно в нем неиссякаемо. И что бы ни случилось с человеком, перед каким бы тягчайшим испытанием не поставила его судьба, он все одолеет, как эпический богатырь, и станет еще более могучим и прекрасным...»⁶²⁸.

Именно такими – «могучими и прекрасными» – изображались и нартовские герои в графических листах, созданных в 1920-е – начале 1950-х гг., в книжных иллюстрациях, украшавших многие издания героических сказаний, в художественном оформлении спектаклей по сюжетам нартовского эпоса, которые шли на театральных сценах Осетии. Живописные и графические произведения «Уастырджи и Дзерасса», «Игры нартов», «Бой Сослана с великаном», «Балсагово колесо», «Нарт Сырдон», «Клятва нартских женщин», «Батраз в борьбе с небом», «Переход Батраза через мост Рду», «Нарт Суасса убивает маликов», «Гибель нартов» представляли гордый свободолюбивый народ, его жизнь, полную отваги, мужества, необычайной силы и красоты.

Самым масштабным по замыслу и исполнению произведением тугановской Нартиады стало живописное полотно «Пир нартов» (3х5 м), созданное в 1952 г. Исследователи не без основания подчеркивают важность этой темы для сознания художника⁶²⁹. Символично, что начало становления Туганова-художника связано именно с попыткой осмысления образа пира нартовских героев. Созданием этого же образа завершился его путь в искусстве.

Первая попытка воспроизведения этой темы была предпринята на вступительных испытаниях в Академию художеств, но она не увенчалась успехом. Гораздо более удачной оказалась вторая попытка уже зрелого мастера, глубоко и профессионально освоившего эпическое наследие своего народа. В 1926 г. был создан

⁶²⁸ Джусойты Н. Творить из прошлого будущее // Махарбек Туганов. Статьи воспоминания, письма. Цхинвали, 1986. С.8, 9.

⁶²⁹ Цагараев В.А. Искусство и время: Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин. Владикавказ. 2003. С. 433.

графический вариант «Пира нартов», написанный акварельными красками на листе плотной бумаги. Махарбек Сафарович так писал о своей работе: «Перед тем, как взяться за эту картину, я поставил перед собой цель, образы своих персонажей находить среди народа... Образы нартов я старался показать такими, какими их представлял народ в своих сказаниях...»⁶³⁰

И это ему удалось. Н. Джусойты замечал: «Воображение и талант Туганова максимально приблизили к нам нартский эпический мир. Он дал его нам не только зрительно, но и заставил нас общаться с этим миром эмоционально, ввел нас в напряженный психологический и нравственный контакт с ним. Прошлое не только ожило и вошло в нашу современность, но стало активной силой, оказывающей формирующее влияние на наше сознание, характер, на наше нравственное и эстетическое чувство. Ныне мы уже не можем представить героев эпоса – Урузмага, Батрадза, Ацамаза, Сырдона, Сослана и других – вне тугановской трактовки. Мы невольно стали смотреть на нартский эпический мир глазами художника»⁶³¹.

Действительно, для каждого персонажа сказаний, будь то небесный кузнец Курдалагон или красавица Дзерасса, булатно-рожденный Батраз или кривой уаиг-великан Афсадон, хитроумный Сырдон или могучий Уырызмаг, художник находил такие меткие образные характеристики, что героев было уже трудно представить иными, чем они вышли из-под кисти мастера.

«Пир нартов» считается вершиной творческой биографии М. Туганова. Он живописал не просто сюжет из повседневной жизни нартского общества, представлявший танец-соревнование на краях чаши с пивом, исполненный одним из главных нартских персонажей – Сосланом. В этой работе слились воедино мастерство живописца и знания исследователя. Прежде ни одна другая работа художника, как отмечал искусствовед А. Дзантиев, не была композиционно столь сложной и насыщенной: «Одних только главных персонажей в картине более двух десятков, и при всем этом ее отличают богатство и убедительная достоверность

⁶³⁰ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 26. Л. 7,8.

⁶³¹ Джусойты Н. Творить из прошлого будущее. С. 7, 8.

характеристик, костюмов, бытовых деталей. Картина пронизана светлым жизнеутверждающим началом, от нее веет могучей, бьющей через край силой “Нартских сказаний”... Это – история, быт и культура осетинского народа, воспетая в красках»⁶³².

Необычна сама история создания картина. Заказанная художнику Северо-Осетинским художественным музеем в конце 1940-х гг. к одной из Декад искусства и литературы Осетии, которые традиционно проходили в Москве, она потребовала огромного напряжения духовных и физических сил уже пожилого и нездорового художника. Трудности возникли из-за малых размеров мастерской, не дававших возможности «издали взглянуть на свою работу». Порой не было и денег, чтобы приобрести необходимый для работы материал. «Огромный холст, – писал он в ноябре 1950 г. своей бывшей ученице А.Н. Тибиловой-Туаевой, – ждет масляных красок...»⁶³³. Тем не менее, в мае 1952 г., за полтора месяца до своей кончины, в письме В.И. Абаеву художник сообщал: «Я закончил своих нартов. Но приёмо-комиссии еще не было... Посмотрим, во что выльется мой показ “соревнование нартов в танцах”: торжествующе танцующий Сослан на чаше Уацамонга и угрюмо сидящий нарт Челахсартаг – побежденный»⁶³⁴.

Беспокойство художника было оправданным, поскольку, как верно он заметил в приведенном письме, «сейчас не сезон на “нартов”, их стали бояться здесь, как и “скифов”, “сарматов” и “аланов”»⁶³⁵. Действительно, картина была отвергнута приёмочной комиссией в рамках очередной волны идеологических гонений на «мелкобуржуазные перегибы» в региональной культурной политике. С формулировкой «художественно несостоявшееся произведение» ее отправили в запасники музея.

«Реабилитация» «Пира нартов» состоялась лишь через два десятилетия. На открывшейся в 1973 г. в г. Орджоникидзе первой персональной выставке художника он стал главным экспонатом. Сегодня эта картина, признанная венцом творчества М. Тугано-

⁶³² Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. С. 18.

⁶³³ Махарбек Туганов. Литературное наследие. С. 139.

⁶³⁴ НА СОИГСИ. Ф. Абаева В.И. Оп. 1. Д. 54. Л. 26.

⁶³⁵ Там же.

ва, хранится, как и большинство художественных произведений мастера, в постоянной экспозиции Северо-Осетинского республиканского художественного музея во Владикавказе, носящего его имя. Она является официальной «визитной карточкой» как самого художника, так и всего осетинского искусства XX в. Репродукции картины постоянно тиражируются. Они востребованы частными коллекционерами. Ими украшают офисы учреждений. Их активно используют при оформлении туристических буклетов, календарей, книг по истории и культуре осетин и других народов Кавказа.

В целом подводя некоторые итоги изучения жизни и творчества М.С. Туганова, следует отметить, что время и мир людей, в которых ему довелось жить, были не всегда к нему добры и во многом не оправдали его чаяний художника-борца и гражданина-романтика. Многие из его наследия было безвозвратно утеряно: картины, графические работы, этюды, рисунки, фрески погибли в горниле революций, войн. Пропали и ценнейшие записи фольклорных и этнографических текстов, богатый семейный архив, собиравшиеся годами его дедом, отцом, им самим.

Временем тяжелых испытаний для творца стали 1930-е гг. В ходе идеологических «чисток» преследовались не только люди, но и всё, что могло напоминать о них. Так, был уничтожен портрет известного общественного деятеля, публициста Георгия Михайловича Цаголова, написанный Махарбеком Тугановым в конце 1920-х гг.⁶³⁶ Драматично сложилась судьба другой картины, написанной под впечатлением проходившего в 1928 г. во Владикавказе 3-го съезда Советов Северо-Осетинской автономной области. Одним из главных персонажей этой картины была Елена Баракова, жена писателя Гино Баракова, работавшая в те годы прокурором. В конце 1930-х гг. супруги были репрессированы. Исчезла и картина. Лишь через много лет сын М. Туганов, Энвер нашел на чердаке большой лист фанеры, покрытый акварелью, а когда отмыл его, то обнаружил, что это упомянутая работа, но сильно переделанная. Знакомых лиц на ней уже не было. «Пре-

⁶³⁶ Туганов Э.М. О близких друзьях отца // Махарбек Туганов. Статьи воспоминания, письма. Цхинвали, 1986. С.72.

красную картину, – вспоминала впоследствии Е. Баракова, – он, вынужден был переделать – а как жаль! – и назвал «Съездом колхозников»⁶³⁷. То были не единичные случаи. Они были обусловлены жестокими законами времени, отмеченного невосполнимыми потерями для культурного наследия народа.

Однако удивительно живучим и стойким, вопреки всем невзгодам повседневной реальности, оказалось выстроенное М. Тугановым на изломе эпох нравственное кредо, которое неразрывно соединило его творчество с исторической правдой и коллективной памятью осетинского народа. Свидетельством тому является растущее внимание соотечественников в начале XXI в. к многогранному творческому наследию мастера. В настоящее время труды художника приобретают все большую популярность. Регулярно проводятся выставки, на которые приходят представители все новых поколений. Растет интерес и к гражданской позиции М. Туганова.

Для общественности и национальной интеллигенции Севера и Юга Осетии новыми гранями открывается его наследие исследователя и пропагандиста истории и культуры родного края. Ему принадлежат замечательные слова: «Добрую память в народе оставляют только те, кто устаивается счастья с избытком вернуть народу полученные у него сокровища и тем двинуть вперед хотя бы на один шаг его духовное развитие»⁶³⁸. Махарбек Туганов – «преданный рыцарь искусства», по выражению Нафи Джусойты, – бескорыстным и самоотверженным служением своей родине заслужил добрую память у потомков. Большой талант художника, благородство, бескорыстие, открытость, готовность прийти на помощь снискали ему любовь и уважение людей. Для сегодняшних поколений его жизнь является образцом гражданской требовательности к себе. Судьба художника служит примером неразрывности творческого поиска и человеческого предназначения, стойкости подвижника, верного хранителя нравственно-этических традиций национальной культуры.

⁶³⁷ Баракова Е. Счастлива тем, что знала его // Махарбек Туганов. Статьи воспоминания, письма. Цхинвали, 1986. С. 76.

⁶³⁸ Хаким Мусса. Махарбек Туганов. С. 7.

8. Непреклонность вдохновения. Азанбек Васильевич Джанаев

В когорте выдающихся деятелей осетинской художественной культуры XX в. почетное место занимает Азанбек Васильевич Джанаев (1919–1989) – один из самых ярких представителей национальной школы изобразительного искусства народов Северного Кавказа. Мировоззренческое и творческое становление художника пришлось на 1920–1930-е гг. – время коренного слома традиционных форм устройства общественной жизни, утверждения советской государственности и осуществления социалистических преобразований на Северном Кавказе. А.В. Джанаев всей силой творческой натуры впитал революционный порыв эпохи и пронес его бунтарский дух через все свое неповторимое творчество⁶³⁹.

Азанбек не принадлежал, подобно Махарбеку Туганову, к привилегированному сословию осетинского общества. Он родился 14 мая 1919 г. в семье Василия Константиновича Джанаева – рядового мелкого служащего и домохозяйки Надежды (Ладинка) Федоровны Джанаевой-Мамиевой. Мальчик не получил с малых лет знаний, которые формировали бы в нем интерес к искусству. Но он воспитывался в духе традиционной народной культуры. И, хотя родных и знакомых удивляли рано проявившиеся незаурядные способности Азанбека к рисованию, его родители, к слову сказать, сами не лишённые творческого дарования (отец исполнял народные мелодии, кадаги на осетинской скрипке, и мама, обладая художественным воображением, прививала любовь к народному творчеству) не препятствовали сыну в его занятиях.

Революционная эпоха повсеместно пробудила творческую энергию самых широких слоев народов страны. В марте 1925 г. во Владикавказе усилиями местных художников (И. Щеблыкина, П.Блюме, А. Полетико, В. Лакисова и др.) была открыта художественная студия. Через год по их инициативе учреждена «Владикавказская ассоциация художников». Она стала своеобразной предтечей основанного в 1939 г. Союза советских художников Се-

⁶³⁹ Азанбек Джанаев. Жизнь в искусстве. СПб., 2018. С. 16.

веро-Осетинской АССР⁶⁴⁰. В 1928 г. образовался местный филиал Ассоциации художников революционной России. Он состоял в основном из любителей-энтузиастов, поскольку профессиональные кадры художников только формировались. Интернациональный по своему составу коллектив деятелей искусства активно включился в общественную жизнь Северного Кавказа. Силами Ассоциации в 1920-е гг. организовывались различные общественные мероприятия, промышленные, сельскохозяйственные выставки, оформлялись «Окна Терско-Кавказского отделения Российского телеграфного агентства» и т.д.⁶⁴¹ Напомним, что в работе этой Ассоциации и в «Окнах ТерКавРОСТА» активное участие принимали Махарбек Туганов, Сосланбек Тавасиев и другие художники.

Во Владикавказе пока отсутствовали специальные учебные заведения, которые готовили бы профессиональные кадры художников. Поэтому для получения образования молодежь уезжала в другие города. В 1924 г. в Академию художеств в г. Ленинграде по решению Горского областного комитета РКП (б) была отправлена группа талантливых молодых людей из представителей северокавказских народов. Среди них были и осетины: Сосланбек Тавасиев, Давид Дзантиев, Аслан-Гирей Хохов, Раиса Хасиева и др.⁶⁴² До этого времени в прославленном учебном заведении учились только двое осетин – Коста Хетагуров и Махарбек Туганов, выдающиеся деятели национальной культуры, гордость художественной интеллигенции Северного Кавказа.

Азанбек Джанаев в силу возраста и социальной принадлежности в эти годы еще не участвовал в событиях культурной жизни Осетии. В то же время, его творческое дарование было настолько выразительным и ярким, что ни образ жизни, ни отсутствие профессионального круга общения не могли заглушить в нем желания рисовать. Подростком он делал зарисовки людей, бытовых сцен, пейзажей. Даже его первые работы отличались точностью воспроизведения образов и композиционной завершенностью,

⁶⁴⁰ Культурное строительство в Северной Осетии. Т. 1. С. 314, 343, 491.

⁶⁴¹ История Северной Осетии. XX век. С. 284.

⁶⁴² Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. С. 20.

свидетельствуя о врожденном таланте художника. Позднее его педагогов, специалистов, простых зрителей поражало, с каким знанием анатомии и пропорций он воспроизводил, к примеру, фигуры коней. Сам художник находил этому простое объяснение: «В то время, недалеко от нашего дома располагался кавалерийский полк. Целыми днями я просиживал на заборе, зарисовывая в блокнот фигуры коней в различных ракурсах. Я очень полюбил тогда этих животных»⁶⁴³.

Вполне вероятно, тогда Азанбек Джанаев даже не задумывался о карьере профессионального художника. Впрочем, к тому не располагали и реальные возможности семьи. Поэтому в пятнадцать лет, окончив семь классов общеобразовательной школы, юноша поступил в педагогический техникум. Однако страсть к творчеству переборола все прочие интересы, и через три года Азанбек, без колебаний покинул техникум и отправился в Ленинград.

В 1937 г. молодой соискатель поступил в шестой класс средней художественной школы при Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры (ЛИЖСА). Природа севера не впечатлила Азанбека Джанаева. Она показалась ему мрачной и унылой. С ней резко контрастировали богатейшие коллекции произведений искусства в музеях, выразительность городских архитектурных ансамблей. Они поразили воображение юноши изысканной красотой и совершенством форм. Его восхищали творения выдающихся художников эпохи Возрождения: Дюрера, Делакруа, Рембрандта, Доре. Вершиной эпохи Возрождения он считал творчество Микеланджело. Друг Аз. Джанаева, художник Владимира Переяславец позднее вспоминал: «Миша (так звали его родные и друзья. – *И.Ц.*) преклонялся перед Микеланджело, он даже засыпал в позе скульптур на памятниках Микеланджело. Мы очень любили эпоху Возрождения»⁶⁴⁴.

Но климат Северной Пальмиры для юного Азанбека, как и для многих других южан, оказался слишком суровым. Он часто болел, получил осложнение на уши, горло, заболел ревматизмом,

⁶⁴³ Дзантиев А.А. Азанбек Васильевич Джанаев. Орджоникидзе, 1989. С. 8, 9.

⁶⁴⁴ Азанбек Джанаев. Жизнь в искусстве. С. 17.

из-за чего вынужден был вернуться домой. Тем не менее, дома он не оставил занятий живописью, продолжал самостоятельно учиться и писать картины.

В феврале 1939 г. в Москве прошла выставка самодеятельных художников, представивших разные регионы Советского Союза. Аз. Джанаев участвовал в выставке с одной из своих работ «Батумская демонстрация 1902 года» (работа не сохранилась. — *И.Т.*). В выставочную комиссию входили ведущие мастера советского искусства А.М. Герасимов, Е.Е. Лансере, В.И. Мухина, Д.С. Моор. Картина Аз. Джанаева была отмечена членами комиссии и заслужила похвальные отзывы критики. Об ее авторе писали, как об очень одаренном живописце, «от которого в будущем, при условии систематической работы его над собой, можно ждать очень многого»⁶⁴⁵. В статье журнала «Искусство» по итогам выставки отмечалось, что «в стране выдвинулся целый ряд самодеятельных художников, которые имеют все данные для профессионализации», и указывалось, что одним из таких художников является Аз. Джанаев из Северной Осетии⁶⁴⁶. Молодой художник удостоился одной из первых премий выставки.

Вдохновленный высокой оценкой своего труда и благосклонными отзывами критики, Азанбек Джанаев в том же году уехал в Москву и, успешно сдав экзамены, был принят на второй курс Центрального художественно-промышленного училища (в будущем приравненного решением Совнаркома ССР к высшим художественным учебным заведениям). Однако очень скоро он осознал, что профиль преподавания в институте не вполне соответствует его стремлениям. И осенью 1940 г. по окончании второго курса он вновь вернулся в Ленинград. В ноябре 1940 г. Отдел художественных учебных заведений Комитета по делам искусств при СНК СССР направил Азанбека как наиболее одаренного студента на подготовительные курсы живописного факультета Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры. Страстное желание «учиться изобразительному искусству»⁶⁴⁷, та-

⁶⁴⁵ Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. С. 88.

⁶⁴⁶ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 184. Л. 10.

⁶⁴⁷ Дзантиев А.А. Азанбек Васильевич Джанаев. С. 12.

лант и необычайная работоспособность молодого осетина были по достоинству оценены педагогами, и через полгода его зачислили на первый курс живописного факультета института.

Накануне войны, летом 1941 г. Аз. Джанаев приехал в Орджоникидзе на каникулы. А вскоре с этюдником за плечами, в одиночку отправился через перевал в Южную Осетию. Он проходил десятки километров в поисках натуры, делал многочисленные наброски портретов своих соотечественников, зарисовки пейзажей и др. Мир, открывшийся Джанаеву, покорила и увлек его своей неповторимостью. Этот мир, как отметил искусствовед и исследователь биографии художника А.А. Дзантиев, стал главной темой его творчества на всю оставшуюся жизнь⁶⁴⁸. Из Южной Осетии художник направился в Дагестан. И здесь его застало известие о войне.

Несмотря на хронические болезни органов слуха и бронь, распространявшуюся на деятелей культуры, искусства и науки, Аз. Джанаев был мобилизован и отправлен на фронт. Здесь, в январе 1942 г. он получил известие о гибели брата Владимира в ожесточенных боях под Харьковом. Сам Азанбек провоевал более двух лет. Участвовал, в том числе, в защите столицы Северной Осетии. В конце 1943 г. после тяжелой контузии попал в госпиталь. Полностью излечиться он уже не смог. Молодого человека демобилизовали из армии. Он вернулся домой и поступил на работу в товарищество «Художник».

Война принесла новые темы в творчество художника. В работах середины 1940-х гг. и последующего времени прославлялся ратный подвиг защитников Родины («Бой под селением Гизель», «Героический подвиг Х.З. Мильдзихова», «Подвиг Ботоева», «Конница И. Плиева» и др.). Данью уважения к боевым заслугам участников войны стала галерея портретов прославленных героев Осетии.

Аз. Джанаев постоянно совершенствовал наработанные и искал новые приемы, методы осмысления и изображения художественных образов. Его творческим кредо стало: непрерывно «учиться изобразительному искусству». Критически оценивая свой уровень мастерства, он пришел к выводу, что у него недо-

⁶⁴⁸ Там же. С. 14.

статочно профессиональных знаний. Поэтому после войны вновь вернулся в Ленинград и поступил на графический факультет Института живописи, скульптуры и архитектуры в мастерскую В.М. Конашевича. После живописного факультета Института такой поворот мог показаться странным. Но художник объяснял свой выбор особого рода жадностью к знанию: ему хотелось владеть мастерством живописца и графика одновременно⁶⁴⁹.

Во второй половине 1940-х – 1950-х гг. на графическом факультете помимо В.М. Конашевича преподавали другие известные педагоги К.И. Рудаков, Л.Ф. Овсянников, А.С. Гущин и др. За годы очередного студенчества Джанаев не раз заслуживал их похвальные отзывы. Преподаватели отмечали его работоспособность и относили к числу наиболее талантливых студентов. Среди них доброжелательной, наставнической чуткостью отличался К.И. Рудаков, о котором позднее Азанбек Васильевич говорил: «В отношении к себе я чувствовал со стороны Константина Ивановича особое отеческое внимание, заботу и платил ему глубокой искренней признательностью, ибо понимать прекрасное тонко и проникновенно меня научил мой дорогой Учитель»⁶⁵⁰.

В годы учебы Азанбек активно занялся иллюстрированием художественных произведений. В частности, он сделал иллюстрации к поэме М.Ю. Лермонтова «Измаил-Бей». В этом произведении романтическая окраска ранней поэзии гениального русского писателя приобретала новые, эпические черты. Именно эти особенности поэмы привлекли внимание художника⁶⁵¹. Его интерес к эпическому жанру рос по мере приобретения профессионального опыта и расширения литературного кругозора.

Надо отметить, что Азанбек Джанаев как художник не был одинок в своем увлечении национальной традиционной культурой. В 1920-е – начале 1940-х гг. в художественных кругах Осетии наблюдался поддерживаемый властью рост общественного интереса к устному народному творчеству (героическим сказаниям, преданиям, легендам, историческим песням и др.). Дальнейшее

⁶⁴⁹ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 184. Л. 14.

⁶⁵⁰ Азанбек Джанаев. Жизнь в искусстве. С. 30.

⁶⁵¹ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 184. Л. 15-16.

развитие традиции, заложенные в отмеченный период в осетинском изобразительном искусстве первыми профессиональными художниками Давидом Дзантиевым, Махарбеком Тугановым, Аслан-Гиреем Хоховым и другими, получили в послевоенные годы. Одной из наиболее востребованных тем в литературе и искусстве Осетии стал нартовский эпос.

Мир героических народных сказаний получил художественное воплощение во многих произведениях национальной культуры. Из осетинских художников первым к иллюстрированию нартовских сказаний обратился Махарбек Сафарович Туганов. Созданное на рубеже 1940-х – 1950-х гг. знаменитое эпическое полотно Туганова «Пир нартов» символизировало начало нового этапа в развитии национальной художественной школы⁶⁵². Это произведение, безусловно, оказало большое влияние на развитие национального художественного мышления, на творчество многих осетинских художников.

По признанию специалистов, одним из самых талантливых продолжателей традиций, заложенных в осетинском изобразительном искусстве Махарбеком Тугановым, стал Азанбек Джанаев. Искусствовед З.Т. Газданова писала по этому поводу: «Мощный талант художника (Туганова. – И.Ц.), возвращенный лучшими образцами европейской и народной осетинской культуры, явился громадным стимулом, ориентиром для молодого осетинского искусства. Прямым продолжателем этой линии в искусстве стал молодой Азанбек Джанаев, завершивший в начале 1950-х гг. образование в Ленинградской Академии художеств. В искусство Осетии пришел рисовальщик высочайшего класса, посвятивший нартовской теме многие свои высококлассные графические и живописные полотна»⁶⁵³.

К решению взяться за иллюстрирование нартовских сказаний художника побудили два события, произошедшие в 1946 г. в культурной жизни Осетии. В сентябре в г. Дзауджикау открылась

⁶⁵² Цориева И.Т. Художник Махарбек Туганов – иллюстратор нартовского эпоса // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22 (61). С. 173.

⁶⁵³ Газданова З. Дорога длиною в 70 лет // 70 лет Союзу художников РСО-Алания. 1939-2009. С. 5, 6.

выставка «Нарты», на которой были представлены работы Махарбека Туганова и Аслан-Гирея Хохова. В том же году в Северо-Осетинском книжном издательстве вышел в свет сводный том текстов нартовских сказаний на осетинском языке, который был воспринят в осетинском обществе с огромным энтузиазмом⁶⁵⁴.

Аз. Джанаев, последовательный в своих предпочтениях, избрал нартовские сказания осетин в качестве темы дипломного проекта. К 1949 г. работа над иллюстрациями к осетинскому героическому эпосу, выполненными в технике литографии, была закончена. Двенадцать иллюстраций под общей темой «Нарты» («Бой нартвов с небожителями», «Охота на оленя», «Бой с великанами», «Три нарта», «Симд», «Гибель нартвов» и др.), представленные в монохромном решении, отличала мужественная простота, лаконизм, сдержанность исполнения. Защита прошла с большим успехом. Дипломная работа получила отличную оценку. Молодой художник удостоился особого упоминания на сессии Академии художеств СССР, отметившей его профессионализм и творческую одаренность. Еще более восторженный отзыв прозвучал из уст действительного члена Академии художеств Б.В. Иогансона, Он, в частности, отмечал: «Работы дипломника Джанаева, посвященные осетинскому эпосу, – выдающееся явление за последние годы. О них можно говорить как о работах прекрасного рисовальщика-профессионала с богатой фантазией, совершенно свободно владеющего сложнейшими композициями»⁶⁵⁵.

Следует отметить, что Азанбека Васильевича Джанаева в искусстве визуальной интерпретации эпоса отличало более свободное по сравнению с предшественниками обращение с текстами сказаний. Как замечал искусствовед А.А. Дзантиев: «Текст является лишь отправной точкой для воображения художника (Джанаева. – *И.Ц.*), а воображение его подчас не знает границ»⁶⁵⁶. Эпическим размахом, невероятной силой и мощью веяло в иллю-

⁶⁵⁴ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 184. Л. 21, 22; Хадикова А.Х. Основные принципы социализации в нарттовском эпосе осетин // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. 2017. № 4. С. 259-266.

⁶⁵⁵ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 184. Л. 23.

⁶⁵⁶ Дзантиев А.А. Азанбек Васильевич Джанаев. С. 26.

страциях о нартах от художественной фантазии Джанаева. В интерпретации сюжетов героического народного эпоса у художника центральной фигурой выступал герой богатырской, «нечеловеческой мощи», обладающий темпераментом титанов, даже у богов вызывающий изумление⁶⁵⁷.

Художник продолжал работать над нартовской темой всю жизнь. В 1970-х – начале 1980-х гг. он вновь обратился к нартовскому эпосу. При создании новых иллюстраций к «Нартам» он отошел от монохромных изображений 1940-х гг., добиваясь яркого, интенсивного цвета с помощью гуаши и акварели («Плач Дзержасы над телами Ахсара и Ахсртага», «Поход нартов», «Сослан и колесо Балсага», «Саууай», «Сын Бедзенага Арахсау», «Последний поход Сослана» и др.). Он часто по-новому интерпретировал сюжеты и мотивы сказаний, наполняя их лукавым народным юмором, жизнерадостными мотивами («Красавица Агунда», «Нарт Батраз», «Симд нартов, или женитьба Батраза» и др.).

Успех художественного освоения Азанбеком Джанаевым эпических сказаний был закреплен в его иллюстрациях к узбекскому народному эпосу «Алпамыш» и карело-финскому эпосу «Калевала», над которыми он работал в начале 1950-х гг. При этом, если в «Нартах» художник проявил себя как график-станковист, то в иллюстрациях к «Алпамышу» он предстал мастером книжной графики. Он исполнил семь иллюстраций, двадцать заставок и концовок. Основная тема была выражена во фронтисписе, где перед зрителем представал сам Хаким-бек Алпамыш. Работая над «Калевалой», мастер сделал четыре цветные иллюстрации и использовал при этом акварельные краски, полагая, что многоцветность наиболее соответствовала тексту рун (песен), проникнутых жизнерадостностью и весельем⁶⁵⁸.

В последующие годы художник продолжал активно работать в области книжной графики. Он иллюстрировал произведения осетинских поэтов и прозаиков Александра Кубалова, Георгия Малиева, Гино Баракова, Максима Цагараева и др. Но наибольшее количество иллюстраций Азанбек Васильевич выполнил к произведе-

⁶⁵⁷ Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. С. 91.

⁶⁵⁸ НА СОИГСИ. Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 184. Л. 38, 41.

ниям Коста Хетагурова – стихотворениям, рассказам, поэме «Фатима». В 1959 г. на съемках фильма «Фатима» («Грузия-фильм») он блестяще справился с работой художника по костюмам.

Огромный интерес у А.В. Джанаева вызывала личность самого писателя. В начале творческого пути он создал четыре живописные работы, на которых воспроизведен образ Коста: «Возвращение Коста Хетагурова в с. Нар» (1940), «Коста Хетагуров – художник» (1950), «Коста Хетагурова, сидящий за столом» (1952), «Портрет Коста Хетагурова» (1956). В последующем он не раз еще возвращался к этой теме. В 1985 г. специально для Музея осетинской литературы им был написан портрет поэта – «Коста в рабочем кабинете».

В творчестве зрелого художника глубоко осмысливалось и историческое прошлое. Уже как маститый специалист по художественной интерпретации эпоса он обратился к выдающимся страницам истории предков. Ряд живописных и графических работ, выполненных в конце 1940-х – 1950-х гг., героизировал средневековый период истории кавказских народов («Аланы в походе», «Аланы и грузины перед штурмом Ганджи», «Первое столкновение монголо-татар с аланами в 1222 году», «Посвящение коня у осетин»). Истории взаимоотношений Осетии с Россией были посвящены графические работы, исполненные в цвете: «Осетинское посольство в Петербурге в 1749 году», «Участие осетинской сотни в русско-турецкой войне 1877-1878 годов».

Творческая натура художника находилась в постоянном поиске новых тем и сюжетов, подчас выходя за рамки изобразительного искусства. В начале 1960-х гг. опыт работы в составе съемочной группы фильма «Фатима» вдохновил его на создание фильма «Осетинская легенда» по мотивам романа Иксуля «Тбау Уацилла». Поддержка друзей-единомышленников, великодушное знание традиций и быта горцев, любовь к киноискусству позволили ему исполнить мечту – «оживить своих героев» средствами художественного кино. Для него образы кино, по его собственному признанию, были теми же образами изобразительного искусства, только в движении. Азанбек Джанаев выступил не только автором идеи, но и сценаристом, режиссером, художником и, выражаясь современным языком, спонсором фильма.

Картина стала первой полнометражной любительской лентой, которая пробила на всесоюзный экран. В 1967 г. она шла во многих кинотеатрах страны, начиная от Молдавии, Прибалтики до среднеазиатских республик и Дальнего Востока. Она была закуплена некоторыми странами Востока. И везде имела большой зрительский успех.

Как человек своего времени А.В. Джанаев стремился реализовать не только свои творческие замыслы, но и откликаться на запросы и пожелания власти к национальной интеллигенции. В его творческих планах большое место занимала тема революционного переустройства жизни и отражения современности художественными средствами. В значительной мере это было обусловлено тем, что во второй половине XX в. одним из магистральных направлений развития советской художественной культуры, в том числе профессионального искусства, представлялось создание в лицах персонифицированной истории Революции и Гражданской войны. В живописных картинах, скульптурных композициях и графических работах художников Осетии (М. Туганова, А. Хохова, Ф. Варлакова, Н. Кочетова, Ч. Дзанагова, Ю. Дзантиева и др.) представляли реальные исторические персонажи, участники и вожди революционных событий на Тереке.

Теме революции посвящались также живописные и графические работы Азанбека Джанаева: «Чаба Гокконаева призывает население с. Дигора на борьбу с деникинцами», «Г.К. Орджоникидзе – чрезвычайный комиссар», «Киров среди горцев», «Хаджи-Мурат Дзарахохов со своим отрядом». В 1981 г. художник выполнил заказ руководства Горского сельскохозяйственного института на создание большого панно «Делегация Горской республики у В.И. Ленина». В развитие революционной темы о социальных преобразованиях в национальных окраинах были написаны картины «Переселение с гор», «Первый трактор на колхозном поле Осетии», «Свинцовый цех завода “Электроцинк”» и др. Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. историко-революционная тематика продолжала осваиваться в графических сериях «Революция в Осетии» и «Осетия в прошлом».

Азанбек Джанаев интересно и самобытно разрабатывал тему созидательного труда народа. Он создал немало живописных и

графических работ, скульптурных композиций, посвященных трудовым будням современников. Представляя простых тружеников – колхозных пахарей, пастухов, рабочих, деятелей культуры – он был далек от идеализации их образа жизни. Азанбек находил яркие формы и краски для изображения будней простых людей, которые занимаются тяжелым, каждодневным трудом, не требуя при этом наград и признания («Пахота в горах», «Осенний перегон», «Пересчет овец», «Свинцовый цех завода “Электроцинк”», серия иллюстраций «В горах»). Но его персонажи умеют также отдыхать, радоваться жизни («Молодой чабан», «Вывод невесты», «Беседа», «Танец», «Сидящий ингуш», «В.В. Тхапсаев в роли Отелло»).

В целом даже краткий обзор основных этапов творческого пути Азанбека Василевича Джанаева позволяет характеризовать его как яркого представителя национальной осетинской культуры. Пройдя советскую школу изобразительного искусства, художник внес в традиционные жанры огромный вклад, наполнил их новыми смыслами, прогрессивными, гуманистическими по содержанию и талантливыми по форме исполнения. Его живописные полотна, графика, скульптурные композиции, иллюстрации к литературным произведениям, работы в кино отличаются монументальностью, композиционной завершенностью и точностью. Многогранное творчество мастера получило высокое признание профессионалов и любителей искусства. Оно не менее интересно и как оригинальное историческое наследие, отражающее многоцветную картину культурного развития Осетии с древнейших времен до современности⁶⁵⁹. Осетинский художник Азанбек Джанаев как большой мастер своей подвижнической деятельностью новатора, преданного своей «малой» родине, заслужил безусловное признание коллег и добрую память в народе. Он был истинным гражданином своей страны, всю жизнь посвятившим сохранению осетинской культуры, поскольку был убежден, что «за национальную самобытность ратуют отдельные представители народа, на этом она держится»⁶⁶⁰.

⁶⁵⁹ Осетины. М., 2012. С. 525.

⁶⁶⁰ Азанбек Джанаев. Жизнь в искусстве. С. 9.

Георгий Александрович Кокиев

Василий Иванович Абаев

Борис Васильевич Скитский

Михаил Сосланбекович Тотоев

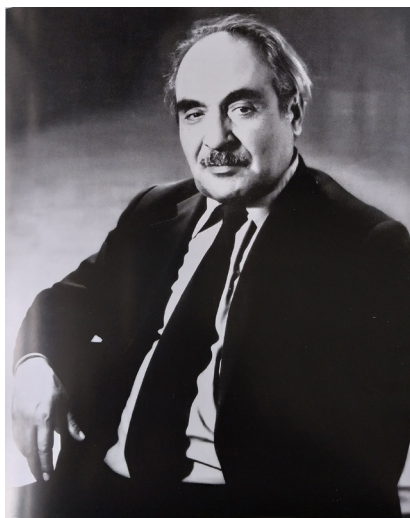
Елизавета Алексеевна Уруймагова

Аза Асламурзаевна Хадарцева

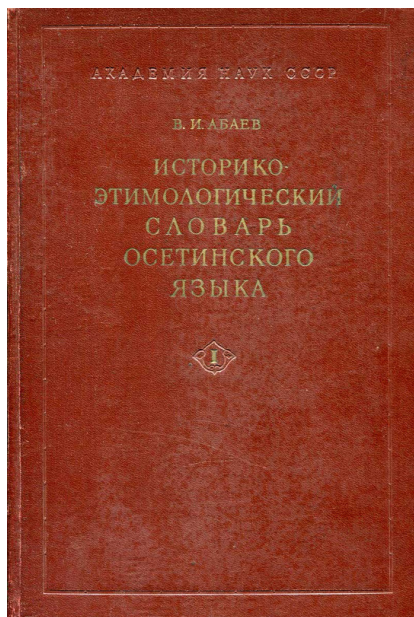
Махарбек Сафарович Туганов

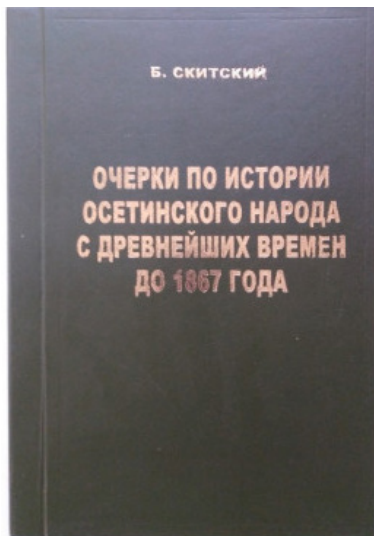
Азанбек Васильевич Джанаев

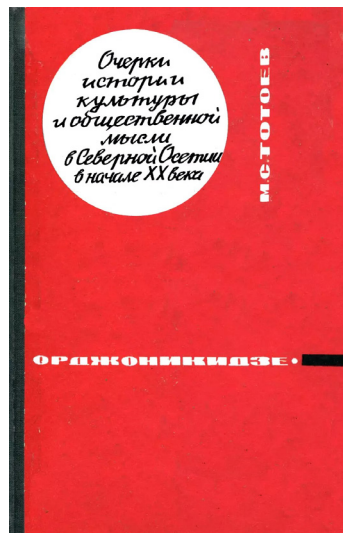
Г. Кокиев.
Очерки по истории Осетии

В. Абаев.
Историко-этимологический словарь.
1-й том, изданный в 1958 г.

Б. Скитский. Очерки по истории осетинского народа. Впервые опубликованы в 1947 г.

М. Тотоев. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX в.

Роман Е. Уруймаговой под названием «Навстречу жизни» был впервые опубликован в 1951 г.

А. Хадарцева. История осетинской драмы. В 2-х томах

М.С. Тотоев со своим учеником Виленом Уарзиати

*Представители научно-педагогической интеллигенции.
Слева направо: Михаил Уруймагов, Борис Цуциев, Габич Гостиев,
Николай Цаголов, Михаил Тотоев*

Писатель Гайто Газданов. 1930-е гг.

Представители осетинской интеллигенции в СОНИИ на юбилейном мероприятии, посвященном 110-летию со дня рождения писателя Сека Гадиева в июле 1965 г. Слева направо в 1-м ряду: Б. Алборов, -, З. Салагаева, К. Цхурбаева, А. Хадарцева, дочь Сека Гадиева, Н. Джусойты, Г. Кайтуков, М. Цагараев, Т. Бесаев, во 2-м ряду, в центре В. Абаев

*Махарбек Туганов с матерью Асиат, сестрой Азой
и братом Саладином*

*Бригада по вопросам искусства. 1930 г. В верхнем ряду 2-й слева
М. Туганов*

М. Туганов с сыном (в центре) и друзьями

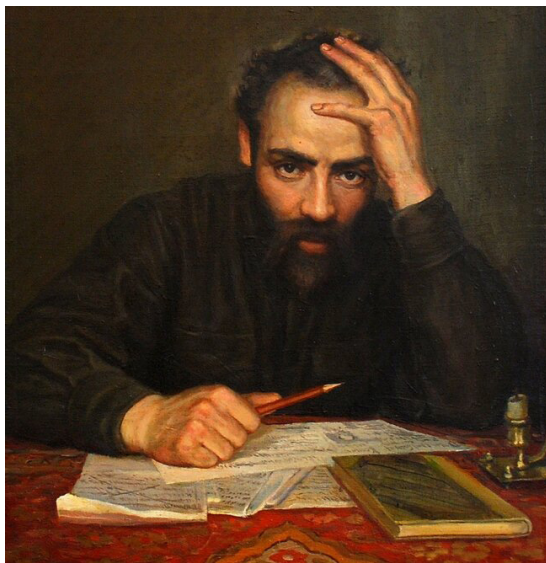
М. Туганов. Портрет старика Гаглоева

«Пир нартов» – вершина творчества М. Туганова

А. Джанаев (1-й справа) с друзьями О. Мепурновым (стоит), писателем А. Токаевым, актером и режиссером Ю. Мерденовым

А. Джанаев. Коста, сидящий за столом. 1952 г.

А. Джанаев. Молодой чабан. 1952 г.

А. Джанаев за работой над скульптурой «Чермен»

*На съемках фильма «Осетинская легенда». К. Джимиева,
А. Джанаев, М. Шурупов*

Заключение

Как видим, уважаемый читатель, отражение взаимоотношений культуры и времени сложно и многогранно. Его исследование может охватить громадный массив событий и огромное число участников. И подчас любопытствующий взгляд современников, тем более их потомков теряет зоркость под влиянием различного рода напластований, порой намеренных искажений. В значительной степени историков вводит в заблуждение и уверенность в том, что «со стороны видней». Отметим также, что стремление к объективности подчас мешает звучанию духовного национального камертона, без которого невозможно, на наш взгляд, понимание того, что содержат выражения «родное пепелище» и «отеческие гробы». Поэтому содержанием настоящей книги стали ключевые, по нашему мнению, в событийном и в хронологическом плане темы. Рассмотрение вопросов становления и развития национальной школы, осуществления политехнической реформы, формирования системы подготовки квалифицированных кадров специалистов, развития науки и научных учреждений, создания профессиональных форм художественной культуры в Северной Осетии в условиях общественно-политических трансформаций 1920-1980-х гг. позволило существенно углубить представление об общности подходов и специфике реализации советской государственной культурной политики на национальной периферии. Отдельным, эмоционально особо окрашенным выступает раздел, представляющий советский период истории национальной культуры в лицах. В нем представлены восемь сюжетов, посвященных видным деятелям науки, литературы и искусства Осетии. Знакомство и знание о некоторых страницах их жизни и деятельности во многом восполняет разные ограничения времени благодаря цельности их личностей, характеров и преданности некогда избранному ими делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. Оп. 132. Д. 342; Оп. 133. Д. 241; Д. 331;

Ф. 566. Оп. 15. Д. 41; Оп. 16. Д. 2.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 605. Оп. 1. Д. 1402.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 1099. Оп. 1. Ед. хр. 380; Ед. хр. 988;

Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия–Алания (ГАНИ РСО-А)

Ф. 1. Оп. 1. Д. 61; Д. 323; Д. 314; Д. 334; Д. 535; Оп. 3. Д. 18; Д. 622; Д. 718; Д. 822; Оп. 5. Д. 567; Оп. 6. Д. 233; Д. 261; Д. 369; Д. 535; Д. 692; Д. 713; Д. 780; Оп. 25. Д. 412; Оп. 26. Д. 49; Д. 181; Д. 304; Д. 314; Д. 323; Д. 334; Д. 728; Оп. 27. Д. 194; Д. 328; Оп. 28. Д. 669; Д. 833; Оп. 47. Д. 10.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А)

Ф.-Р. 49. Оп. 1. Д. 164.

Ф.-Р. 121. Оп. 1. Д. 35а.

Ф.-Р. 124. Оп. 1. Д. 6; Д. 29; Д. 144; Д. 254; Д. 189; Д. 193; Д. 829.

Ф.-Р. 126. Оп. 2. Д. 3а; Д. 27а; Д. 28; Д. 51; Д. 90; Д. 105; Д. 308; Д. 317; Д. 327; Д. 333; Д. 336; Д. 340; Д. 352; Д. 355; Д. 361; Д. 369; Д. 371; Д. 372; Д. 385; Д. 395.

Ф.-Р. 730. Оп. 1. Д. 5; Д. 9; Д. 17; Д. 19; Д. 19а; Д. 23; Д. 27; Д. 32; Д. 49; Д. 50; Д. 60; Д. 69.

Ф.-Р. 763. Оп. 1. Д. 71.

Ф.-Р. 765. Оп. 1. Д. 42; Д. 61; Д. 62; Д. 93.

Ф.-Р. 786. Оп. 1. Д. 668; Д. 683; Д. 719; Д. 724; Оп. 2. Д. 46; Оп. 3. Д. 14; Д. 18; Д. 34.

Ф.-Р. 813. Оп. 1. Д. 557.

Научный архив СОИГСИ (НА СОИГСИ)

Ф. Архива управленческой документации. Личное дело Тотова М.С.; Личное дело А.А. Хадарцевой.

Ф. К.Л. Хетагурова. Оп. 1. Д. 112, 174.

Ф. В.И. Абаева. Оп. 1. Д. 54.

Ф. Г. Дзагурова. Оп. 1. Д. 69.

Ф. 37. Оп. 1. Д. 14.; Д. 15; Д. 16.

Ф. Искусство. Оп. 1. Д. 1.; Д. 26; Д. 79; Д. 99; Д. 106; Д. 132; Д. 138; Д. 184.

Ф. История. Д. 40.

Ф. А.А. Хадарцевой. Оп. 1. Д. 34; Д. 60.

Ф. 13. Оп. 1. Д. 4; Д. 5; Д. 19; Д. 20; Д. 65.

Ф. 33. Личный фонд М.С. Тотоева. Оп. 1. Д. 284.

Ф. Фольклора. Оп. 1. Д. 418. Пап. 1; Д. 619.

Ф. 53 (литература). Оп. 1. Д. 19. Пап. 1; Пап. 3.

Музей осетинской литературы

Ф. 51. Кор. 5/8. Пап. 6.

Опубликованные источники

50 лет Горскому сельскохозяйственному институту. Орджоникидзе, 1977.

50 лет Северо-Кавказскому горно-металлургическому институту. Орджоникидзе, 1981.

50 лет советской исторической науки: хроника научной жизни, 1917-1967. М., 1971.

90 лет на благо Отечества. Горскому государственному аграрному университету 90 лет. Владикавказ, 2008.

Агузаров А. Ваши добрые друзья // Социалистическая Осетия. 1971. 7 мая.

Агузаров А.Т. Что было, что видел, что понял. Воспоминания // Мах дуг. 1992. № 4. С. 10-57.

Азанбек Джанаев. Жизнь в искусстве. СПб., 2018.

Блиев М.М. Татищев истории осетинского народа // Социалистическая Осетия. 2004. 26 июня.

Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917-1953. Под ред. А.Н. Яковлева. Сост. А.Н. Артизов, О.В. Наумов. М., 1999.

Время мастера (М. Темиряев). Некролог // Северная Осетия. 2015. 22 октября.

Городу Орджоникидзе 200 лет. Орджоникидзе, 1984.

Гуриев Т.А. Василий Иванович Абаев. Владикавказ, 2000.

Дауров Х. «Осетинская легенда» // Социалистическая Осетия. 1965. 5 декабря.

Декреты Советской власти. Т. 3. 11 июля – 9 ноября 1918 г. М., 1964.

Дзахов И. Шесть лет подвига // Молодой коммунист. 1966. 19 марта.

- Езетхан Уруймагова. Седьмой сын. Орджоникидзе, 1965.
- Жить и творить для народа. VI съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1977. № 50. С. 120-125.
- Здравоохранение и медицина в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958. Вып. 7. Ч. 1.
- История Северо-Осетинской государственной медицинской академии. Владикавказ, 2000.
- Коста Хетагуров. Полное собрание сочинений в 5 тт. Владикавказ, 1999. Т. 1.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7, 8, 10, 12.
- Краеведение на Кавказе // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1.
- Культурное строительство в Северной Осетии. Сб. документов и материалов. В 2-х тт. Орджоникидзе, 1974. Т. 1; 1983. Т. 2.
- Лауреаты премии имени Коста Хетагурова. Владикавказ, 2000.
- Либединский Ю.Н. Современники. Воспоминания. М., 1961.
- Люди и судьбы. Библиограф словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период. 1917-1991. СПб., 2003.
- Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
- Махарбек Туганов. Литературное наследие. Орджоникидзе, 1977.
- Народное образование в СССР. Сборник нормативных актов. М., 1987.
- Народное хозяйство к 40-летию автономии Северной Осетии. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1964.
- Народное хозяйство Северо-Осетинской АССР. Стат. сборник. Орджоникидзе, 1958.
- Некрасов Н.А. Сочинения в 3-х тт. М., 1978. Т.2.
- Окружные съезды советов Северо-Осетинской автономной области (резолюции по народному образованию) // Известия Осетинского научно-исследовательского института. 1926. Вып. 2.
- Осетинская горка. Восхождение: к юбилею ГТРК «Алания». Владикавказ. 2011.
- Отображать жизнь во всем ее многообразии. V съезд писателей Северной Осетии // Литературная Осетия. 1972. № 40.
- Первая персональная выставка Махарбека Туганова. Орджоникидзе, 1973.

Положение об Осетинском научно-исследовательском институте краеведения // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1926. Вып. 2.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. док. за 50 лет. В 5 тт. М., 1968. Т. 4. 1953-1961 гг.

Северная Осетия в восьмой пятилетке. Статистический сборник. Орджоникидзе, 1972.

Северная Осетия за годы одиннадцатой пятилетки. Статистический сборник. Орджоникидзе, 1986.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. М., 1942.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.

Сталин И.В. Организация Российской федеративной республики. Беседа с сотрудниками газеты «Правда» // Сталин И. Сочинения, М., 1947. Т. 4.

Тедтоев А. Ученый, общественный деятель (к 75-летию со дня рождения Б.В. Скитского) // Северная Осетия. 1959, 26 июня.

Тихонов Н.С. Двойная радуга. Собрание сочинений в 7-ми тт. М., 1986. Т.5.

Толасова Б. Ответственность призвания // Северная Осетия. 1999. 3 июля.

Хадарцева А.А. О жизни и творчестве Коста Хетагурова (в помощь лектору). Орджоникидзе, 1956.

Хадарцева А.А. Памятные места, связанные с жизнью и творчеством Коста Хетагурова. Владикавказ, 1999.

Хаким Мусса. Махарбек Туганов. Народный художник Осетии. Орджоникидзе, 1962.

Хроника жизни и творчества художника Махарбека Туганова (тематический перечень документов из архивных фондов ЦГА РСО-А). Владикавказ, 2011.

Хроника. Отчеты о деятельности Историко-филологического общества // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1. С. 400-459.

Хубецова З.Ф. В книге судеб ни слова нельзя изменить. Владикавказ, 1999.

Хугаев Г.Д. Театр – судьба моя. Владикавказ, 2011.

Цаллаев Х. Вспоминая профессора Г. Кокиева // Социалистическая

Чибилов Л.А. Встречи с Васо Абаевым. Владикавказ, 2000.

Периодические издания

Литературная газета. 1957. 25 мая.
Мах дуг. 2000. № 11-12.
Народная власть. 1918. 16 июля.
Осетия, 1992. 12 августа.
Правда. 1951. 20 июня.
Правда. 1951. 15 декабря.
Растдзинад. 1970. 18 июня; 1971. 25 июня.
Социалистическая Осетия. 1963. 5 февраля.
Социалистическая Осетия. 1951. 13 марта.
Социалистическая Осетия. 1982. 24 апреля.
Социалистическая Осетия. 1962. 3 августа.
Социалистическая Осетия. 1946. 21 августа. С. 1.
Социалистическая Осетия. 1946. 13 сентября.
Социалистическая Осетия. 1965. 20 сентября.
Социалистическая Осетия. 1946. 25 сентября.
Социалистическая Осетия. 1951. 26 сентября.
Социалистическая Осетия. 1951. 28 сентября.
Социалистическая Осетия. 1946. 30 ноября.
Социалистическая Осетия. 1951. 30 декабря.

Монографии и статьи

Абаев В.И. Из осетинского эпоса. 10 нартовских сказаний. М.-Л., 1939.

Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор Литература. Владикавказ, 1990.

Абаев В.И. Краеведение у горских народов // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1926. Вып. 2. С. 17-22.

Абаев В.И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, 1945. Т.10. Вып. 1.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.

Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.

Анчабадзе Ю.Д. Кавказовед Г.А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы. М., 2002. Вып. 1. С.134-151

Батагова Т. Композиторы Осетии. Владикавказ, 2000.

Батагова Т. Осетинская симфоническая музыка XX века. М., 2010.

Багиев А.С. Вопросы комического в осетинской драматургии и сценическом искусстве // Вопросы осетинской советской литературы. Орджоникидзе, 1981. Т. 37. С. 113-145.

Бекоев Г.Г. Поэт-гражданин // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1. С. 28-39.

Бзаров Р. О Гайто Газданове // Литературная Осетия. 1988. № 71. С. 90-97.

Бзаров Р.С. Очерки истории осетинской школы // Историко-филологический архив. 2005. № 3. С. 30-77.

Бигулаева И.С. Коста Хетагуров. Научная биография. Владикавказ, 2015.

Булдаков В.П. Революция, которую мы выбираем Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история, 2018. № 6. С. 3-26.

Бязрова Л.В. Творчество Махарбека Туганова в контексте времени // Национальный колорит. 2011. № 1(11). С. 12-27.

Вдовин А.И. Русская нация в XX веке. Русское, советское, российское в этнополитической истории России. М., 2019.

Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.

Вдовин А.И. СССР. История великой державы. (1922-1991 гг.). М., 2023.

Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур, 2007.

Верт.Н. История советского государства. М., 1995.

Воронец С.Н. Военно-промышленный комплекс СССР и Ленинграда накануне Великой Отечественной войны: создание системы государственных трудовых резервов// Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2008. № 55. С. 54-60.

Время вперед! Культурная политика в СССР. М., 2013.

Гадиев Ц. Сека Гадиев – осетинский поэт-самоучка // Известия Горского педагогического института. 1929. № 5. С. 234-247.

Гадиев Цомак. Коста Хетагуров, певец осетинской горской бедноты // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения, 1926. Вып. 2. С. 445–463.

Газданова В.С. Золотой дождь. Исследования по традиционной культуре. Владикавказ, 2007.

Газданова З.Т. Дорога длиною в 70 лет // 70 лет. Союз художников РСО-Алания. 1939-2009. Ростов-на-Дону, 2009. С. 4-12.

Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. М., 2008.

Газданов и мировая культура. Сб. науч. стат. Калининград, 2000.

Галазов А.Х. На пути к всеобщему среднему. Орджоникидзе, 1967.

Гаппоев Т.Т., Тотоев Ф.В. Величие и трагизм судьбы профессора истории // Книга памяти жертв политических репрессий РСО-Алания. 2000. Т. 1.

Герандоков М.Х, Герандокова В.З. Культурная революция в национальных регионах: миф или реальность. Нальчик, 2003.

Гиреев Д. Литературное наследие Махарбека Туганова // Литературная Осетия. 1976. № 47. С. 100-109.

Гиреев Д.А. Н. Тихонов и Е. Уруймагова // Творчество Николая Тихонова. Исследования и сообщения. Встречи с Тихоновым. Библиография. Л., 1973. С. 316-324.

Гобети З.Б. Становление и развитие народного образования на Северном Кавказе (20-е годы XX века) // Вестник Владикавказского научного центра. 2006. Т. 6. № 4. С. 14-17.

Гостиева Л.К. Деятельность Осетинского историко-филологического общества по сохранению творческого наследия К.Л. Хетагурова // Осетиноведение – от прошлого к будущему. Владикавказ, 2011. С. 84-93.

Гражданская война на Северном Кавказе: грани осмысления: Материалы Международной научной конференции 13 октября 2017 года / под ред. З. В. Кануковой. Владикавказ, 2017.

Гулуев А. Творчество Хетагурова // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения, 1925. Вып. 1. С. 40-47.

Дедегкаев С.Т. Борьба Коммунистической партии за создание советской национальной интеллигенции в Северной Осетии: отдельный оттиск из «Известия Северо-Осетинского НИИ». Орджоникидзе, 1957. Т. 19.

Джамбулатова З.К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии (1920-1940). Грозный, 1974.

Джанаев А.К. Введение // Б.В. Скитский. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 3-11.

Джикаева А. Об антимарксистских извращениях в книге Б. Цуциева // Коммунист, 1953, № 5.

Джулай Л.Н. Познание поэтики. Поиски образа в документальном телефильме// Литературная Осетия. 1975. № 46. С. 103-109.

Джулай Л.Н. Рождается сегодня... Очерк истории художественного кинематографа Северной Осетии // Вопросы осетинского советского искусства. Т. 38. Орджоникидзе, 1981. С. 152-171.

Джусойты Н.Г. Уроки Васо Абаева // Фарн Васо. Цхинвал, 2020. Т.2. Ч. 1. С. 179-182.

Дзагуров Г.А. Материалы для биографий осетинских писателей Коста Хетагурова и Елбыздуко Бритаева // Известия Северо-Кавказского педагогического Института, 1924. Т. 2. С. 73–77.

Дзантиев А.А. Азанбек Васильевич Джанаев. Орджоникидзе, 1989.

Дзантиев А.А. Образ вождя. Орджоникидзе, 1972.

Дзантиев А.А. Художники Северной Осетии. Л., 1988.

Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. Владикавказ, 1995.

Драч Г.В., Корытина М.А. Культурная модернизация как процесс приобретения цивилизационной идентичности (на примере культуры Северной Осетии) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2011. № 6. С. 19-21.

Дьяконов И.М. По поводу воспоминаний О.М. Фрейденберг о Н.Я. Марре // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 178-181.

Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: Картина мира и власть. СПб., 2001.

Журавлев В.В. Человек. Культура. Политика. Сб. стат. и выст. М., 1998.

Зезина М.Р. Из истории общественного сознания периода «оттепели» // Вестник МГУ. Сер. 8. М., 1992. № 6. С. 17-28.

Зезина М.Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е – 1960-е гг. М., 1999.

Ибрагимов М.М., Нуридова А.Х. Грозненский нефтяной институт как ведущий научный центр Северного Кавказа (1960-1980-е гг.) // Грозный: история и современность. Историко-этнографический сборник, посвященный 200-летию основания г. Грозного. Грозный, 2017. С. 210-223.

Исаев М.И. Васо Абаев. Орджоникидзе, 1980.

История Дагестана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 2005. Т. 2.

История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Сборник статей и документов. Нальчик, 2005.

История Кабардино-Балкарской АССР. В 2-х тт. / гл. ред. Т.Х. Кумыков. М., 1967. Т. 2.

История России XX – начала XXI века / Под ред. Л.В. Милова. М., 2006.

История Северной Осетии. XX век / гл. ред. А.С. Дзасохов. М., 2003.

История советского рабочего класса. В 6-ти тт. / Редкол. Л.С. Рогачевская, Н.М. Сиволобов (отв. ред.) М., 1984. Т. 3.

Каймаразов Г. Ш. Интеллигенция Северного Кавказа в 60-70-е годы XX века (по материалам автономных республик региона). Махачкала, 2010.

Каймаразов Г.Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе. М., 1988.

Калинченко С.Б. Из истории науки на Северном Кавказе: научно-исследовательские институты: становление и деятельность (1920-1941 гг.). Ставрополь, 2006.

Калинченко С.Б. Роль Горского института краеведения в становлении научно-образовательного пространства Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 100-104.

Калоев Б.А. Василий Иванович Абаев и вопросы этнографии в его трудах. М., 2001.

Канукова З.В. Осетинское историко-филологическое общество // Известия СОИГСИ. 2007. Вып. 1 (40). С. 144-145.

Карпов Ю.Ю. Национальная политика советского государства на северокавказской периферии в 20-30-е гг. XX века: эволюция проблем и решений. СПб., 2017.

Кобахидзе Е.И. Из истории создания Терского областного музея // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22 (61). С. 149-171.

Кобахидзе Е.И. Первый Всеосетинский учительский съезд и задачи осетинской начальной школы // Известия СОИГСИ. 2018. № 30 (69). С. 147–174.

Козодой В.И. Стихия или заговор? Организационно-управленческий аспект российской революции 1917 г. // Российская история, 2018. № 6. С. 33-42.

Кокиев Г.А. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки Института истории Академии наук СССР. М., 1938. Т. 2. С. 15-208.

Кокиев Г.А. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1940.

Кокиев Г.А. Методы колониальной политики России на Северном Кавказе в XVIII в. // Известия Юго-Осетинского НИИИ краеведения. 1933. Вып. 1. С. 179-225.

Кокиев Г.А. Некоторые сведения о древних городищах Татартуп и Дзулата. // Записки Северо-Кавказского горского научно-исследовательского института. Ростов-н/Д, 1929. Т. 2. С. 205-214.

Кокиев Г.А. С.А. Туккаев – этнограф осетинского народа // Советская этнография. 1946. № 2. С. 182-187.

Кокиев Г.А. С.В. Кокиев – этнограф осетинского народа // Советская этнография. 1946. № 3. С. 133-137.

Колоницкий Б.И. 1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб., 2017.

Красовицкая Т.Ю. Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля–октября 1917 г. Стратегии, структуры, персонажи. М., 2015.

Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. М., 1997.

Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. Пятигорск, 2003.

Кулов Б.С. К высотам культуры. Орджоникидзе, 1979.

Луначарский А.В. Основные принципы единой трудовой школы. От Государственной комиссии по просвещению 16 октября 1918 г // Народное образование. 1999. № 10. С. 40-47.

Магомедов А.А. Центр образования, науки, культуры Северной Осетии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. № 3. С. 9-36.

Мальшева О.Г. «Нет нужды перечеркивать все историографические достижения прошлого» // Российская история, 2018. № 6. С. 27-32.

Мамбетов Г.Х., Хутуев Х.И. Братская помощь русского народа и других народов СССР в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984.

Мамбетов Г.Х. Г.А. Кокиев – выдающийся исследователь истории Кабарды // История Кабардино-Балкарии в трудах Г.А. Кокиева. Нальчик, 2005. С. 3-14.

Мамбетов Г.Х. Г.А. Кокиев и дискуссия 17 августа 1948 года о кабардинском феодализме // Вестник Института гуманитарных

исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2003. Вып. 10. С. 3-21.

Мамиева И.В. Генезис, структура и национальная специфика осетинского историко-революционного романа // Известия СО-ИГСИ. 2018. Вып. 27 (66). С. 112-127.

Мамиева И.В. Кудзаг Дзесов. Очерк творчества. Владикавказ, 1990.

Мамсиров Х.Б. Модернизация культур народов Северного Кавказа в 20-е годы XX века. Нальчик, 2008.

Мамулов П.Б. Осетинская народная музыка // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. 1925. Вып. 1. С. 365-370.

Марзоев С. Жизнь и литература // Дон. 1972. № 11. С. 180-183.

Марзойты С. Номенклатурные заметки // Дарьял. 2000. №1, 2.

Марр Н.Я. Краеведение. Л., 1925.

Махарбек Туганов. Статьи воспоминания, письма. Цхинвал, 1986.

Мелентьев А.В. Дагестанское ТВ: Молодежные программы (1985–1989) // Художественное творчество Дагестана и молодежь. Махачкала, 1991. С. 83-89.

Мирзабеков М.Я. Культурное развитие Дагестана в 1920-1930-е годы // Культура и власть в СССР 1920-1950-е годы. Материалы IX Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016 г., М., 2017. С. 193-199.

Мирзаканова Е.А. Современные этноязыковые процессы и проблема сохранения языка (на примере кабардинского языка) // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2004. Вып. 11. С. 126-139.

Новейшая история Отечества. В. 2-х тт. М., 1998. Т. 2.

Осетиноведение – от прошлого к будущему. Владикавказ, 2011.

Осетины. М., 2012.

От века к веку. Страницы истории образования в Северной Осетии. Владикавказ, 1999.

Ошроев Р.Г. Исторические тенденции развития высшего профессионального образования Кабардино-Балкарии как ключевого фактора формирования человеческого капитала // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 2019. № 6(92). С. 203-213.

Попов Д.А. Социалистический реализм: метод, стиль, идео-

логия? // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (38). Ч. 2. С. 162-166.

Раскатова Е.М. Советская власть и художественная интеллигенция: логика конфликта (конец 1960-х – начало 1980-х гг.). Иваново, 2009.

Рубаева Э.М., Гобети З.Б. Взаимодействие институтов власти и образования в Северной Осетии в 1920-1930-х гг. // Вестник Владикавказского научного центра. 2021. Т. 21. №. 4. С.37-43.

Руткевич М.Н. Социология образования и молодежи. Избранное (1965-2002). М., 2002.

Салагаева З.М. В.И. Абаев-литературовед // Поэтика жанра. Орджоникидзе, 1980. С. 9-27.

Сидорова Л. А. Советская историческая наука середины века. Синтез трех поколений историков. М., 2008.

Скитский Б.В. К вопросу о феодализме в Дигории // Известия СОНИИ, 1933. Т. 5. С. 41-58.

Скитский Б.В. Нартский эпос как исторический источник // Нартский эпос. Дзауджикау, 1949. С. 21-34.

Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

Скитский Б.В. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1947. Т. 11.

Советская культура в реконструктивный период. 1928-1941. М., 1988.

Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики. М., 2022.

Соколов А. К., Тяжельников В. С. Курс советской истории. 1941-1991. М., 1999.

Стрекалова Е.Н. Интеллигенция Ставрополя в 1920 г.: принимая новую социальную реальность // Новая культурно-интеллектуальная история российской провинции. Ставрополь, 2012. С.242-252.

Суменова З.Н. Езетхан Уруймагова. Жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1982.

Текиев В.Д. К сияющим вершинам. Орджоникидзе, 1989.

Тихонов В.В. Революция 1917 года в коммеморативных практиках и исторической политике советской эпохи // Российская история. 2017. № 2. С. 92-112.

Тотоев М. С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. Орджоникидзе, 1957.

Тотоев М.С. Выдающийся ученый-кавказовед // Ученые записки СОГПИ. 1967. Т. 27. Вып. 1. С. 237-248.

Тотоев М.С. Из истории дружбы осетинского народа с великим русским народом. 2-е. изд. Орджоникидзе, 1963.

Тотоев М.С. Очерк истории революционного движения в Северной Осетии (1917-1920). Орджоникидзе, 1957.

Тотоев М.С. Павшие на боевом посту (Памяти организаторов партии «Кермен» Д. Гибизова, К. Кесаева, А. Гостиева). Орджоникидзе: Ир, 1968.

Тотоев Ф.В. Гений, ставший жертвой наветов // Крикунов В.П. Первопроходцы научного познания исторических судеб народов Кавказа и Дона. Пятигорск, 2003. С. 78-89.

Тотоев Ф.В. Историческое осетиноведение и СОИГСИ // 80 лет служения отечественной науке. С. 11-47.

Фарн Вассо. В 3-х тт. Цхинвал, 2020.

Фидарова Р.Я. История осетинской художественной культуры. Владикавказ, 2008.

Хадарцева А. Творческая история «Осетинской лиры». Орджоникидзе, 1955.

Хадарцева А.А. Великая Отечественная война в современном осетинском романе (1960-1970-е годы) // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Орджоникидзе, 1988. С. 10-40.

Хадарцева А.А. Драматургия и театральная деятельность Коста Хетагурова // Известия СОНИИ. 1956. Т.18. С. 213-238.

Хадарцева А.А. История осетинской драмы. В 2-х ч. Орджоникидзе, 1983-1985.

Хадарцева А.А. К вопросу о судьбе литературного наследия Гайто Газданова // Литературная Осетия. 1988. № 71. С. 98-106.

Хадарцева А.А. Образ женщины в поэме “Фатима” и пьесе “Дуня” Коста Хетагурова // Мах дуг, 1956. № 4. С. 81-84.

Хадарцева А.А. Современный осетинский исторический роман (1960-1975) // Вопросы осетинского литературоведения. Орджоникидзе, 1978. Т. 33. С. 28-57.

Хадарцева А.А. Осетинский историко-революционный роман // Сборник трудов СОНИИ. 1981. Т. 37. С. 5-40.

Хадикова А.Х. Основные принципы социализации в нартовском эпосе осетин // Нартоведение на рубеже XX-XXI вв. 2017. № 4. С. 259-266.

Хадонова Ф. Возвращения ждущий // Литературная Осетия. 1989. № 73. С. 118-123.

Хамицаева Т.А. Некоторые итоги и проблемы развития осетинской фольклористики // 80 лет служения отечественной науке. Владикавказ, 2005. С. 48-75.

Хамицаева Т.А. Сказители осетинского нартовского эпоса // Нарты. Осетинский героический эпос в 3-х книгах. М., 1991. Кн. 3. С. 135-153.

Хугаев И.С. Генезис и развитие русскоязычной осетинской литературы. Владикавказ, 2008.

Цагараев В.А. Искусство и время: Очерки по истории визуальной культуры алан-осетин. Владикавказ, 2003.

Цориева И.Т. Культура Северной Осетии во второй половине 1940-х – первой половине 1980-х гг. Владикавказ, 2014.

Цориева И.Т. Нартовский эпос в исследованиях Северо-Осетинского научно-исследовательского института (1940-е – 1980-е годы) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации. Владикавказ, 2013. Вып. 2. С. 111-126.

Цориева И.Т. Наука и образование в культурном пространстве Северной Осетии (вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.). Владикавказ, 2012.

Цориева И.Т. Национальная школа Северной Осетии в контексте советской культурной политики 1920-1930-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12. Вып. 3. С. 478-496.

Цориева И.Т. О проблеме подготовки национальных кадров специалистов на Северном Кавказе во второй половине 1940-1950-х гг. // Преподаватель XXI век. 2010. Вып. 3. Ч. 1. С. 158-164.

Цориева И.Т. Подготовка национальных кадров высшей квалификации для республик Северного Кавказа во второй половине 1940-х – 1950-х гг. // Известия СОИГСИ. 2021. № 41 (80). С. 45-55.

Цориева И.Т. Революция и Гражданская война в изобразительном искусстве Осетии 1920-1980-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 1(87). С. 49-52.

Цориева И.Т. Тенденции развития советского театрального искусства во второй половине 1940-х – первой половине 1950-х гг. (по материалам Северной Осетии) // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2016. № 1(9). С. 11-12.

Цориева И.Т. Художник Махарбек Туганов – иллюстратор нартовского эпоса // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22(61). С. 172-184.

Черджиев Х.С. Очерки по истории народного образования в Северной Осетии. Орджоникидзе, 1958.

Черджиев Х.С. Решающие успехи культурной революции в Северной Осетии (1933-1941) // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. 1960. Т. 22. Вып. 4. С. 108–121.

Черноус В.В. Россия и народы Северного Кавказа: Проблема культурно-цивилизационного диалога // Научная мысль Кавказа, 1999. № 3. С. 154-167.

Шубин А.В. Старт Страны Советов. Октябрь 1917 – март 1918. СПб., 2017.

Эггелинг В. Политика и культура при Хрущеве и Брежневе. 1953-1970. М., 1999.

Электронные ресурсы

Бетчер Н. В кадре и за кадром осетинского кино // IRATTA.COM // [http://iratta.com/sevos/16430-v-kadre i-za-kadrom-osetinskogo-kino.html](http://iratta.com/sevos/16430-v-kadre-i-za-kadrom-osetinskogo-kino.html)

Газданова З. «Мне повезло, что работала в интересное время и полностью с удивительными людьми». [Электронный ресурс]: <http://cebu-market.com/zara-gazdanova-mne-povezlo-hto-rabotala-v-interesnoe-vremya-i-polnostyu-s-udivitelnymi-lyudmi/>

Гайсулаев Г. Мир через искусство. Интервью с секретарем Северокавказского отделения Союза кинематографистов РФ Р.С. Гаспарянцем. [Электронный ресурс]: <http://rukavkaz.ru/articles/comments/1538/>

Резник О. Интервью с Царикаевым. [Электронный ресурс]: <http://osetia.kvaisa.ru/1-rubriki/03-vstrecha-dlya-vas/mairbek-carikaev-v-sssr-soyuz-xudozhnikov-severnoj-osetii-vsegda-byldnim-iz-samyx-silnyx/>

Соболев В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000, т.70, № 6, с.535-541. URL: <http://old.ihst.ru/projects/sohist/papers/sob00vr.htm>.

Статистическая таблица ЦСУ СССР «Среднемесячная денежная заработная плата рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР в 1940, 1945, 1950–1955 гг.» // <https://ihistorian.livejournal.com/412544.html>

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев В.И. (Васо) 81, 82, 101, 110, 111, 116, 136, 148, 152-154, 326-337, 339-346, 356, 357, 360, 370, 423, 431
- Абаев И.М. 349
- Абаев М. 296
- Абаев Ш. 378
- Абазатов М.А. 380
- АбоевЗ.П. 232, 249, 254
- Абу-Бакар А. 132, 296
- Абхазов И.Н. 321, 373
- Авсарагов В.А. 349
- Агеенко И.А. 164
- Агеенков В.Г. 159, 168
- Агузаров А.Т. 203, 204, 217, 271, 275, 276, 278, 281, 283-287, 293, 296
- Адырхаева С. 409
- Азгур З.И. 256
- Алагов Т.Х. 72
- Алборов Б.А. 93, 95, 101, 104, 110, 111, 116, 139, 151, 349, 410
- Алборов Ф.Ш. 296
- Алиев У.А. 93
- Аликов А. 245, 248
- Аликов Хазби 150, 178, 247, 373, 426
- Амбалов Ц.Б. 98, 111, 113, 115, 116
- Андиев С.П. 238
- Анчабадзе З.В. 358, 380
- Анчабадзе Ю. 316, 318
- Аракчиев Д. 100
- Ардасенов А. 376
- Ардасенов Х.Н. 151, 152, 167, 192, 357, 370, 414
- Арсагов Г. 378
- Астафьев В.П. 210
- Ахвледиани Г.С. 111, 333
- Ахматова А. 171
- Ашаев 93
- Ашбе Антон 420, 421
- Бадоев К. 211, 218
- Баев Гаппо 104, 408
- Байматов Цыппу 426
- Баллаев В. 246
- Баллаев Т. 175
- Бараков Г.Ф. 111, 141, 432, 442
- Баракова А.Г. 141, 145
- Баракова Е. 105, 141, 432, 433
- Баранов А. 211
- Барбашов П. 233

Барбутлы М. 271	Блиев М.М. 363
Басиев О.А. 283, 287	Блюме П.М. 243, 434
Басиев Т. 289	Божиев Саулох 417
Басиева Чабахан 293	Бокарев Е.А. 344
Баталбекова И. 132	Ботоев Н. 378
БедоевШ.Е.232, 238, 254	Ботоева Аза 275
Бекоев Г.Г. 21, 84, 87,103,110, 405	Боциев Б. 247, 392, 412
Беме Л.Б. 84–86	Боциев Ю. 277
Берекетов Х.Г. 380	Брин Б.М. 140
Бериев А. 193	Бритаев Е.Ц. 96, 102, 152, 246, 255, 403, 411, 424,426
Бертель В.П. 349	Бритаев С.А. 151, 172, 174, 178
Бесаев Т. 200, 212, 392	Бритаева З.Е. 202, 238
Бестаев Г. 189	Бровман Г.А. 198
Бетоева М.Д. 273, 274, 286	Бродский Исаак 419
Бехтеев В. 421	Бтемиров В. 113
Бзаров Б. 277, 295	Бугданов Г.Б. 140, 163
Бигаев Ю.Г. 256	Будков П.Г. 107
Билаонова Д. 132	Букалова В.М. 322
Билибин И.Я. 421	Булацев Т. 70
Билль-Белоцерковский В.Н. 252	Булгаков М.А. 246, 252, 424
Бирюкова В. 291	Бурнацев И. 277, 294–296
Битаев А. 113	Бутаев Казбек 424
Битиев С.Н. 148, 323	Вардзиев И. 426
Битиева Е.С. 72, 238	Варлаков Ф.П. 444
Бицоев Г. 200, 211	Васильев В.А. 403

- Ватаев Б. 238, 296
 Вережкина М. 421
 Вершинин В. 202
 Виддинов Н.В. 87
 Виноградов В.В. 341, 343
 Вишневский В. 252
 Вознесенский А. 189
 Волков Л. 91
 Вopilов 422
 Вороков В. 294, 295
 Габараев Д. 296
 Габараев И. 132, 271, 280, 296
 Габеев С. 72
 Гагиев Б. 249
 Гагкаев К. 341
 Гаглоев В. 255
 ГаглоевФ. 238
 Гадиев М.Ю. (Цомак) 21, 102, 103, 257, 349, 405, 412
 ГаздановБ. 193
 Газданов Гайто 412, 413
 Газданова 233
 Газданова З.Т. 205, 209, 440
 Газзаев А.А. 147, 370
 Гайтукаев А. 296
 Галазов 21
 Галазов А.Х. 37, 199
 Галаов А. 291
 Галлен-Каллела Аксели 421
 Гальцев В.С. 148, 320, 357, 360, 363, 370
 Гамзатов Р. 132, 271, 272
 Гамидов М. 287
 Гапбаев И.А. 203, 205, 274, 275
 Гарданов К.С. 96
 Гарданов М. 19, 98, 111, 115, 378
 Гаспарянц Р. 277, 294-296
 Гассиев А. 376
 ГассиевУ. 238
 Гатуев А. 107
 Гатуев Дзахо 412
 Гатуев С.А. 83–85, 93, 163
 Герасимов А.М. 437
 Герасимов С.А. 171
 Гетоев Х. 212
 Гибизов Д. 378
 Гиреев Д.А. 386, 420
 Гогичаев И. 194
 Гоконяева Кяба 249, 428, 444
 Голованов В. 295
 Гольдблат Я.С. 418
 Горбунов К. 395

Гордлевский В.А. 406	Дескубес Е.И. 256
Горковенко Ю. 296	Дешериев Ю.Д. 344
Горнунг Б.В. 344	Джанаев А.В. 132, 202, 234, 248, 249, 256, 288, 289, 434–445, 447
Гостиев А. 378	Джанаев А.К. 149, 168, 320, 357, 363, 370
Грабарь И. 420	Джанаев В.К. 434
Грабовский И.С. 139	Джанаев И. (Нигер) 111, 168, 172, 173, 403, 404
Градовский Н.Ф. 24	Джатиев Т. 172, 173, 212, 214, 218, 251, 391
Гранин Д. 210	Джемал М. 132
Григорьян 422	Джикаев М.Ф. 254
Гримм Якоб 334	Джикаев Ш.Ф. 200, 217, 407
Гулуев А. 103, 111, 113, 172, 174, 176, 178, 213, 407, 424,	Джикаева А. 152, 342
Гуржибеков Б. 107	Джимиев Г. 246, 248
Гуриев Г. 19, 98	Джимиева К. 288
Гуриев М.Г. 116	Джиоев Н.З. 102
Гутиев К.Ц. 407	Джулай Л.Н. 292
Гутнов Е. 113	Джусойты Н.Г. 188, 213, 337, 393, 429, 430
Гутнов Х. 323	Дзагуров Г.А. 22, 95, 98, 102, 110, 111, 116
Гущин А.С. 439	Дзагуров Д.А. 113
Давидсон А.М. 159	Дзагурова Х.А. 95
Дагиров Н. 132	Дзанагов Ч.У. 193, 234, 235, 238, 249, 256, 259, 443
Даирбеков Гази-Магомед 330	Дзантиева А.А. 193, 420, 430, 438, 441
Дарчиев Д. 174, 212	
Дауев Дукундр 417	
Делакруа 436	
Деникин А.И. 83, 95	

- Дзантиев А.У. 237
 Дзантиев Д.У. 255, 435
 Дзантиев Ю.А. 132, 232, 254, 259, 444
 Дзантиева Т.И. 95
 Дзарасов С. 238
 Дзарахохов Х.-М. 292, 444
 Дзбоев Б. 277, 295, 296
 Дзбоев К. 70
 Дзбоев М.Н. 232, 233, 238, 249, 254
 Дзесов К. 193, 212, 217, 218
 Дзиваев А. 296
 Дзиов Б.Г. 238
 Дзитоев Ю. 193
 Дзобаев В. 271
 Дзокаев К.Х. 407
 Дзугутов Бибо 116
 Дзусов Рамон 116
 Диенеш Л. 413
 Динензон А.И. 141
 Довженко А. 171
 Доев А.Б. 139
 Доре 436
 Дружинина Е.И. 358
 Дубровин Н. 354
 Дубровина И. 202
 Дудаев М. 291, 296
 Духовский А.И. 84, 85
 Дьячков-Тарасов А.Н. 91, 93
 Дюрер 436
 Егоров К. 322
 Едзиев Г. 180
 Емекеев В.И. 141, 159
 Епхиев Т. 172, 173, 177, 178, 251, 411
 Еремеев В. 271
 Ермолов А.П. 321
 Ерохин П.М. 91
 Есиев С. 275, 277, 280, 289
 Есьман И.Г. 163
 Ефимцов Т. 211, 213
 Жантиев А.Г. 91
 Жирмунский В.М. 344
 Закалинский А. 409
 Зарон П.М. 193, 238, 256
 Захаров Г.А. 256
 Зевакин Е.С. 322
 Зощенко М. 171
 Зязиков В.И. 349
 Икаев М. 289
 Иксуль В.Я. 288

Ильичев Л.Ф. 188	Кардовский Д.Н. 420
Иогансон Б.В. 441	Карду П. 293
Кабалоев Б.Е. 190, 203, 204, 206,
207, 274, 275, 284, 287	Кариаева Т. 246
Кабоев В. 72	Карсанов А.Г. 95
Кабулов М. 238	Карсанов К.Д. 248
Кажлаев М. 132, 271, 296	Кац М. 248
Казбеков Г.В. 380	Кеворков Т.202
Казбеков К.Т. 115, 151, 168, 248	Керефов К.Н. 380
Кайтмазов А. 98	Кесаев К. 378
Кайтов С.Т. 211	Кесаева К. 72
Кайтуков А.Б.285, 295	Кешоков Р. 295, 296
Кайтуков Г.Х. 202, 212, 213	Кириченко А.Н. 88
Калатозов М.К. 293	Киров С.М. 249–251, 254, 319,
389, 398, 399
Калицев А. 288	Кисиев В. 238
Каллагов Иналдыко 98, 100	Клапрот Ю. 325
Каллагова 233	Кнорринг К.Ф. 321
Калманов Б.Н. 193,202, 233, 234,
249,256	Ковалевский М. 354
Калоев Б. 288	Коджоян Акоп 419, 421, 422
Калоева З. 70	Кодзати А. 189, 200, 213, 217
Камбердиев М. 202, 412	Козаев З. 70
Кандинский В. 420	Козаев И. 254
Кануков И.А. (Инал) 102, 107,
151, 359,376	Козлов В.В. 256
Каргинова В. 246	Козонов Ш. 288
Кардинале Клаудиа 293	Кокиев Г.А. 96, 111, 148,149,
154, 312-325, 354, 370, 372

- Кокиев С.В. 98, 317
 Кокойти А. 193, 250, 254
 Кокойти Т. 250
 Колесников Е. 100, 250
 Комаева В. 288
 Конашевич В.М. 439
 Коннери Шон 293
 Коновалов Ф.Я. 162
 Константинов П. 101
 Корзун В. 248
 Корнейчук А. 252
 Коровин А.А. 284
 Короев Д.Г. 96
 Короев Х. 271
 Короленко Е.Ф. 349
 Коцоев А. 111
 Коцоева Е.А. 103
 Коченов М. 104
 Кочетов Н.Е. 248, 249, 256, 444
 Кочиев Б. 21
 Кочисова Роза 102, 152, 412
 Крахт В. 409
 Крейтер В.М. 140
 Крикунов В.П. 347, 353, 368, 374, 380, 381
 Крупнов Е.Ф. 322
 Кубалов А.З. 96, 110, 442
 Кудрявцев С.И. 349
 Кузнецов Н.А. 204, 207
 Кузнецова Л.М. 141
 Кулаев Е.В. 293
 Кулаевы Гагу и Кала 246
 Кулиев К. 13
 Кулиев Л. 250
 Кулов К.Д. 147, 250, 360, 370
 Кулов С.Д. 357, 363, 370
 Кулумбекова М.Г. 34
 Кундухов М. 102, 149
 Кургосова М. 246
 Кусов Д. 177, 246, 247, 251, 252, 257
 Кусов Хадзбатыр 250
 Кустов М.И. 363
 Кутаров С. 378
 Куфтин Б. 111, 116
 Кучиев А.Г. (Аврам) 135
 Кучиев А.Г. (Агубе) 204, 287
 Кучиев Ю.С. 238
 Кушева Е.Н. 358
 Кцоев В. 238
 Лавров Д. 354
 Лавров Л.И. 380

Ладыженский А.М. 91	Мамонтова А.В. 322
Лакисов В. 434	Мамсуров Д. 172, 173, 176, 247, 248, 392
Лансере Е.Е. 437	Мамсуров Темирболат 102, 108, 151, 359
Леков Ю. 205	Мамсуров Х-У.Д. 212
Ленарозский Р.И. 349	Мамулов П.Б. 100, 110
Ленин В.И. 30, 212, 234, 245, 250, 255, 256, 279, 444	Марзоев С.Т. 180, 202, 211
Леонов Л. 248	Маркус Я. 15
Леонтович Ф.И. 107	Марр Н.Я. 79, 102, 153, 331, 338, 339, 341–344
Лермонтов В.В. 248	Мартиросян Г.К. 84, 85, 93
Лермонтов М.Ю. 403, 439	Марцевич Э.Е. 293
Лехтеров Н. 72	Матросов А. 233
Либединский Ю.Н. 387-391, 395, 427	Маяковский В.В. 243, 412
Лопатинский Л.Б. 328	Медоев Георгий 330
Лорис-Меликов М.Т. 102	Мелентьев А.В. 272
Луков Л. 171	Мелентьев Ю.С. 204
Луначарский А.В. 14, 42, 245	Мерденов Ю. 277, 280, 295
Магомедов Р.М. 380	Меркун Р. 275, 277, 290, 291, 294, 296
Магометов А.Х. 380	Микеланджело 436
Малиев В.Г. 212, 217	Миллер А.А. 111, 116
Малиев Г.Г. 113, 442	Миллер Б.В. 344
Мальсагов З.К. 87	Миллер В.Ф. 116, 329, 333
Мамиева И.В. 217	Мильдзихов Х.З. 438
Мамиева Н.Ф. (Ладинка) 434	Мисилов М.А. 111, 116, 349
Мамилов С. 294	

Митрофанов А.П. 91	Омаев Д. 291, 296
Михалков Н.С. 293	Орджоникидзе Г.К. 249, 251 444
Моллаев Ю. 132	Орлов К.Х. 91
Молотов В.М. 30	Остапов В. 275, 280
Моор Д.С. 437	Остроушко И.А. 159
Моргоева И. 291, 296	Павлов Д.М. 85,349
Мошковский И.И. 164	Павлов И.П. 163
Мугуев Х.-М.М. 425	Павловский О. 278
Мулаев Б. 296	Панков А.Ф. 163, 248
Мурадели В. 171, 204, 409	Парастаева А.А. 95
Мурадян Р. 293	Паскевич И.Ф. 373
Муртазов Б. 172, 193, 200,213	Пастон В. 277, 279, 280
Мухина В.И. 437	Пашкевич К. 363
Мухтаров М. 425	Переяславец В. 436
Мясоедов Григорий 419	Петров-Водкин К. 420
Некрасов В.П. 210	Писаревский Г.Г. 349
Некрасов Н.А. 402	Пламеневский Л.Н. 84, 85
Немировский М.Я. 349	Платонов С. 331
Немысский М. 277, 291, 295	Плиев Г.Д. 193, 200, 212,247, 255
Несмеянов А.Н. 341	Плиев И.А. 212, 248
Нестеренко Н.И. 238	Плиев Х.Д. (Хадо) 174, 178
Ногаев Ф.Д. 62, 72	Плиев Х.С. (Христофор) 132, 202, 250, 254,289
Ногмов Шора 317	Плиева Ж. 250, 254
Оболенский Н.Н. 163	Погодин Н. 248, 257
Овсянников Л.Ф. 439	
Одинцов В.Е. 236	

Погорелый А.Д. 159, 168	Рембрандт 436
Погребенко Н. 320	Репин Илья 419
Пожидаев В.П. 84–86, 349	Рерих Николай 421
Покровский М.Н. 312, 316, 318, 351, 355	Ржешевский А. 248
Покровский Н.И. 363	Рклицкий М.В. 110
Полетико А. 434	Рошаль Г. 288
Поляниченко А. 226, 248	Рудаков К.И. 439
Попов А.В. 380	Руткевич М.Н. 54
Попова А. 106	Рябов М.А. 84, 86
Поспишил Франтишек 114	Рязанцев Н.В. 163
Притула И. 277, 295, 296	Савельева Э. 296
Прокофьев С.С. 171	Саккаев Э.А. 237, 254
Пронштейн А.П. 380	Салагаева З.М. 410
Пропп В.Я. 344	Саламов А.Б. 162, 169
Пушкин А.С. 30	Саламов Н. 194, 255, 291
Пфаф В.Б. 354	Самурский А.Я. 93
Пчелина Е. 111, 116	Санакоев И.М. 103
Пятницкий Е.П. 101	Санакоева С.П. 193, 234, 235, 238, 256
Раздольский В.А. 257	Сарыджа А. 132
Раздорский В.Ф. 84, 87, 163, 169	Саулаев Дзарах 417
Рамазанов Х.Х. 380	Сафронов А.С. 246
Рамонов Хадзимет 177, 251, 252, 257	Сахаров Е. 252
Рахман В.И. 164	Сварчевский Б.А. 349
Резницкая Е.Я. 165	Себетов А. 295
	Секинаев В. 211

- Семенов Л.П. 84, 85, 111, 136, 320, 349, 357, 370, 403, 405, 407
- Сеолева 233
- Серафимович А. 424
- Серебренников Б.А. 342–344
- Серов В.А. 185
- Симонов К. 248
- Симонович Ф.Ф. 321
- Скитский Б.В. 111, 148, 149, 154, 320, 323, 347, 349–364, 367, 368, 370, 372, 374, 380, 403
- Скорняков П.К. 384
- Сланов Гаха 98, 99
- Смирнов Н.А. 322
- Смирнов П.П. 349
- Собиев И.Т. 116
- Солженицын А. 210
- Соловьев 395
- Соломин Ю.М. 293
- Сталин И.В. 15, 30, 151, 152, 339, 341
- Стефановский 100
- Стрельцов А.В. 349
- Студенецкая Е.Н. 322
- Суанов Ф. 288
- Султанов Т. 294–296
- Сумбат-Заде А.С. 380
- Суменова З.Н. 384, 407
- Суслов М.А. 250, 251
- Сухотин В. 342
- Тавасилов С.Д. 132, 243–245, 330, 425, 435
- Такоев С.А. (Симон) 349, 378, 422
- Таривердиев М. 293
- Тарле Е.В. 331
- Тарноградский Д.А. 84, 86, 139, 163
- Татаев И. 294
- Татищев В.Н. 363
- Тахо-Годи А.А. 80, 93
- Тедтоев А.А. 363
- Темирова Бари 280
- Темиряев Д. 211, 215, 255
- Темиряев М. 276, 277, 279, 280, 284, 288, 291, 293, 295
- Тетцоев Т.Г. 212, 217
- Тибиллов А.А. 96, 101, 102
- Тибилова-Туаева А.Н. 431
- Тихонов В. 241
- Тихонов Н.С. 385–391, 394, 400
- Ткачев С.П. 239
- Тогоев Д. 378
- Тоидзе Моисей 419

Токаев Алихан 107, 151, 152	Туккаев С.А. 98, 317, 322
Токаев Ашах 255	Туменова Е. 289
Толстой Л.Н. 412	Тухужев А. 296
Томаев Г. 108	Тхапсаев В. 202, 238, 246, 296
Томаев Кылци 99	Уадаев Кубади 98
Тотиев А. 248	Уварова П.С. 107
Тотиев Б.А. 202, 233, 234, 238	Ужегов С.Е. 203, 207, 208, 287
Тотоев М.С. 135, 148, 150, 152, 320, 323, 357, 360, 363, 365–381	Уруймагов Алимарза 382
Тотров Б. 96	Уруймагов Харитон 313, 422
Тотров Р. 217	Уруймагова Е.А. (Езетхан) 250, 257, 382–401
Тоцкий И. 116	Урумова М. 218
Трегубов С.М. 164	Фадеев А.А. 174, 252
Тренев К. 248, 252	Фадеев А.В. 358
Трофименко К.И. 162, 169	Файнберг В. 295
Труфанов Г.С. 248	Фарнион Коста 247, 392
Туаев Д. 172, 173, 176, 247, 255, 410, 411	Фатуев Р. 272
Туаева 21	Фидаров Б. 238
Туаева О.Н. 21	Финкельберг П. 271
Туганов М.С. 98, 105, 107, 110, 243, 248, 416–435, 440, 444	Финч Питер 293
Туганов Сафар 417	Фиров Р. 296
Туганов Татаркан 98, 100	Формозов А.Н. 88
Туганов Хаджи-Мурза 100	Фрейман А.А. 116
Туганов Энвер 432	Фриев Х. 218
	Фурцева Е.А. 206
	Хавчаев С. 285

Хадарцев А.З. 402	Хугаев И.С. 393
Хадарцева А.А. 402-415	Хутуев Х.И. 380
Хаев В.К. 238, 249	Цагараев В. 420
Хаким Мусса 420	Цагараев Г.Н. 280
Хамикоев Дз. 296	Цагараев М.Н. 132, 189, 193,
202, 211, 271, 289, 291, 396, 397,
442
Хамицаева Т.А. 99, 410	
Хасиев А. 70	Цаголов В.М. 198, 212, 214
Хасиева Раиса 435	Цаголов Г.А. 249, 378
Хаханов Д. 193, 202, 226, 250,
254, 409	Цаголов Г.М. 96, 152, 412, 422,
425, 432
Хетагуров Андукапар 330	Цаголов Н.А. 349
Хетагуров Г.И. 212	Цаликов А. 103, 105
Хетагуров Д.Б. 178	Цаликов Кантемир 250
Хетагуров К.А. 238, 249	Цаликов М. 194, 289
Хетагуров К.Л. 102-108,
113, 116, 155, 177, 189,
202, 257, 289, 330, 376, 403-410,
418, 435, 443	Цаликова А.А. 103, 407
Ходов К.Х. 189, 200, 202, 213, 217	Цаликова Е.А. 104, 105, 407
Ходов Н.В. 233	Цаликова Ю.А. 104, 407
Хостикоева З.А. 213	Царикаев М.О. 205, 235, 239,
275
Хохов А.-Г.З. 247, 249, 435, 440,
441, 444	Царукаев А. 174, 193, 200, 213,
217
Хрущев Н.С. 162, 187	Цахилова З. 293
Хубецова З.В. 281	Цирихов М. 202
Хубецова Р. 132, 194, 211, 255	Цихиев М. 296
Хугаев Г.Д. 194	Цицианов П.Д. 321
	Цогоев А.К. 95

Цомаев Х.Д. 96	Шарапов И.П. 139
Цопанов Х. 255	Шароев И.Г. 289
Цораев Д.А. 233, 238	Шатров Г. 289, 292
Цорионти Р. 193, 226, 254	Шатров М. 257
Цуциев Б.А. 152, 380	Шебалин В. 171
Цыринов Магомет 426	Шериева И. 132
Чаплиев В.П. 20	Шиллер Фр. 113
Чаккиев С. 291, 294	Шихалиев А. 296
Чеботарев В. 291, 294	Шолохов М.А. 412
Чернецкая З.С. 163	Шостакович Д. 171
Черчесов Г.Е. 211, 212, 214, 292, 296	Штакельберг Р.Р. 107
Чехов А.П. 412	Штебер Э.А. 163
Чикобава А.С. 339	Штедер Л. 325
Чистяков Павел 419	Шугаев Е.С. 238
Чочиев Р. 180	Щеблыкин И.П. 85, 349, 434
Чулюкин Ю. 289, 291, 292, 294, 295	Щепкин О.И. 91
Чюрленис Микалоюс 421	Эйзенштейн С. 171
Шавлохов М. 427	Эреба Н.В. 141
Шагинян М. 405	Юткевич С. 171
Шамиль 150, 351, 368, 372	Явленский В. 421
Шанаев Б.А. 254	Ядых П. 202
ШанаевГацыр 98, 107, 376, 417	Яковлев Н.Ф. 88
Шанаев Джантемир 98, 376, 417	Яндиева Т. 296
Шанаев Уари 412	

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАНИ РСО-А – Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

Главлит – Главное управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР

Главнаука – Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований

ОблОНО – Областной отдел народного образования

ОИФО – Осетинское историко-филологическое общество

ПТУ – Профессионально-техническое училище

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории

СОГУ – Северо-Осетинский государственный университет

СОНИИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований

Темаф – Театр малых форм

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания

Научное издание

Цориева Инга Тотразовна

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ: ОТРАЖЕНИЯ

**Из истории науки, образования, литературы
и искусства в Северной Осетии (1920–1980-е годы)**

Издано в авторской редакции

Технический редактор – *А.Ю. Цопанова*

Компьютерная верстка – *А.В. Черная*

Дизайн обложки – *Д.А. Джисоева*

Подписано в печать 22.05.2024.

Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Бум. офс. Печать цифровая.

Гарнитура «Times». Усл. п.л. 28,0.

Тираж 300 экз. Заказ № 38.

Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований им.В.И.Абаева – Филиал ФГБУН ФНИЦ
«Владикавказский научный центр российской академии наук»
362040, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362000, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3